ПЕРЕПИСКА
Г. В. ПЛЕХАНОВА
И
П. Б. АКСЕЛЬРОДА

ТОМ II

ИЗДАНИЕ Р. М. ПЛЕХАНОВОЙ
МОСКВА—1925

ПЕРЕПИСКА
Г. В. ПЛЕХАНОВА
И
П. Б. АКСЕЛЬРОДА

РЕДАКЦИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
П. А. БЕРЛИНА, В. С. ВОЙТИНСКОГО
и Б. И. НИКОЛАЕВСКОГО

ИЗДАНИЕ Р. М. ПЛЕХАНОВОЙ
МОСКВА 1925

Москва. Главлит № 37.132 5.000 экз.

„Мосполиграф“, 16-я типография, Трехпрудный, 9.

П. Б. АКСЕЛЬРОД и его семья.

94. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

Дорогой Жорж!

Прилагаемое письмо С. Н. [Прокоповича] посылаю тебе по просьбе его и Е. Д. [Кусковой-Прокопович]. Распутывать его содержание не стоит [1]). Думаю, что Кольцов с В. Ив. [Засулич] припомнят и раз'яснят тебе, если любопытствуешь.

Получил я от Брауна [2]) из „V[orwärts]" письмо и корректуру корресп[онденции] о польском с'езде, о резолюциях которого я намеревался писать [3]). Ты помнишь, что мы решили, чтобы против инкриминированных резолюций протестовали литовцы и евреи, а от нас статья должна быть написана по поводу русского с'езда [4]). Во всяком случае, следи за ближайшими номерами „V[orwärts]". Может, корреспон[денция] поляков вдохновит тебя на статью [5]). Я же теперь головой в брошюре о современных задачах русск[их] социальд[емократов]. Только, помимо кефира, геноссы не дают мне душевного спокойствия.

Часа $1^1/_2$ тому назад у меня был Пескин [6]) и самым решительным образом заявил, что он и Гришин [7]) не могут оставаться в Союзе, если впредь будет продолжаться такая „анархия", под которой они подразумевают секретарство К[ольцо]ва. Они настаивают, чтобы я от их имени предложил К[ольцо]ву пустить на голосование вопрос о выборе нового секретаря. Не знаю, что и делать. Не посоветуешь ли, как поступить. А может ты сам перетолкуешь с Кольцов[ым] и Блюменф[ельдом]. Я жду от тебя ответа.

Каутский сообразил, наконец, что он то и есть пресловутый „редактор", что у него имеется верный человек для Uebermittelung [передачи] [8]).

Розалии Марковне [Плехановой] наш общий привет и большущее спасибо за хороший прием и хлопоты по делу известной особы [9]).

Письмо С. Н. [Прокоповича] не мешает переслать В. Ив. [Засулич].

Жму руку.

Твой П. А.

Говорил ты Блюменф[ельду] об отчете [10])?

Каутский смущенно напоминает мне о Ланге, т.-е. статье о нем [11]).

Слыхал ли ты что нибудь об аресте профессора Исаева [12])?

Примечания.

1. Это письмо не сохранилось, в нем имелось указание, что С. Н. Прокопович, вступая в «Союз русских с.-д.», не знал, что «Союз» принимает программу Группы «Освобождение Труда» 1885 г., и что он с этой программой несогласен. Именно на это письмо «Союз», по инициативе Г. В. Плеханова, предполагал реагировать заявлением, печатаемым нами в примечаниях к письму 98-му.

2. Адольф Браун—видный деятель германской с.-д. партии, член ее Vorstand'а; в 1890-х г.г. входил в редакцию «Vorwärts'а».

3. Речь идет о 4-м конгрессе Польской Социалистической Партии (P. P. S.), который состоялся в начале 1898 г.; корреспонденция о нем (за подписью B. A. J.) помещена в № 100 «Vorwärts'а» от 30. IV. 1898 г. Конгресс этот принял ряд важных резолюций, в том числе особую резолюцию о взаимоотношениях польских и русских социалистов; в этой последней конгресс заявлял о необходимости заключения «тесного договора» между Польской Социалистической Партией и «будущей русской социалистической партией», при чем со своей стороны обязательными условиями такого договора выдвигал следующие пункты:

«а) русская партия полностью признает наши стремления к независимости Польши;

. . . .

«с) русская партия признает за социалистическими группами других, нерусских национальностей право на создание самостоятельных организаций и на самостоятельное решение вопроса об отношении к русскому государству».

Одновременно были приняты резолюции об отношении к незадолго перед тем возникшим организациям «Литовской социал-демократии» и «Бунда», при чем по поводу первой конгресс заявил, что он «не видит оснований» для ее отдельного от P. P. S. существования; относительно же «Бунда» резолюция конгресса заявляла, что, в виду того, что его деятельность «носит вредный характер для движения, потому что программ-

ная и организационная изолированность его часто ставит этот союз («Бунд») в положение неприятеля по отношению к нам, то конгресс решил, что политика эта неверна, что она не солидарна с политикой польского и литовского пролетариата в его борьбе за освобождение от русского ига».

Эти резолюции об'ясняют слова П. Б. Аксельрода: «Мы решили [во время приезда Г. В. Плеханова в Цюрих, для составления «Майского Листка» *)], чтобы против инкриминируемых резолюций протестовали литовцы и евреи». Такие протесты действительно появились, но не в «Vorwärts'e», а в «Работнике», в № 5—6 которого помещены «Открытое письмо к Польской Социалистической Партии» от «Литовской С.-Д. Партии» и присланная «Бундом» статья «Борьба Польской Социалистической Партии против Еврейского Рабочего Союза» (автором последней статьи был Вл. Коссовский-Левинсон).

4. «Русский с'езд»—I с'езд РСДРП, состоявшийся 13—15 марта нов. ст. 1898 г. в Минске. За границей первые известия о состоявшемся с'езде были получены во время пребывания Г. В. Плеханова в Цюрихе для подготовки «Майского Листка»; известие это пришло в Женеву обычным тогда для особо важных сообщений путем,—в виде газеты, в которой точками под нужными буквами было сообщено о событии; газету получил и расшифровал И. С. Блюменфельд, который немедленно написал о полученном известии в Цюрих; его письмо сохранилось, и мы приводим его ниже полностью (оно было частично зашифровано,—мы приводим в расшифрованном виде, давая сообщенные шифром места курсивом):

«Среда, ночью.

Дорогой Павел Борисович!

К вечеру я получил газету из *Минска* от Алек[сандра—Кремера) и там он пишет следующее:

Только что кончился с'езд предст[авителей] соц.-дем. организаций в России; постанов[лено] образовать российскую соц.-дем. партию; заграничный—ваш—союз об'явить членами партии и заграничным органом. Если согласны, отвечайте немедленно же телеграммой,—да или нет,—в Берлин. Туда написали, чтобы эту телеграмму переслали. Ответ необходим скоро, чтобы *издать манифест*. До выхода *манифеста* все это должно быть тайной.

Берлинцам не писали. Предоставляют это сделать вам по своему усмотрению.

Подробности книгой, которую получите. Переговоры будет вести с вами и Питер.

Уведомьте немедленно о получении настоящего письма.»

Была ли послана просимая телеграмма—установить нам не удалось; в памяти П. Б. Аксельрода, единственного оставшегося в живых участ-

---

*) Этот приезд приходится на время между 93-м и 94-м письмами.

ника тех цюрихских совещаний, на этот счет не сохранилось никаких указаний; надо думать, что да, во всяком случае, в известных решениях с'езда стоит пункт, об'являющий «Союз» заграничным представителем Партии.

«Манифест» и решения с'езда были опубликованы значительно позднее, за границей они напечатаны лишь в № 8 «Листка Работника» от июня 1898 г. Ни П. Б. Аксельрод, ни Г. В. Плеханов, насколько нам известно, о «русском с'езде» не писали; вводная к «Манифесту» заметка в «Листке Работника» была составлена Ц. Копельзоном-Гришиным.

5. Насколько нам известно, Г. В. Плеханов об этих резолюциях в печати не высказывался.

6. Изр. Моис. Пескин (партийный псевдоним—Сомо̀в)—деятель с.-д. движения с начала 1890-х г.г. (в Вильно, Варшаве, затем за границей); в 1898—1900 г.г.—видный деятель «Союза русских с.-д.».

7. Ц. Копельзон-Гришин («Тимофей»)—один из основателей «Бунда»; после 1897 г.,—представитель последнего за границей; видный деятель «Союза русских с.-д.».

8. Из публикуемых ниже писем, а также из других сохранившихся в архиве П. Б. Аксельрода писем видно, что в это время в Берлин прибыл кто-то из легальных марксистов-экономистов (возможно, что М. И. Туган-Барановский), который очень таинственно сообщил о своем приезде (Аксельрод и Плеханов вначале точно не знали даже, с кем они имеют дело) и просил писать ему через «редактора». В поисках нужного «редактора», П. Б. Аксельрод и В. Ив. Засулич обращались к А. Брауну (ред. «Vorwärts'a») и к К. Каутскому,—последний и был искомым «редактором».

9. Нам неизвестно, о ком идет речь.

10. Речь идет о кассовом отчете «Союза Русских С.-Д.»; таковой за время с 15.XII. 1897 г. по 1.VI. 1898 г.) напечатан в № 8, июльском, «Листка Работника».

11. Соответствующих писем К. Каутского нам не удалось найти; повидимому, Каутский просил от Г. В. Плеханова статью к исполнявшемуся в 1898 г. семидесятилетию со дня рождения Ф. А. Ланге (1828—1875 г.г.), известного автора «Истории материализма» и др. Г. В. Плеханов такой статьи не написал.

12. Проф. А. А. Исаев в 1897 г. и сл. годах напечатал в «Neue Zeit» ряд статей (о Шмоллере и др.), состоял в переписке с Г. В. Плехановым и т. д. Был ли он в начале 1898 г. арестован—нам неизвестно.

95. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

(Genève, 23.IV. 1889 г.)

Дорогой Павел, я очень рад получению письма С. Н. [Прокоповича],—это именно то письмо, которое нам нужно и которое способно предупредить всякие толки о расколе внутри

социал-демократической партии. Но о том, как можно использовать это письмо, мы поговорим после. Теперь вот что. Вчера Гинзбург прочитал мне письмо Гришина [Ц. Копельзона]), в котором тот грозит выйти из Союза, если в нем не будет обеспечено влияние „новым людям“, т.-е. очевидно С. Ник. [Прокоповичу]; сегодня, ты пишешь, что Гришин грозит выйти, если не будет сменен Гинзбург. Ясно, что этот monsieur все равно выйдет по тому или по другому поводу. Стало быть, надо сделать так, чтобы он вышел при обстоятельствах наименее для него благоприятных. А наименее благоприятны для него обстоятельства именно теперь. После, выходя из-за брошюры С. Н. [Прокоповича] [2]), он может своему (и Пескина) выходу придать значение раскола в Союзе. А этого надо избегать во всяком случае. Вот почему угроза его является, как подарок судьбы. По моему, надо заявить им, что Союз таких ультиматумов принимать не может, и если Гришин и Пескин не могут в свою очередь обойтись без ультиматумов, то пусть они немедленно выходят. Это изолировало бы С. Н. [Прокоповича] в Союзе, и мы раздавили бы его без труда. Если же Пескин возьмет назад свой ультиматум, то об'яви ему, что о перемене секретаря не может быть речи до улажения беспорядка (так и следует, по моему, выразиться: беспорядка), причиненного не нами, если же они не хотят ждать счастливого времени улажения этого беспорядка, то пусть выходят. Повторяю,—и это самое твердое мое убеждение,—они все равно выйдут; значит надо заставить их выйти в одиночку. В этом должно заключаться твое уменье.

В твоем письме слишком неразборчиво была написана часть, касающаяся предложения Брауна: я ничего не понял. Напиши еще раз.

Розалия Исааковна [3]) почему то к нам не заходит, не сказала нам даже своего адреса. Что с ней? Не знаете ли Вы?

Ваш Г. П.

Примечания.

1. Этого письма в нашем распоряжении не имеется.

2. Речь идет об «Ответе» на брошюру Аксельрода: «К вопросу о современных задачах и тактике русских с.-д.»; опубликован этот ответ был только спустя два года Г. В. Плехановым в приложениях к «Vademecum» (стр. 37—60). В момент, к которому относится данное письмо,

«Ответ» этот еще не был написан.—С. Н. Прокопович лишь сообщил, что он напишет брошюру с возражениями на «Письмо» П. Б. Аксельрода. Члены Группы «Освобождение Труда» брошюру С. Н. Прокоповича прочли впервые в начале июня 1898 г. (см. письмо 107 и сл.)

3. Р. И. Каминер — сестра жены П. Б. Аксельрода.)

96. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

(25. IV. 1898 г.)

Дорогой Жорж!

Прежде всего о Брауне. Я у него спросил по поводу искомого „редактора" [1]) и по этому поводу выразил ему свое намерение написать статью о шовинистских тенденциях в тактике наших польских геноссов. Но мы, если помнишь, решили здесь сообща [2]) не выступать polemisch-angreifend [агрессивно-полемически], а предоставить евр[ейскому] союзу и литовцам сделать это. Из нас же кто нибудь должен был написать статью по поводу известного с'езда [3]) и его постановлений о социальд[емократическом] движении в России вообще и в ней попутно отметить антидемократические и антисоциальдемокр[атические] черты в тактике польских геноссов. И вот на днях я получаю от Брауна корректуру корреспонденции о с'езде поляков и письмо с предложением so schnell, wie möglich [как можно скорее] доставить ему den angekündigten Artikel [обещанную статью]. Я ему ответил, что по разным соображениям статьи я теперь написать не могу, но что сообщу тебе, авось у тебя будет охота и время. Имей в виду, что о с'ездах наших мы пока ничего писать, к сожалению, не можем. Я, с своей стороны, должен себя из всех сил напрягать и zusammennehmen [держать в руках], чтобы под впечатлением и в атмосфере окружающих меня интриг читать и работать над своей темой. А между тем, с тактом написанная статья по вопросу о партийных русско-польских отношениях могла бы нам теперь послужить в глазах россиян—против начинающейся интриги. Особенно, если бы она тобою написана и подписана была. Подумай—и вдохновись, ведь тебе максимум день нужно будет на это потратить.

Что прежде всего нужно покончить с „беспорядком", я заявил Песк[ину], хотя, к сожалению, не в такой безусловно

категорической форме. Только потом мне стало ясно, что под этим ультиматумом скрывается систематически затеянная интрига, в которой Пескин и Гришин играют роль слепых пешек. Как бы то ни было, с тех [пор] его [Пескина] у меня не было, а Е. Д. [Кускова] еще раньше перестала являться. Она поселилась у него и там кажется ежедневно происходят заседания, в которых участвуют Кочап (литовец) [4]), одна злешняя барышня, в которую В. Ив. [Засулич] влюблена за ее услужливость и сладкие манеры [5]), и еще какие-то...

Я предлагаю, чтобы Гинзб[ург] написал приглашение ко всем членам с'езда с'ехаться для решения накопившихся вопросов, выбора администрации и т. д. До с'езда мы не ничего не можем сделать. Пескин мне сказал, что Е. Д. [Кускова] и С. Н. [Прокопович] выступают, следовательно, ссылаясь на это, можно их и не пригласить на с'езд. А если пригласить, то все же с оговорками—что если они, действительно, решили выступить, то они нравственного права не имеют участвовать на с'езде. Очень может быть, что и П[ескин] и Гр[ишин] заявят, что теперь с'езд неудобно устроить и будут настаивать на своем ультиматуме. Ну, тогда им придется выступить—в одиночку.

Если ты согласен с моим предложением, то постарайся прочитать письмо Гинз[бурга], в котором он будет обращаться к членам Союза: ведь приглашение — мотивировка — должн быть безукоризненно в дипломатическом отношении.

Скоро должно прибыть сюда лицо, почти наверное участвовавшее на с'езде [6]). Оно мне переслало „низенький поклон"—но все же не уверен я еще в его благорасположении к нам, -когда побудет у Гришина, да здесь у своих старых приятелей и приятельниц.

Привет Розалии Марковне [Плехановой] и детям.

Твой П. А.

Золовка моя [Р. Н. Каминер] редко посещает Вас просто из чувства деликатности, зная, что и ты и Р. М. [Плеханова] по горло заняты. Вчера она, вероятно, зашла к Вам.

Получил ли ты книги? Газеты и манускрипт [7]) вышлю на днях.

Примечания.

1. Смотри 8-е примечание к письму 94-му.

2. П. Б. Аксельрод имеет в виду совещания членов Группы «Освобождение Труда», которые имели место в дни недавнего перед тем приезда Г. В. Плеханова в Цюрих (март—апрель 1898 г.).

3. Т.-е. первого с'езда РСДРП.

4. Кочан — псевдоним Моравского, одного из видных деятелей литовской с.-д. первых лет ее существования, автора статьи о «Литовском рабочем движении» в № 5—6 «Работника». В 1897—1900 г.г. он был в эмиграции, жил сначала в Брюсселе, затем в Цюрихе (ср. примечания к письму 76-му). Позднее от с.-д. деятельности он ушел и работал в кооперации.

5. Установить, о ком идет речь, нам не удалось.

6. На первом с'езде РСДРП. О ком идет речь—нам неизвестно. Весьма возможно, что об И. Миле (псевдонимы «Джон» и «Джон Миль») — видном деятеле «Бунда»: он и раньше жил в Швейцарии, был знаком с П. Б. Аксельродом и имел личных друзей среди оппозиционеров[-]молодых. На I с'езде РСДРП Миль не был, но П. Б. Аксельрод в это время точно состава с'езда, конечно, еще не мог знать.

7. Весною 1898 г. в портфеле редакции «Работника» были две рукописи, полученные из России и особенно заинтересовавшие П. Б. Аксельрода: это были рукописи брошюр Н. Ленина: [«Задачи русских с.-д.»] и Л. Мартова: «Современная Россия». В настоящем и ряде следующих писем П. Б. Аксельрод, насколько удается установить по сохранившимся в его архиве документам, имеет в виду брошюру Н. Ленина. Эта последняя была написана Лениным весною 1897 г.; за границей она была получена (через А. И. Ульянову-Елизарову) осенью 1897 г. (неизданные письма А. И. Ульяновой к П. Б. Аксельроду); издана с предисловием П. Б. Аксельрода осенью 1898 г.

97. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову [1]).

Дорогой Жорж!

Опять я с письмом: была у меня вечером Е. К[ускова] как будто ни в чем не бывало. Обещ[анные] деньги [2]) пришлет скоро + 450 р. из Питера, — все на типографию. Теперь уже 11 ½ ночи, и я пишу это в Plattengarten'е [3]). Пока все таки нам не следует провокаторски действовать. Поэтому ты внуши Г[инзбургу], чтобы его письма к Гр[ишину] стояли на деловой почве, не раздражая и не оскорбляя. Тайная причина

мирного характера оппозиции, как мне кажется — страх перед тобой. Ты, в самом деле, кажется, уже стал грозой... Робеспьером. Но все таки...

Твой П. А.

Примечания.

1. На оригинале письма рукою Л. Г. Дейча, разбиравшего архив Г. В. Плеханова, выставлена, очевидно, взятая с конверта дата: «28 марта 1898 г. Цюрих». Сам конверт не сохранился. Эта дата явно ошибочна: конец марта — начало апреля Г. В. Плеханов провел в Цюрихе, где писал статью для «Мюнхенского Листка» и потому П. Б. Аксельрод писать ему 28. III. 1899 г. не мог. Это подтверждается также и другим соображением: Е. Д. Кускова в своих письмах к П. Б. Аксельроду предупреждала, что приедет в Цюрих не ранее 6. IV. 1898 г. Из сопоставления с предыдущими и последующими письмами по нашему мнению, несомненно, что это письмо относится к концу апреля.

2. Из писем Е. Д. Кусковой-Прокопович к П. Б. Аксельроду видно, что речь шла о присылке давно уже обещанных матерью С. Н. Прокоповича 1000 руб. на нужды типографии «Союза русских с.-д.»; эти деньги предназначались на покупку нового шрифта — старый весь сбился, — и должны были поступить в середине мая.

3. Сад в Цюрихе.

98. Г. В. Плеханов — П. Б. Аксельроду.

Дорогой Павел!

Заявление Пескина относительно того, что С. Н. [Прокопович] и Е. Д. [Кускова] собираются выходить из Союза, должно вызвать с нашей стороны решительное действие.

Нам нужно, чтобы их выступление из Союза было не плодом „раскола" в Союзе (как будут говорить они сами и все наши враги), а результатом выяснения недоразумения: это недоразумение не подлежит ни малейшему сомнению; оно доказывается письмом С. Н. [Прокоповича] к тебе. Из него следует, что собственно говоря, членом Союза он никогда не был, стало быть и о расколе в Союзе речи быть не может. Но все это надо о ф о р м и т ь. В видах оформления нам надо предупредить его выход предложением ему выйти или, лучше сказать, заявлением ему о том, что он более не член Союза. Это необходимый решительный шаг, который расстроит многие из его проектов. Умоляю тебя, не медли подписью под прилагаемым заявлением [1]; положение дел таково, что не надо

медлить ни минуты. Если он предупредит нас своим заявлением о выходе, то много потеряем. Ради бога, подпиши немедленно прилагаемую бумагу и отошли ее в Берлин [В. А.] Бухгольцу,—именно Бухгольцу, а то Гришин [Ц. Копельзон] может тут что нибудь напортить. *Констатирование непра[illegible]* [2]) С. Н. [Прокоповича] к Союзу есть самая приличная форма его исключения — и к тому же самая дипломатическая. Ты сам увидишь, как хорошо действует это констатирование. О поляках теперь решительно писать не могу: не тем занята голова; теперь надо раздавить С. Н. [Прокоповича].

А что Каутский пишет на счет статьи о Ланге? Сделай мне выписку из его письма.

Жму руку и еще раз прошу: не медли, а рази неприятеля, ибо пришла пора разить его на смерть. Смотри, чтобы он нас не предупредил.

Пескину о заявлении администрации (посылаемом С. Н. [Прокоповичу]) лучше не говорить в тот день: но не надо также, чтобы он только из Берлина узнал об этом заявлении. Рассчитай сам, когда ему сообщить об этом.

А Гришин — или .... или ... [3]); это неотразимое заключение, вытекающее из его глупых и дерзких писем к [Б. А.] Гинзбургу. Нет, надо их проучить хорошенько. Действуй!

Твой Г. П.

Привет всем твоим. Книги получил; спасибо.

Посылаем express, чтобы у тебя было время пораньше отослать заявление в Берлин.

Примечания.

1) Это [illegible] сохранилось в архиве П. Б. [illegible] [illegible] [illegible]); оно писано рукою Б. А. Гинзбурга-Кольцова и гласит:

«Женева, 26 апреля 1898 г.

Милостивый Государь»!

Из [illegible] письма к Аксельроду администрация Союза с удивлением увидела,

1) что, вступая в Союз, Вы только стороною слышали о существовании у него определенной программы,

2) что Вы совершенно не разделяете этой, как Вы выражаетесь, замечательной программы.

Эти два обстоятельства несомненно доказывают, что Ваше вступление в Союз был плодом недоразумения.

Оставляя в стороне вопрос о том, на кого падает ответственность за это странное недоразумение, администрация Союза доводит до Вашего сведения, что она не считает Вас членом Союза с того дня, как раскрылось, благодаря Вашему письму, вышеупомянутое недоразумение.

Примите выражение нашего искреннего сожаления.

Члены Группы «Осв[обождение] Тр[уда]»

Кассир: П. Блюменфельд.

Секретарь: Д. Кольцов.»

2. Эти два слова в оригинале подчеркнуты дважды.
3. Опускаем резкие квалификации.

99. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

(26. IV. 1898 г.)

Дорогой Жорж!

Мое, если хочешь, чересчур сдержанное дипломатическое обращение с Е. Д. [Кусковой] поставило меня в невозможность подписать заявление, ибо это значило бы расписаться в нанесении самому себе пощечины. Но мое личное затруднение не могло бы еще служить помехой для того, чтобы — без моей подписи — отправить написанное заявление. Но я имею против него другое возражение.

Исключение С. Н. [Прокоповича] по распоряжению одной лишь администрации, без предварительного опроса и сообщения членам, доставит ему положение „жертвы произвола диктатуры“ и т. д., а свое положение мы ухудшим и затрудним. Бояться быстрых и решительных действий с его стороны теперь нет оснований: все поведение Е. Д. [Кусковой] говорит за то, что они боятся (конечно, твоего пера)*). Иначе чем об'яснить ее просьбу о сохранении хо-

*) А может и авторитетного значения в России.

рощих отношений к ним, о приезде С. Н. [Прокоповича] сюда в июне, вторичное заявление о скорой присылке 1000 р. и к 15 мая денег для В. Ив. [Засулич]. Наконец, что они не намереваются печатать брошюры [1]), а пришлют нам манускрипт и один экземпляр пустят в ход (в рукописи) среди членов организации в России (разумеется, в надежде получить там санкцию и поддержку). Словом стремглав действовать они боятся, следовательно, и мы имеем полную возможность повести атаку на более или менее конституционных основаниях и при этом все таки достигнуть того, чтобы его удаление не имело характера „раскола".

Я предлагаю следующий образ действия:

1) В заявлении, начиная со слов „администрация Союза" изменить текст приблизительно таким образом: „администрация Союза полагает, что Ваше дальнейшее пребывание в Союзе несовместно с самыми элементарными требованиями политической нравственности. Повидимому, Вы и сами думаете так, в противном случае зачем же Вы поспешили бы особым письмом указать и подчеркнуть вышеизложенное недоразумение? Если Вы, паче чаяния, не разделяете нашего взгляда и общепризнанных основ политической и партийной порядочности, то нам придется апеллировать к остальным членам Союза... [“].

2) Затем, обратиться с циркуляром ко всем членам Союза, в котором им предлагалось бы устроить с'езд для разбора и решения разных вопросов. А кстати, в заключение, сообщить об инциденте с одним господином, который, после больше чем полугодового пребывания членом Союза, вдруг заявил, что он незнаком был и не интересовался ознакомиться с программою Союза, формулирующей основные цели и главную ближайшую задачу русской социалдемократии. И приложить тут же копию сообщения С. Н. [Прокоповича]. Мне кажется, что резко подчеркнув и мотивировав деморализационное действие пребывания членом в Союзе лица, отрицающего самую цель и смысл его существования, отметив унизительность такого положения дел для Союза, мы поставим их в моральную необходимость, если не согласиться с нами, то молчать и не протестовать. Имей в виду, что большинство все таки наше. Во-первых, нас

трое, затем Бл[юменфельд], Гинзб[ург], Гур[овский], да и Полинк[овский] при основании Союза был принят. А у них (С. Н. [Прокоповича]) нельзя считать — ведь о нем же будут голосовать) — всего 4, если даже Ветр[инский-Тахтарев] и Б[ухгольц] будут с ними ²), а это еще вопрос. Главное, нужно вопрос поставить на строго принципиальную почву: антисоциалдемократ попал в социалдемокр[атическую] организацию — притом без приглашения, а в силу выраженного им желания поступить на активную службу Союза, цель и задачи которого должны были быть ему известны хоть из брошюры „Социализм и поли[тическая] борьба“.

А подписать могут Г[инзбург] и Блюм[енфельд] и даже один Блюменф[ельд]. Во всяком случае, я должен был это сказать Е. Д. [Кусковой]. Не сказал я ей отчасти потому, что прямо не успел. Я пришел в 8¼ домой, а она уже ждала с 6 часов и в 8½ собиралась уходить. Отчасти же я растаял под впечатлением сообщения, что после нескольких тревожных дней она получила, наконец, известие, что транспорт в 7 пудов благополучно прошел ³). Я несомненно виновен в излишней дипломатии и мягкости, но раз грех случился, мне уже неприятно подписываться.

В сущности, мне еще нужно было бы писать тебе, но уже 8-го, а в 8 почта запирается.

Примечания.

1. Упомянутый выше «Ответ на брошюру П. Б. Аксельрода».
2. С Нескиным и Грининым.
3. С этим транспортом в Россию шел «Майский листок Рабочего Союза» на 1898 г. В виду больших арестов, произведенных 11—12 III. 1898 г. по всему югу, с транспортом вышла задержка и за его судьбу сильно беспокоились. Блюменфельд около этого времени (даты на письме нет) писал П. Б. Аксельроду:

> «Гринин (который тогда заведывал транспортом изданий Союза в Россию) мне сегодня пишет, что снова [illegible]... Он просто в отчаянии, не знает, что делать с литературой.»

Дальнейшие сведения об этом транспорте имеются в показаниях привлеченных в 1898 г. по делу «Бунда» («Красная Летопись», № 4, стр. 180 и сл.): он дошел по назначению, хотя и несколько опоздал (в Киеве, например, был после мая); агенты Зубатова, бывшие на следу этого транспорта, захватить его не успели.

100. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

[26.IV. 1898.]

Дорогой Павел!

Сейчас только отправили тебе письмо „express" с констатированием непринадлежности С. П. [Прокоповича] к Союзу. Получив твое письмо (писанное карандашом) [1]), вижу, что С. П. [Прокопович] решил хитрить с нами до конца. Нам надо перехитрить его. Принимать его тысячу рублей право же унизительно после его письма к тебе. Чорт с ним и с деньгами! Поэтому я думаю, что все таки надо отправить С. П. [Прокоповичу] заявление администрации. Вопрос только в том, как лучше сделать: послать ли заявление в Берлин, или передать его Екат. Дмит. [Кусковой]. По моему, лучше послать в Берлин. Это выигрыш в том отношении, что им труднее будет сговориться на счет ответа: придется переписываться между собою, в Цюрих же немедленно они ответили бы каким нибудь коллективным заявлением. Почему для нас важен выигрыш во времени, ты понимаешь и сам: не надо, чтобы они вышли коллективно, надо, чтобы после исключения С. П. [Прокоповича] и их выходом прошло некоторое время [2]).

Итак, опять скажу: действуй, посылай бумагу в Берлин; за последнее письмо С. П. [Прокопович] должен быть наказан: так дерзко о программе Союза не говорят.

Твой Г. П.

Примечания.

1. Напечатанное выше, под номером 97-м, письмо П. Б. Аксельрода.
2. Сохраняем фразу в том виде, как она построена в оригинале.

101. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

27.IV [1898 г.]

Продолжаю недоконченное письмо [1]). Твоя голова занята теперь mit einer Angelegenheit [одним обстоятельством], которая является только последним звеном длинной цепи разных Angelegenheiten [обстоятельств], вырастающих и выросших на окружающей нас болотистой почве. Охотникам ловить рыбу в

мутной воде сильно благоприятствует то обстоятельство, что в последние годы мы более чем вяло относились к своим заграничным функциям—по независящим от нас лично причинам. Правда, я не мало времени посвящал им, но во-1) без внутреннего огня, а, наоборот, часто с отвращением, а во-2) в такой форме возился с таким делом, что только тратил даром нервы и силы, убивая в себе способность работать литературно и плодя вокруг себя врагов и всяческую интригу. Теперь, пользуясь переходным моментом в твоей литерат[урной] деятельности и твоим воинственным настроением по отношению к зачинщику новых беспорядков, я говорю тебе: чтобы радикально подавить зарождающийся мятеж, ты должен хоть 3—4 месяца посвятить на поднятие за границей (а отсюда и в России) престижа нашего „Союза" путем литературной, а отчасти и иной деятельности (может быть, и рефератами). Мне кажется, середины нет: одними административно-полицейскими мерами ничего не поделаешь, или очень мало и преходяще. С этой точки зрения я и помещение статей в „V[orwärts]" о русско-польских отношениях считаю делом, относящимся к мерам усмирения и подавления. Необходимо более систематически работать в сторону создания сочувственной атмосферы. Вот, напр., все начинают волноваться и суетиться по поводу голода [2]). В сущности, следовало бы и нам занять известную позицию. Я сегодня же просмотрел твою брошюру „З[адачи] Соц[иалистов] в борьбе с голодом" и пришел к заключению, что теперь только она была бы до известной степени понята и оценена. Там, еще кроме общей оценки события и отношения к нему, масса перлов. Мне кажется, что теперь было бы очень своевременно переиздать ее,—с предисловием от тебя, в котором указаны были бы, между прочим, и соображения, по которым ближайшие товарищи считают нужным переиздание ее. Сначала мне пришла идея написать (предварительно попытавшись соблазнить тебя на это) статью или брошюру под заглавием: „По поводу голода". Затем: „Задачи русской соц[иал-]демократии в борьбе с всенародным бедствием", приняв и изложив (с кавычками, а не обкрадывая, как это делают литературные лягушки-воры), как базис, твои об'яснения причин голода плюс другие твои замечания, имеющие отношение

к моей теме. Но ведь это заглавие вполне подходит и к твоей старой брошюре. Словом, я только пускаю в ход мысль, а ты решай, кому и в каком виде выполнить ее. Переиздание твоей прежней брошюры, мне кажется, во всяком случае очень своевременно — разумеется, с приличным месту и времени предисловием.

Хотелось мне прочитать еще раз манускрипт, о котором я тебе говорил. Если я до завтра не успею, то пошлю тебе его, а ты уже сдашь Блюменфельду[2]), если согласишься с отзывом В. Ив. [Засулич] и моим.

В. Ив. [Засулич] томится и тяготится своим житьем в пансионе[3]). Но боится тебя и, по ее словам, меня. Я, с своей стороны, написал, чтобы она сообразовалась лишь со своим настроением, и подал ей идею прокатиться на время в Женеву, если бы эта перспектива улыбалась ей. Признаться, меня начинают тревожить финансовые затруднения, т[ак] к[ак] после крупного разрыва с С. Н. [Прокоповичем] денег от Е. Д. [Кусковой] нельзя уже будет принять и для В. Ив. [Засулич]. Имей это в виду, если пишешь В. Ив. [Засулич]. Кроме того держи ее au courant [в курсе] „событий“, а то мне беда будет, пока я ей раз'ясню принятую ligne de conduite [линию поведения]...

Кстати, я забыл тебе написать, что Е. Д. [Кусковой] уже не было в Цюрихе, когда получилось твое письмо, с приложением lettre de cachet[4]). Я из preambules [вступления] последнего заметил, что я в письме С. Н. [Прокоповича] не разобрал наиболее характерных мест.

Начал эту половину письма вчера, а кончаю только сегодня в конторе, после неоднократных перерывов. Возвращаюсь к началу.

Если ты хоть на время не приложишь своих сил и стараний, чтобы поставить на более серьезную ногу наше литературное дело, то, право, и не стоит продолжать эту вечную возню с разными интригами, дураками и всяческой мелюзгой. Как и что предпринять—это уж ты сам придумаешь лучше моего. Я указал на необходимость высказаться по поводу голода просто потому, что очень уж крупное и, быть может, чреватое последствиями событие. Не просмотри я твоей бро-

шюры „З[адачи] С[оциалистов] в б[орьбе] с голод[ом]“[2], я, быть может, рискнул бы сам приняться за брошюру под выше проектированным заглавием. Но, право, жалко предоставить потомкам оценивать работу, сделанную 5 лет тому назад, когда как раз теперь она, быть может, как раз произвела бы желательный эффект. И ведь ничего существенно нового не прибавишь (я говорю о себе и других) к тому, что в ней уже сказано. Так ведь несравненно лучше будет, если ты сам в предисловии или послесловии, или самом тексте сделаешь те добавления или изменения, которые требуются временем и местом.

Что с Райчиным [5], как он с тобой или ты с ним? Неужели, бедняга, все еще мечется по Европе, не зная, за что приняться, к чему пристать?

Эх, как теперь именно мне не кстати пребывание Роз. Исак. [Каминер] вдали от кефира, когда дети в школу ходят, а мне так необходимо было бы не отвлекаться от литературных и иных наших дел.

Привет Розалии Марковне [Плехановой] и детям.

Твой П. А.

Надеюсь, вчерашнее письмо ты получил.

Примечания.

1. Начало напечатано под № 99.

2. В 1897 г. в 47 губ. России был неурожай—«недород», по тогдашней официальной терминологии—хлебов и трав, в 19 губ., главным образом, черноземной полосы, неурожай принял значительные размеры.

План П. Б. Аксельрода о переиздании брошюры Г. В. Плеханова в связи с голодом 1897 г. осуществлен не был. В 1898 г. неурожай повторился в еще более сильных размерах,—на него заграничные с.-д. издания реагировали статьей П. Б. Аксельрода «По поводу нового народного бедствия» в № 5—6 «Работника», а также заметкой «Голод в России» в № 8 «Листка Работника».

3. В. И. Засулич в это время находилась в Италии, где жила в пансионе под Флоренцией.

4. Lettre de cachet—открытый лист на арест. П. Б. Аксельрод так называет напечатанное выше, в примечаниях к письму 98-му, заявление И. С. Блюменфельда и Б. А. Гинзбурга об исключении С. Н. Прокоповича из «Союза».

5. С. Г. Райчин в начале 1898 г. бежал из ссылки, из Минусинска (об этом побеге см. заметку Шаповала в т. I «Ленинского сборника» и

в воспоминаниях Лепешинского «На повороте»; сообщение о прибытии С. Г. Райчина заграницу напечатано в № 13 от 7. V. 1898 г. «Летучих Листков» Фонда Вольной Прессы, но прибыл он заграницу значительно раньше — в начале апреля. Прибыв заграницу, Райчин пережил тяжелую личную драму — именно, последняя была причиною всех тех его поступков, резкие отзывы о которых имеются в дальнейших письмах; она же была в конечном счете причиною его отхода от с.-д.

102. П. Б. Аксельрод—Р. М. Плехановой.

10.V [1898].

Дорогая Розалия Марковна!

Я обращаюсь к Вам со специальной, если хотите, своеобразной просьбой: заставить Ж[оржа] прочесть мое письмо, как бы он ни был занят литературно-стратегическими планами и их осуществлением. Но прежде всего прошу Вас или Ж[оржа] сообщить мне хоть картой, не получили ли вы известий от В. Ив. [Засулич], которая дня три (нет, кажется, 2 дня) тому назад писала мне, чтобы я не посылал ей больше денег, т. к. в пятницу или понедельник выезжает. Теперь читаю в газетах, что Аня и муж ее [1]) арестованы, и мне невольно приходит в голову, не приключилось ли что и с В. Ив. [Засулич]. Хотел я телеграфировать ей, но Надя [Н. И. Аксельрод] высказывает опасение, как бы это не повредило Вере [В. И. Засулич], если она нарвалась на историю, т.-е. как бы из-за телеграммы не усложнилось и не затянулось дело. Поэтому, если Ж[орж] как раз сегодня или завтра получит от нее известие, прошу немедленно со мною поделиться.

Теперь перехожу к нашим проклятым союзным „делам". В сущности, говорить и волноваться из-за них в настоящий момент, когда, быть может, подготовляются события всемирного исторического значения, прямо стыдно [2]). Нужно бы, быть может, собраться с мыслями, подумать и сообразить, что к чему, а тут приходится возиться с политически безграмотными, совершенно неподозревающими необ'ятной глубины своего невежества, ребятами — Genoss'ами. Но ничего не поделаешь. Возиться или совсем порвать со всей этой мелюзгой — середины нет.

Два раза были у меня Гришин [Ц. Копельзон] с Пескиным, да еще одна барышня, спасшаяся от Киевского погрома [3]).

С одной стороны потому, что я с утра до вечера занят в бюро, а с другой—потому, что я с Ж[оржем] еще не списался, я решил отложить всякие Auseinandersetzungen [разъяснения] на после. Но вот впечатления, вынесенные мною из „обмена мыслями“ с ними. Они, разумеется, ни о чем, кроме „практических“ вопросов говорить не хотят—все остальное—„теория“, „программы“. В этом беды еще большой не было бы, если бы внутри Союза не явилась зараза, растлевающим образом действующая на головы взрослых младенцев—теоретически и практически. Но хуже всего то, во-1) что представления их о „практике“ самые детские, самые жалкие, а во-2) что нет никакого соотношения, никакой соразмеримости между нашим и их способом мышления и суждения о вещах. Поэтому почти невозможно рассчитывать на то, чтобы можно было, путем с'езда, напр., придти к какому-нибудь программному соглашению с ними или даже ясно мотивированному принципиальному расхождению. Они для этого слишком ограничены, невежественны и провинциальны по всем своим привычным мыслям и склонностям. Остается стало быть тянуть с ними лямку, без уверенности в том, что они, кроме нескольких заученных фраз и названия социалдемократов, признают основные наши задачи и политические цели, — тянуть лямку на почве „практики“. А „практика“ сводится к писанию и доставлению возможно большего количества всякого рода брошюр и листков,—но, как мне сообщает Кольцов, только не те, которые изданы были Гр[уппой] „О[свобождение] Тр[уда]“, т.-е. главным образом не твои прежние произведения, а, если можно так выразиться, лубочного типа. Разумеется, они говорят только о том, что необходимо привлечь новые силы, а не отталкивать их строгостью и требованиями безусловного единообразия во взглядах. Ты знаешь, что я давно уже сам склоняюсь к мысли о необходимости предоставления более широкого простора литературному производству низшего типа. Я и высказал им, что можно бы произведения, не редактированные или не одобренные нами, издавать в нашей типографии, но без союзной фирмы. С такого рода предложением они явились ко мне вечером, но, как мне кажется, в форме такого проекта, который противоречит принципу организационного единства. Я им предложил

представить его в письменном виде, так что теперь о нем распространяться нет надобности.

Мне приходится писать это письмо с перерывами, и даже не на одном месте, а то дома, то в бюро. Через некоторое время после того, как последние строки написаны были, явился Гришин с материалом [1]), который пересылаю тебе и с „предложением" [2]), которое, чтобы не нарушить бюрократического порядка, посылаю нашему секретарю [3]). Результатом нашей беседы было то, что я написал Сомову [Пескину] следующие строки:

„В виду заявлений, сделанных мне сегодня г. Гришиным, я считаю для себя невозможным и бесполезным ведение дальнейших переговоров с ним. Я перешлю ваше общее предложение в Женеву, куда г. Гришин может поехать для окончательных переговоров. Свой голос я передаю Плеханову".

Сегодня вечером Гр[ишин] и С[омов-Пескин] должны были притти ко мне для обсуждения их предложений, так как я сказал, что у меня имеются еще разные соображения и замечания относительно формы и способа его осуществления. Но в течение разговора оказалось, что мы (или я), что мы скрывали, что у нас в Америке есть члены Союза, что его [Гришина] выражение в письме к К[ольцо]ву („лгали и отвиливали") не мимолетное, вызванное экспансивностью. Словом, я считаю ниже нашего достоинства разговаривать с ним. Но я ему написал только от себя и за себя, предоставляя окончательное решение тебе, Ж[орж]. Если в России все „руководители" такие, то хоть караул кричи — и беги прочь.

Пишу эти строки сегодня в третий прием, уже дома, а сейчас должен бежать в контору. Тороплюсь, заканчиваю только следующим: я, по всей вероятности, до конца июня буду также прикован к кефиру, как теперь, а потому до того времени у меня едва хватит досуга на письма да на просмотр мелких статеек. Вывод можешь из этого сделать.

Сегодня пишу еще К[ольцо]ву — он должен тебе прочесть или тебе следует потребовать мое письмо, так как кое что и в нем будет относящееся к „конфликту".

От В. Ив. [Засулич] все еще ничего нет—ни слуху, ни духу. Очень это тревожит нас.

Крепко жму руку.

Ваш П. А.

Получил ли Ж[орж] рукопись с немецким заглавием [4]?

Примечания.

1. Анна Михайловна Туратти, ур. Розенштейн; в эмиграции была известна также под фамилией Кулешовой; ее муж—известный итальянский соц. деятель Ф. Туратти. В мае 1898 г. они были ненадолго арестованы в связи с рабочими волнениями в Милане и др. городах.

Эти волнения, вызванные острой безработицей и ростом дороговизны, начались 2. V. 1898 г. беспорядками в Равенне и Пиаченце; в следующие дни они перекинулись в ряд других городов и быстро охватили почти всю Италию. Особой силы они достигли в Милане, где с 6 по 9 мая шла баррикадная борьба, в которой правительственные войска пустили в ход и артиллерию. Размеры этих волнений в то время дали европейской печати право говорить о «революции в Италии».

Волнения охватили также и Флоренцию, под которой тогда жила В. И. Засулич, уехавшая туда в начале апреля 1898 г. для отдыха и поправления здоровья. Этим объясняется беспокойство Аксельрода за ее судьбу.

2. Повидимому, при этом же письме П. Б. Аксельродом была послана Г. В. Плеханову небольшая приписка на отдельном листке бумаги, найденная в архиве Г. В. Плеханова особо от этого письма; так как несомненно, что она, во всяком случае, относится именно к данному году, то мы воспроизводим ее здесь: «В Италии—революционное состояние, в Испании—близкое к нему, в России—небывалый голод по размерам и т. д., а чем заняты русские социал-демократы? Позор, и только! Кретины! развязаться с ними—нет, кажется, другого выхода».

3. Евгения Самойловна Эттингер (по мужу Давидсон), в 1896—1898 г.г. член киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; в самом начале марта 1898 г. она была командирована киевским «Союзом» в район «Бунда» для переговоров об издательской работе и о транспорте; поэтому аресты 11—12.III.1898 г. ее не захватили, и она, узнав о погроме, смогла скрыться за границу. За границей она вступила в «Союз русских с.-д.», но заметной роли в нем не играла, не примыкая активно ни к одной из боровшихся в нем сторон; в начале 1900 г.г. она вместе с мужем примкнула к организации «Искры» и была известна под псевдонимом Двинской.

4. Несомненно, полученные из России корреспонденции и письма для «Работника» и «Листка Работника».

5. Это «предложение» было тем самым письмом Гришина Копельзона и Сомова-Пескина, которое опубликовано Кричевским в «Ответе редакции «Рабочего Дела» на «Vademecum» Г. Плеханова» (стр. 77). это с несомненностью следует и из содержания и из даты (10. IV. 1898 г.) этого письма; в интересах более полного ознакомления с позицией «молодых» Гришина и Пескина на этой стадии переговоров, мы перепечатываем полностью это письмо из ставшего уже редкостью «Ответа» Кричевского:

«10. V. 1898 г

Товарищи! Уже более года тому назад Павел Борисович (Аксельрод) сделал предложение одному представителю из России образовать из более молодых членов Союза группу, которая взяла бы на себя издание более популярной литературы для рабочих. Мотивировалось это предложение тем, что русские товарищи нуждаются в литературе, которую Союзу неудобно издавать под своей фирмой, хотя появление ее он считает полезным в настоящее время. Совершенно соглашаясь с этим мнением, выраженным нам лично Пав. Борисовичем, мы и решили, *оставаясь членами Союза и принимая в нем не менее активное участие* (!!!), чем до сих пор, взять на себя издание подобной литературы. Само собой разумеется, что наше выступление в качестве самостоятельной издательской группы не носит *никакого оппозиционного Союзу характера* (!!!). Мы просим на это дело смотреть как на социальдемократическое издательство, преследующее те же цели, что и Союз, но заполняющее тот пробел, на который порой указывают товарищи из России и который не может по тем или другим причинам восполняться Союзом. Наши издания мы будем, конечно, печатать в типографии Союза, при чем все расходы будем покрывать, само собою разумеется, не из средств Союза. Просим товарищей возможно скорее высказаться по этому поводу для того, чтобы мы скорее могли приступить к делу *).»

6. Б. А. Гинзбургу-Кольцову.

7. Речь идет, несомненно, о рукописи брошюры Л. Мартова— Ю. О. Цедербаума: «Современная Россия», как известно, эта брошюра была написана Ю. О. Мартовым для немецкой печати (для «Neue Zeit») в начале 1897 г. в московской тюрьме, перед отправкой в Сибирь и носила в первоначальном виде (рукопись ее сохранилась в архиве П. Б. Аксельрода) немецкое заглавие: «Russlands heutige Zustände— oekonomische Entwickelung, soziale-und politische Wiedersprüche.—Arbei-

---

*) Подчеркивания и взятые в скобки знаки восклицания, как отмечает Кричевский, сделаны читавшими этот документ сторонниками Группы «Освобождение Труда». Ред.

terbewegung und sozialdemokratie» сохраняем точный текст, как он написан в оригинале).

За границей эта брошюра была получена зимою 1897—98 г., рассмотрена и одобрена Группою в марте 1898 г.—в дни пребывания Г. В. Плеханова в Цюрихе—и издана Союзом по-русски отдельной брошюрой. По-немецки в «Neue Zeit» из нее опубликована часть под заглавием: «Die oppositionellen Elemente und die Regierungspolitik im modernen Russland» №№ 51 и 52 «Neue Zeit» за 1899 г.; перевод этой части на немецкий язык сделан А. П. Аксельродом. В «Neue Zeit» эта часть снабжена небольшим примечанием «от переводчика»; это примечание было написано П. Б. Аксельродом, приводим его полностью:

«Печатаемая статья составляет главу из изданной «Союзом русских с.-д.» брошюры «Современная Россия». Кроме переведенной нами части, эта брошюра содержит еще две главы о положении русских рабочих и их освободительном движении, но они делают статью чересчур об'емистой для рамок «Neue Zeit». Кроме того, эти главы стоят только в слабой связи с переводимой нами частью. Понимание классовых отношений и общих этапов развития России, которое, главным образом, выявляет эту работу,—в изображении рабочего движения не находит себе достаточного выражения. Кажется даже, что то превосходное изображение классовых отношений и правительственной политики в современной России, которое составляет содержание предлагаемого перевода, было написано много позднее, чем очерк рабочего движения. Над этим последним автор работал уже в начале 1897 г., так что было бы желательно дополнение его новыми фактами для того, чтобы придать ему актуальный интерес с точки зрения читателей «Neue Zeit».

103. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Четверг [13.V. 1898 г.][1]

Дорогой Павел!

Я уже известил В. И. [Засулич] об аресте Ани [А. Кулешевой-Туратти]; письмо с этим извещением было отправлено третьего дня, следовательно, сегодня утром она его уже получила. Сегодня же я получил от нее одну книгу; ясно, стало быть, что она благополучна. Она, вероятно, на днях оставит Флоренцию и, не останавливаясь в Милане, проедет прямо в Цюрих.

Гинзбург [Кольцов] мне еще не принес ультиматума Гришина [Копельзона], но, конечно, не замедлит принести.

По моему, им следует ответить, что мы не имеем ни права, ни охоты изменять устав по требованию отдельных членов. А если они скажут, что выходят, мы ответим: скатертью дорога. Я думаю, что ты сделал ошибку, не отправив Сер. Ник. [Прокопович] его отлучения, ну да этого уже не поправишь. Старайся только, чтобы они делали все свои предложения письменно, это может пригодиться. А киевская барышня [Е. С. Эттингер], неужели она с ними? Гришина хорошо бы прислать в Женеву, я его здесь проберу хорошенько.

Твоя брошюра о тактике вызывает огромные толки в Париже: одни ругают, другие очень сочувствуют. Саратовский россиянин, который был у тебя в Цюрихе и которого ты прислал ко мне [2]), пишет (он теперь тоже в Париже), что этой брошюре суждено сыграть большую роль в развитии нашего движения. Я, разумеется, с ним согласен.

Привет твоим.

Посылаю письмо без марки: поздно.

Твой Г. П.

Примечания.

1. 10. V. 1898 г., которым датировано предыдущее письмо П. Б. Аксельрода, приходилось на понедельник; это позволяет определить дату данного ответа.

2. О ком идет речь, установить не удалось; П. Б. Аксельроду вспоминается только, что это был рабочий.

104. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

(25. V. 1898 г.)

Дорогой Жорж!

Ты прекрасное средство выдумал вытащить В. Ив. [Засулич] из Цюриха. Нужно тебе еще маленькое усилие сделать. Она прибежала ко мне во время обеда с „предложением" передать ей мой голос для „переговоров" с тобою. Трудно, да и прямо таки не имею возможности расписать тебе, почему я не могу этого сделать, несмотря на то, что признаю ее доводы и стремления в существенных чертах справедливыми. Для меня все таки на первом плане сохранение чести, достоинства Группы, если и устраниться, то под условием на-

несения морального поражения врагу, пригвождения его к позорному столбу. Для нее же враг до того ничтожен, что именно борьба с ним унижает нас[1]. Как бы то ни было, ее надо отсюда вытащить; я ей сказал, что лишь только Роза [Р. Н. Каминер] приедет сюда, я сейчас же еду в Женеву на 3—4 дня, чтобы окончательно столковаться. И я в самом деле так сделаю, если только Р. [Р. Н. Каминер] приедет. А ты пока все таки напиши В. И. [Засулич] еще раз требование, просьбу, что ли, во имя старой дружбы и т. д., чтобы она немедленно поехала в Женеву. Кстати, я вчера от Доброджана[2]) получил 100 фр. для нее. Третьего дня я прямо испугался видом ее: ее бледностью и страшной слабостью.

Мне В. Ив. [Засулич] передала содержание своего сегодняшнего (или вчерашнего) письма к Г[инзбургу] и Бл[юменфельду]. Ради бога, пусть не спешат и не вздумают писать в духе и тоне ее предложения. Я пишу письмо в Женеву, которое, если найдешь подходящим, пусть разошлют членам Союза. Оно достигнет того же, чего хочет В. Ив. [Засулич], но вместо извинительного характера носит характер наступательный.

Пишу в конторе. Привет твоим.

Твой П. А.

Бомбардируйте В. Ив. [Засулич], чтобы она ехала в Женеву.

Примечания.

1. Вернувшаяся около середины мая в Цюрих В. И. Засулич сразу попала в гущу острых организационных споров. На перепечатанное нами выше, в примечаниях к 102-му письму, заявление Гришина и Пескина, администрация Союза, в лице его секретаря Б. А. Гинзбурга, ответила категорическим отказом (в печати этот ответ не опубликован — о нем лишь упоминается в «Ответе редакции «Раб. Дела»; нет его и в имеющихся в нашем распоряжении архивных материалах); Гришин и его единомышленники апеллировали к товарищам в России и, повидимому, готовили самостоятельное выступление.

В. И. Засулич в спорах Группы «Освобождение Труда» с «молодыми» заняла позицию, несколько отличную от позиции остальных членов Группы и готова была идти на много бо́льшие уступки им, чем П. Б. Аксельрод и особенно Г. В. Плеханов, поддерживаемые Гинзбургом и Блюменфельдом. В частности, в тот момент, к которому отно-

сится данное письмо В. И. Засулич настаивала на полной передаче «молодым» всего дела редактирования популярных брошюр, предназначенных для рабочих.

В этом духе и было написано ею то ее письмо к Гинзбургу (его в нашем распоряжении не имеется), о котором П. Б. Аксельрод упоминает в следующем абзаце своего письма.

Все эти перипетии переговоров сильно волновали В. И. Засулич, и П. Б. Аксельрод в несохранившемся письме к Г. В. Плеханову писал о необходимости вытащить В. И. Засулич из цюрихской атмосферы. Для того, чтобы убедить В. И. Засулич в необходимости этой поездки в Женеву, Г. В. Плеханов написал ей письмо, в котором настаивал на ее приезде в Женеву для личных переговоров. Поездка эта состоялась несколько позднее,—в первой половине июня.

2. В мае 1898 г., узнав от Г. Раковского о плохом состоянии здоровья В. И. Засулич и об ее материальных затруднениях, Доброджану-Герea переслал П. Б. Аксельроду для нее 100 франков. В сопроводительном письме (от 9. 21. 1898 г.) содержатся очень интересные для характеристики Доброджану-Герea замечания по поводу статей П. Б. Аксельрода в «Neue Zeit» и по поводу борьбы русских марксистов с народниками.

105. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

Дорогой Жорж!

В. Ив. [Засулич] последние два дня, особенно вчера, как то сильно опустилась—сама говорит, что „совсем больна": страшное серцебиение, лихорадка и слабость. Я подозреваю, что львиную долю в этой внезапной перемене приходится приписать к твоему гробовому молчанию на ее письма. Может, на деле я ошибаюсь, но непосредственное чувство и разные признаки подсказывают мне, что твое молчание главным образом, виною того упадка сил и того серцебиения, которые делают ее неспособной сосредоточиться на чем нибудь. В сущности, ведь она и недавно то и писала тебе, и едва ли тебе даже возможно было за это время определенно ответить,—но на то она так нервна и раздражена, чтобы волноваться по таким поводам, которые здорового человека неспособны вывести из равновесия.

Золовка писала, что ты собираешься недели через две с Райчиным и В. Ив. [Засулич] на Беатенберг. Это было бы самое лучшее для нее—чем скорее, тем лучше, т. к. благодаря

прекращению с моей стороны сношений с Гришиным, он к ней обращается, что, конечно, не мало способствует ухудшению ее состояния. Но деньги то где взять? Из Парижа, дай бог, через месяц получить 150 фр., а может, всего 100 фр. [2]),— а кроме Парижа, не знаю, куда обращаться: кругом сознательные или бессознательные враги. Не имеешь ли возможности дать знать в Россию? А может, у тебя имеется в виду другой источник?

Боже мой! Неужели ты не напишешь хоть небольшой стетейки о голоде для сборника (хоть без подписи). Ведь я абсолютно не имею времени, а тебе для этого достаточно 2—3 дня, вместе с чтением.

Питаюсь надеждой получить от тебя требование прислать деньги на дорогу сюда.

Привет всем твоим.

Твой П. А.

Примечания.

1. Роз. Ис. Каминер.

2. Из писем Ю. А. Эфрона к П. Б. Аксельроду видно, что живущие в Париже друзья В. И. Засулич в это время вызвались присылать ей такую сумму ежемесячно.

106. П. Б. Аксельрод— Г. В. Плеханову.

Дорогой Жорж!

С час тому назад ко мне явилась хозяйка В. Ив. [Засулич] и сказала, что к ней зашел полицейский спросить, живет ли у нее г-жа Б. [1]) и в нормальном ли она состоянии. Он встретил ее на Цюрихберге [2]) где то, и она бросилась ему в глаза своим видом и одеждой. Я сейчас опять побегу разыскивать ее,—у меня она была в обеденное время, а из дома вторично, по словам хозяйки, вышла в $2^1/_2$—3. Теперь $8^1/_2$—и я спешу бросить на вокзал письмо, чтобы оно сегодня еще ушло. Я — хотя и с большой тревогой — надеюсь, что все благополучно, и если моя надежда оправдается, завтра утром дам телеграмму Schwester gesund [сестра здорова]. Пишу же я затем, чтобы, как только получишь телеграмму, ты немедленно написал ей письмо, способное вознаградить ее за тот убийственно-

холодный, жестокий тон последнего твоего письма [3], нравственное действие которого на нее ты должен бы сам представить себе. Ей ты, конечно, и словом не намекай на это мое сообщение.

Некогда. Нужно пойти.

Твой Павел.

Примечания.

1. Бельдинская — фамилия, под которой В. И. Засулич в 1897—1899 г. жила в Цюрихе.

2. Цюрихберг—гора в окрестностях Цюриха.

3. Это было одно из писем Г. В. Плеханова, написанное в связи с позицией, занятой В. И. Засулич в споре с Гришиным и др. «молодыми».

107. П. Б. Аксельрод— Р. М. Плехановой.

1.VI. 98 г.

Дорогая Розалия Марковна.

Вчера В[ера] Ив[ановна] получила от Ж[оржа] письмо, из которого видно, что он страшно занят, а между тем, ради предупреждения торжества врагов, необходимо, чтобы он прочел следующие строки. Мне приходится поэтому опять прибегнуть к Вашей помощи. Знаю, что Вы с утра до поздней ночи заняты, но я уверен также и в том, что Вы не можете индифферентно относиться и к нашим партийным делам, столь тесно связанным и переплетающимся с дрязгами и пустяками. Потому то я решаюсь адресовать свое письмо к Вам, с просьбой улучить минуту прочесть его, а затем и Ж[оржу] прочитать или заставить его самого прочитать.

Дорогой Жорж!

Жарясь все последние недели между трех или даже четырех огней (из которых В. Ив. [Засулич] является одним из наиболее сильных), я все время больше всего опасался, как бы не доставить С. Н. [Прокоповичу] неожиданного торжества в виде разноголосицы и разброда нашей группы из-за вопроса, поднятого оппозицией. Чтобы предупредить это, я ухватился за мысль о поездке В. Ив. [Засулич] в Женеву и сам решил затем поехать на пару дней. В виду этой перспективы, я не особенно вникал в детали того, что В. Ив. [Засу-

лич] писала в Женеву, да и не все ее письма читал, т[ак] к[ак] не всегда я имел возможность своевременно попасть к ней. Я был уверен, что при личном свидании мы столкуемся и найдем выход из затруднений, который в большей или меньшей степени удовлетворит нас троих.

Своим *последним* письмом [1]) ты разрубил гордиев узел — в самом благоприятном для С. Н. [Прокоповича] смысле. Я себе объясняю эту неожиданную развязку недоразумением, вызванном страстной сосредоточенностью писем В. Ив. [Засулич] на одном пункте: на устранении нашем à tout prix [во что бы то ни стало] от редактирования специально рабочих листков и брошюр. Для меня слишком дорога нравственная и интеллектуальная связь между нами, образовавшаяся чуть не двадцатипятилетним периодом революц[ионной] деятельности, перспектива нашего разброда в разные стороны именно в настоящий момент кажется мне до того нелепой, скандальной (и — кто знает! — может быть прямо вредной), что я решаюсь сделать попытку предупредить ее, выяснив недоразумение и наметив в общих чертах тот план действия, который я имел в виду предложить на обсуждение в нашей конференции.

Что я и В. Ив. [Засулич] стремимся избавиться от редактирования безграмотных или полуграмотных изданий, ты должен бы знать и из наших личных бесед, когда ты был здесь, и из писем еще до конфликта. Но, разумеется, не в виде капитуляции перед оппозицией, руководимой С. Н. [Прокоповичем], а *по нашей коллективной инициативе*, по предварительному соглашению с massgebenden Kreisen [руководящими кругами] „Российской социалдемократической партии“. На этом именно пункте я не сумел поладить с В. Ив. [Засулич], т[ак] к[ак] для нее вопрос о способе и форме ликвидации наших редакторских функций по части рабочей литературы совершенно стушевывается перед перспективой вреда, который мы можем принести, парализуя попытки и усилия „молодежи“ поставить эту литературу на более широкую ногу. Она при этом совершенно упускает из виду закулисную роль С. Н. [Прокоповича] в бунте политических недорослей и не принимает в расчет тех вредных последствий, которые могут произойти, если своей капитуляцией перед оппозицией [мы] усту-

ним ему главенство в Союзе. Тут она явилась твоим антиподом, со всеми логически неизбежными крайностями. Но я питался сильной надеждой, что путем совместного обсуждения дела нам удастся притти к соглашению. Я хотел внести предложение, чтобы по вопросу о редактировании популярных изданий администрация ответила (письменно) оппозиции, что решение его не может или не должно быть делом одного нашего Союза, т[ак] к[ак] Гр[уппа] „О[свобождение] Тр[уда]" является ответственной коллективностью и перед социалдемократическими организациями, действующими в России. Группа поэтому войдет в прямые переговоры и сношения с центральными комитетами этих организаций, а пока пусть таланты и не-таланты посылают свои произведения на предложенных администрацией условиях. Затем, я полагал, что следует разослать всем членам Союза циркуляр с заявлением, что цепляясь за слово „программа", компания бельгийцев [3]) отводит глаза наивным людям от сути дела в сторону пустяков, т[ак] к[ак] речь идет не о деталях, не о том или другом параграфе программы, а о самой цели и главных задачах союза [4]). Раз С. Н. [Прокопович] и Е. Д. [Кускова] не признают этой цели и этих задач, они не могут быть членами Союза. Раз выяснилось, что они, по своим политическим воззрениям, стоят за рубежом социалдемократии, их дальнейшее пребывание в Союзе несовместимо с его жизненными интересами и из простого недоразумения становится фактом сознательного иезуитизма внутри организации, при котором невозможна солидарная, планомерная работа в определенном направлении. Поэтому организационный смысл и элементарная политическая мораль требуют удаления из Союза людей, попавших в него по недоразумению, но теперь сознавших это недоразумение.

Вместе с тем я собирался написать и представить тебе и В. Ив. [Засулич] на обсуждение проект коллективного послания в Россию с изложением положения нашего издательского и редакторского дела, с мотивированным предложением того, что я уже в прошлом году предлагал через Т. и Ал. [5]), и с просьбой прислать сюда делегата для совместного обсуждения вопросов, назревших в области организации литературной пропаганды.

Не знаю и не могу себе представить, чем и как могли бы мои предложения итти в разрез с твоими военными планами, о которых, к слову сказать, ты в письмах к нам и не обмолвился. Как ни расходятся мои планы с тенденциями В. Ив. [Засулич], они все таки могли бы послужить почвой для соглашения между нами и для предотвращения разброда Группы, к великому удовольствию врагов. Из твоего письма к В. Ив [Засулич] можно бы заключить, что ты предпочитаешь вести войну — и только войну помимо нас, без нас. Во избежание недоразумения я и заявляю, что не мы решили спрятаться за твоей спиной, или, что одинаково плохо было бы, уйти с поля битвы, предоставив тебе одному, разорвав со старыми товарищами и, смею думать, друзьями, многократно доказавшими свою привязанность к тебе, своими боками отдуваться. Знаю, отлично знаю, что тебя такая перспектива ни на йоту не испугала бы, наоборот, [показалась бы] даже очень заманчивой. Но от этого нисколько не уменьшилось бы моральное значение того факта, что одного прикосновения С. Н. [Прокоповича] достаточно было, чтобы порвались старые, казалось, неразрывные, связи нашей Группы. Не думаю, чтобы это торжество врагов, этот разброд людей, являвшихся до сих пор коллективностью, даже ответственной коллективностью, не отозвался вредными последствиями на самом нашем движении.

Теперь еще не поздно предупредить эту перспективу. Ты очень занят. И я в данную минуту не мог бы уехать (Надя [Н. И. Аксельрод] слегла [6]) и я не знаю, сможет ли она на будущей неделе ходить в контору). В таком случае отложим конференцию на недели две, до того времени, когда ты будешь свободнее. А Гришиным ответим, что пусть ужь потерпят до тех пор, пока столкуемся с призванными представителями „Российской социальдемократической партии".

Вследствие конторы, письма Блюменф[ельда] к В. Ив. [Засулич], тревоги из-за нее я вчера не мог докончить и отправить это письмо. Итак, Гришин в Женеве [7])! Я ни с ним, ни с Пескиным не встречаюсь и считаю, что с ними по известному вопросу можно только разговаривать, а не переговариваться или договариваться. Тем не менее, официально и бесповоротно, без о с я з а т е л ь н о убедительных оснований,

вытолкнуть Гришина (члена евр[ейской] организации) из Союза не следует. Оппозицию нужно бить в одном пункте: в лице С. Н. [Прокоповича] и Е. Д. [Кусковой]. Я написал Блюменф[ельду] от себя и В. Ив. [Засулич], чтобы Гришину ответили, что по вопросу об изданиях, редактировании мы снесемся с Россией.

Но я должен кончить—в конторе не легко даже письма писать, да в голове у меня Вера Ивановна [Засулич] вертится, которую полицейский хотел отвести (он встретил ее где-то на Цюрихберге) в больницу или дом умалишенных. Но побежал к ее хозяйке справиться об ее психическом состоянии. Вид у нее, действительно, тревожный. С 1/2 3-го до 8 1/2 (или 9) она бродила где то в дождь и слякоть. Я не на шутку перепугался и признаюсь теперь далеко не свободен от страха. Я поэтому до вчера тебе ничего не писал, что почти дал ей слово не заикаться тебе в письмах об ее болезненном состоянии. А теперь я прямо говорю тебе: выпиши ее в Женеву и постарайся успокоить, приласкать ее. Ее страшная искренность в связи с ее расшатанными нервами делают из нее мученицу, страдалицу в буквальном смысле. Я предупреждаю тебя, чтобы тебе не пришлось самому мучиться в случае какой нибудь беды.

Привет Розалии Марковне и детям.

Твой П. А.

Примечания.

1. Это письмо нам неизвестно, о существе содержавшегося в нем предложения нам известно лишь то, что имеется в дальнейших строчках печатаемого письма.

2. На 1 с'езде РСДРП в Минске было решено созданную партию назвать «Российской с.-д. партией», о чем и было сообщено за границу. Только позднее П. Б. Струве, писавший «Манифест» с'езда, настоял в ЦК на включении в это название слова «Рабочая» (см. статью Акимова — «Минувшие Годы» 1908 г., № 2, стр. 161). Об этом решении ЦК за границей в момент писания данного письма, очевидно, еще не было известно. «Манифест», в подписи под которым впервые употреблено название «Р. С.-Д. Р. П.», был получен несколько позднее, — он опубликован впервые в «Vorwarts'e» от 7.VI. 1898 г.

3. «Бельгийцем» в переписке 1896—1898 г.г. называли С. Н. Прокоповича, который в 1895—1897 г.г. жил в Брюсселе. В данном случае «компанией бельгийцев» П. Б. Аксельрод называет группу сторонников С. Н. Прокоповича.

4. «Союз русских с.-д.» при своем возникновении заявил, что он принимает программу, выработанную Группою «Освобождение Труда» в 1885 г. С. Н. Прокопович, заявив вначале столкновения (см. примечания к письму 94-му), что он не принимает этой программы, в дальнейшей переписке мотивировку этого неприятия сводит к частным пунктам ее.

5. Ал.—это «Александр», т. е. А. Г. Кремер, приезжавший в мае 1897 года для переговоров с Группою «Освобождение Труда»; в момент, к которому относится комментируемое письмо, он был членом ЦК Р. С.-Д. Р. П. и членом ЦК Бунда.

Т.—повидимому, Н. Л. Тучапский, приезжавший летом 1897 г. в Цюрих для переговоров от имени редакции киевской «Рабочей Газеты». 1.VI. 1898 г. он был уже в тюрьме.

6. Н. Н. Аксельрод в эти дни захворала. Болезнь ее была очень тяжела и опасна для жизни,—о чем не раз упоминается в дальнейших письмах.

7. Его туда вызвал Г. В. Плеханов для личных переговоров.

108. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

Дорогой Жорж!

Сегодня, наконец, я прочел странное произведение[1]. Блюменфельд сообщил, что ты в „воинственном настроении", но мне ведь очень нужно знать, пишешь ли ты уже теперь, или думаешь после это сделать. Как ни слаба брошюра нашего демагога, она младенческие и запутанные головы наших социальд[емократических] недорослей может легко еще более спутать. Стало быть, поход нужно повести немедленно — враг должен быть с первых же ударов смертельно ранен и уничтожен. Стало быть, нужно обдумать, как их наносить. Я полагал, что нанести окончательный смертельный удар—это, разумеется, будет твое дело, но первую рану причинить приходится мне. Но В. Ив. [Засулич] думает, что лучше всего было бы баталию целиком предоставить тебе. Я, разумеется, примирюсь с этим, если и ты того мнения, хотя у меня в голове если не план похода готов, то многие частности его копошатся. Главное затруднение для меня—это сохранение тона, соответствующего вкусу нашей публики. Дело в том, что на меня брошюра производит впечатление . . .[2]). Затем другой вопрос. В каком виде выступить? Я почему то думаю, что тебе выступать против брошюры в специальном произ-

ведении.—значило бы сразу поставить автора на неподобающий пьедестал. Не проще ли было бы мне отделать его (посильно) в предисловии к его брошюрке? Затем под общим заглавием издать имеющуюся у тебя программу и об'яснительную записку Петрова [3]), „Манифест“ [4]) и перевод моей статьи в „Neue Zeit“ [5])—все это с твоим предисловием, в котором ты как бы попутно доканал [бы] демагога. Приходит мне и такая мысль: вместо отдельного издания брошюрки отпечатать произведение С. Н. [Прокоповича] в проектируемом мною сборнике по тактическим или программным вопросам—опять-таки с твоим предисловием. Произведеньице его потонуло бы в сборнике и процесс истребления его принял бы, может быть, более подходящий характер.

Как бы то ни было, обдумай и сообщи немедленно свои планы относительно себя и меня. Нужно же мне это знать.

Кстати, имеющийся у меня экземпляр [6]) должен быть завтра возвращен, да и читать я его не в состоянии от строки до строки, так как очень плохо переписан.

Привет твоим.

Твой П. А.

В. Ив. [Засулич] расцвела от исхода переговоров. И мне теперь благодаря ее настроению легче дышать.

Ради Христа, отвечай же сейчас!

Примечания.

1. Уже названную выше (примечания к письму 25-му) рукопись С. Н. Прокоповича «Ответ на брошюру Аксельрода: «К вопросу о современных задачах и тактике русских с.-д.».

2. По желанию П. Б. Аксельрода, опускаем его очень резкий и носящий личный характер отзыв о брошюре С. Н. Прокоповича,—этот отзыв был написан в момент острого раздражения.

3. Речь идет о проекте программы и об'яснительной записке к ней, которые были написаны В. И. Ульяновым-Лениным в 1896 г. в тюрьме; эти документы впервые опубликованы в № 26 «Пролет. Революции» и в I т. «Собрания сочинений» Ленина. О том, что уже в 1898 г. предполагалось опубликование этих документов, мы узнаем впервые из данного письма.

4. Тогда только что полученный за границею «Манифест» первого с'езда РСДРП.

5. «Die historische Berechtigung der russische Sozialdemokratie»

Проект издания этого сборника, равно как и проект издания упоминаемого дальше в письме «Сборника по тактическим и программным вопросам» осуществлен не был.

6. «Ответ» С. Н. Прокоповича,—этот ответ был переписан в нескольких экземплярах и ходил тогда по рукам среди членов «Союза»; один экземпляр был, повидимому, послан в Россию.

109. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

(Genève, 12. VI. 98

Дорогие Павел и Вера Ивановна!

Простите, что не написал Вам раньше. Теперь пишу вот что.

Возражать С. Н. [Прокоповичу] я думал только с разрешения Павла, потому что, несомненно, С. Н. [Прокопович] принадлежит ему. Если я первый выступлю против С. Н. [Прокоповича], то у публики, да и у самого С. Н. [Прокоповича] останется, пожалуй, такое впечатление, что вот, мол, Павел-то Борисович не в состоянии был с ним справиться. Этого впечатления у публики быть не должно. Поэтому пусть Павел его разделывает, а я потом вмешаюсь и сделаю как бы резюме спора. Лучше, пожалуй, разделать С. Н. [Прокоповича] в предисловии к его же брошюре, только надо, чтобы из-за этого предисловия не очень замедлился выход брошюры, а 2), чтобы все таки разделан он был по всем пунктам и под орех. Очень стесняться с ним не надо, конечно, обидных выражений надо избегать, но тем обиднее, тем презрительнее должна быть сущность ответа. Ведь то обстоятельство, что он—архиплут и протобестия, не подлежит для нас сомнению, а когда выйдет брошюра, то и все увидят это очень ясно.

А вы, В. И. [Засулич], кажется, плохо оценили фразу насчет картонного меча [1]): это прелесть; я за нее чрезвычайно благодарен С. Н. [Прокоповичу]: она дает повод для великолепнейшей отповеди, в которой можно будет выразить гордое самосознание нашей Группы: мы недаром жили на свете, и мы скажем это теперь. Итак, Павел, бери свой меч и рази бунтовщика!

А вы, В. И. [Засулич], должны были получить из Берлина 200 франков или даже 200 рублей. Это от друзей. Меня

спрашивают, получили ли вы их? Ответьте[2]). Если вы получили 200 рублей, то вы — Крез и могли бы даже подарить мне какую-нибудь книгу или даже две (маленьких).

По правде сказать, здорово я сердился на вас обоих в течение этого времени, а теперь мне ужасно хотелось бы повидаться с вами. Жаль только, что нельзя: я воюю теперь с Бернштейном. Уже послал Каутскому статью — на первый раз философскую, статья хороша и будет иметь einen bleibenden Wert [длительную ценность][3]). Там я, между прочим, говорю и о тебе[4]). Павел.

Ваш Г. П.

А как же на счет гор[5]), Вера Ивановна? Ведь пора бы!

Примечания.

1. В своем «Ответе» П. Б. Аксельроду С. Н. Прокопович сравнивал Группу «Освобождение Труда» с «полководцем без армии, не знающим путей, ведущих к желанной цели и без устали размахивающим бумажным мечом» (курсив С. Прокоповича. «Vademecum», стр. 57).

2. Из других материалов, сохранившихся в архиве П. Б. Аксельрода, видно, что эти деньги В. И. Засулич получила через К. Каутского из России, повидимому, это был гонорар из «Научного Обозрения». Так как деньги пришли без сопроводительного письма, то В. И. Засулич решила, что эта сумма предназначена «Союзу» для возмещения расходов по изданию двух брошюр «Материалы по истории печати» (эти брошюры были составлены В. В. Водовозовым и изданы «Союзом» по просьбе группы «легальных марксистов»; рукописи их за границу привез и переговоры об их издании с «Союзом» вел П. Б. Струве) и передала их в кассу «Союза».

3. Это была статья «Bernstein und der Materialismus», опубликованная впервые в № 44 «Neue Zeit» от 19. VII. 1898 г. со следующим примечанием редакции:

> «Настоящим мы открываем дискуссию о выдвинутых Бернштейном «Проблемах социализма». Дальнейшие статьи против Бернштейна нам обещаны».

Статьи Г. В. Плеханова против Э. Бернштейна собраны в XI т. его «Сочинений» (Гос. Изд., 1923 г.).

4. На П. Б. Аксельрода Г. В. Плеханов в этой статье ссылается, как на свидетеля, присутствовавшего при его разговоре с Энгельсом о «натурфилософском материализме» («Сочинения», т. XI, стр. 22).

5. Г. В. Плеханов звал В. И. Засулич поехать в горы, в Монтре, куда ехал и он с семьей; поездка эта состоялась несколько позднее.

110. П. Б. Аксельрод— Г. В. Плеханову.

13. VI (1898 г.)

Дорогой Жорж!

С час тому назад посреди кефирной возни я получил твое письмо, которое я сохраню на память и специально, как осязательное и красноречивое свидетельство против всех твоих прошлых, настоящих и будущих врагов и клеветников. Я, разумеется, примусь сейчас за „предисловие", но уверяю тебя честным словом, что руководствуясь при этом едва ли не большой степени соображением о том, чтобы избавить тебя от рукопашного боя с . . . . [1]). Ты должен напасть на С. Н. [Прокоповича], попутно и уничтожить его не как противника своего, а . . . . [1]).

Вполне понимаю, что ты должен был злиться на нас это время. Но неужели ты не сообразил, в каком адском положении я тут находился от соседства В. Ив. [Засулич]. Перед тобою, как близким другом ее, знающим и уважающим ее, как она заслуживает, мне нечего стесняться: я нравственно жарился на медленном огне, и мои нервы дошли до крайнего напряжения — от увещаний, волнений и самого тревожно-мученического вида В. Ив. [Засулич]. Ты можешь судить о состоянии, до которого я дошел, благодаря ее настроению, по моим двум последним письмам или сообщениям. Да и теперь я оберегаюсь, по возможности, касаться при ней щекотливых вопросов...

А жаль, что тебе некогда приехать сюда. За деньгами остановки не было бы. В конце недели тут будет тетя нашего друга [2]).

Очень некогда, нужно делать почту [3]), а потому ограничиваюсь еще одной просьбой: походатайствуй перед нашим начальством о высылке мне манускрипта С. Н. [Прокоповича] и „Манифеста".

Крепко жму твою руку.

Привет Р. М. [Плехановой].

Твой П. А.

С В. Ив. [Засулич] я сегодня еще не виделся и боюсь видеться: наверное, твое „подстрекательство“ к „презрительному“ ответу ее огорчает. Она находит тон и подтасовки С. Н. [Прокоповича] нормальными со стороны „противника“, понимая под таковым товарища, расходящегося в оттенках, в тактических частностях. Я уже проникнут убеждением — быть может, благодаря элементу алуевщины (молодого) в моей натуре, — что так писать может или враг принципиальный, или же человек, у которого за душой нет ничего, кроме пустого тщеславия и геростратизма. Очень мне хочется охарактеризовать психологическую подкладку брошюрки словом: геростратизм [5].

На этот раз довольно, будет с тебя.

Примечания.

1. По желанию П. Б. Аксельрода, в обоих этих местах опущены его резкие отзывы.

2. «Наш друг» — здесь П. Б. Струве; его «тетя» — Алекс. Мих. Калмыкова, известная общественная деятельница, игравшая большую роль в марксистской легальной издательской деятельности 1890-х г.г.

3. Т.-е. письмо в Россию.

4. «Начальство» — секретарь «Союза» Б. А. Гинзбург-Кольцов.

5. Этого термина П. Б. Аксельрод в своих статьях того времени не употребил, — он встречается позднее, в «Что делать?» В. И. Ленина.

111. П. Б. Аксельрод — Г. В. Плеханову.

Дорогой Жорж!

В. Ив. [Засулич] добрым голосом, но несомненно негодуя внутренне, решительно запротестовала против печатанья брошюры С. Н. [Прокоповича], если она даже уже набрана и сверстана [1]). Делать нечего, я дал обещание и обязан сообщить тебе ее протест. Оказывается, что он [С. Н. Прокопович] только приостановил печатание №, а не берет брошюру назад. Боюсь, что решил выбросить из нее наиболее пикантные, даже дуракам в нос бьющие места. Но что поделаешь? Может, и в самом деле, мое предложение преступно до крайности, хотя оно только средство самообороны против геростратизма, собирающегося опять на время съежиться и замаскироваться...

А перлами (теоретическими) я все таки постараюсь воспользоваться, даже если они появятся в печати...

27 июня приезжает сюда С. Н. [Прокопович]. Я с своей стороны решительно не намерен тратить свой порох на дебатирование устное с ним. Но если бы ты перед Гришиным обнаружил его полную несостоятельность — очень бы это недурно было бы.

Твой П. А.

Примечание.

1. Насколько удается установить, С. Н. Прокопович отказался от намерения опубликовать свой «Ответ» П. Б. Аксельроду под давлением Гришина-Копельзона. П. Б. Аксельрод, повидимому, предлагал опубликовать брошюру даже против воли автора; против этого-то плана и протестовала В. И. Засулич.

112. П. Б. Аксельрод — Г. В. Плеханову.

[Начало июля 1898 г. [1]]

Дорогой Жорж!

Никогда не откладывай ответа на письмо — вот чему учит мой дурной пример. Получил я твои письма [2]) как раз в то время, когда мой компаньон [3]) взял каникулы и на меня пала сверх моей доли работы в бюро, и его, так что с $^1/_2$ 7-го утра до вечера был занят, что и „Aurore“ не успевал прочесть. Но, разумеется, карту мог бы написать тебе, если бы я точно знал, когда сможем двинуться отсюда. Затем, когда явилась возможность определеннее написать, собралась, наконец, В. Ив. [Засулич] в путь, и я решил, что она все передаст. Теперь, по всему вероятию, мы 14 или 15 сможем двинуться — в Montreux, если там будет комната — по возможности не очень далеко от тебя и В. Ив. [Засулич].

Если сейчас напишешь названия, успею еще добыть для тебя нужные книги. Но neue Folge [4]) нет.

Имеется к тебе большая просьба. Получил я, наконец, от Фридланда [5]) ответ на вопросы Исаева, который с месяц или около того тому назад прислал мне свой адрес. Но мне не удалось до сих пор разыскать его — уж очень хорошо

спрятан. Так вот, если имеешь адрес, пришли сейчас, а то беда, не знаю, что и делать.

„Neue Zeit“ со статьей Бернште[йна][6]) пришли!

Твой П. А.

Примечания.

1. Дата настоящего письма может быть восстановлена лишь весьма приблизительно. Почти несомненно, что оно относится к 1898 г., так как только в этом году П. Б. Аксельрод в связи с делом Э. Золя внимательно следил за французскими газетами и, в частности, за «Aurore», которую ему присылал из Парижа А. В. Луначарский. Вернее всего, что оно написано в первую половину июля 1898 г., когда дело Э. Золя пересматривалось в кассационном суде (приговор 18. VII 1898 г.).

2. Они не сохранились.

3. С. Гринфест.

4. «Новая серия» о каком издании идет речь—нам неизвестно.

5. Иосиф Фридланд—тогда студент Цюрихского университета, примыкал к с. д. (о нем есть указания в докладах П. И. Рачковского — см. Л. П. Меньшиков: «Русский политический сыск за границей» 1914 г., стр. 51).

О чем его запрашивал П. Б. Аксельрод—нам неизвестно.

6. В июньских и июльских №№ «Neue Zeit» за 1898 г. Э. Бернштейн поместил две статьи: «Die realistische und die ideologische Momenten des Sozialismus» в № от 15/VI и «Was E. Marx in der Ted trieb?» в № от 5/VII; в письме речь идет об одном из этих №№, по-видимому, о последнем.

113. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

[Начало октября 1898 г.]

Дорогой Жорж!

Шеффле[1]) выслал. Книга другая[2]) если не у тебя, то у Гинзбурга. Никому я ее дать не мог, и мне помнится, что я тебе давно уже послал ее — поищи хорошенько у себя. Кстати, в позапрошлой карте[3]) ты о ней совсем не упоминаешь. Получил я вчера от Райч[ина] письмо, показывающее, что этот бедняга близок к сумасшествию, если уже не сошел с ума[4]). Боюсь, что Блюменф[ельд] дал этому последний толчок[5]). Я хотел было написать Р[айчину] письмо, но мне пришло в голову опасение, что за сутки состояние его могло до того ухудшиться, что письмо мое может попасть вместо него в руки полиции, а при теперешнем ее свирепом состоя-

нии, неизвестно, какие последствия это могло бы иметь [6]). Поэтому, посылаю тебе мое письмо [7]) и предоставляю тебе, по прочтении его, решить, послать или нет.

Как твое здоровье?

Привет твоим.

Твой И. А.

Если ты думаешь, что при его (Райчина) психическом состоянии, письмо мое бесполезно или даже хуже того, то не посылай его. Но в таком случае ведь следовало бы его как нибудь заманить к психиатру. Может быть, его и вылечить возможно?

Примечания.

1. А. Шеффле или Шефле — видный представитель так называемого «государственного социализма», автор «Квинтэссенции социализма» (есть русское издание) и др. работ. О какой именно его книге пишет П. Б. Аксельрод—установить не удалось.

2. Как видно из дальнейшего, речь идет о книге «Фабрично-заводская промышленность», очевидно: «Фабрично-заводская промышленность и торговля России» (изд. министерства финансов для всемирной выставки. СПБ.), 1893 г.

3. Она не сохранилась.

4. Это письмо не сохранилось.

5. «Последним толчком» П. Б. Аксельрод считает столкновение между С. Г. Райчиным и И. С. Блюменфельдом. С. Г. Райчин, бывший до своей поездки в Россию в 1892 г. заведующим типографией Группы «Освобождение Труда», считал, что теперь, после побега из ссылки, он имеет право вновь занять этот пост; вместо того, чтобы отстаивать свое право в организационном порядке, Райчин начал действовать, так сказать, явочным путем, что и привело его к резкому столкновению с И. С. Блюменфельдом. Положение осложнялось острыми личными отношениями между Райчиным и Блюменфельдом.

6. «Свирепое состояние» цюрихской и вообще швейцарской полиции в это время было вызвано убийством австрийской экс-императрицы Елизаветы; это убийство было совершено 10. IX. 1898 г. в Женеве итальянским анархистом Луцетти, и вызвало во всей Швейцарии гонения против иностранных революционеров.

7. Это письмо нашлось в архиве Г. В. Плеханова, очевидно, оно не было им передано по назначению; приводим его здесь полностью, так как оно выясняет позицию членов Группы «Освобождение Труда» в этом конфликте.

«Дорогой Райчин!

Ваше письмо не оскорбило меня, а только огорчило страшно. Только Вашим необычайным возбуждением, вполне естественным под непосредственным впечатлением обиды, нанесенной вам Блюменфельдом, я объясняю себе и тон Вашего письма, и обидное для Ваших старых товарищей подозрение в том, что они солидарны с Блюменфельдом в его поведении по отношению к Вам. Подумайте: ведь Вы даже нас не предупредили относительно своего намерения вступить в заведывание типографией. Мне, например, передавали, с Ваших слов, что Вы собираетесь заняться опять электротехникой. Правда, ни Плеханов, ни Вера Ивановна [Засулич], ни я не можем теперь по своему усмотрению распоряжаться типографией. Но мы могли бы переговорить с членами Союза и сделать все, зависящее от нас, чтоб Союз обеспечил Вам то положение в типографии, на которое Ваше прошлое дает Вам право. Как теперь быть — я пока и сам не знаю. Во всяком случае, если бы вы пожелали, то можно бы попросить молодых товарищей—членов Союза, голос которых имеет решающее значение, войти с Вами в переговоры и сообща с Вами обсудить, как и что дальше делать.

В заключение, еще раз повторяю, что наше, т.-е. мое, Ж. [Г. В. Плеханов] и В. [В. И. Засулич] отношение к Вам такое же, как прежде, и уж никоим образом мы не можем одобрить поведения Блюменфельда.

Крепко жму вашу руку.

Ваш П. Аксельрод.

P. S. Посылаю письмо не из дому, так как не уверен, что Вы еще в Женеве.»

114. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

Дорогой Жорж!

Вера Ив. [Засулич] опасается всяких пререканий и неприятностей, если теперь выпустить твой реферат брошюрой [1]). Не входя в разбор основательности ее Bedenken [сомнений], я предлагаю отпечатать его, как оттиск из Сборника [„Работника“] (как твое „Всеросс[ийское] Разор[ение]“, напр.). Эта идея и ей понравилась. Т. к. статья будет около листа, то об'ем сборника от нее незаметно увеличится. Но мне неприятно заводить переписку по этому поводу с Блюм[енфельдом], а потому будь добр и передай ему то, что я пишу тебе, как

коллективное решение мое и Верино [В. И. Засулич]. Он, вероятно, удивляется, что не получает ответа на свою карту. Но ему В. Ив. [Засулич] должно быть ответила за меня, т. к. я ее просил об этом. А ты, во избежание недоразумения, пожалуйста, скажи ему, что не пишу за недостатком времени, а главное потому, что В. Ив. [Засулич] обещала за меня написать.

Хоть бы ты словом обмолвился, кого ты теперь истребить собираешься, против кого пушки заряжаешь. Кстати, ведь ко мне в Лунгерн приезжал Бернштейн. Представьте себе: он, ей богу, не понимает сути твоей полемики против него. Я был поражен, а ведь, кажется, менее меня несведущим быть в философии мудрено [2]).

Еще раз прошу тебя, устрой, чтобы статья твоя была в сборнике и затем вышла отдельной брошюрой.

Как только избавлюсь от чудовищного сборника [3]), празднусю свою эмансипацию от обязательной возни с дорогими товарищами.

Привет твоим.

Твой П. А.

А вчерашнее письмо на имя Р. М. [Плехановой] и Шефф[ле] получил [4])?

Примечания.

1. Несомненно, что П. Б. Аксельрод имеет в виду статью Г. В. Плеханова о «В. Г. Белинском», которая в 1899 г. была напечатана в № 5—6 «Работника» и одновременно вышла отдельной брошюрой; в основу ее лег реферат Г. В. Плеханова о Белинском, прочитанный весною 1898 г. (50-летие смерти Белинского) в ряде русских колоний Швейцарии.

2. Осенью 1898 г. Э. Бернштейн приезжал в Швейцарию для выяснения вопроса о возможности своего переселения в Швейцарию на постоянное жительство (вернуться в Германию он тогда еще не мог). Аксельроды в это время жили в Лунгерне (маленькое местечко, недалеко от Цюриха) и Эд. Бернштейн с женой приезжал сюда на один день для свидания с ними. В архиве П. Б. Аксельрода сохранилось письмо Э. Бернштейна, предупреждающего о своем приезде,—дата этого письма не совсем разборчива: не то 2. IX, не то 2. X. 1898 г.

3. Решив осенью 1898 г. сложить с себя редакторские обязанности по «Союзу», Группа «Освобождение Труда» сохранила за собою право выпуска последнего 5—6 номера «Работника», именно о нем говорит здесь Аксельрод.

4. Это указание устанавливает связь данного письма с двумя предыдущими.

115. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

(15—16. X. 1898 г.)

Дорогой Жорж!

Я долго молчал, а теперь сразу обрушился на тебя градом писем. Тебе вероятно сообщила В. Ив. [Засулич] о непозволительном поведении Блюменф[ельда] по отношению к „молодым товарищам". Я лично считаю нужным попросить тебя, чтобы ты попытался употребить все свое влияние на Блюменф[ельда] для предупреждения скандала. Он удивительно чужд всяких представлений о партийном долге, ему прямо недостает сознания общественных обязанностей [1]). И благодаря этому он может нас прямо скомпрометировать не только перед врагами, но и перед друзьями в России. Раз мы становимся „рядовыми", то уж не нужно ставить себя в положение обиженных, мелочно-раздражительных и мстительных. Больше всего я боюсь формального разрыва из-за типографии. Само собою разумеется, что мне бы очень хотелось сохранить за нами, за Гр[уппой] „О[свобождение] Тр[уда]" в том или ином виде, под той или иной формой право собственности или пользования, в случае надобности. Ведь может же через год-другой найтись группа толковых людей, которая предложит тебе написать брошюру не по вкусу нашим недорослям. Я даже не вижу ничего невероятного, что теперешняя оппозиция, купно с „Раб[очей] Мыслью" [2]), завершит свою эволюцию совсем таки анти-социальдемократическим способом. Но все таки я считаю в интересах нашего доброго имени меньшим злом даже совсем сдать им типографию, т.-е. без специальных оговорок, чем толкнуть их в об'ятия Freerussia'нцев [3]). С этой же точки зрения нам никак нельзя настолько солидаризироваться с Блюменф[ельдом], чтобы брать на себя odium всех его выходок и единственно из-за него не давать им типографии. Нужно

все усилия употребить, чтобы он остался при типографии. Если уже суждено ему не ужиться с ними, то пусть это случится впоследствии, когда нельзя будет нас заподозрить в подстрекательстве [4]).

Но так или иначе, нам следует развязаться с этой публикой возможно более благообразным образом и без формального раскола. Кто его знает, может быть, таким путем мы именно предупредим окончательное превращение зародившегося социал-д[емократического] движения в нечто каррикатурное: постепенно хаос разойдется и опять толковые элементы станут во главе формально нерасколовшегося движения.

Привет Розалии Марковне и детям.

Твой П. А.

Если твой Белинский не попадет в Сборник, ты будешь у меня на подозрении, что уклонился aus Tendenz [с намерением].

Примечания.

1. В связи с этим местом своего письма П. Б. Аксельрод отмечает, что он и в то время был, само собою разумеется, бесконечно далек от мысли о том, что И. С. Блюменфельд действительно не имеет представления о партийном долге; в этом письме, написанном очень наспех, П. Б. Аксельрод имел в виду лишь большую горячность характера И. С. Блюменфельда, — горячность, которая временами заставляла последнего выходить из рамок партийной, точнее, кружковой дисциплины.

2. «Рабочая Мысль» — с.-д. газета, выходившая в 1897—1902 г.г. (всего 16 №№) и бывшая органом правого крыла петербургских «экономистов»; первые №№ ее вышли нелегально в Петербурге; с 1898 г. издание ее было перенесено в Германию. Отзыв о первых трех №№ «Рабочей Мысли», написанный В. Иваншиным для № 9—10 «Листка Работника», послужил, как видно из сохранившихся в архиве П. Б. Аксельрода писем В. И. Засулич и В. Иваншина, последним толчком к сложению с себя Группою «Освобождение Труда» редакторских обязанностей.

3. Группа лондонской «Free Russia» и «Фонда Вольной Русской Прессы»; после смерти С. М. Кравчинского отношения между нею и Группою «Освобождение Труда» сильно ухудшились, но с «молодыми» она поддерживала хорошие отношения и по их заказу печатала ряд брошюр.

4. И. С. Блюменфельд в это время заявил отказ работать в типографии «Союза русских с.-д.» в случае перехода редакторских функций в руки «молодых». Уговорить его отказаться от этой формы редакции на

примирение с ним членов Группы «Освобождение Труда» не удалось, и его поведение в этом конфликте послужило Б. Кричевскому одним из поводов для заявления (в «Ответе редакции «Рабочего Дела», стр. 79), что Группа «Освобождение Труда» проводила «бойкот молодого Союза».

116. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

(Genève, 17 октября 98 г.) Понедельник, утром.

Дорогой Павел!

Сейчас только получил твое письмо и письмо В. И. [Засулич]. Само собою разумеется, что я постараюсь уломать его [И. С. Блюменфельда]. К сожалению, он анархист по природе, и я не знаю, что я сделаю в этом отношении.

Предложите Гришину взять нашу типографию, если они не сойдутся с Блюменфельдом. Это будет лучшим доказательством нашей искренности. Солидаризироваться с Блюменфельдом я не вижу никакой надобности. А затем нам надо стараться как можно скорее разделаться со всеми этими господами: пусть они ведаются друг с другом. Этого без с'езда не сделаешь.

А Райчин, по моему, совсем с ума сошел. Прилагаю его письмо к Розе [Р. М. Плехановой]. Покажи его В. И. [Засулич] и сохрани, т.-е. лучше сейчас же верни мне [1]).

Книга, о которой я тебе говорил [2]), у тебя.

Твой.

Примечания.

1. Письма этого в нашем распоряжении не имеется. Оно содержало обвинения Р. М. Плехановой, равно как и членов Группы «Освобождение Труда», в содействии мнимым интригам, направленным лично против С. Г. Райчина.

2. Упомянутая выше «Фабрично-заводская промышленность».

117. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

[18.—19.X. 1898.]

Дорогой Жорж!

Райчина письмо, скажу тебе прямо, меня привело в удивительное состояние. Что в голове у него неладно, в этом нельзя сомневаться, но „совсем ли он спятил", как ты пишешь, это другой вопрос. Совершенно непонятно, как и почему сумасшествие его выражается в такой страшной злобе против меня, единственного из нашей Группы,—и за границей вообще,

который посильно старался облегчить его положение в московской тюрьме и в ссылке—различными путями. Мне невольно приходит в голову подозрение, нет ли за его спиной нечистой силы, которой тем или другим путем хочется заставить Р[айчина] играть роль Кюна—Грина[1]) по отношению к нам. Где он пропадал около $1^{1}/_{2}$—2 месяцев, со времени внезапного исчезновения в Цюрихе до внезапного появления в типографии? Отчего он дает poste restante для писем—ведь живет же он в гостинице или у кого нибудь? Наконец, кто ему все это время (последнее) дает средства на жизнь? Кстати, до известной степени он начал поражать нас своим поведением чуть не через день после своего приезда, когда вернувшись от Люксембург[2]), он категорически высказался против поведения нашего (собственно Жоржа) относительно Кричевского, Гроз[овского-Иогихеса] и вообще оппозиции. При своем втором приезде он у нас всего пробыл несколько минут, хотя и сам бросился целоваться. Вообще в его поведении скоро обнаружились странности. Вот и является подозрение, не набрел ли он на человечка, который пользуется его расстроенным психическим состоянием ради специальных целей?

Интересно бы знать, получилось ли его письмо уже после отправки ему моего? Надя [Н. П. Аксельрод] выражала опасение, что он в моем письме может найти какие нибудь козни против себя. Я несколько дней был нездоров, сегодня настроился на работу, но письмо Р[айчина] окончательно расстроило меня на целый день, так что в душе я даже пенял на тебя, зачем мол прислал. Очень бы хотелось мне послать это письмо Инг[ерману], когда буду ему писать. Не дашь ли мне его тогда?

Не можешь ли припомнить, брал ты Auerbach'a[3]) и Bergmann'a[4]) в долг или на деньги? Получил сегодня вдруг квитиров[анный] счет, но я сказал, что спишусь с тобою, и зайду на днях. Мне раз пришлось два раза платить в Grütlib[uchhandlung][5]) по небрежности бухгалтера и теперь Миллеру[6]) придется второй раз платить. Поэтому я уж теперь осторожен.

Твой П. А.

Сообщи еще раз заглавие книги—может быть, я не ту искал у себя[7]).

Примечания.

1. Кюн и Грин—французы, агенты П. И. Рачковского, разгромившие в 1885 г. по поручению последнего, народовольческую типографию в Женеве.

2. Роза Люксембург.

3. Повидимому, какую-либо из книг Берт. Ауэрбаха, автора «Дачи на Рейне» и др.

4. Bergmann, Jul. 1840—1906, автор «Geschichte der Philosophie» и др.

5. Grutlibuchhandlung—книжный магазин Общества грютлианцев.

6. Миллер—владелец большого книжного магазина в Цюрихе, у которого П. Б. Аксельрод покупал книги для себя и для Г. В. Плеханова, так как в Женеве немецкие книги было труднее доставать, чем в Цюрихе.

7. Речь идет все о той же «Фабрично-заводской промышленности».

118. П. Б. Аксельрод—Р. М. Плехановой.

Дорогая Розалия Марковна!

Скоро будет с'езд [1]), выберет администрацию и тогда нужно будет потолковать и о Р[айчине]. Гришин уехал в Берн, так что и говорить то тут не с кем. Да и с освобождением В. Ив. [Засулич] от администрации—без с'езда—дело не так просто обстоит, как кажется. Так что нужно уговорить Р[айчина] обождать с'езда (от которого мы были бы избавлены, если бы В. Ив. [Засулич] не вообразила на основании письма Блюменф[ельда], что и Ж[орж] очень настаивает на нем). Если Р[айчин] с ума не сошел, то он стал просто ужасным негодяем. Другой альтернативы нет. Даже сумасшествие его В. Ив. [Засулич] считала „подлым“, но я не психиатр и не знаю, насколько тенденции, настроения, намерения нормального человека проявляются в словах и действиях его, когда он впадает в психическое расстройство. А потому я старался оправдать его письмо к Вам, как продукт совершенной невменяемости. Но если все его слова и поступки диктуются только чувством мести, то он на все способен и ни перед какой мерзостью не остановится. Поэтому, откровенно говоря, я не знаю даже, как и говорить о нем с Гришиным и т. д. Прямо совестно. У меня не хватило духа даже Наде [Н. И. Аксельрод] показать Ваше письмо. Мы его так встретили, и Надя специально относилась так тепло к нему, что ..

И главное хоть бы какая нибудь реальная подкладка была под его подлыми заявлениями!

Но я все таки думаю, что у него психическое расстройство, —иначе зачем бы он еще и В. Ив. [Засулич] припутал. И вообще все это отдает страшно расстроенным воображением. В противном случае его в порядочный дом на порог пускать нельзя... Как бы то ни было, не знаю, как и кому, без Гришина приступить к нему, куда вызвать, зачем. Только на возвращение Гришина сюда у меня и есть слабая надежда, — авось, он что нибудь придумает.

Ваш П. А.

Примечание.

1. Известный под именем «первого с'езда Союза русских [illegible] — о нем см. ниже, примечания к письму 119-му.

119. П. Б. Аксельрод—Р. М. Плехановой.

Дорогая Розалия Марковна!

Фридланда все еще не поймал. Разумеется, поговорю возможно убедительнее.

Только что виделся с ним. Он отрицает то, что раввин [Вертгейм] приписывает ему. Вы от него получите копию его письма к раввину [Вертгейму], в доказательство, что старик перепутал. Ну, видно, он свои симпатии по братски разделяет между Вами и мною, но все таки на Вашу долю больше приходится возни [1]).

Как здоровье Жоржа? Неужели придется таки операцию делать? А Райчин не беспокоит Вас своими посещениями и претензиями?

В. Ив. [Засулич] уже тревожится, что мой проект заявления от Группы не будет просмотрен и проредактирован Ж[ор-жем] к сроку, т.-е. к с'езду, который начнется в воскресенье [2]). Собственно заявление наше и незачем было бы пред'являть с'езду, но В. Ив. [Засулич] выдала Гришину конфиденциальное, частное заявление о нашей отставке. Я Ж[оржу] об этом не писал и ее не мучил *), хотя штуку она выкинула, что

* Бесполезно и жестоко было бы при ее сердцебиении.

просто стыдно. Вот вследствие этого и не мешало бы иметь тут настоящее заявление—для публикации, тогда удалось бы от них заполучить выданное им В. Ив. [Засулич].

Ваш Павел.

Примечания.

1. О чем идет речь—не удалось установить.

2. Так называемый I-й съезд «Союза русских с.-д.» состоялся в ноябре 1898 г. в Цюрихе; в его работах приняли участие: В. И. Засулич, Пескин, Гришин, В. Иваншин, Кольцов, Блюменфельд и др. П. Б. Аксельрод присутствовал только на части заседаний; Г. В. Плеханов в работах съезда совсем не участвовал. На съезде Группа «Освобождение Труда» заявила о своем отказе от редактирования изданий «Союза» (кроме №№ 5—6 «Работника» и двух брошюр Ленина, выпуск которых Группа оставила за собою). Съезд принял в Союз ряд новых членов, в том числе Кричевского и Теплова-Сибиряка, которые, вместе с В. Иваншиным, и были избраны съездом в качестве новой редакции изданий «Союза»; съездом были приняты также «резолюции и инструкции»,—своего рода наказ новой редакции. Съезд обсуждал и спорный вопрос о праве собственности на женевскую типографию; Группа «Освобождение Труда», эту типографию в свое время создавшая, настаивала, что типография является ее собственностью и только передана ею в 1895 г. при образовании «Союза» в распоряжение администрации «Союза». Съезд XI 1898 г. решил передать спор на решение Петербургского «Союза Борьбы» (последний, добавим здесь же, в свое время решения не вынес, и типография вскоре вновь стала яблоком раздора в «Союзе»).

120. П. Б. Аксельрод—Р. М. Плехановой.

Vogelsangstrasse, 9/I Stock.

Дорогая Розалия Марковна!

Пишу Вам среди полного хаоса, по случаю переезда на новую квартиру [1]). Прежде всего о статьях Ж[оржа] [2]). Своим вопросом Вы затронули мое больное место, но я рад, потому что даете мне повод облегчить свою душу. Я очутился в положении читателей Ж[оржа], которые из-за „тона полемики" не могут отнестись должным образом к самим статьям и работам его. Положение для меня самого неожиданное и неприятное. Aber wenn zwei dasselbe tun, ist es doch nicht dasselbe [3]). Говорить о достоинствах статей я не буду: во-первых, потому, что „S[ächsische] A[rbeiter] Z[eitung]" я не могу здесь достать

и читал только заключение статьи в „Frankf[urter] Z[eitung]“, а, во-вторых, чтобы открыть недостатки в статьях Ж[оржа], мне нужно было бы засесть *штудировать* их—тогда, кто его знает, может, бог помог бы мне открыть кое-какие пятна (ведь и на солнце имеются), так что я мог бы также придать себе важный вид „критически мыслящей личности“, а, пожалуй, и оригинального мыслителя. Читая же работы Ж[оржа] без таких претензий, я их—знаю, что это не в мою пользу—нахожу всегда замечательными, а (грешный человек—быть может, вследствие своего невежества и односторонности) частенько и больше того. Воздерживаюсь от настоящего слова, которое употреблю, когда Ж[орж] станет еще солиднее годами. В-третьих, я так всегда безусловно хвалил работы Ж[оржа], что мои отзывы похвальные ему, пожалуй, и надоели.

Однако, я уклонился в сторону. Статья Ж[оржа] в „N[eue] Zeit“ против C[onrad] S[chmidt'a] меня—со стороны тона—огорчила, как дипломатическая ошибка. Еще более меня огорчило появление статьи его в „S[ächsische] A[rbeiter] Z[eitung]“, как раз после конгресса[4], на котором обнаружилась единодушная антипатия к Парв[усу] и к Люксембург. Ведь статья могла бы и в „Vorw[ärts]“ появиться, в худшем случае Либ[кнехт] вычеркнул бы фразу относительно погребения Берншт[ейна] партией. Но от этого выиграла бы статья если не сама по себе, то по впечатлению и действию на публику. Читал ли Ж[орж] протокол [Штутгартского с'езда] и превосходную статью Адлера в „A[rbeiter] Z[eitung]“[5]? Если да, то он отчасти знает, как относятся *лучшие* люди к Люкс[ембург] и Парвусу. Словом, мне лично способ атаки Ж[оржа] против философских и политических défaillances [уклонений] в герм[анской] социал[ьд]емократии] кажется опасным в *тактическом* отношении и для нас. Способ этот грозит нам тем, что может вооружить против нас massgebende Elemente [руководящие элементы] в германской социальдемократии, вызвать отчуждение со стороны образованных друзей в России и создать благоприятную, сочувственную атмосферу нашим доморощенным каррикатур-социальдемократам толка С. Н. [Прокоповича] и присных ему. Кстати, слыхал ли Ж[орж] о том, что Люкс[ембург] уже удалена из редакции[6]?

Первая статья Ж[оржа] против Бернш[тейна] („N[eue] Z[eit]") находилась в известном соответствии с претенциозным тоном и впечатлением статей его на публику... Но я боюсь, что мне не удастся кончить сегодня, так как дома и приткнуться негде (пишу в конторе). Кроме того, все равно, подробнее, обстоятельнее или только бегло и коротко выскажу свои Bedenken [сомнения],—они на Ж[оржа] не произведут уж никакого действия, или вернее произведут, но только отрицательное. „Вот еще один, заслуживающий литературной гильотины,—думает он себе,—да беда, что говорит то он все это не в печати". Однако, шутки в сторону.

С высоты исторического полета мои международно-дипломатические Rucksichten [соображения], разумеется, мелки и незначительны, мизерны, а Ж[орж] именно с этой высоты смотрит на мелкие злобы дня, хотя еще недавно он сам подчеркивал необходимость сообразоваться с общественным мнением международной, особенно германской социальдемократии. Лет через 50 все это, конечно, представится мимолетным инцидентом (я говорю не о сути полемики, не о самой атаке, а о впечатлении ее); но с точки зрения нашего теперешнего политического положения внешние формы и способы ее очень существенны, и пренебрегать ими можно бы только в том случае, если бы Ж[орж] решил совсем удалиться от политики и уединиться в своем кабинете, как... Но не знаю, как. Хотел я сказать, как философ. Но ведь настоящий философ, т.-е. Маркс, Энгельс, Лассаль, в нашу эпоху не удаляется на Олимп. И Жорж не удалится, не сможет и не захочет; сама статья против C[onrad'a] S[chmidt'a] в конце концов выставляет две revolution[är]e] Spitze [два революционных тезиса]. А с этой точки зрения „Письмо к Каутск[ому]" должно бы попасть на страницы „V[orwärts'a]", хотя бы с риском потерять одну фразу или, вернее, полуфразу. Затем, по отношению С. S[chmidt'у] [нужно было бы] говорить другим тоном, а накопившуюся в Ж[орже] злость выпустить против Зомбарта [7]), как первоисточника всех ересей. Вот если бы Ж[орж] по отношению к этому Herrn Professor [господину профессору] заговорил таким тоном, то эффект бы был другой! И баталия то вышла бы какая! Бедный Бельтов, которому

так тягостно было воевать с вульгерами, позавидовал бы ему. Вот если бы после этого К. Шмидт выступил на подмогу Зомб[арту], тут Ж[орж] мог бы и его настоящим образом прихлопнуть.

Но зачем я все это говорю. Ж[орж] злится, конечно, что встречает среди близких своих старых товарищей такой „индифферентизм“ к теоретическим вопросам и такое мелочное отношение к предпринятому им походу. Я бы мог документально и при помощи свидетелей (Грейлиха и Якова [Кальмансона]) доказать, что он ошибается. Но как бы то ни было, теперь он негодует на меня и отпускает на мой счет громоздасные ехидства.

Будьте добры, Розалия Марковна, сосчитайте их, и при случае сообщите цифру. А вы все таки исходатайствуйте у Жоржа для меня и В. Ив. [Засулич] на денек „S[ächsische] A[rbeiter] Z[eitung]“ с его статьей. Заранее знаю, что trotz alledem [несмотря на все], испытаю своего рода эстетическое наслаждение, особенно после того, как я высказался перед вами и Ж[оржем]. Мне, признаться, трудненько было начать. зачем де я буду лезть со своими перемпадами!!! Ну, теперь [он] сам напросился на них.

От Вертин. [8]) денег не получал, а потому и не писал ему. Я так понял Вас, что только по получении денег я должен писать ему. Теперь напишу.

У Вас остался конец нашего заявления. Пожалуйста, поищите у себя, я боюсь, что черновой нет его, а заново сочинять неприятно. Должно быть, Ж[орж] по болезни, не заметил моей просьбы в письме приписать пару фраз в конце заявления, если он не найдет нужным совсем изменить его. А может, он это сделал, только весь этот листок манускрипта у Вас остался [9]).

А ты, Жорж, смени гнев, если не на милость, то на снисхождение. В моих ушах раздаются ликования и инсинуации побитых, истерзанных тобою врагов наших, и все это находит сочувственный отклик у тех, кто должны бы быть и были друзьями. Эта моя психология да послужит мне смягчающим мою вину обстоятельством.

А на счет здоровья Ж[оржа] Вы, Розалия Марковна, все-таки хоть карту напишите. До сегодня я хворал, хотя в другом роде.

Кланяемся все.

Ваш П. А.

Примечания.

1. Адрес ее указан П. Б. Аксельродом в начале письма.

2. Как видно из нижеследующего, речь идет о двух статьях Г. В. Плеханова: «K. Schmidt gegen K. Marx und F. Engels», напечатанной в № 7 «Neue Zeit» за ноябрь 1898 г. и «Wofür sollen wir ihm dankbar sein? Offener Brief an K. Kautsky», напечатанной в №№ 253—255 «Sächsische Arbeirter Zeitung» от 30/X и 2 и 3/XI. 1898 г. (обе эти статьи перепечатаны в XI т. сочинений Г. В. Плеханова, Гос. Изд., 1923 г.).

3. Перевод: «Но если двое делают одно и то же, то это все-таки не одно и то же».

4. Штутгартский партейтаг германской с.-д. заседал с 3 по 8 октября 1898 г.

Для того, чтобы были понятны замечания настоящего и ряда следующих писем о спорах внутри германской с.-д., надо указать, что на Штутгартском съезде было оглашено А. Бебелем специально присланное к съезду заявление [«Erklärung»] Э. Бернштейна и в связи с ним впервые были открыты дебаты о ревизионизме. На съезде же выявились и намечавшиеся и раньше два основных течения среди противников Э. Бернштейна: большинство среди них, во главе с А. Бебелем и К. Каутским, решительную принципиальную борьбу с бернштейнианским ревизионизмом стремилось сочетать с осторожной внутрипартийной тактикой; представители этого течения не хотели раскола и ставили своей задачей изолировать Э. Бернштейна в партии; другое крыло противников Э. Бернштейна,—его застрельщиками и в литературе и на съезде были Парвус и Р. Люксембург,—наоборот, добивалось расширения и углубления дискуссии, не пугаясь и возможности раскола. Эти течения по-разному относились к таким представителям партийного «болота», как И. Ауэр; брошенная последним фраза («Милый Эдя, ты—осел; такие вещи делают, но о них не говорят»), четко характеризующая его позицию, широко известна и до сих пор.

5. Штутгартский партейтаг постановил передать выдвинутые Э. Бернштейном вопросы на обсуждение партийной прессы. Эта дискуссия, затянувшаяся на всю зиму 1898—99 г., была открыта в «Vorwärts'е» от 13. X. 1898 г. статьями Э. Бернштейна: «Eroberung der politischer Macht» («Завоевание политической власти») и К. Каутского: «Taktik und Grundsätze» («Тактика и принципы»). Почти одновременно ту же тему затронула посвященная штутгартскому партейтагу статья В. Адлера в «Wiener

Arbeiter Zeitung» (комплекта «Wiener Arbeiter Zeitung» в нашем распоряжении не имеется; статья В. Адлера подробно реферирована в «Leipziger Volkszeitung» от 17. X. 1898 г.). Это — та самая статья В. Адлера, с которою Э. Бернштейн полемизирует в предисловии к своей книге «Die Voraussätzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie» ([illegible] г.) («Предпосылки социализма и задачи социал-демократии».)

6. Обстоятельства, поведшие к сложению Р. Люксембург с себя редакторских обязанностей по «Sächsischer Arbeiter Zeitung», были, вкратце, таковы:

В «Leipziger Volkszeitung» появились статьи [illegible] дальнейшего развития полемики,—см. «Leipziger Volkszeitung» от 21 окт. 1898 г.,—ее автором был Фр. Меринг («[illegible]» (Замечания к партейтагу)», в которой было высказано недовольство примирительной позицией, занятой «Vorwärts'ом» в тактических спорах. Эта статья вызвала довольно резкий ответ «Vorwärts'а». «Leipziger Volkszeitung» не продолжил этой полемики,—вместо него перчатку подняла она (Роза Люксембург) в «Sächsische Arbeiter Zeitung». Между нею и автором статьи в «Vorwärts'е»—Градиауэром—завязалась полемика. Первую реплику последнего Р. Люксембург напечатала в «Sächsische Arbeiter Zeitung» вместе со своим ответом, от печатания же второй отказалась, сославшись на нежелание редакции «Sachsische Arbeiter Zeitung» продолжать эту полемику. Градиауэр, тогда ближайший сотрудник «Vorwärts'а», напечатал эту отклоненную Р. Люксембург статью в «Vorwärts'е» (№ от 29. X. 1898 г.), при чем редакция последнего сопроводила ее примечанием, направленным против Розы Люксембург (редакция иронизировала над ее требованием расширения партийной дискуссии, что, по мнению «Vorwärts'а», не вязалось с отказом печатать статью Градиауэра). Одновременно вопрос об отклонении статьи Градиауэра встал и в редакции «Sächsische Arbeiter Zeitung», и трое из членов этой коллегии—E. Eichhorn, E. Nitzsche и H. Wetzker—письмом в редакцию «Vorwärts'а» (№ от 30. X. 1898 г.) заявили, что отклонение статьи произошло без их ведома и что они его не одобряют. Вслед за этим, 2. XI. 1898 г. в «Sächsische Arbeiter Zeitung» появилось краткое письмо Р. Люксембург, извещавшей, что она слагает редакторские обязанности и об'яснит мотивы этого своего поступка в «другом месте». Этим другим местом оказалась «Leipziger Volkszeitung», в которой (в № от 4. XI. 1898 г.) Роза Люксембург напечатала свой ответ на заметку «Vorwärts'а» и пояснила, что редакция и пресс-комиссия «Sächsische Arbeiter Zeitung» ей в помещении этого ответа отказали.

7. Вернер Зомбарт, известный профессор-экономист; в то время катедер-социалист, только начинавший свою литературную деятельность.

8. Несомненная описка; повидимому, следует читать «Петринского»,—псевдоним, под которым в то время выступал К. Тахтарев («Тар»).

9. Ср. примечания к 119-му и 122-му письмам.

121. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Дорогой Павел!

Роза [Р. М. Плеханова], которая отправляла тебе проект нашего заявления, говорит, что она отправила все, что у нас было. Она обещается, впрочем, поискать у себя на столе, но так как она убеждена, что ею отправлено тебе все, что было нужно, то вряд ли из поисков ее что нибудь выйдет. Лучше припиши немедленно конец. Это ведь дело 20 минут.

В. И. [Засулич] пишет мне, что ты на с'езде не будешь. Я не понимаю—почему, не говоря о том, что твое присутствие там вообще может быть полезно, я думаю, что неосторожно было бы пускать на с'езд одну В. И. [Засулич], о которой ты сам писал, что она страдает страшным сердцебиением. Как бы не заболела она совсем после с'езда?

В. И. [Засулич] писала мне, что какие то цюрихские немцы недовольны моей статьей против Конрада Шмидта[1]), так как де он, Конрад Шмидт, очень хороший человек. Если ты встречаешься с этими немцами, то скажи им, что их довод в философском отношении довольно слаб. А если эти немцы хотят судить о моем споре с. К. Шмидтом на основании других соображений, то пусть они прочтут хотя бы те цитаты, которые я делаю из статей Шмидта: уж из этих цитат они увидят, что Шмидт просто негодяй и совершенно неприличный человек, защищать которого порядочным людям стыдно.

Я получил письма от Бебеля и Либкнехта. Бебель „горячо жмет руку" мне за статью против Шмидта, очень рад тому, что, как он видит теперь из моего письма Каутскому, я решил атаковать Шмидта и Бернштейна также и „auf oekonomischen Gebiet" [в области экономики] и очень хотел бы („wünschte sehr"), чтобы я продолжал против них свою полемику, так как,—пишет он,—у нас мало свободного времени. Либкнехт пишет: „Continuez, tapez fort, tapez dur" („Продолжайте, бейте сильно, бейте крепко")[2]). Из этого видно, что цюрихские немцы не составляют всего общественного мнения немецкой партии.

Ты знаешь мои отношения к Парвусу. Друзьями мы никогда не были. Но когда я прочитал те упреки, которые ему делали

по поводу его тона, позабыв о содержании его статей, мне захотелось сказать обвинителям его, что они обязаны ему благодарностью. Люксембург тоже в числе своих поклонников меня никогда не видала, но когда я прочитал грубую выходку против нее Фроме, то мне захотелось наговорить этому господину колкостей, и я еще сочтусь с ним[3]).

Ну, как бы там ни было, а война теперь пойдет смертная, надо вооружаться.

Бебель говорит в своем письме ко мне: „Я написал Бернштейну, что я его своим товарищем (Genosse) больше не считаю[“][4]).

Где теперь Парвус? Нам надо бы списаться и разделить роли в будущей кампании[5]).

Постараюсь разыскать „Sächsische Arbeiter Zeitung“, я думал, что она у Вас есть.

Из твоего письма я понял, что Яков (твой шурин [Кальмансон]?) теперь в Цюрихе. Так ли это?

Здоровье мое довольно скверно. Привет всем твоим.

Я [А] все таки я ловко отделал эту шельму, Конрада Шмидта. Долго не очухается!

P. S. У Вас был социалдемократ Vogelsang, сделавшийся полицейским. Не в его ли честь названа твоя улица?

Примечания.

1. Первой статьей «K. Schmidt gegen K. Marx und Fr. Engels».

2. Письма В. Либкнехта к Г. В. Плеханову от 3 X. 1898 г., напечатано в т. III сборников «Группа Освобождение Труда», стр. [illegible]

3. Г. В. Плеханов, несомненно, имеет в виду речь Карла Фроме, произнесенную последним на штутгартском партейтаге в послеобеденном заседании 4 X. 1898 г. В этой своей речи К. Фроме заявил, что не верит в благородство мотивов, побуждающих Парвуса и Р. Люксембург к их резким выступлениям, на него эти выступления производят впечатление вызванных желанием «устроить маленький блестящий фейерверк». О Р. Люксембург в этой же речи Фроме заявил, что она «говорит, как богиня из облаков, и бросает во все стороны колючие фразы, не заботясь о том, чтобы привести хоть малейшее доказательство» (официальный «Protokoll» Штутгартского партейтага, стр. 119—120).

4. Речь идет, очевидно, о письме А. Бебеля к Э. Бернштейну от 16 X. 1898 г. Это письмо в печати опубликовано не было (оно сохранилось в архиве Э. Бернштейна), но в Э. Бернштейн и А. Бебель рассм-

[...]разили его, как почти официальное выступление; А. Бебель с копией этого письма ознакомил К. Каутского, П. Зингера и В. Либкнехта.

2) В это время Парвус-Гельфанд был выслан из Дрездена, где он перед тем жил. Некоторое время он жил в Гере, но вскоре, в январе 1899 г., он и оттуда был выслан (как «опасный анархист», см. «Vorwärts» от 2.II. 1899 г.) и перебрался в Мюнхен.

122. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

[Ноябрь 1898 г.]

Дорогой Жорж!

О с'езде тебе уже Блюменфельд и Гинзбург рассказали, конечно, все существенное, а потому ограничусь только общим замечанием, что заявление о нашем отказе от редакции, мною составленное, не годится. Сама В. Ив. [Засулич] должна сознаться, что 9/10 оппозиции проникнуты шахермахерскими тенденциями и привычками [1])...

Адрес Парвуса я и у Ленова [2]) узнать не мог. Обратись в редакцию „Sächsische Arbeiter Zeitung" или просто пошли туда письмо для П[арвуса]: в Дрездене живет его жена, редакция и администрация знают ее адрес.

Я ссылался на протокол [Штутгартского партейтага], а ты мне угрожаешь разнести Фроме, о котором я и забыл, когда писал тебе. Я имел в виду 13 заключительных строк в речи Бебеля (стр. 126), заявление Цеткиной (стр. 131) и Либкнехта (стр. 133, вторая половина). Затем, не цюрихские немцы, а австрийские и германские немцы, недавно, на время попавшие в Цюрих, выражали свое удивление относительно тона статьи против C. S[chmidt'a]. Это—thatsächliche Bemerkungen [фактические замечания], не претендующие, разумеется, повлиять в каком либо отношении на твои тактические планы, особенно после письменных выражений сочувствия со стороны Либкн[ехта] и Бебеля. А все таки жаль, что статья твоя не появилась в „V[orwärts'e"]—хотя бы уже потому, что вчетверо больше людей прочитали бы ее. В одном я несомненно ошибся: Либкн[ехту] было, очевидно, приятно, что ты атаку открыл не в „V[orwärts'e]".—А то, почему до сих пор не перепечатана твоя статья?

Спешу к последнему поезду—хочу отправить письмо, чтобы передать прилагаемое. Я затерял адрес барышни. Мне еще и деловое письмо написать тебе нужно, да и интересные сообщения из тюремных литературных споров (Натансон [3]) и К° и Райчин). Но об этом, когда пришлешь обратно письмо Г. [4]). А барышня действительно нам очень понравилась и мы совсем не из одной только Pflicht [обязанности] хотели тут ей все показать и...

Привет Р[озалии] Марковне.

Твой Павел.

Только что прочитал, что Ledebur избран на место Люксембург [5]).

Примечания.

1. Опущено несколько строк.

2. Борис Аркадьевич Членов, с.-д., старый эмигрант (с конца 1880-х г. г.).

3. Марк Андреевич Натансон (1849—1918 г.г.), известный революционер с конца 1860-х годов. В 1898 г. был в ссылке в Иркутске—по делу партии «Народное Право». Встречаться с С. Г. Райчиным он мог, повидимому, лишь в этапе или в Московской пересыльной тюрьме, где М. А. Натансон был в конце 1895 г.—начале 1896 г. (сообщение об его высылке см. в «Летучих Листках» Фонда Вольной Русской Прессы от 22/III 1896 г.). Так как С. Г. Райчин в ссылке в Минусинском уезде встречался с В. И. Ульяновым-Лениным, который вел переписку с П. Б. Аксельродом, то не исключена возможность, что сообщение о «тюремных литературных спорах» исходило от него. Некоторое подтверждение этому мы находим в сопоставлении предыдущей фразы письма «об утере адреса барышни» с письмами к П. Б. Аксельроду А. И. Ульяновой-Елизаровой, через которую шла переписка с заграницей ее брата. В письме от 17 дек. 1898 г. она сообщала о получении письма П. Б. Аксельрода от 4 дек. 1898 г., причем обращала внимание, что данный ею для переписки адрес П. Б. Аксельродом был спутан.

Если это наше предположение верно, то весьма возможно, что «барышня» во всем этом абзаце—А. И. Ульянова-Елизарова, гостившая в Цюрихе в конце лета 1898 г.

4. Кто скрывается под этим инициалом—неясно.

5. Георг Ледебур, известный деятель германской с.-д.; в ноябре 1898 г. был введен в редакцию «Sächsische Arbeiter Zeitung».

123. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

Дорогой Жорж!

Книга „Фабрично-заводская промышленность“ нашлась у меня на полке; не понимаю, как я ухитрился не найти ее. Если она тебе теперь еще нужна—сообщи, и я вышлю.

Теперь к тебе большая просьба. Каутский присылает мне корректурные листы своей книги об аграрном вопросе [1]). Не знаю, удастся ли ее издать легально в русском переводе. Но пока мне хотелось бы изложить содержание ее возможно подробнее. Но мне нужно бы снестись с редакцией относительно об'ема статьи. Приятнее всего было бы, если бы согласились на максимум листов 8 (в книге будет, кажется, листов 25), я, разумеется не прочь и больше написать, так как это было бы полезно и для читателей и для меня лично. Но я знаю, что редакции не любят длинных статей, а потому на авось писать не хочется. Я имею в виду пример изложения [Н. В.] Шелгуновым книги Энгельса „Die Lage der Arbeiter klasse in England“ [2]). Он посвятил ей чуть не больше 10 листов. А ведь книга К[аутского] имеет теперь гораздо больше actuelles interesse [живого интереса] для нашей публики, чем Энг[ельса] чуть не 35 лет назад. Так вот, будь добр, попроси ты своего нового знакомого списаться с кем следует по этой части [3]). Главное, хотелось бы поскорее получить ответ на вопросы:

1) Хотят ли предлагаемую статью (под заглавием, например, „Новый труд об аграрных отношениях“)?

2) Примут ли ее в об'еме 8 или около того печатных листов?

3) А если нет, то на какой максимальный об'ем согласны?

А что с твоим походом на врагов? На днях получил письмо от Каутского с курьезными сообщениями из писем Берн[штейна] к нему относительно наших внутренних неурядиц. Оказывается, что тебя устранили от редакции за слишком револю[ционное] направление (и то хорошо), что я

seist du im Herzen [в глубине души] на стороне Б[ернштейна], а только по старой Kameradschaft [дружбе] — с тобою. Я, разумеется, написал на счет всего этого К[аутскому], чтобы он был im Klaren [осведомлен][4]).

Ты пишешь Вере Ивановне [Засулич], что здоров. Вполне ли? В. Ив. [Засулич] опять бы следовало в Италию, да денег ни гроша.

Привет всем твоим.

Твой П. А.

Надеюсь, что исполнишь мою просьбу.

Примечания.

1. «Die Agrarfrage». Планы П. Б. Аксельрода об изложении содержания этой книги в легальной печати осуществлены не были, но вскоре вся книга, с некоторыми цензурными сокращениями, вышла по-русски отдельным легальным изданием, сначала в Харькове (изд. Головкина), затем в Петербурге (изд. «Знание»). О высылке П. Б. Аксельроду корректурных листов своей книги об «Аграрном вопросе» К. Каутский впервые упоминает в письме от 15. X. 1898 г.; листы высылались частями.—об окончании этой книги К. Каутский сообщил в письме от 21. I. 1899 г.

2. «Положение рабочего класса в Англии»; подробный реферат ее дан Н. В. Шелгуновым в старом «Современнике» начала 1860-х г.г.

3. Нам неизвестно, о ком именно идет речь — вернее всего, что о М. И. Туган-Барановском; несомненно, что списаться П. Б. Аксельрод просит с редакцией тогда только что нарождавшегося легального марксистского журнала «Начало».

4. В одном из своих писем к П. Б. Аксельроду (без даты но, несомненно, от конца 1898 г., — уже после с'езда «Союза» в Цюрихе) К. Каутский спрашивал:

> «Как идут дела у Вас? Эдя [Э. Бернштейн] писал мне торжествующе, что Плеханов устранен рус[скими] с.-д. и принужден сложить редакторство, ибо его точка зрения для них слишком революционна. Он видит в отставке Плеханова победу своего течения. По сообщениям здешних русских, это представление, однако, совершенно неверно и поскольку можно говорить о недовольстве Плехановым, то оно должно быть сведено к редакционно-техническим делам, а не к принципиальным разногласиям. Эдя пишет мне также, что ты в глубине души стоишь больше на его стороне и не хочешь только из старой дружбы рвать с Плехановым.
>
> «Мне было бы очень приятно от тебя самого осведомиться на этот счет».

124. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

(Genève, 21. XII. 1898 г.)

Милый Павел!

Я давно уже написал куда следовало по твоей просьбе, но ответа еще нет. Как только получу, сообщу. По моему, ты пиши листов на 8, и потом можно будет частью сократить, а частью направить в другой журнал, например, в „Русскую Мысль“. Я теперь пишу против К. Шмидта и разделываю его под орех [1]). Читал ли ты его статью в „N [eue] Z [eit]“ [2])? Известно ли тебе что-нибудь более глупое и бесчестное (говорю в смысле логической честности, т.-е. последовательности и смелости мысли)?

Скоро уж и праздники. Поздравляю Вас всех с ними. Написал бы тебе больше, да рука за целый день страшно устала от писания.

А статейка, которую я сейчас пишу, будет недурна и, надеюсь, не лишена будет некоторого значения в философской литературе. Пиши.

Роза [Р. М. Плеханова] всем вам кланяется.

Твой Г. П.

Примечания.

1. Это была статья «Materialismus oder Kantianismus?» («Материализм или кантианство?»); она напечатана в «Neue Zeit» от 25 января 1899 г.

2. «Einige Bemerkungen über Plechanows letzten Artikel in der «Neue Zeit» («Несколько замечаний о последней статье Плеханова в «N. Z.») напечатано в «Neue Zeit» от 30. XI. 1898.

125. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

[Конец февраля 1899 г.]

Дорогой Жорж!

Бюхера [1]) ты, конечно, уже получил. Т. к. я не имею права на свое имя брать книги, то я поручил детям (как студентам) это сделать; но они как то проглядели его в каталоге, где он действительно занесен так, что легко не заметить

Я обратился к одному доценту и через него узнал, что имеется Бюхер. Другая книга на руках и т. к. через несколько дней все книги должны быть возвращены в библиотеку, в виду обычной каникулярной ревизии, то теперь ее заполучить нельзя будет. Есть у меня слабенькая надежда заручиться покровительством, чтобы выпросить ее на недельку. Не знаю только, удастся ли. Постараюсь во всяком случае. Но прежде всего я сам должен своевременно возвратить Бюхера. Постарайся выслать его к концу недели.

Старик Бюркли поговаривает о возвращении его книг, которые он вместе со всей своей библиотекой собирается завещать какому-то учреждению. Но если ты пишешь историю франц[узского] социализма, то он будет милостив и еще подождет.

Не писал тебе по поводу статей Шмидта и твоих по 101 причине, из которых главная, — после моего удивительно скверного, прямо ужасного морального состояния (род морального кризиса, а может, и хронической болезни) — чувство совестливости, вследствие сознания своего полного невежества в философии. Поскольку я могу судить и понимать написанное тобою, я стою на твоей точке зрения и принимаю твои выводы. Но как то странно выражаться мне таким языком в данном случае, когда я в жизнь свою не заглянул ни в Канта или Фихте, ни в работы так называемой „Критической Школы". Да и вполне ли я понимаю тебя? Мне...

Предыдущие строки написаны были уже три дня тому назад, а так как мне сегодня не удастся докончить то, что хотел сказать, то отправляю, как оно есть. Получил твоего Белинского [2]). Прекрасная брошюра. Я нездоров порядком корректуру должен править и ради экономии места, приходится мне пару страниц в одном месте выбросить и соответствующие изменения сделать в заключении.

Странно, по прочтении Конрада Шм[идта] у меня были в голове разные мысли, которые собирался тебе писать, твоя статья ободрила меня, т. к. мне показалось, что я в точку попал. А теперь все они разлетелись.

Твой П. А.

Бюхера, ради всех святых, пришли своевременно

Примечания.

1. Речь идет, конечно, о какой-либо из книг Карла Бюхера, автора работ «Entstehung der Volkswirtschaft», «Arbeit und Rhythmus» и др.; вернее всего, о последней из названных книг. — Г. В. Плеханов работал в это время над своими статьями об искусстве (печатались в «Начале», 1899 г., и «Научном Обозрении», 1900 г.) и изучал литературу по смежным дисциплинам; к этой категории относятся упоминаемые в печатаемых нами письмах работы Bergmann'а, Semper'а, Fechner'а и др.

2. Брошюра Г. В. Плеханова «В. Г. Белинский»; вышла в Женеве в 1899 г.

126. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Genève, le 3 mars 1899.

Дорогой Павел!

Я надеюсь, что ты получил книгу Bücher'а. Напиши. Отчего ты не докончил своих соображений о моем споре с Конрадом Шмидтом? Мне очень интересно было бы прочитать их.

За книгу Бюхера великое тебе спасибо. Теперь я прошу тебя постараться насчет книги Земпера: Der Still in der Künsten [1]. Она мне безусловно нужна для моих работ. Уж как нибудь растормоши своих немцев, чтобы они поскорее кончали поверку книг. Если бы ты знал, какие интересные у меня бродят мысли насчет истории искусства!

Бюркли скажи, что отбирать у меня теперь книги равносильно убийству.

Что Вера Ивановна [Засулич]? Она, говорят, очень нездорова. Напиши мне, пожалуйста, подробно о том, как она поживает. А когда же увидимся? Что ты думаешь о книге Каутского Agrarfrage? По моему,—прекрасная книга!

Твой Г. П.

А Шмидт еще пищит? Я его еще разделаю в Vorwärts'е [2]. Где теперь Яков [Кальмансон]?

Примечания.

1. Manfred Semper—известный германский архитектор и ученый, автор сделавшей эпоху в своей области книги «Der Stil in der technischen und tektonischen Kunsten».

2. Это замечание Г. В. Плеханова относится к заметке K. Schmidt'а «Was ist Materialismus?», помещенной в «Neue Zeit» от 15. II. 1898 г. Ответ Г. В. Плеханова в «Vorwärts» не был помещен (в этом органе в течение 1899 г. статей Г. В. Плеханова вообще не появлялось) — и впервые опубликован лишь в «Критике наших критиков».

127. П. В. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

[Начало марта 1899 г.].

. . . . [1]).

Я бросил и не послал тебе своих соображений о твоих дебатах с Шм[идтом] потому, что „вступила мне в голову мысль", что стыдно в конце 19 в[ека] писать свои соображения о предмете, имеющем свою историю, не будучи с ним знаком хоть как дилетант, даже как самый поверхностный дилетант. Грейлих, доцент Гольдштейн, Катценштейн [2]) и др. интеллигенты прямо заявляют: „wir verstehen davon nichts" [мы в этом ничего не понимаем], „не занимались философией". А я вдруг буду совать нос, имея не больше, чем они понятия о предмете спора. Устно можно бы еще рот раскрывать, а формулировать на бумаге „unfertige" [неготовые] смутные „Vorstellungen" [представления], бог знает как образовавшиеся, — стыдно. А относительно свидания — поскольку от меня зависит — и хочется, и колется. Колется в том смысле, что по разным причинам я в последние недели еще значительно поглупел, а я себе vorgenommen [поставил целью] поехать к тебе хоть немного поумневшим. Кроме того другие препятствия имеются. Думаю также, что В. Ив. [Засулич] будет в душе завидовать, на что она имеет полное право. Кстати, если бы ты уговорил ее съездить в Женеву погостить, я бы рискнул дать ей деньги из присланных американцами). Я сплошь целую ночь не спал и сижу с пером в руке, но с ощущением не то головокружения, не то полупьяного человека.

Твой П. А.

Примечания.

1. Начало письма не сохранилось.

2. Гольдштейн — приват-доцент Цюрихского университета, в то время сочувственно относившийся к с.-д. движению. Симон Катценштейн — немецкий с.-д., автор ряда статей в «Neue Zeit»; в начале 1899 г. он приезжал в Цюрих.

3. Это — те самые «американские деньги», которым сравнительно много места уделено в печатаемых ниже 132—134 письмах. Так как эпизод, с ними связанный, сыграл в свое время некоторую роль во внутренней жизни «Союза», то мы расскажем здесь его фактическую сторону, поскольку ее удается проследить по сохранившимся в архиве П. Б. Аксельрода документам.

Русские с.-д., жившие в Нью-Йорке и объединившиеся в «Русский С.-Д. Клуб в Нью-Йорке», и после образования в 1895 г. «Союза русских с.-д.» продолжали считать Группу «Освобождение Труда» единственной признанной представительницей русской с.-д. в эмиграции; они производили свои сборы на издание с.-д. литературы от имени Группы; ей же они высылали собранные деньги. Раскол в «Союзе», происшедший в 1898 г., явился для американских товарищей полной неожиданностью; обсудив создавшееся положение, они решили все свои сношения с Швейцарией вести по-прежнему через Группу; в силу этого решения они направили Группе в начале 1899 г. очередную сумму денег (700 фр.), собранных в Нью-Йорке. Официальное сопроводительное письмо, пришедшее с этою суммой, не сохранилось, но вполне достаточное на этот счет указание имеется в письме тогдашнего бесспорного руководителя Нью-Йоркского клуба С. М. Ингермана к П. Б. Аксельроду (от 5. III. 1899 г.):

> «Что бы там у вас ни происходило, мы, американцы, не имея возможности отсюда разобраться в тамошних делах, будем с вами [т.-е. Группою], пока не наступит у вас там мир и согласие. В этом смысле и секретарь наш писал вам при отправке денег, так мы и впредь будем поступать».

Основываясь на этом письме (и на несохранившемся официальном сопроводительном письме), Группа «Освобождение Труда», как раз в это время обсуждавшая вопрос, не своевременно ли ей возвратиться к самостоятельной издательской деятельности, оставила у себя полученные деньги. Между тем молодой «Союз», извещенный своими сторонниками из Америки, также ждал этих денег, и молодые на них также рассчитывали. Поэтому новый секретарь «Союза» Гришин (тогда принявший псевдоним Поляковича), в бытность свою в начале апреля 1899 г. в Цюрихе, справился у П. Б. Аксельрода, не пришли ли ожидаемые ими деньги из Америки. П. Б. Аксельрод указал, что деньги получены специально для Группы, которая относительно способа использования их должна списаться с Америкой. Гришин вынес вопрос на обсуждение администрации «Союза», которая обратилась к П. Б. Аксельроду с резким официальным письмом (в нашем распоряжении его нет, — об его характере мы можем судить по остроте реакции П. Б. Аксельрода и В. И. Засулич); в этом письме говорилось, что задержка денег мешает своевременной доставке в Россию очередного «Майского Листка», и ответственность за это возлагалась на Группу.

П. Б. Аксельрод и В. И. Засулич в первый момент полагали, что единственной подходящей реакцией на подобное письмо администрации будет выход их из «Союза»,—следы этого настроения имеются в 132—135 письмах; относительно же «американских денег» они склонялись к мысли, что удержание их Группою у себя может иметь место лишь в том случае, если Группа сможет развить достаточно активную самостоятельную издательскую деятельность. Г. В. Плеханов в вопросе о выходе из «Союза» встал на иную точку зрения, и его настойчивые письма задержали посылку ответа и поколебали настроение П. Б. Аксельрода и В. И. Засулич; в этом же направлении действовало и личное письмо Гришина от 22. IV. 1899, которым последний явно стремился загладить резкость письма администрации. В итоге ответ Группою был дан лишь около 10. V. 1899 г.; проект его, повидимому, близкий к окончательному тексту, сохранился в архиве П. Б. Аксельрода; по существу вопроса об американских деньгах в нем говорится, что, получив деньги со специальною оговоркою об их назначении для изданий, редактируемых Группою, Группа может их передать «Союзу» лишь по получении разрешения из Америки, запрос куда уже послан.

Тем временем вопрос об этих деньгах в «Союзе» встал и в другой связи. Закончив в середине марта 1899 г. работу над последними изданиями, выходившими под редакцией Группы,—над № 5—6 «Работника» и брошюрою «Новый фабричный закон»*),—И. С. Блюменфельд прекратил свою работу в типографии, оставив представителям администрации долги по этим последним изданиям,—Бохановскому за набор статьи П. Б. Аксельрода «По поводу нового народного бедствия»—158 марок и Ляхоцкому («Кузьме») за набор брошюры «Новый фабричный закон»—130 фр., всего 288 фр. Администрация «Союза» задерживала расплату сначала из-за отсутствия денег, позднее же—в виде ответа на невыдачу «американских денег»; эту последнюю мотивировку открыто дал 26 мая 1899 г. представитель администрации В. П. Иванишин в разговоре с И. С. Блюменфельдом. Последний реагировал на это особым заявлением, обращенным ко всем членам «Союза»; в заявлении он настаивал на признании действий администрации неправильными и предлагал выразить ей порицание; это заявление в начале июня было разослано всем членам «Союза», при чем администрация сопроводила его обстоятельным ответом, отстаивая правильность своего стремления заставить Группу заплатить эти долги из имеющихся у нее «американских денег».

---

*) В. И. Невский в своей статье в т. II «Историко-революционного сборника» ошибочно относит эту брошюру к изданиям «молодого» Союза; на деле Группа «Освобождение Труда» на ноябрьском съезде 1898 г., отказываясь от редактирования изданий «Союза», сделала специальную оговорку о выпуске под ее редакцией не только № 5—6 «Работника», но и этой брошюры В. И. Ленина, а также другой брошюры этого автора—«Задачи русских с.-д.».

128. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Четверг, 3 часа (март 1899 г.).

Дорогой Павел!

Сейчас только отправил тебе первый том Земпера и книгу [А.] Скворцова: „О влиянии парового транспорта на сельское хозяйство", в которой ты найдешь нужную тебе терминологию [1]). Брошюру Бернштейна [2]) я получил,—спасибо тебе. Я прочитал пока только философскую часть ее и... просто поражен ее слабостью! Слабее, хуже писать нельзя. На мои философские статьи он ровнехонько ничего не ответил, а выругался грубо и глупо, да тем и ограничился. Ну, да ладно, мы с ним сосчитаемся, и плохо придется этому Санчо Пансо, когда я начну хлестать его своим полемическим бичом! Я заранее чувствую, что напишу нечто хорошее, только... только не любит „Neue Zeit" философии, а кроме этой газетки-журнала и печататься негде. Вот беда.

Он [Э. Бернштейн] ссылается на сочувствие ему русских социалистов [3]). Что это за Рабочая Газета, о которой он говорит? Если киевская, то следовало бы протестовать в „Vorwärts'e". Да если даже он имеет в виду „Рабочую Мысль", то и тогда следовало бы заявить там же, что наше разногласие с „Раб[очей] Мыслью" сводится к вопросу о том, все ли равно для рабочего движения или не все равно то обстоятельство, что у нас существует абсолютизм, а не английская конституция. И соответствующее место надо бы привести в виде цитаты (из передовой статьи [4]). Ты оказал бы большую услугу делу, если бы написал письмецо в „Vorwärts" [5])

Что ты об этом думаешь? Теперь, брат, надо бороться не на живот, а на смерть: я опять скажу, дело идет о том, кто кого

Исход сильно затянувшегося голосования нам не известен, но во всяком случае, результатом этого столкновения была постановка на очередь вопроса о выработке твердого соглашения, по которому «Союз» обязывался давать регулярную субсидию Группе на издание под редакцией последней тех брошюр, которые она признает нужными. Что же касается до «американских денег», то они были удержаны Группой и позднее пошли на издание «Vademecum'a».

похоронит: Бернштейн социалдемократию, или социалдемократия Бернштейна.

Поговори с В. И. [Засулич] на счет этого заявления в „Vorwärts'e“.

Теперь вот что: В. Ив. [Засулич] тебе уже, вероятно, сказала, что Поликовскому на счет поднесения Блюменфельду описи уже написано*). Значит дело непоправимо. Остается сделать его в том виде, какого избежать нельзя. Гинзбург пришлет тебе деньги на покупку книг. Прошу тебя, приложи к ним франков 15 от нашей Группы (т.-е. также за меня и за Веру [В. И. Засулич]: у меня сейчас нет) и вышли те книги, какие указаны будут Гинзбургом.

А американские деньги ни в каком случае не надо отдавать (пока) Союзу. Кто их знает, может быть, будет разрыв.

Примечания.

1. Терминология эта нужна была П. Б. Аксельроду в его работе над «Agrarfrage» Каутского.

2. «Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie», Dietz-Verlag, 1899 г. Книга эта вышла в свет в середине марта 1899 г., —первый реферат о ней помещен в «Vorwärts» от 14—15 марта 1899 г., а «Vorwärts» такие вещи реферировал по последней корректуре.

3. Такую ссылку Э. Бернштейн делает в примечании на стр. 17 1-го немецкого издания. Так как это примечание в русских изданиях книги Бернштейна всюду дано с сокращениями (в легальных изданиях это сокращение вызвано цензурными соображениями; что же касается до лондонского издания 1900 г., то здесь неполнота примечания ясно обусловливается редакторской правкой переводчика), то мы приведем здесь соответствующую часть примечания полностью:

> «В другом месте этой работы — пишет Э. Бернштейн — я цитировал некоторые социалистические газеты, которые приняли мои выводы или сами высказались в том же духе, как и я. Их список можно было бы намного удлинить, но у меня нет охоты подкреплять мои аргументы весом числа и авторитета моих единомышленников. Но чтобы выставить в их надлежащем свете полемические приемы «Исполина» Плеханова, я должен упомянуть, что большая, если не бо́льшая часть действующих в России русских с.-д., в том числе редакция русской рабочей газеты решительно присоединилась к точке зрения близкой к моей, и что с этой стороны ранние мои «бессодержательные» статьи были переведены на русский язык и распространены в отдельных изданиях. Все

можно, что это не «на радость» Плеханову. Но что за нелепая манера при подобных, ему хорошо известных обстоятельствах говорить о «сплошной» реакционной массе, — выражение, кстати сказать, по своей бессмысленности в десять раз превосходящее ту фразу о реакционной массе, которую Маркс и Энгельс всегда отвергали».

Слова, подчеркнутые нами, в лондонском русском издании опущены, а именно их и имеет в виду Г. В. Плеханов в данном письме.

4. В нашем распоряжении не имеется тех №№ «Рабочей Мысли», которые имеет в виду Г. В. Плеханов.

5. Такое письмо не было написано; впервые на это замечание Э. Бернштейна о солидарности с ним русских с.-д. Г. В. Плеханов ответил в статье «Cant против Канта» («Заря», т. 2—3, стр. 225—226).

6. О чем идет речь—нам неизвестно.

129. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

Дорогой Жорж!

50. фр. высылаю. Вчера опоздал на почту, ибо засиделся у В. Ив. [Засулич]. Если ты не получил „Нач[ало]“ [1]), но желаешь его теперь иметь, пошлю тебе экземпляр, присланный [Х. Г.] Раковским на мой адрес „для Маркушиной“ [2]), а потому присвоенный В. Ив. [Засулич] в свою частную собственность.

Читал ты статью [Викт.] Адлера в „A[rbeite]r Z[eitun]g“ [3])? Начало ее, полное комплиментов и оговорок по адресу Б[ернштейна] действует удручающе, и такое же впечатление производят вылазки его против философских дебатов. Конечно, в известных пределах он прав. Во всей интернац[иональной] социальд[емократии] едва ли найдется дюжина лиц, способных, не говорю участвовать, но серьезно следить за этими дебатами. Но все же тон Адлера по этому пункту, именно в настоящий момент не подходящий. Теперь ты, быть может, поймешь положение Каутского и его отношение к превращению „Neue Zeit“ в арену для философских сражений.

Хотелось бы еще потолковать на тему о бернштейниаде, но некогда. По моему, она зловредна не столько своими практическими положениями и заявлениями, сколько именно теоретической путаницей, в которой собственно и скрывается

истинный антиреволюционный смысл и тенденция книги Бернш[тейна]. И вот что еще: мне кажется, что ее несостоятельность гораздо легче обнаружить на почве теории, чем в сфере вопросов практической политики, оторванных от их теоретического фундамента, так как в сфере этих вопросов могут сходиться люди различнейших воззрений и темпераментов.

Жму крепко руку.

Твой П. А.

Примечания.

1. «Начало»—ежемесячный марксистский журнал, выходивший в течение первой половины 1899 г. в Петербурге; № 4 был сожжен цензурой, на № 5 журнал был закрыт. Впоследствии стало известно, что деньги на издание журнала давал департамент полиции с провокационными целями (через своего агента М. Гуровича).

2. Псевдоним В. И. Засулич 1880-х г.г.

3. П. Б. Аксельрод, несомненно, имеет в виду ту статью В. Адлера в «Wiener Arbeiter Zeitung», которую подробно цитирует обозреватель «Vorwärts'a» в № от 9. IV. 1899 г.

130. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Суббота [конец марта 1899 г.]

Дорогой Павел!

Спасибо за деньги. Я теперь строчку ответ Бернштейну [1]. Посмотрим, что будет в экономии, а в философии он уже раздавлен Каутским [2]. Я подойду с другой стороны и тоже разнесу его великолепно. Жалкий писака!

Но вот что: мне очень нужны были бы письма Энгельса, напечатанные К. Шмидтом (в „Soz. Akad." за окт. 1895 и в „Leipziger Volkszeitung", 1895, 26 (?) окт.) [3]). Нельзя ли их достать в Цюрихе? Эти письма имеются у меня во французском переводе, но их, конечно, надо (для цитирования) иметь в подлиннике. Постарайся достать—очень обяжешь меня!

Ты совершенно прав—главный вред Бернштейна в той путанице понятий (теоретических), которую он внесет, но за эту путаницу ему и достанется порядком.

Эх, хотелось бы мне побывать теперь в Цюрихе и вместе с вами прочитать брошюру Бернштейна! К сожалению, теперь об этом нельзя и думать: я слишком занят. Привет всем твоим.

Твой Г. П.

Примечания.

1. В печати в 1899—1900 г.г. этот ответ не появился. Повидимому, сделанные в это время Г. В. Плехановым наброски были использованы им позднее, в 1901 г., в статье: «Cant против Канта».

2. Г. В. Плеханов имеет в виду статью К. Каутского в «Neue Zeit» «Bernstein und die materialistische Geschichtsauffassung» (№ от 22 марта 1899 г.) и «Bernstein und die Dialektik» (№ от 29. III. 1899 г.).

3. В журнале «Der Sozialistischer Akademiker» за 1895 г. (№№ 19 и 20) К. Шмидт (под псевдонимом «Catilina» и «H. St.») напечатал два письма к нему Ф. Энгельса от 21. IX. 1890 г. и 25. I. 1894 г. В «Leipziger Volkszeitung» (от 26. X. 1895 г.) он же опубликовал письмо к нему Ф. Энгельса от 27. X. 1890 г.

131. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

[Первые числа апреля 1899 г.]

Дорогой Жорж!

Один номер требуемого журнала [1]) достал и посылаю его тебе. Другой, может быть, завтра достану, но сомнительно. Хотел было, написать в редакцию, чтобы тебе выслали p[e]r Nachnahme [наложным платежом], но не могу отыскать письма *), а потому советую тебе написать в ред[акцию]. Мне обе последние статьи К[аутского] (в „N[eue] Z[eit]“ [2]) и в „V[orwärts]“ [3]) еще гораздо больше понравились, чем статья его о матер[иалистическом] понимании истории, быть может, потому, что в этой статье нет ни одного аргумента, который бы и у меня не был в голове. Но и во второй статье чисто философская сторона дебатов только затронута. Блестяще К[аутский] отпарировал вылазки Б[ернштейна] против якобы зловредных последствий диалектики в воззрениях Маркса и Энгельса. Но все же остается еще обнаружить всю несостоятельность Берншт[ейна] в понимании диалектики, вульгарность и неясность его представлений о ней. И эту задачу уж никоим образом никто, кроме тебя, не может выполнить.

---

*) С точным обозначением номера и года книжки журнала.

Удивительно: свое предыдущее письмо я чуть было не закончил таким же желанием, как ты, и не написал его только потому, что не мог дать себе ответ на вопрос: „А деньги на поездку Ж[оржа]?“ Я уже начал было придумывать комбинацию, как бы тебя у нас в доме устроить,—если не у себя, то у соседей комнату найти*). Но перед вопросом о финансах я совсем стал в тупик. Кстати, сегодня был у меня Гришин, и между прочим, спросил об америк[анских] деньгах. Я ему сказал, что они присланы Группе [„Освобождение Труда“] и что я жду более точных указаний из Америки относительно их употребления. Он будет на днях в Женеве. Расспроси его, прежде всего, о делах в России, „Р[абочей] М[ысли]“ (он теперь приехал из Берлина)[4]. Сообщения его во многих отношениях интересны, хотя и не очень отрадны, за исключением того общего факта, что движение растет и расширяется, и что люди *работают*. За это они заслуживают снисхождения. Но в *организационном* отношении они ведут себя скандально, ниже всякой критики.

Привет твоим.

Твой П. А.

Если в polit.[5]) библиотеке окажется S[o]z[ia]listisch[e]r Akad[e]mik[e]r], то придется перебрать все номера за пару лет.

Примечания.

1. Упомянутого в предыдущем письме журнала «Sozialistischer Akademiker».

2. Названная во втором примечании к предыдущему письму статья К. Каутского: «Bernstein und die Dialektik».

3. В «Vorwärts» за март—апрель 1899 г. К. Каутский поместил целый ряд статей против Э. Бернштейна: «Bernsteins Streitschrift» в №№ от 16, 17 и 18 марта и «Nochmals Bernsteins Streitschrift» в №№ от 8, 11 и 12 апреля. П. Б. Аксельрод, повидимому, имеет в виду первую из этих двух серий статей.

4. В это время редакция «Рабочей Мысли» (Кок и др.) помещалась в Берлине.

5. Повидимому, в библиотеке цюрихского политехникума, где в то время учился сын П. Б. Аксельрода—А. П. Аксельрод.

---

*) А по части диэты в пище у нас теперь совсем хорошо: прекрасная кухарка, да к тому еще добрая.

132. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

[20 апреля 1899 г.]

Дорогой Жорж!

Я тебе указал соображения, по которым мы пришли к сообщенному тебе решению. Получив вчера утром твое лаконическое письмо [1]), я надеялся вчера или, по крайней мере, сегодня получить от тебя необходимые об'яснения к твоему решению. Но вот уже была одиннадцатичасовая почта, а ожидаемого письма не оказалось. Я вчера еще хотел телеграфировать тебе, чтобы ты приехал в Цюрих, т. к. мне теперь почти невозможно уехать даже на несколько дней. Ты говоришь, что вопрос о том, должны ли мы существовать, как группа, решим при личном свидании. Не решив этого вопроса, на каком основании, в силу какого права мы можем задержать у себя деньги, присланные нам на издания, в том предположении, что мы представляем коллективность. В. Ив. [Засулич] говорит про себя: „Я больна и при теперешних обстоятельствах не могу быть активным членом какой бы то ни было группы". Я, с своей стороны, слишком мало литературно производителен. А ты занят другими делами. Выходит, что Группы нет, и что мы не имеем raison d'être [оправдания для существования], как таковая. Вывод отсюда по вопросу об америк[анских] деньгах само собой ясен. Я, однако, высказал В. Ив. [Засулич] мотивированное предположение, что, может быть, у тебя имеются литературные проекты и другие планы, а особенно в виду множащихся симптомов реакции и всякой чертовщины в нашем собственном лагере (социальдемократическом)—планы очень важные, и мы будем жалеть, если отдадим деньги. Меня, по крайней мере, сильно задерживает это соображение. Если да, то приезжай сейчас—не можешь же ты требовать от нас слепого повиновения в таком деле, где мы все являемся ответственными лицами.

Я с удовольствием ждал бы из Америки приказа не отдавать денег. Но какая гарантия, что такой приказ будет? На мой первый запрос я такого приказа не получил. А после агитации друзей начальства [2]) в Америке можно ожидать именно

приказа в обратном смысле. Можно бы добиться приказа благоприятного нам только в таком случае, если бы им написать от имени групиы [„Освобождение Труда"], что то-то и то-то она собирается делать, издавать и т. д. Ну, хотя бы, напр., что ты готовишь для печати такую-то книгу или такие-то брошюры. А писать я лично туда при теперешнем положении не могу. Summa summarum [в окончательном итоге] вот мое предложение: жду от тебя телеграммы или о приезде твоем, а если не можешь, то такую: „Geld nicht senden. Brief folgt" [„Деньги не посылайте. Письмо следует"]. Это для меня будет значить, что ты решил в ближайшем будущем что-то напечатать, и что я могу в этом смысле писать в Америку. Но, конечно, гораздо лучше было бы свидеться и обстоятельно поговорить. Расходы на дорогу тебе я считаю себя в праве взять из америк[анских] денег, не давая в том отчет „Союзу", даже если бы решили слать ему деньги, т. к. дело идет если не о воскрешении групиы, то о ликвидации ее, а деньги пока что все-таки присланы нам, в распоряжение групиы. Итак, жду завтра телегр[амму] о приезде, а на худой конец: „Geld nicht senden" [„Деньги не посылайте"]. Если не получу до 4—5 часов вечера телеграммы, значит, и у тебя нет ничего определенного в перспективе, и ты не хочешь брать на себя ответственности за удержание америк[анских] денег и, следовательно, нужно их немедленно отдать. Не зная твоих мотивов, мы, разумеется, не можем понять, почему ты так против выхода из Союза.

Я думаю, что замечания Булгак[ова] против Zusammenbruchtheorie [теории катастрофы][3]) доставят ему[4]) такое удовольствие, какого от нашего выхода не получит, тем более, что в Союзе господствует такой мнимо правоверный „ортодоксальный" марксизм, что с точки зрения Бернштейна] должно казаться, что именно твое направление там одержало полную победу. Как бы то ни было, мы теперь не выходим. Но представь себе, что, не получая денег, начальство пришлет мне еще более резкое письмо. Ведь тогда я вынужден буду выступить, а В. Ив. [Засулич] и теперь готова выступить, если я выступлю.

Твой П. А.

Примечания.

1. Это письмо Г. В. Плеханова, равно как и вызвавшее его письмо П. Б. Аксельрода, не сохранились. Мотивы, об'ясняющие постановку вопроса о деньгах, ясны из 133-го письма и из 5-го примечания к 127-му письму.

2. Т.-е. новой администрации «Союза русских с.-д.».

3. С. Н. Булгаков, в молодости марксист, ныне—православный священник. Его замечания против Zusammenbruchtheorie (о том, что она не выдерживает критики современной науки») были сделаны в статье «К вопросу о капиталистической эволюции земледелия» («Начало», 1899 г. № 3, стр. 34 и др.).

4. Из дальнейшего несомненно, что «он»—здесь—Э. Бернштейн. Возможно, что неожиданность перехода об'ясняется утерею части письма,—в распоряжении редакции оригинала его не имеется.

133. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Пятница (21 апреля 1899 г.).

Дорогой Павел!

Утром, по получении твоего письма, я послал тебе телеграмму, а теперь, согласно телеграмме, пишу свой ответ. Дело вот в чем.

Не мне, а Вам обоим надо было пускаться в подробную мотивировку своего мнения, так как не я, а Вы вносили предложение: 1) отдать деньги, 2) выйти из Союза. Это последнее предложение явилось у Вас ровно ничем не мотивированным, и я решительно не знаю, почему я должен выйти из Союза. Правда, у нас в Женеве теперь проживает пара толстовцев, но в свою веру они меня, пока что, не обратили. Я останусь в Союзе, пока м е н я не прогонят или пока *я* не прогоню своих врагов. Для меня это дело окончательно решенное.

Что касается денег, то одно из двух: или мы имели право их задержать, или нет. В первом случае я не вижу, зачем их отдавать теперь. Во втором—я не понимаю, почему Вы обиделись на письмо администрации: она д о л ж н а была сделать Вам нагоняй, а Вы (т.-е. пожалуй мы все, но ведь я при особом мнении) должны благодарить ее за то, что она не отдала Вас под суд: и м е л а п о л н о е п р а в о. Из твоих писем я не вижу, как ты выходишь из этой дилеммы.

А мои планы вот какие. Надо написать в Америку, что полезно было бы издать по русски как можно более из полемических статей против Бернштейна. Большинство Союза состоит из людей, которые не захотят сделать это, поэтому группа „Освобождение Труда" решила взять на себя это издание. Если Вы не согласны с моим мнением, то напиши, что я один беру на себя это дело и зову американцев поддержать меня в борьбе с Бернштейнизмом, который грозит самому существованию социальной демократии. Я не уверен, что американцы откликнутся на это. Но я обязан стучаться во все двери, и я буду стучаться.

Борьба с Бернштейнизмом в России есть насущнейшая задача минуты. „Начало" целиком на стороне Бернштейна. Мы должны противопоставить влиянию наших катедер-марксистов свое влияние марксистов-революционеров. Сделаем ли мы что нибудь? Думаю, что да, но если бы и не сделали, борьба обязательна. Тут своего рода категорический императив: Du kannst, denn du sollst [ты можешь, так как ты должен]. Я не хочу отнимать, захватывать чужие деньги, я просто прошу тебя списаться по их поводу с Америкой: Гришин говорит, что группа „О[свобождение] Т[руда]" не имеет (по Уставу) права на существование. Я берусь доказать (на основании Устава и роли Иванчина [1]) в „Рабочей Мысли"), что право на нашей стороне.

Вот все об'яснения, которые я могу дать. Не знаю, удовлетворят ли они тебя, но других я не могу дать. Прибавлю разве вот что. Если группе „О[свобождение] Т[руда]" суждено распасться, то разве же я не могу создать какую нибудь новую группу и начать с нею свою кампанию? Напиши только об этом в Америку, может быть, у меня и явится поддержка. Не думай, однако, что все зависит от американских денег. Найду и помимо.

Повторяю, других об'яснений я дать не могу. Если Вы хотите принять участие в предстоящей борьбе,—хорошо; нет,—я один пойду той дорогой, идти по которой велит мне мой долг революционера.

Крепко жму ваши руки

Ваш Г. Плеханов.

Разумеется, если бы администрация („Союза русских с.-д.“) обязалась вести борьбу с бернштейновщиной, то я отдал бы ей деньги и заключил бы с нею мир. Все дело теперь в этом.

Г. П.

Женева, 21 апреля 1899 г.

Примечание.

1. Так Г. В. Плеханов пишет фамилию В. И. Иваншина (ум. в 1904 г.). Видный деятель «Союза русских с.-д.», с 1898 г. — член его редакционной коллегии. В. И. Иваншин одновременно принимал близкое участие в редакционных делах «Рабочей Мысли».

134. П. Б. Аксельрод—Р. М. Плехановой.

25. IV. [1899 г.]

Дорогая Розалия Марковна.

Если В. Ив. [Засулич] писала, что я обиделся на резкий тон Ж[оржа], то она очень неполно, поверхностно и односторонне выразила впечатление письма его на меня. Суть не в резком тоне, а в том удивительно неоправдываемом делом отношении Ж[оржа] к нашему праву и свободе иметь и высказывать свое суждение, которое проявилось в его ответе. Мы, по словам Ж[оржа], своими уступками Гришину и К° наносим вред и т. д. Оставляю прошлое в стороне. Об этой истории я бы очень желал подробно лично с Вами побеседовать в присутствии Ж[оржа]. Вы увидели бы, что моя уступчивость, начиная с весны прошлого года, была лишь логически неизбежным результатом отношения Ж[оржа] и В. Ив. [Засулич] к „Группе“, как коллективности, к ее роли, задачам и т. д. Но в настоящий момент вообще ни о каких уступках речи нет и не было. А отдача америк[анских] денег и выход из Союза?—возражаете Вы мне. Можно быть тут различного мнения. Но говорить об уступках, или наоборот, можно, лишь зная обстоятельства и мотивы наших предложений. И вот против забвения всех обстоятельств и извращения моих мотивов я решительным образом протестую. Судите сами: Получаются деньги из Америки „в распоряжение Группы“. Я пишу Ж[оржу], что, на худой конец, можно бы издать кое-что из имеющихся у меня еще манускриптов, но самое лучшее было бы, конечно, напечатать какую-нибудь брошюру Ж[оржа].

В ответ на это письмо Ж[орж] ограничивается только общим замечанием, что деньги удержать, т. к. быть может еще придется разойтись с Союзом. Но о том, что делать, что издать на америк[анские] деньги—ни слова. Предполагая, что Ж[орж] сильно поглощен работой, я его не тревожил дальнейшими вопросами и предложениями. Проходит около 2-х месяцев, мы даже не сговорились в принципе относительно печатания определенной вещи, хотя бы в недалеком будущем, а Союз заявляет, что за недостатком денег „Майский Листок" не будет доставлен в Россию. Однако, никакого определен[ного] ответа я начальству не даю, а посылаю лишь Ж[оржу] „проект ответа". При этом сообщаю ему в письме главные мотивы нашего ответа, да сверх того указываю ему на распространение бернит[ейнизма], на симптомы реакции в лагере марксистов и сообщаю ему свои впечатления от чтения прошлогодних полемических статей Парвуса и Луксемб[ург] против Б[ернштейна]. Неужели так трудно было понять тенденцию и цель всех наших сообщений, отношение их к проекту ответа? Ведь ясно: это был призыв к Ж[оржу] прямо заявить, что он решил и в нелегальной печати уделить время и место полемике против Б[ернштейна] и что находит даже полезным пригласить к участию в оной и Парвуса с Луксемб[ург]. Тогда вопрос об отдаче денег Союзу сам собой устранился бы. Вместо заявления или предложения в этом роде получается от Ж[оржа] лаконическая фраза: денег не отдавать,—без указания хотя бы в перспективе, хоть тени проекта их употребления. И это в такой момент, когда нам говорят: „От американских денег зависит выход и доставка „Майского Листка" в Россию".

Далее. Я писал ему, что деньги присланы Группе, что, вопреки заявлениям начальства, она имеет право на существование. Но, спрашиваю я Ж[оржа]: существует ли она и должна ли она существовать? Если мне суждено будет видеться с Вами, я Вам об'ясню, почему я вдруг поставил этот вопрос. Теперь же я только скажу, что я его задаю под влиянием того отношения, которое неоднократно проявлял Ж[орж], а еще более В. Ив. [Засулич] к вопросу о роли, значении и задачах Группы. Опять-таки между моим вопросом относительно Группы и сообщениями об успехах Бернштейниады

такая очевидная связь, что распространяться нечего. Еще непосредственнее связь эта между ним и ответом Союзу. И что же? Ж[орж] ответил: о том, должна ли существовать Группа, мы поговорим при личном свидании. Но если он в том сомневается, то прежде, чем ответить Союзу отказом, необходимо между собой столковаться относительно принципиального вопроса: ведь если мы не Группа и собираемся провозгласить это, то во имя чего и на каком основании мы задерживаем у себя деньги, посланные нам, как Группе, на издания? Но по своей привычке входить в обстоятельства и положение, по крайней мере, людей близкого круга, я подумал, что для поездки и переговоров у Ж[оржа] теперь, пожалуй, и времени совсем нет, а между тем у него, быть может, все таки в голове полемическая работа для нашей печати. Пускай нет и не будет Группы. Но раз Ж[орж] носится с мыслью о такой работе, я мол напишу в Америку—и баста! И вот, в ответ на все мои вопросы, предложения, выпрашивания определенных указаний я получаю даже не филиппику, а чуть не обвинение в измене революционному долгу. Моим же добром меня бьют. Не вникая в смысл того, что я писал, Ж[орж] мог меня ругательски ругать и упрекать в противоречии с самим собой, в нелогичности, но я нахожу haarsträubend [ужасным], когда он, почти что повторяя мои же слова и сообщения о заразе Беренш[тейнизма], решая вопрос именно в том смысле, какой вытекал из почти всех последних моих писем, преподносит мне все это в виде обвинения. Не проще ли было прямо ответить: „да, ты прав, я именно думаю, что деньги пойдут на издание брошюр и статей против Бернш[тейна]. И на первых порах предлагаю то-то и то-то“...

Мне приходится оборвать свою, так сказать, contre-филиппику. Слишком уже она растягивается, а я уже должен итти в контору.

Прошу Вас, Р[озалия] Марковна, прочтите мое предпоследнее письмо к Ж[оржу], да и ответ (проект) начальству. И Вы увидите, что как отдача денег, так и выход из Союза мотивируются там не уступчивостью, а совсем другими соображениями. Может быть, наш рассчет ошибочен, а Ж[орж] прав. Об этом следовало (и следует) хорошо и обстоятельно

потолковать. Письменно не удастся. Но бросать своими обвинениями Ж[орж] не имел ровно никакого основания и права.

Ужасно досадно: о самом существенном и практически необходимом я ни слова не сказал. Да и трудно мне это письменно сделать. Во всяком случае, наше положение теперь крайне неопределенное и, что всего хуже, внутренние отношения (деловые) не ясны.

Ваш П. А.

P. S. Не отослал я вчера письма, т. к. увидел, что о деле, о сути и о будущем в нем ничего нет. Мне хотелось Вам выяснить положение дел, чтобы привлечь Вас, так сказать, на свою сторону, и для этого рассчитывал сегодня (в четверг) написать другое, более деловое и сжатое письмо. Но не вышло, и приходится послать то, которое только излагает историю последнего конфликта. Читал я письмо Ж[оржа] к В. Ив. [Засулич] и скажу только одно: решительно не понимаю, каким образом Ж[орж] не видит, что для борьбы нужно совершенно иначе вести дело, чем мы его вели в последние годы, и что грызня из-за каждого пустяка с Союзом, внутри которого мы находимся, сама по себе не только ничего общего с преследуемыми Ж[оржем] задачами не имеет, а, наоборот, отвлекает от них и от настоящей борьбы. Однако, довольно, по крайней мере, в недостатке внимания к Вам не сможете меня упрекнуть, а за недостаточную толковость письма не взыщите. Спешу к В. Ив. [Засулич] (ведь она редко выходит, а потому нужно ей покупки делать, пока погода исправится)[1], и в контору.

Крепко жму руку.

Ваш П. А.

Примечание.

1. В. И. Засулич, у которой легкие были поражены туберкулезом, должна была избегать выходить из дома в плохую погоду.

135. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

4 мая 1899 г.

Дорогой Павел,

На письмо к тебе Гришина я еще не ответил, но отвечу категорическим отказом[1]). Что бы они ни предлагали теперь,

надо сначала покончить вот с каким делом. В только что вышедшем издании наших „несогласно-мыслящих" („Рабочее Дело")[2]), в рецензии, посвященной брошюре Ульянова „Задачи социалдемократов", редакция (или рецензент) говорит, что не знает, откуда „товарищ Аксельрод" взял, что существуют „молодые товарищи", не разделяющие воззрений Ульянова. Это наглость, заслуживающая наказания. Я предлагаю тебе обратиться в редакцию с открытым письмом [3]), в котором была бы изложена история наших разногласий с берлинцами (Прокоповичам и Гришиным), сочувственные заявления Иванчина [Иваншина] по адресу Бернштейна, отказ новой редакции напечатать брошюру Ульянова, их отказ подписаться под манифестом Российской партии (на с'езде[4]): этот отказ занесен в протокол). Надо также указать на брошюру Прокоповича[5]) и прочие гнусности. Вообще, надо им публично высказать все, что мы о них думаем. А там—разрыв так разрыв, тем лучше! Кстати, надо будет к твоему открытому письму приложить письма Путмана[6]) и другое (от ссыльных)[7]), в котором высказывается отношение русских товарищей к нашим „экономистам". Письмо твое появится отдельной брошюрой; это и будет наше первое издание. Что ты об этом думаешь? Только надо решать скорее и ковать железо, пока оно горячо. Я знаю, что В. И. [Засулич] будет против, но она обещала не мешать нам. Если же ни ты, ни В. И. [Засулич] не согласны на напечатание такой брошюры, я напечатаю ее на свой собственный страх и свою ответственность.

Примечания.

1. Этого письма в распоряжении редакции не имеется; из остальной переписки Гришина с П. Б. Аксельродом выясняется, что оно, несомненно, содержало в себе первое предложение о заключении соглашения между «Союзом» и Группою «Освобождение Труда». Каковы были эти первые предложения, нам неизвестно; позднее условием соглашения выдвигалось регулярное выделение Группе из кассы «Союза» известной суммы на издание тех вещей, которые Группа найдет нужным выпустить.

2. «Рабочее Дело»—непериодические, выходившие в 1899—1902 г.г. «Сборники для рабочих» (редакция: Кричевский, Иваншин, Теплов, позднее А. С. Мартынов-Пиккер); всего вышло 12 №№.

В № 1 «Рабочего Дела» (датирован апрелем 1899 г.) помещена анонимная рецензия на брошюру Ленина-Ульянова «Задачи русских с.-д.»;

эта последняя вышла в конце 1898 г. в Женеве без имени автора с предисловием П. Б. Аксельрода, как «Издание Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» (без пометки «Союз русских с.-д.»). В своем предисловии к этой брошюре П. Б. Аксельрод, очень высоко оценивая развитые в ней тактические взгляды, отмечал, однако, что характер изложения брошюры дает основание для выводов о переоценке автором уже достигнутого русским с.-д. движением уровня, что «в общем, как кажется, движение наше еще только стремится к той ступени развития, которой вполне соответствует тактическая точка зрения автора» (изд. 1898 г., стр. 4); этот свой вывод П. Б. Аксельрод делал из того факта, что ряд попадающих за границу русских с.-д. был весьма далек от взглядов Ленина. Впоследствии Ленин печатно признал справедливость этих замечаний П. Б. Аксельрода (см. «Что делать?», изд. 1902 г., стр. 59).

Эти замечания показались рецензенту из «Рабочего Дела» неверными и несправедливыми; он писал, что «не может согласиться с ними», и утверждал, что «более молодая русская с.-д., точнее с.-д., выросшая и действующая на почве новейшего массового движения, в общем уже на деле (курсив «Раб. Дела») применяет точку зрения» В. И. Ленина.

3. Такое письмо П. Б. Аксельродом было написано в конце 1899 г. под заглавием: «Открытое письмо в редакцию «Рабочего Дела»».

4. Речь идет, повидимому, о ноябрьском 1898 г. съезде «Союза русских с.-д.».

5. Не раз упоминавшийся выше «Ответ на брошюру П. Б. Аксельрода».

6. Путман — псевдоним, под которым в переписке членов Группы скрывался А. Н. Потресов, бывший в это время в ссылке в Вятской губ.; его письма, о котором упоминает Г. В. Плеханов, в нашем распоряжении не имеется.

7. Нам неизвестно, о каком письме идет здесь речь; опубликовано оно не было; в литературе есть указания на посылку Группе «Освобождение Труда» таких писем от ссыльных с.-д. из Якутска и из Орлова, Вятской губ.

136. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Genève, le 17 mai 1899.

Дорогой Павел,

Мое письмо очень удивит тебя, приготовься. Дело в том, что я решил поехать в Брюссель, куда меня приглашают на конференцию по поводу международного конгресса в будущем году [1]). Это нам важно. Там я увижусь со многими из вожаков рабочего движения в разных странах, и это поможет нам

определить нашу ligne de conduite [линию поведения] по отношению к нашим бернштейновцам. Словом, я сейчас еду на свой страх и риск. Но если Вы, — ты и Вера [В. И. Засулич],— одобряете мою поездку и можете хоть отчасти смотреть на нее, как на дело Группы, то субсидируйте меня из групповых фондов. Денег у меня маловато, но в крайности, обойдусь, так что Вы можете принять свое решение, взвесив все pro et contra [за и против]. А если решите субсидировать, то высылайте деньги немедленно по следующему адресу: M-r André Jssaeff, Hotel Molinier, Rue St.-Fassart, Bruxelles, а Исаев (петербургский профессор) [2]) мне уже передаст. Какие то цюрихчане звали меня в Цюрих. Я думал, что надпись на [конверте сделана] рукою В. И. [Засулич]. Письмо все заключалось в приглашении приехать. Я его не сохранил, думая, что В. И. [Засулич] сообщит мой ответ. Как теперь быть? Пиши в Брюссель, poste restante [до востребования].

Помните, что на счет денег крайности у меня нет, потому можете и не присылать, но пришлете, так скажу спасибо, и тогда присылайте немедленно!

Твой Г. П.

Примечания.

1. В конце мая 1899 г. в Брюсселе заседала международная социалистическая конференция; она приняла резолюцию о созыве в 1900 г. международного социалистического конгресса в Париже и выработала его порядок дня. В работах конференции участвовали все тогдашние вожди европейской с.-д.: Бебель, Либкнехт, Жорес, В. Адлер и др., между прочим, эта конференция, по инициативе Г. В. Плеханова, внесла в порядок дня парижского конгресса вопрос о завоевании пролетариатом власти. Отчет о конференции напечатан в «Vorwarts» от 30 мая 1899 года.

Поездка Г. В. Плеханова на эту конференцию вызвала недовольство со стороны администрации «Союза», которая считала, что участвовать в конференции русский делегат мог лишь с согласия «Союза»; секретарь последнего, Гришин, узнав о поездке Г. В. Плеханова, запрашивал П. Б. Аксельрода:

«Сообщите также, откуда и от какой Группы Георгий Валент. [Плеханов] получил полномочия на брюссельскую Vorkonferenz [подготовительную конференцию]». Ответ П. Б. Аксельрода нам неизвестен, но сколько нибудь заметных дальнейших последствий недовольство администрации не вызвало.

2. См. примечание к письму 94-му.

137. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

Вторник.

Дорогой Жорж!

Не нашли твоего адреса, так как на мандате написано было только название города без улицы. Сегодня утром я на возвращенном мне мандате приписал и улицу. Но вот теперь (в 6 часов вечера) пришел Саша [А. П. Аксельрод] из бюро и сообщил, что требуют номер дома. Так как ты его не написал, то попытаюсь—через Сашу [А. П. Аксельрод] (я нездоров и не выхожу)—уговорить почту удовлетвориться адресом. Ты, со своей стороны, справься на почте о деньгах и по получении сообщи [1]). Кстати, сообщи и о своем приезде, если не дне, то приблизительно. Надеюсь, удастся устроить тебя у нас на квартире.

Жду хоть карты от тебя.

Прелюбопытное письмо от Гришина получил [2]).

Твой Павел.

Примечания.

1. П. Б. Аксельродом были посланы по указанному в предыдущем письме брюссельскому адресу А. А. Исаева 100 фр. для Г. В. Плеханова, но в виду выезда Исаева из Брюсселя деньги были почтой возвращены обратно.

2. Повидимому, цитированное нами в 1-м примечании к предыдущему письму.

138. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

[Брюссель. 29 V. 99 г.]

Дорогой Павел,

Если ты еще не отправил денег, то лучше уж и не отправляй их, ибо Исаева уже давно нет в Брюсселе. Расходы здесь оказались больше, чем я думал, и я оказался бы в очень затруднительном положении, если бы он не выручил меня. Он скоро будет в Цюрихе, и там ты возврати ему сто франков, об'явив что деньги были посланы, но вернулись назад. Скажи ему только (хотя он не поверит), что ты послал деньги потому, что я должен был сделать для тебя кое-какие поручения, а то как то уж очень неловко вышло. Я уже бор-

мотал ему что то в этом роде, да неприход денег сильно подорвал вероятность того, что я говорил. При свидании расскажу тебе много интересного. Поклонись своим и Вере [В. И. Засулич]. Я чувствую себя порядочно утомленным. А с тобою что? До свиданья, и еще раз прошу: как только Исаев приедет в Цюрих (он зайдет к тебе), отдай ему сто франков, ужасно неловко вышло с ним.

Пишу тебе в публичной библиотеке отвратительнейшим пером. До свиданья.

С Вил. Либкнехтом, Зингером [1]) и [Викт.] Адлером у меня было несколько очень интересных разговоров. A propos [кстати], Либкнехт меня уверял, что он никогда не забудет дня, проведенного им у меня в Mornex [2]). Решительно понять не могу, в чем тут дело!

Примечания.

1. Paul Singer, в те годы — один из главных и влиятельнейших руководителей германской с.-д. партии.

2. Ср. 3-е примечание к 53-му письму.

139. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

[11. VII. 1899]

Дорогой Жорж!

Fechner'a [1]) получишь, и до завтра после обеда узнаю, имеются ли книги, о которых ты пишешь в карте. Но необходимо возвратить Semper'a [2]), — лучше потом еще раз возьмем его, если понадобится тебе. Затем, в качестве родственника или соплеменника Шейлока, я ставлю тебе одно жестокое условие для удовлетворения твоих просьб, именно—исполнить мою просьбу к тебе. Неделю с хвостиком тому назад я написал свое „Письмо в редакцию „Раб. Дела“, но за неимением времени и других обстоятельств, моя Вера [В. И. Аксельрод] не могла его переписать, а самому не хотелось возиться с перепиской — из страха, что начну переделывать. Теперь она сможет улучить пару часов в день на переписку. Но вот вопрос: не слишком ли поздно, т.-е. не выходит ли на днях № 2 „Раб[очего] Дела“ [3])? Если да, то придется издать письмо самостоятельно, как брошюру. Но в таком случае я мог бы

расширить его несколько (теперь в нем стр. 12 петитом), следовательно переделать. Так вот и обращаюсь к тебе с просьбой, во 1) узнать, скоро ли выйдет № 2 „Рабочего[2] Дела", а во 2) примут ли статью таких размеров, как моя. Разумеется, если Иваньшин и наборщик будут знать, в чем дело, то они могут, пожалуй, заявить, что уже поздно. Итак, жду от тебя немедленного ответа и присылки Земпера. К тому времени будет готов к отсылке Fechner, и будем знать, какие из требуемых тобою книг имеются и какие из них можно сейчас достать и послать. Читал я превосходную статью Андреевича об искусстве[3]). Если ты ее читал, то да будет стыдно за то, что не сообщил мне о ней. Прекрасную вещь написала сестра [В. И. Засулич] — и пошляку литературному Иванову досталось по заслугам[4]). Очень бы мне хотелось (если в особой брошюре) пообстоятельнее процитировать и пробрать непризнанного еще (?) гения С. Н. [Прокоповича]. Но какой то внутренний голос говорит мне, что не имею права. Как твое мнение?

Привет твоим.

Твой Пав.

Саша [А. П. Аксельрод] забыл твою карту[5]) в политехникуме. На всякий случай напиши еще раз названия, да кстати сообщи, какие прежде всего хотелось бы получить. В политехнич[еской] библ[иотеке] их нет, но надеюсь на другие.

Примечания.

1. Gust.-Theod. Fechner 1801—1887, философ и физик, автор «Vorschule der Ästhetik» и др.; Г. В. Плеханов брал через П. Б. Аксельрода именно названную книгу.

2. № 2—3 (двойной) «Рабочего Дела» датирован августом 1879 г.; «Письмо» П. Б. Аксельрода в него не попало и вышло отдельной брошюрой.

3. Г. В. Плеханов под псевдонимом Н. Андреевича напечатал в № 4 «Начала» статью «Об искусстве»; номер этот был задержан цензурою и уничтожен, этим об'ясняется, почему статья была прочитана П. Б. Аксельродом так поздно.

4. В том же № 4 «Начала» была помещена резкая рецензия В. И. Засулич на книгу Н. Иванова: «История русской критики».

5. Открытое письмо со списком нужных книг.

140. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Среда [12. VII. 1899 г.]

Дорогой Павел,

Сегодня получил твое письмо, но не мог пойти к Иванчину [Иваншину] в типографию, ибо у нас все время льет проливной дождь. Пойду завтра утром. А пока скажу тебе, что о листке („Рабоч[ем] Деле") я слышал, что он выйдет не сегодня-завтра, и что вообще трудно надеяться, чтобы они согласились напечатать в нем статью в 12 печ. стр.; они и без того извинялись, что их первый номер слишком велик. Придется, стало быть, печатать отдельной брошюрой. Впрочем, окончательно это видно будет завтра.

Книги мне нужны вот какие:

1) Fechner—Vorschule der Aestetik. Но есть надежда, что его достанут в другом месте, поэтому с ним лучше подождать.

2) Finsch—Sa moa farten. Leipzig 1888.

3) Paulitschke—Ethnographie Nordostafrikas.

4) Bancraft—The native Races of the United States, t. I.

5) Cunow—Die vermandschaftsorganisationen der Australneger.

6) Globus (журнал) XLIX, XXXIX, XVIII *).

7) Liechtenstein—Reisen im Südlichen Africa, т. II.

8) Tschudi—Reisen in Amerika.

Многонько! Но ведь многих из этих книг, наверное, в Цюрихе нет. Так уж я буду уповать на Александра Павловича [Аксельрода].

В Sentier [1]) комнаты найти нельзя. Где вы думаете проводить лето? Хорошо было бы пожить вместе месяца полтора. Мы поедем в Ронскую долину; вот бы и Вам туда же. А. В. П. [Засулич] я думаю наверное перетащить туда. Андреевича статья недурна, до конца не напечатали, отложив до другой книжки, а конец то лучше начала [2]).

Твой Г. П.

Примечания.

1. Sentier—горная деревушка в Швейцарии.

2. Полностью эта статья напечатана в «Научном Обозрении» за 1899—1900 г.г. (за подписью «А. Кирсанов»).

---

*) Этот (XVIII) том «Globus'а» мне особенно нужен.

141. Г. В. Плеханов — П. Б. Аксельроду.

Genève, 13 juillet 1899.

Дорогой Павел,

Сейчас я был у Иванчина и просто поражен его любезностью. Он говорит, что „Рабочее Дело", правда, уже печатается, но что, во всяком случае, для твоей статьи всегда найдется место. Я спросил, сколько страниц они могут дать тебе, и из его ответа увидел, что он готов дать, сколько угодно. Повторяю, он — сама любезность. Спросил, что за статья,— я ответил, что об'яснение по поводу их заметки о брошюре У[льянова-Ленина]; это ему не очень понравилось, но и здесь он не протестовал, а из'явил полнейшую готовность напечатать твою статью. Это меня просто тронуло, и я прошу тебя, сгладить резкие выражения, буде они у тебя встречаются. Вообще, они, как видно, хотят мира. Кстати, надо ведь приготовить список тех товарищей, которых мы предложим в члены Союза [1]). Их надо шесть человек. Я знаю трех: Гуревича (забракованного) [2]), Л. Аксельрода [3]), О. Гольденберга (в Париже) [4]). Не имеете ли Вы чего-либо против них и не укажете ли других членов?

Завтра вышлю Земпера. Скажи Александру Павловичу [Аксельроду], что если во вчерашнем списке книг я не упомянул о книге R. Andree Ethnographische Parallel. Neue Folge, то потому, что я раньше уже говорил ему о ней, а книга мне нужна.

А что же ты насчет твоей поездки в Mornex (т.-е. туда, куда еду я) [5])? А статья Андреевича тебе действительно понравилась или ты это только для комплименту? Статья, точно, неглупая, но редакция слишком нелепо разбила ее пополам. Вообще у меня на этот счет есть кое-какие мысли, которые, кажется, недурны, а, впрочем, посмотрим, что выйдет в целом.

А ты пошевеливай Александра-то Павловича (Сашу тож) насчет книг. Главное—„Globus" (указанные томы).

Твой Г. П.

Примечания.

1. Речь идет об одном эпизоде из происходивших летом 1899 г. переговоров между Группою «Освобождение Труда» и «молодыми», о них нам известно немного.

Насколько удается выяснить, члены администрации «молодого» Союза были далеко не единодушны в вопросе об отношении к Группе. Среди них был непримиримый противник какого бы то ни было соглашения,— Акимов-Махновец, но был и сторонник почти «соглашения во что бы то ни стало» — Гришин. По инициативе последнего и были начаты в июне 1899 г. новые переговоры о соглашении; предполагалось заключение формального договора, на основе предоставления Группе права ежегодного выпуска определенного количества печатных листов тех произведений, которые Группа найдет нужным издать; «Союз» должен был выдавать средства на эти издания. Позиция Группы в этих переговорах видна из нижеследующего документа, найденного нами в архиве П. Б. Аксельрода (он написан, как видно по почерку, Г. В. Плехановым и был в свое время размножен на мимеографе); приводим его полностью.

«Проект соглашения, предложенный Группой «Освобождение Труда».

1) В виду того, что с некоторых пор существуют несогласия между Гр[уппою] Осв[обождения] Тр[уда] и некоторой частью Союза, в виду того, что последняя часть Союза составляет большинство, в виду того, что это обстоятельство лишает Гр[уппу] Осв[обождение] Тр[уда] всякой надежды проводить в Союзе желательные для нее меры посредством голосования,— совершается по предложению Группы прием шести новых членов, который установит равновесие в численном составе Союза.

2) Гр[уппа] Осв[обождени]е Тр[уда] предпринимает издание, в котором она будет защищать направление, свойственное ей с самого начала ее существования, и которое выражает основные принципы научного социализма Маркса.

3) Л. Аксельрод—Л. И. Аксельрод (Ортодокс).

4) Касса остается общей. В распоряжение Гр[уппы] Осв[обождение] Тр[уда] предоставляется кассой Союза 200 фр. в месяц на ее издания *).

5) Администрация будет выбрана на следующих основаниях: на первое полугодие будут выбраны два лица, примыкающие к Гр[уппе] Осв[обождение] Тр[уда], а три—из лиц другой части Союза, а во второе—наоборот.

6) Американские 700 фр. считаются за Гр[уппой] Осв[обождение] Тр[уда], при чем выдача Союзом 200 фр. Гр[уппе] Осв[обождение] Тр[уда] начинается с октября месяца сего года.

7) Все суммы, поступающие до соглашения в кассу Гр[уппы] Осв[обождение] Тр[уда], остаются в ее распоряжении впредь до соглашения. Если соглашение состоится, то эти суммы засчитываются в счет упомянутых ежемесячных ассигновок, указанных в § 4

*) Примечание. Поступления от отдельных лиц, имеющие специальное назначение, будут расходоваться Гр[уппою] Осв[обождение] Тр[уда] сообразно этому назначению.

8) Издания Гр[уппы] Осв[обождения] Тр[уда] будут выходить под ее редакцией и будут считаться изданиями и собственностью Союза Русских Соц[иал]-Демократов.

9) Гр[уппа] Осв[обождения] Тр[уда] и лица, к ней примыкающие, не участвуют в выборе редакции Союза.

Секретарь «Союза», Гришин, повидимому, дал согласие на все основные пункты этого проекта,—по крайней мере на это говорит и изложение условий соглашения, которое в свое время было переслано в департ. полиции Рачковским (см. книгу Л. П. Меньщикова «Русский политический сыск за границей», стр. 41), и имеющееся в нашем распоряжении письмо-протест Акимова-Махновца против самовольных действий Гришина. Но соглашение было опротестовано другими членами администрации. Особенное возражение вызывал пункт о введении в «Союз» шести новых членов—сторонников Группы—для установления равновесия в численном составе Союза (§ 1 в предложенном Группою «Проекте соглашения»); о дальнейшей борьбе вокруг этой «кооптации» будет сказано ниже.

Имена шести кандидатов, предложенных Группою: Ида Ис. и Люб. Ис. Аксельрод, И. П. Гольденберг, А. Г. Гуревич, Линдов-Лейтейзен и доктор Райхеберг.

2. Абр. Григ. Гуревич—рабочий из Нижнего-Новгорода, где в начале 1890-х г.г. был одним из первых пионеров с.-д. движения среди рабочих (отзыв о нем см. в воспоминаниях М. Г. Григорьева, «Пролет. Революция», № 27, стр. 107—109). В 1897 г., отбыв солдатчину, он выехал за границу, где окончил Дармштадтский политехникум. В 1898 г. на съезде «Союза русских с.-д.» его кандидатура в «Союз» была отклонена, но потом, в 1899 г., он был принят и участвовал в дальнейшей жизни «Союза».

3. Л. И. Аксельрод-Ортодокс.

4. Гольденберг, Иос. Петр., 1873—1922, впоследствии известный (под псевдонимом «Мешковский») с.-д. деятель. В 1890-х г.г. он учился за границей, сначала в Льеже, затем в Париже.

5. Mergin—высоко расположенное горное местечко около Кларена; там провел лето в 1899 г. Г. В. Плеханов (между прочим, сюда в это же время, главным образом, для свидания с Г. В. Плехановым приезжал М. И. Туган-Барановский).

142. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

[Октябрь 1899.]

Дорогой Жорж!

Уже дня три собираюсь писать тебе, но никак не соберусь—вследствие не совсем чистой совести. Все хотелось подождать еще пару дней, когда смогу обратиться к тебе без

страха перед тобой и упреков себе. Но делать нечего, откладывать больше нельзя. Дело вот в чем. Обратился ко мне представитель колонии с предложением прочитать реферат 21 октября по поводу годовщины смерти Чернышевского [1]). Разумеется, я не имел дерзости согласиться на это предложение и заявил, что лучше всего тебя попросить. С этой просьбой я и обращаюсь к тебе от имени колонии, а entre nous [между нами] и лично от себя и Веры [В. И. Засулич]. Побудешь, значит, и у нас по сему случаю. Пожалуйста, ответь сейчас — ко мне уже завтра, и уж наверное послезавтра, придут за ответом.

А к концу недели надеюсь все-таки написать тебе свое не чисто деловое письмо.

Привет твоим.

Твой Павел.

Примечание.

1. 23. X. 1899 г. исполнилось 10 лет со дня смерти Н. Г. Чернышевского.

143. П. Б. Аксельрод — Г. В. Плеханову.

[23—24 октября 1899 г.]

Дорогой Жорж!

Одновременно с письмом посылаю тебе две рукописи: во 1) „Резолюцию“, полученную мною вчера через адрес, который [я] дал сестре Петрова [1]) и тетушке Симона [2]) из России. В действительности, это нечто среднее между статейкой и об'явлением войны нашим врагам. Но ты сам увидишь [3]). Во 2) свое „Письмо в ред[акцию] „Раб[очего] Дела“. Я не отсылал его до сих пор, потому что мне хотелось втиснуть в „хвосте“ разные мысли и нелестные для критикуемого направления характеристики. Но это мне как то не удавалось, а между тем сегодня получил сообщение, будто у тебя была стычка с Ивашиным на его реферате [4]), и что ты об'явил ему войну. В виду этого сообщения я оборвал свою статью, закрутив хвост двумя—тремя фразами. Если будет удобно, я в примечаниях кое-что добавлю. „Резолюцию“ надобно напечатать с твоим предисловием, но она займет всего 3—4 или

5 странич., так что предисловие, пожалуй, выйдет непропорционально длинным. Мне поэтому пришла идея напечатать мое письмо и „Резолюцию“ в одной брошюре, с твоим предисловием[5]). В этом случае тебе уже не придется так стесняться об'емом. Если предполагаешь более подходящую комбинацию, тем лучше. Теперь о свидании. Ты мне не ответил, приедешь ли сюда (Берлина[6]) я не видел). А повидаться не мешало бы. Если не можешь или не хочешь ехать сюда, то я готов приехать в Берн или к тебе. Но В. Ив. [Засулич] едва ли поедет. Мне лично удобнее всего было бы отлучиться на 2—3 дня в конце этой недели (с пятницы до воскресенья вечером, а быть может и до понедельника утра). Если ты согласен на это, то сейчас сообщи, т. к. мне своевременно необходимо принять соответствующие меры к от'езду. Кроме того, сообщи, какие книги тебе сейчас необходимы,—я их привезу. Чует мое сердце, что ты теперь в самом разгаре какой нибудь срочной работы. Если это так, то свидание, очевидно, не состоится. В таком случае поручи, по крайней мере, Кольцову дело печатания и издания прилагаемых рукописей...

Я в последнее время чувствую, что начинаю выходить из своего морального оцепенения, оживаю как будто.

Привет твоим.

Твой П.

Примечания.

1. «Сестра Петрова» — А. И. Ульянова-Елизарова, сестра В. И. Ульянова-Ленина; через нее шла переписка Ленина с заграницей.

2. «Тетушка Симона»—А. М. Калмыкова.

3. Это был известный «протест 17 с.-д.» — минусинских ссыльных, автором его был В. И. Ленин.

4. Нам неизвестно, о каком реферате и столкновении идет речь.

5. Как видно из дальнейшей переписки, этот план в начале был принят, но позднее он претерпел изменения. «Резолюция»—протест Ленина и др., напечатана впервые в № 4—5 «Рабочего Дела»; «Письмо» П. Б. Аксельрода вышло без приложений. План сборника с предисловием Г. В. Плеханова был осуществлен позднее и в другой форме («Vademecum» для редакции «Рабочего Дела»).

6. Александр Абрам. Берлин—тогда цюрихский студент.

144. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

(Genève, 25. X. 99.)

Дорогой Павел,

Получил я твою рукопись и „резолюцию". Вторую я уже отослал в набор, а первую читаю и, конечно, тоже отдам в набор. Предисловие напишу я и как можно скорее (так, чтобы не было задержки). Предисловие будет **боевое**. Группа „Освобождение Труда" должна выступить опять более боевой и блестящей, чем когда бы то ни было. Конечно, я пришлю предисловие Вам.

С Иванчиным у меня была не „стычка", а просто... было некоторое возражение ему с моей стороны. Да это неважно. А вообще я решил воевать. На этой неделе я приехать не могу, но вероятно скоро у Вас буду. Надо обо всем переговорить: нынешнюю зиму придется провести в войне. Из книг мне нужно бы **поскорее**: „Schriften des Vereins für Sozialpolitik", том 60 (LX)[1].

Что ты думаешь о конгрессе в Ганновере[2]) и об ответе Каутского Бернштейну? Я недоволен резолюцией Бебеля.

Привет всем твоим

Г. П.

Примечания.

1. Выходящие в томах «Труды Общества для социальной политики».

2. Очередной партейтаг германской с.-д. партии в 1899 г. (9–14. X) заседал в Ганновере; в центре прений стоял вопрос о книге Эд. Бернштейна. Принятая партейтагом резолюция носила примирительный характер: подчеркивая отсутствие оснований для изменений программы и тактики партии, она все же не отмежевывалась от Бернштейна с желательной для левого крыла с.-д. ясностью и резкостью. Кроме того, левые были недовольны пунктами 3 и 4 резолюции Бебеля, которые говорили об отношении к буржуазным партиям и кооперативным обществам; «Leipziger Volkszeitung», тогда руководящий орган левых с.-д., писала, что эти пункты «скорее вредны, чем полезны в борьбе с оппортунистическим уклоном». Эта неопределенность резолюции сделала ее приемлемой для умеренных бернштейнианцев, которые голосовали за нее в Ганновере (мотивы этого голосования развиты E. David'ом в статье «Warum konnten die «Bernsteinianer» fur die Resolution Bebel stimmen?», помещенной № 11 «Sozialistische Monatshefte» за 1899 г.

145. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Вторник [5. XII. 1899 г.[1].]

Дорогой Павел!

У меня, по обыкновению, ведутся переговоры с „дорогими товарищами“. Они готовы принять „наших“ (6 человек), но требуют, чтобы мы приняли четырех чел. „их“[2]). Словом, они канитель тянут. Я думаю уступить. Мы будем издавать свои законные два листа в месяц и итти своей дорогой до поры, до времени. Но в своих изданиях мы будем стоять на своем и прежде всего сделаем вот что: надо, чтобы ты, в ответ на прилагаемое заявление редакции, напечатал письмо Гришина, на которое ты ссылаешься[3]). Я им только что отнес твою рукопись, требуя ее немедленного напечатания. Если они откажутся, это будет casus belli (повод к войне). Но они напечатают. Надо твое письмо дополнить теперь некоторыми об'яснениями с твоей стороны. Ты их сделаешь в корректуре. А, может быть, лучше напечатать письмо Гришина в предисловии к „резолюции“? Во всяком случае, собери все „улики“ и пришли их мне для просмотра.

Твой.

Примечания.

1. Дата на письме проставлена рукою П. Б. Аксельрода, но по содержанию можно предположить, что письмо написано раньше, в конце ноября 1899 г.

2. Поскольку удается установить, в число этих четырех входили Тихвинский («Брат») и М. Г. Коган (псевд. «Крутов», позднее — Гриневич).

3. П. Б. Аксельрод цитирует его, не называя автора, на стр. 7 своего «Ответа»; полностью оно напечатано в «Vademecum», стр. 27—33.

146. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

(6—7 декабря 1899).

Дорогой Жорж!

„Послесловие“ к „резолюции“[1]) производит на меня впечатление литературного шантажа до такой степени, что противно и думать о работе сообща с ним, под одним флагом и в одной редакции. Ведь это писал, очевидно, Кричевский, тот

самый, которому пришлось отвоевывать „политику" от своих мандаторов: Гришина, Пескина, Иванш[ина] и т. д. Ну, не . . . . . [2]) ли он? К сожалению, нам пока ничего другого не остается, кроме уступки—ведь у нас пока нет типографии, ни средств (исключая имеющ[егося] у меня остатка амер[иканских] денег).

Посылаю тебе: 1) рукопись С. Н. [Прокоповича] [3]), 2) набросок протокола конгресса [4]), интересные дополнения и раз'яснения к которому ты можешь получить от Гинзб[урга]. Только хорошенько допроси его, между прочим, о перепалках на последнем заседании между Кричевским] и другими, причем большинство он получил благодаря Г[инзбургу], Блюменфельду] и В. Ив. [Засулич] (меня не было). 3) Письмо Гришина к Пескину, а не ко мне [5]). 4) Письмо Ек. Дм. [Кусковой] ко мне [6]). По моему, мое „письмо" должно бы появиться вместе с „Резолюцией" и твоим предисловием, как первый выпуск наших изданий, точнее изд. „Союза", но под редакцией гр[уппы] „Освоб[ождение] Труда" [7]). Затем, мне лично неловко было бы полемизировать с ред[акцией] „Раб[очего] Дела" по поводу их замечаний на счет моего „мрачного взгляда" [8]). Это гораздо удобнее тебе сделать, а сделать это, как мне кажется, необходимо. Хорошо было бы заполучить тебе письмецо от приезжего товарища [9]), как ответ на твой вопрос о действит[ельном] настроении умов в период стачек 96—7 г.г. Хорошо бы тебе часть письма Гриш[ина] отпечатать в своем предисловии. Но можно ли? Ведь оно адресовано было к Пескину. Кстати, у тебя должны храниться и письма (или одно большое) С. Н. [Прокоповича] ко мне. Ради Христа, не затеряй присылаемых документов.

А ведь с выпуском „резолюции" Гришин с компанией обошли нас [10])! Досадно то, что мы теперь не можем в Америку обращаться. А скоро новый год и послав туда какую нибудь брошюру, изд[анную] нами на их деньги, мы могли бы рассчитывать на получку от них 500—700 фр.

А „Sozialistische Monatshefte" нужны тебе? Вот уже несколько дней, как сижу по нездоровью дома и потому не могу читать в „P[etite] R[épublique]" отчета о конгрессе [11]). Но ведь „P[etite] Rép[ublique]", пожалуй, односторонне изобразит

ход прений [8]. Если бы ты захотел быть очень великодушным, то прислал бы мне полученные тобою отчеты о конгрессе. А что наш приезжий [9]? Хорошо, если он путный, как хотелось бы...

Привет твоим.

Твой П. А.

Примечания.

1. П. Б. Аксельрод говорит о «послесловии», которым редакция «Рабочего Дела» сопроводила напечатанный ею в № 4—5 «Протест российских с.-д.» (Ленин и др. с.-д. ссыльные из Минусинского уезда).

Возмущение П. Б. Аксельрода вызвало упорное желание редакции «Рабочего Дела» скрыть существование среди «молодых» сторонников т. наз. «экономизма», в то время как на деле, внутри самой редакции, между Б. Кричевским с одной и В. Иваншиным с другой стороны, шла по этому вопросу довольно острая борьба, приведшая вскоре к тому, что редакция «Раб. Дела» официально отреклась («Раб. Дело» № 6, стр. 65) от одной из напечатанных на страницах этого же журнала статей Иваншина (а именно статьи «Фабричная инспекция в России», напечатанной в номере 4—5 «Раб. Дела»).

2. Опущено одно резкое слово.

3. Повидимому, напечатанный Г. В. Плехановым в «Vademecum» «Ответ» С. Н. Прокоповича на брошюру П. Б. Аксельрода.

4. Речь идет, повидимому, о протоколе состоявшегося в 1899 г. в Швейцарии съезда русских студентов социал-демократов; съезд прошел под идейным руководством тогдашнего большинства «Союза русских с.-д.»; в печати протоколы его не появлялись и редакции настоящего издания неизвестны.

5. Повидимому, первое из двух напечатанных Г. В. Плехановым в «Vademecum» (стр. 27) писем Гришина (он фигурирует там под инициалами: «г. Г.»).

6. Напечатано в «Vademecum» под заглавием: «Письмо к Аксельроду одного из авторов брошюры против группы «Освобождение Труда»» (стр. 17).

7. Под такой фирмой действительно выпущено «Открытое письмо» П. Б. Аксельрода.

8. «Рабочее Дело» в редакционном послесловии к «Протесту российских с.-д.» говорило о неосновательности «мрачных опасений товарища Аксельрода» («Раб. Дело», № 4—5, стр. 26). Г. В. Плеханов отвечает на это замечание редакции «Рабочего Дела» в «Предисловии» к «Vademecum», стр. IX.

9. Почти несомненно, что этим «приезжим» товарищем был Н. Э. Бауман (1873—1905), деятель «СПБ Союза Борьбы» в 1896—97 г.г., затем ссыльный в Вятской губ.; в конце 1899 г. он бежал из ссылки за гра-

ниц и вошел в «Союз русских с.-д.» (под псевдонимом: «Полетаев»), примкнув к сторонникам группы «Освобождение Труда» (именно его письмо напечатано Г. В. Плехановым в примечании на стр. X «Предисловия» к «Vademecum»; речь в этом письме идет о протесте вятских ссыльных с.-д. против «Credo» Е. Д. Кусковой).

10. «Резолюция—протест российских с.-д.»—до выхода № «Рабочего Дела» была выпущена отдельной листовкой (вместе с редакционным послесловием).

11. «Sozialistische Monatshefte», выходящий и поныне социалистический ежемесячник на немецком языке («Internationale Revue des Sozialismus»); начал выходить в 1897 г., в Берлине (преобразован из «Sozialistischer Akademiker»); с момента возникновения бернштейновской дискуссии «Sozialistische Monatshefte» стал главным теоретическим органом бернштейнианцев. О каких номерах его запрашивал П. Б. Аксельрод, нам неизвестно.—в 1899 г. в «Sozialistische Monatshefte» помещен целый ряд статей, представлявших тогда интерес для Г. В. Плеханова, в том числе статьи Alexis'a Nedow'a (А. М. Воден): «Plechanow versus Ding an sich»; E. Bernstein'a: «Noch etwas Endziel und Bewegung»; Ch. Schitlowsky (Х. Житловский): «Die Polemyk Plechanow contra Stern und C. Schmidts» и др.

12. П. Б. Аксельрод говорит об об'единительном конгрессе французских социалистов, на котором было положено основание единой социалистической партии; конгресс этот заседал с 3 по 9. XII. 1899 г. в Париже. В порядке дня конгресса стоял ряд основных программных вопросов, но главная борьба шла вокруг пункта о допустимости участия социалистов в правительстве (представитель одной из фракций французского социализма, А. Мильеран, в это время входил в состав кабинета Вальдек-Руссо); конгресс по этому пункту принял предложенную Ж. Гэдом резолюцию, об'являвшую недопустимым участие социалистов в буржуазном министерстве.

13. «Petite République» была органом фракции Жореса—Мильерана.

14. Повидимому, Н. Э. Бауман («Полетаев»).

147. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Пятница вечером (Genève, 8. XII. 99).

Дорогой Павел!

Во-первых, нет ли у тебя известий,—ты понимаешь каких [1])? Извести, ради бога [2]).

Во-вторых, я сегодня получил высланные тобою документы и, прочитав их, решил немедленно отдать их в печать. Твоя брошюра (ответ редакции „Рабочего Дела") уже набирается

„дорогими товарищами“, а „резолюция“ уже набрана Бохановским [3]). Поэтому как ради технических удобств, так и ради выигрыша во времени надо продолжать печатание в двух типографиях сразу и издать эти две вещи отдельно: ведь „дорогие товарищи“ решительно откажутся набрать компрометирующие их документы. А если я наберу их (документы) у Бохановского, то у них не будет ни малейшего повода к отказу от издания твоей брошюры. Все документы и резолюция снабжены будут моим предисловием и составят отдельную брошюру. К новому году будут готовы обе вещи, и их можно бы послать в Америку. Или надо послать что-нибудь сейчас же? Тогда вот что! Не напишешь ли ты об'явления об изданиях группы „Освобождение Труда“ [4]) в духе того об'явления, которое когда то печаталось при наших изданиях? [5]) В нашем старом об'явлении говорилось о критике—надо и тут указать на необходимость критики. Я не прочь написать его, но мне кажется, что ты лучше сделаешь это—у тебя более накопилось желчи от недостатка критики в головах „дорогих товарищей“. Но если не хочешь, немедленно извести меня, тогда я напишу это об'явление.

А в Америку (Ингерману) напиши немедленно же большое письмо с изложением наших планов, а они сводятся к литературной борьбе с „экономическим“ направлением и бернштейновщиной.

Прежде всего будут выпущены:

а) Твой ответ редакции „Р[абочего] Д[ела]“;

b) документы, присланные тобою, и резолюция, которые я озаглавлю: „Vade mecum“ для редакции „Рабочего Дела“.

c) „Еще раз социализм и политическая борьба“—моя брошюра [6]);

d) ответ Бернштейну, который я разобью на несколько брошюр. Первая скоро будет готова. Она будет озаглавлена: Господин Бернштейн и философия.

Следующая брошюра будет озаглавлена: Г. Бернштейн и материалистическое понимание истории [7]).

Изложи все это Ингерману и поставь ему на вид вот что: мы согласились с Союзом относительно того, что сборов самостоятельных мы делать не будем; но если нам при-

шлют деньги, дав им определенное назначение, то мы имеем право их получить.

Кстати, мне необходима брошюра Каутского против Бернштейна [8], а также и брошюра Либкнехта [9]; „Sozialistische Monatshefte“ также.

Вообще, на счет литературы группе „Освобождение Труда“ придется ассигновать кое-что из своих средств: всего купить я не в состоянии. Вот, например, мне нужна вторая часть „Theorie und Praxis der englischen Gewerkvereine“ [10]—я ходатайствую перед Группой, т.-е. перед тобой, об ее выписке от Дица [11] вместе с „Elend der Philosophie“ [12].

Твой Г. П.

Привет твоим.

Завтра я вышлю тебе „L'Intransigeant“ [13], а других газет у меня нет, кроме „Petit · République“. Я жду стенографического отчета, да в кафе Ландольта читаю „Temps“ [14]. Я с удовольствием вижу, что резолюция, принятая конгрессом, почти дословно согласна с моим письмом в редакцию „Petit · République“ (ответ на запрос) [15].

А Жоресу и Мильерану хороший урок.

Примечания.

1. Известий Г. В. Плеханов с таким нетерпением ждал о В. И. Засулич, которая незадолго перед тем выехала нелегально (с паспортом на имя болгарской подданной Велики Дмитриевны Кировой) в Россию. Причиною поездки было желание установить непосредственную связь с работавшими в России с.-д., лично ознакомиться с их настроениями и взглядами и выяснить им позицию Группы «Освобождение Труда» в заграничных конфликтах. В. И. Засулич, по свойствам своего характера особенно остро, почти болезненно остро воспринимавшая все перипетии раскола в «Союзе», после столкновения из-за американских денег и с трудом отсроченного полного разрыва Группы с «Союзом», в конце 1899 г. решила поехать нелегально в Россию, чтобы лично узнать, действительно ли все действующие в России с.-д.—на стороне «молодых».

Поездка В. И. Засулич была весьма успешна; она, между прочим, виделась в Петербурге с В. И. Ульяновым-Лениным и немного спустя с А. Н. Потресовым, тогда только что вернувшимися из ссылки и уже сговорившимися поселиться вместе в Пскове для постановки задуманного ими издательского дела. Она обсуждала с ним план создания за границей тайного с.-д. литературного центра, который был бы закон-

сиприрован от с.-д. эмигрантских организаций — план, позднее приведший к созданию «Искры» и «Зари». Огромное влияние поездка оказала и лично на В. И. Засулич: масса разнообразных встреч (между прочим, она виделась и с Н. К. Михайловским) и бодрый русский воздух, которым дышал Петербург той зимы, ее совсем оживили.

Немного позднее В. И. Засулич в Россию выехали и представители «молодого» «Союза»—Гришин и П. Теплов-Сибиряк. Задачею их поездки была попытка организации II с'езда партии (их планы в этом отношении встретились с планами Лалаянца и др. екатеринославцев), но вследствие ряда арестов (в том числе и Теплова; Гришину, на след которого полиция напала, удалось благополучно выбраться из России) с'езд в это время не состоялся.

В. И. Засулич в России пробыла около 4 месяцев, выехав оттуда в середине апреля 1900 г.

2. «Бога»—у Г. В. Плеханова написано с маленькой буквы.

3. И. Д. Бохановский—революционер 1870-х гг., так называемый «бунтарь»; привлеченный по делу Чигиринского заговора, он в 1878 г., вместе со Стефановичем и Дейчем, был выведен М. Фроленко из киевской тюрьмы и эмигрировал за границу; жил в Женеве, где заведовал типографией «Группы старых народовольцев» (в ней напечатан позднее «Vademecum»).

4. Это «об'явление» было написано П. Б. Аксельродом и напечатано в приложении к «Vademecum» и отдельным листком под заглавием: «Об'явление о возобновлении изданий Группы «Освобождение Труда».

5. Г. В. Плеханов говорит об извещении: «Об издании Библиотеки Современного Социализма», которое в 1883 г. появилось отдельной листовкой и затем в несколько сокращенном виде в брошюре Г. В. Плеханова: «Социализм и политическая борьба», откуда, с сохранением этих сокращений, перепечатано в т. II «Сочинений» Г. В. Плеханова.

6. Напечатана статьей в т. I «Зари».

7. Этот ответ Бернштейну позднее был написан Г. В. Плехановым и напечатан в виде статей в «Заре».

8. «Bernstein und das Sozialdemokratische Programm. Eine Anti-Kritik». Stuttgart. Dietz-Verlag. 1899. Есть русский перевод.

9. Нам неизвестно, о какой брошюре Либкнехта идет речь; по связи, в которой она упоминается, речь могла бы идти о какой-то брошюре Либкнехта, написанной в связи с бернштейниановской дискуссией; но Либкнехт в эту дискуссию не вмешивался,—во всяком случае, специальной брошюры в связи с нею не выпускал. Можно предполагать, что Г. В. Плеханов пишет о статье В. Либкнехта: «Zukunftsstaatliches», напечатанной в журнале «Cosmopolis» и затем довольно широко циркулировавшей в виде отдельных оттисков. В этой статье, написанной до появления статей Э. Бернштейна, В. Либкнехт близко подходит к проблеме завоевания власти.

10. «Теория и практика английского тред-юнионизма» С. и Б. Вебб.

11. Так Г. В. Плеханов пишет фамилию Dietz'a.

12. «Нищета философии» К. Маркса.

13. «L'Intransigeant» («Непримиримый») — орган А. Рошфора, стоявшего в это время уже далеко от социалистической партии.

14. «Temps» («Время») — одна из наиболее осведомленных буржуазных газет Франции.

15. Вступление А. Мильерана в буржуазное правительство вызвало настолько значительные разногласия в рядах социалистического Интернационала, что редакция сочувствовавшей этому вступлению «Petite République» обратилась к наиболее видным представителям международного социализма с запросом об их отношении к участию социалистов в правительственной власти. Ответ Г. В. Плеханова напечатан в «Petite République» от 22. XI. 1899 г.; по-русски он полностью до сих пор не издан.

148. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

(Zürich, 9. XII. 99.)

Дорогой Жорж!

Известий [1]) нет, да и не могут быть еще. Все требуемое сделаю. Только 2-й том [2]) отдельно вряд ли продают. Придется, значит, и первый том выписать.

Я только сегодня начал из комнаты вылезать и не знаю, удастся ли мне сегодня добраться до Grütlibuchh[andlung]. Во всяком случае в понед[ельник] все, что можно здесь добыть, куплю, а если у себя найду, то завтра вышлю.

Кстати, на днях мне об'яснилась причина твоего сверхестественного требования в последней карте: ты ее, по ошибке, адресовал в Берн, а оттуда мне ее переслали [3]).

Напишу в понедельник.

Примечания.

1. О В. И. Засулич.
2. Упомянутой в предыдущем письме книге С. и Б. Вебб.
3. Нам неизвестно, о чем идет речь.

149. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

Дорогой Жорж!

Все требуемое выслал тебе из Grütlibuchh[andlung], исключая II т[ом] Вебба, который получишь из Штутгарта [1]). Разумеется, я еще не дошел до горделивого помешательства Кричевск[ого] и К°, чтобы вообразить, что напишу „Об'явле-

ние“ лучше тебя. Но мне хочется кое-что всунуть в него, а потому я строчу проект, с которым поступишь, как найдешь нужным. А если ты уже написал и сдал в набор, то постарайся внести дополнение или поправку, если найдешь нужным и возможным.

Я вчера получил Об'явление редакции „Р[абочего] Д[ела]“ об издании „Теоретического сборника“ [2]) и циркуляр с разными предложениями [3]). Хотел было сегодня утром поехать к тебе, чтобы переговорить о нашей attitude [позиции] в виду нового фортеля „дорогих товарищей“. Обратил ты внимание на первые строки Об'явления [4])? Пошлость, тупость и пакость — вот чем проникнуто и что отдает от этого opus'а [произведения]. Тем не менее, оно — ловушка для простаков и очень затруднит положение Ингерм[ана]. Несомненно, в Америку оно давно послано. Необходимо тебе хоть коротенькое письмецо написать Инг[ерману], которое он мог бы показать Комитету „Общ[ества] русск[их] социальд[емократов] в Нью-Йорке]“. Затем нужно послать ему хоть корректурный оттиск и резолюции, с твоим предисловием. Мне пришли некоторые дипломатические соображения в голову, в силу которых тебе не мешало бы лично Гришина приласкать и из его „Письма“ печатать только некоторые выдержки, чтобы не очень обозлить его.

Как бы они ни проделали какое-нибудь мошенство с моей брошюрой: например, не послав мне корректуры, напечатать ее, как статью, в „Р[абочем] Д[еле]“, с примечаниями от редакции! Ведь вот до сих пор они в сущности нас об'егоривают. Не согласился ли бы ты приехать сюда реферат читать?

Твой П. А.

Примечания.

1. В Штутгарте тогда помещалось издательство Dietz'а, выпустившее немецкий перевод работы Веббов о теории и практике английского трэд-юнионизма.

2. Это Об'явление, изданное в начале отдельным листком, перепечатано затем в № 4—5 «Рабочего Дела», отд. II, стр. 87: «От редакции «Рабочего Дела» об издании теоретического сборника». Сборник этот редакция предполагала составить из важнейших глав книг Бернштейна и Каутского о Бернштейне, статей А. Бебеля и В. Адлера, ряда речей

на Ганноверском партейтаге и редакционного послесловия. Издан этот сборник не был.

3. Около этого времени, в виду увеличения числа членов «Союза», администрация, желая держать их в курсе союзных дел, начала издавать (на мимеографе) нерегулярные письма-циркуляры; о каком из этих писем пишет П. Б. Аксельрод—нам неизвестно.

4. Первые строки этого Об'явления говорили о пересмотре «научных основ социализма, программы и тактики рабочего движения», которым «вот уже два года» занята соц.-дем. пресса Зап. Европы, в особенности германская»; эти строки средактированы так, что читатель не может установить, на чьей же именно стороне лежат в этом споре симпатии редакции «Рабочего Дела».

150. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Суббота, 6 час. вечера (Genève, 16 XII. 1899).

Дорогой Павел!

Я только что получил твое письмо [1]) и спешу тебе ответить на него. Я никаких известий [2]) не имею и очень беспокоюсь. Беспокоюсь вдвойне. Во-первых, сама „сестра“, может быть, оказалась в неприятном положении; а во-вторых, она должна была немедленно выслать мне паспорт, взятый ею с собою, и ничего не выслала. Мое положение перед лицом, ссудившим паспорт, становится крайне щекотливым. Ради бога, сделай мне услугу: напиши сейчас же [Х. Г.] Раковскому, а если не знаешь его адреса—Доброджану, чтобы они известили нас о судьбе, постигшей паспорт. Конечно, надо выражаться в письме иносказательно, но однако так, чтобы они поняли. Пожалуйста, напиши немедленно. Излишне говорить тебе, в какое гадкое положение поставила меня „сестра“. Я думал, что она отнесется к этому делу серьезнее. А то разве не заболела ли она [3])? Это очень возможно, но написать и в этом случае необходимо.

На счет об'явления [4]) я скажу тебе, что я только пересмотрел его, а вплотную не читал, ибо кончаю теперь одну статью [5]) и мне осталось всего на один день работы. Ты понимаешь, что отрываться не хочется. Конечно, я не посмотрел бы на это, если бы Бохановский или типография могли немедленно взяться за набор, но они этого не могут, придется

подождать несколько дней. Я тебя торопил, но зачем ты телеграмму мне послал, я не понимаю.

Читал ли ты в последней книжке „Научного Обозрения“ мою статью об искусстве? Она там полнее, чем была раньше[6]). Мне хотелось бы, чтобы ты ее прочел. Привет всем твоим.

Твой Г. П.

Примечания.

1. В нашем распоряжении его не имеется.

2. О В. И. Засулич (она же фигурирует ниже, как «сестра»).

3. Т.-е. «не арестована ли она».

4. Написанного П. Б. Аксельродом проекта «Об'явления о возобновлении изданий Группы «Освобождение Труда».

5. Речь идет, повидимому, об одном из «Писем без адреса», помещенных в 1900 г. за подписью А. Кирсанов в «Научном Обозрении».

6. В № 11 «Научного Обозрения» за 1899 г. была помещена статья Г. В. Плеханова без подписи: «Письма без адреса. Письмо первое»; часть этой статьи была напечатана перед тем в конфискованной четвертой книжке «Начало» (см. 3-е примечание к 139-му письму).

151. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Понедельник, 8 1/2 час. вечера (Genève, 18. XII. 99).

Дорогой Павел!

Сейчас получил твое письмо[1]) и сейчас же только кончил свою статью. Устал страшно. Сегодня уже не прочитаю Об'явления, а завтра прочту его и отправлю тебе с замечаниями. Ты немедленно отдай его переписать Гуревичу[2]) и отошли в Америку, сказав, что оно уже набирается. Иван [Бохановский] занят теперь набором резолюции и того материала, который я издам под заглавием: „Vademecum для редакции „Рабочего Дела“. Я попробую Об'явление набрать у дорогих товарищей. Завтра поговорю с ними. А Об'явление я тебе во всяком случае пришлю, и ты копию с него пошли в Америку. Поклонись Гуревичу.

Твой Г. П.

Примечания.

1. В распоряжении редакции его не имеется.

2. Абраму Григорьевичу Гуревичу—см. примечание 2-е к 141-му письму.

152. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Вторник, 7 часов вечера. (19. XII. 1899).

Дорогой Павел,

Об'явление написано прекрасно, и я только добавил там несколько слов. Приезжий из России [Н. Э. Бауман?] понес его на почту: как только ты его получишь, снимай копию и посылай ее в Нью-Йорк, а оригинал возврати нам: мы постараемся его напечатать как можно скорее.

Сейчас был в типографии. Гришин обещал мне, что твоя брошюра будет готова к 20-му. Сегодня 19-е. Я пришел за корректурой. Она, конечно, не готова, и Иваншин говорит, что он „не имеет права" выпустить твою брошюру из типографии без разрешения администрации.—Почему же Вы не списались с администрацией: ведь Вы знали, что брошюра должна быть готова к 20-му числу.—Я писал Гришину чуть не пять писем (отвечает Иваншин), но Гришин молчит.—Я протестовал против такого нарушения данного нам слова и потребовал твою рукопись обратно. Иваншин упросил меня подождать до завтра, он снесется по телеграфу с Гришиным. Я жду до завтра.

И в виду всего этого ты не можешь написать Ингерману? Почему? Или ты думаешь, что мы ничего не выпустим? Да ведь мы уже печатаем „Vademecum"! Или ты думаешь, что я как нибудь примирюсь с ними? Это невозможно! Для меня вопрос только в том, чтобы заставить у них (и на их счет) напечатать несколько листов.

Я попробую сегодня вечером сам написать Ингерману, но тебе было удобнее это сделать потому, что ты с ним поддерживал более постоянную переписку. Если Иваншин мне завтра не принесет уверение в том, что твоя брошюра будет выпущена через несколько дней, в предисловии к „Vademecum" [я] буду печатно протестовать против их поведения и заявлю (печатно же), что они завладели нашей типографией, злоупотребив нашим доверием. Прошу тебя, отсылай Ингерману немедленно об'явление о наших изданиях и напиши ему горячее воззвание о помощи. А от В. [В. И. Засулич] все нет ни слуху, ни духу.

Твой Г. П.

„Научное Обозрение" на днях вышлю. Понял ли ты мысль моего „Vademecum'a"?

Прилагаю письмо Ингерману. Прибавь к нему несколько слов от себя и перешли; я не помню Ингерманова адреса.

153. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову [1]).

(Около 20. XII. 1899 г.)

Дорогой Жорж!

Возвращаю тебе об'явление. Я очень мало изменил, всего несколько фраз. Сегодня же или завтра утром отсылаю другой экземпляр, также переписанный, Ингерману.

Спасибо тебе большое за письмо к нему. Я не мог решиться писать ему—не вследствие таких соображений, какие ты указываешь, а за недостатком литературных доказательств, на которые он, Ингерман, мог бы сослаться, обращаясь к публике. Не забудь, что „дорогие" [2]) вели там агитацию,—и закулисную и путем еврейской печати,—пересылая туда свои евр[ейские] издания [3]), откуда уже нью-йоркские органы перепечатывали полезное нашим врагам. Я же (т. е. мы) не выполняли обещанного уже весной, именно, что на америк[анские] деньги будет издан нами сборник статей против Бернште[йна]—Каутского и твои. Несомненно, Об'явление о „Теорет[ическом] Сборнике" издано, главным образом, для америк[анцев] в виду новогоднего бала. И не имея в руках ни листочка наших печатных изданий, Ингерм[ан], разумеется, в большом затруднении. Вот почему я так сильно добивался того, чтобы хоть корректура „резолюции", „Об'явл[ения]" или чего-нибудь из того, что набирается или должно бы набираться, было отправлено Ингерм[ану]—для пред'явления тамошним Genoss'ам. А что брошюра моя до сих пор не набрана, меня не удивляет. Я наперед знал, что, без энергического давления, они будут оттягивать в надежде, что совсем можно будет ее погубить. Вот если бы Полетаев [Н. Э. Бауман] в течение недели раза три—четыре от твоего имени наводил бы у них справки, дело давно выяснилось бы. Не забудь, что я хочу там пару замечаний сделать или P. S.

Нашел я у себя те письма С. Н. [Прокоповича] и Е. Д. [Кусковой], в которых они решительно и категорически от имени „Берл[инских] товарищей“ протестуют против моего проекта образования молодой редакции для популярных изданий. Заметь: даже для популярных изданий [1]). В виду распространяемых „дорог[ими] товарищами“ сплетен на счет нашего отказа „под давлением из России“ и заявления еврейск[ой] газеты, что die G nos s Pl[ekhanoff]. Sass[ulitsch] u[nd] Axelrod [товарищи Плеханов, Засулич и Аксельрод] не были выбраны в редакцию Союза [5]), в виду этого не думаешь ли, что своевременно было бы печатно восстановить истину, которая заключается в том, что я добивался от россиян позволения, согласия, санкции на передачу раб[очей] литературы в другие руки, но не мог добиться этого. Кстати, из письма твоего к Инг[ерману] я заключаю, что ты не совсем au courant [в курсе] относительно одного пункта. Еще больше чем разногласиями, оппозиция мотивировала свое требование воли литературной потребностями в литературе для масс полуграмотных, т. е. в гораздо более популярной, чем даже первые две книжки „Раб[отника]“. А на деле вышло, что при новой редакции гораздо меньше считаются с неразвитыми читателями, чем при старой...

Теперь уже 10 часов вечера, хотя письмо начал в $7^1/_2$ в конторе. Отправлю, значит, завтра утром. Получил твою карту и приложу ее к нашим письмам Ингерману. За твой отзыв об об'явлении я тебе специально благодарен. Положим, вещица махонькая: но во 1) мне показалось, что она мне не удалась, а во 2) при моей мнительности в себе, твое одобрение для меня чрезвычайно важно, как одобрение и к[ак] подкрепление моральное в работе. Признаюсь, я даже льщу себя надеждой, что мне даже удалось написать так, чтобы разозлить „дорогих“. Если я увлекаюсь, то своим одобрительным отзывом ты еще усилил мое самообольщение. Зато одно несомненно: ни одной фразы нет в Об'явл[ении], которая не выражала бы искреннего убеждения моего; между тем как Об'явл[ение] Крич[евского] и К° есть произведение литерат[урного]...[6]). Не лучше ли нам подписаться: за группу „Освобожд[ение] Труда“... А то ведь могут сочинить, что В. Ив.

[Засулич] не с нами. Это во-первых. А во-вторых, в принципе Группа является редакцией в целом, как коллективность. Как бы впоследствии из наших подписей, как индивид[уальных] редакторов не вышли существ[енные] неудобства. Я рассуждаю с точки зрения признания за существованием Группы известного значения в ближайший период. Я намереваюсь написать в Россию через Р.[7]), а потому держи меня au courant [в курсе] событий. Можно бы даже послать туда коррект[урные] листы.

Твой П. А.

Примечания.

1. Настоящее письмо написано в виде продолжения к письму Х. Г. Раковского, извещавшего П. Б. Аксельрода: «Состояние здоровья моей тетки [В. И. Засулич] очень хорошее. Она перебралась уже в свою зимнюю резиденцию [Петербург], и я получил письмо с дороги: je me port à merveille [я чувствую себя чудесно]».

2. Т.-е. молодые члены «Союза».

3. В это время в Америке, среди с.-д. эмигрантов из России, произошел раскол, вызванный разногласиями по вопросам участия в американском социалистическом движении. Стоявшая в оппозиции к С. М. Ингерману группа выступила самостоятельно, основав еврейскую ежедневную газету «Vorwarts»; во главе ее стояли Лесин (нынешний редактор «Zukunft'а»), Коган (нынешний редактор нью-йоркского «Vorwarts'а»), Винчевский и др. В русских делах эта группа тяготела к «Бунду» и «молодым» из «Союза».

4. В сохранившейся в архиве П. Б. Аксельрода его переписке с С. Н. Прокоповичем и Е. Д. Кусковой следов этого отказа нам найти не удалось.

5. Нам неизвестно, в какой еврейской газете помещено подобное заявление; есть основание полагать, что речь идет об американском «Vorvarts'е».

6. Опущены два резких слова.

7. Кто скрывается под этим инициалом, нам неизвестно; возможно, что П. Б. Аксельрод для большей конспирации взял букву из латинского, а не русского алфавита;—в этом случае весьма вероятно, что этот инициал надо расшифровать как «Petroff», т.-е. Ленин.

154. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Дорогой Павел!

Я теперь пишу предисловие к Vademecum для известной тебе редакции[1]). Потому не отвечал ни тебе, ни Саше [А. П. Аксельроду], в чем каюсь. Письмо, о котором Вы говорили,

было получено, и я его спрятал, но именно потому, что спрятал, найти его не могу. На письме стояло M-r Plekhanoff, für (или pour) M-r Axelrod. На слове Аксельрод стоял почтовый штемпель, и я его не разобрал. Поэтому я вскрыл письмо. Увидев, что в нем написано: Lieber Papa! [Дорогой папа], я догадался, что это тебе и не стал читать, но приложенную статью прочел и скажу тебе вот что: статья нисколько не изменила моего мнения об экспедиции Иохельсона [2]). Я всегда думал, что это очень важная для науки экспедиция. Конечно, Саша [А. П. Аксельрод] рискует заболеть и даже умереть в дороге. Это надо принять в соображение. Но подумай также и о том, что эта экспедиция может послужить для него незаменимым введением в науку. Другой подобный случай не скоро представится. Если бы мой сын просился в экспедицию, я с удовольствием отпустил бы его. Конечно, Роза [Р. М. Плеханова] могла бы воспротивиться. Hans'a Müller'a [3]) получил, а Каутского [4]) нет. Привет твоим.

Г. П.

Я велю выслать тебе корректуру своего предисловия.

Примечания.

1. Редакции «Рабочего Дела».

2. В. И. Иохельсон, род. в 1856 г.,—старый революционер-народоволец, сосланный в середине 1880-х г. г. в Якутскую область, где выдвинулся своими работами по этнографии. В 1900 г. он, по поручению Академии Наук, организовал большую научную экспедицию на Камчатку и Курильские острова. Благодаря содействию Д. И. Клеменца, стоявшего в это время во главе этнографического музея Академии Наук, в эту экспедицию был привлечен в качестве секретаря А. П. Аксельрод, тогда только что окончивший Цюрихский политехникум.

3. Hans Muller—деятель цюрихского рабочего движения, примыкавший в 1890-х г. г. к группе «независимых социалистов» полуанархистского толка; им написаны брошюры: «Das Programm der Opposition in der deutschen Sozialdemokratie» (Zurich, 1892); «Klassenkampf in der deutschen Sozialdemokratie». «Mit einem polemischen Nachwort: K. Kautsky's Abenteur in Zurich» (Zurich, 1892) и др. О какой именно его брошюре идет речь в письме, нам неизвестно.

4. Упомянутую выше книгу против Бернштейна.

155. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

Пятница, поздно вечером

Дорогой Жорж!

Прилагаемое, по прочтении, не забудь сжечь [1]). Не все я мог разобрать, может быть, ты счастливее будешь. Пока хорошо хоть то, что автор письма здравствует. Досадно только, что адреса своего не сообщает.

Брошюру Каутск[ого] выписали, т. к. всего один экземпл[яр] оказался в Grütlib[uchhandlung]. Сначала я собирался послать его тебе, но затем при прочтении соблазнился под конец сделать пометки и пожалел отправить его, успокоив свою совесть тем соображением, что теперь ты другим еще занят, а в пятницу или субботу получатся новые экземпляры от Дица. Завтра пойду справиться.

За твою приписку относительно участи Саши [А. П. Аксельрода] в экспедиции особенно благодарен тебе. Хотя я уже тотчас по приезде из Женевы, после первого свидания с Похельсоном, дал свое согласие, все-таки твое мнение о значении этого шага для С. [А. П. Аксельрода] окончательно устранило во мне внутренние колебания и опасения. А главное, оно послужило мне для укрепления решимости Нади [Н. И. Аксельрод], которая, конечно, очень неохотно и с чрезвычайным страхом отпускает его в дорогу.

Если как нибудь разыщешь приложенную к письму Саши [А. П. Аксельрода] статью, то пожалуйста пришли ее.

Что я жду твое предисловие с величайшим нетерпением, это ты сам понимаешь. Наконец, что нибудь выпустим в свет. А в „Vorwärts" собираешься писать или уже послал [2])?

Представь себе, я здесь не нашел Целлера [3]) — теперь у меня надежда на Л. И. Аксельрод. А пока я купил краткого Швеглера [4])—по твоему совету.

Получил ты протест Акимова [5])?

Вот дурень, прости Господи!

Вероятно, завтра вышлю на твое имя или Р. М. [Плехановой] имя 15 фр., из которых 10 ты, при случае, отдашь Гинз[бургу], одолжившему мне такую сумму денег.

Привет всем твоим.

А скоро ты собираешься к нам?

Твой П. Аксел.

8*

Примечания.

1. Прилагаемым, повидимому, было письмо из России от В. И. Засулич.

2. В «Vorwarts» за январь — апрель 1900 г. никаких статей Г. В. Плеханова не помещено; как видно из писем В. Либкнехта к Г. В. Плеханову (сборник Группы «Освобождение Труда», в. III, стр. 257—258), в это время Г. В. Плеханов, по просьбе Либкнехта, собирался писать в «Vorwärts» о внутреннем политическом, финансовом и экономическом кризисе в России.

3. Ed. Zeller — автор «Die Philosophie der Griechen» и «Grundriss der Geschichte der griechisch. Philosopie» и др. П. Б. Аксельрод искал одну из этих книг.

4. Schwegler, 1819—1857, автор «Geschichte der griech. Philosophie»; именно эту книгу купил П. Б. Аксельрод.

5. Акимов-Махновец в это время опротестовал решение секретаря «Союза» Гришина о введении в «Союз» 6 кандидатов, предложенных Группою «Освобождение Труда». Созванное по требованию Акимова собрание администрации «Союза» фактически поддержало протест Акимова,—оно высказалось за принятие этих 6 кандидатов, но без предоставления им права голоса на будущем союзном с'езде, при выборах администрации и редакции.

156. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

$^1/_4$ 9-го вечера [6—7 февраля 1900 г.]

Дорогой Жорж!

Только что пришел домой и нашел телеграмму о смерти Лаврова [1]). Нужно нам общую телеграмму или письмо послать за коллективной подписью. Ехать мне (тебе, может, разрешат?) едва ли имеет смысл, о В. Ив. [Засулич] можно написать, что больна. Меня больше всего стесняло бы присутствие некоторых мыслей, которые волей-неволей парализовали бы язык. Если мне телеграфировать за нас троих, то извести меня. Да и французский текст телеграммы сообщи. Спешу на вокзал. На слова не скупись, смело одолжи деньги, если нет, завтра же вышлю на всякий случай.

Твой П. А.

P. S. Если бы ты хотел ехать, то можно бы телеграммой исхлопотать у В[альдека] Руссо [2]).

Адрес [Ю. А.] Ефрона: 3, rue d'Estrapade.

Примечания.

1. П. Л. Лавров умер 6 февраля н. ст. 1900 г. в Париже. Из членов Группы «Освобождение Труда» на похоронах никто не присутствовал.—Г. В. Плеханов, хотевший поехать и хлопотавший о разрешении на в'езд во Францию (откуда он был выслан в 1894 г.), получил это разрешение на таких унизительных условиях (приезд на 24 часа под особым надзором полиции и при обязательстве ничего не говорить на могиле и немедленно после похорон выехать обратно,—см. «Vorwarts» от 14. II. 1900 г. и «Рабочее Дело», № 6, стр. 23), что счел себя вынужденным совсем отказаться от поездки. Хлопоты о разрешении Г. В. Плеханову приехать в Париж вел Ю. А. Эфрон, которого Г. В. Плеханов о своем отказе уведомил следующей телеграммой: «Impossible profiter autorisation gracieuse dans conditions données» (невозможно воспользоваться милостивым разрешением на данных условиях; цитируем эту телеграмму по письму Эфрона к П. Б. Аксельроду, где она приведена полностью).

От Группы «Освобождения Труда» на могилу был возложен венок с надписью: «П. Л. Лаврову от Группы «Освобождение Труда»» (Сборник «Памяти П. Л. Лаврова», Женева, 1900 г., стр. 35). Кроме того, за подписью П. Б. Аксельрода была послана следующая телеграмма:

Цюрих, 11 февраля.

Шлем наше глубочайшее соболезнование семье великого покойника.

Товарищи и я стоим, об'ятые скорбью, у гроба Петра Лаврова, неутомимого мыслителя и передового борца, всегда жертвовавшего собой за народную свободу и международное братство.

Аксельрод.

2. Тогдашний французский министр-президент.

157. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Четверг, 22 февраля 1900 г

Дорогой Павел!

На днях будешь иметь от меня известия. Теперь я страшно занят и, так сказать, задерган: много нужного народа толпится здесь теперь, да и работы бездна. Пишу наскоро, чтобы спросить тебя, — есть ли у тебя второй том Липперта[1])? Мне он очень нужен, и я буду очень благодарен тебе, если ты мне его вышлешь. Жду скорого ответа. Привет твоим.

Г. Плеханов.

Примечания.

1 Julius Lippert, — известный немецкий историк культуры; о какой его книге идет речь, нам неизвестно, — в двух томах им выпущен ряд работ: «Kulturgeschichte der Menschheit» (1886 — 1887); «Sozialgeschichte der Bohmen (1896—1898) и др.

158. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Суббота, $10^1/_2$ час. утра (Genève, 24. II. 00).

Дорогой Павел!

Я сижу теперь за корректурой предпоследнего листа своего предисловия [1]). Эфрон и мне писал, советуя не выпускать брошюру [2]). Как только она будет готова, я пришлю ее тебе. Суди сам. Я только и делаю в предисловии, что защищаю тебя. Если мы не выпустим брошюры, то значит признаем, что ты неправ. Но в качестве члена группы „Освобождение Труда" ты непогрешим и ошибаться не должен и не можешь (ты знаешь, что я начинаю склоняться к якобинству). Я не посылал тебе корректуры потому, что Бохановский требовал немедленного возвращения ему корректур.

На счет Парижа — об'ясню тебе потом. Тут вышло недоразумение, но, кажется, не по моей вине. Ведь я просил (через Нахамкеса) [3]) Эфрона положить венок от имени Группы „Освобождение Труда". Я прибавил, что если Эфрон не может сделать это, пусть сделает Гуковский, а если не Гуковский, то кто-нибудь из видных гедистов. Венок был, но положен он никем не был. Почему — не знаю. Напиши сейчас же об этом Эфрону.

Прошу тебя, напиши мне немедленно, можно ли дать твой адрес для всяческих сношений по делам изданий группы „Освобождение Труда". Я уже поставил этот адрес (другого у меня нет), но можно переменить. И в этом случае пришли другой [4]).

Привет всем твоим.

Г. Плеханов.

У „молодых" набирается брошюра Кричевского [5])—ответ на твое „Письмо". Мое предисловие идет на перерез этому ответу.

Примечания.

1. К «Vademecum».

2. Из сохранившихся писем Ю. А. Эфрона к П. Б. Аксельроду видно, что в дни похорон П. Л. Лаврова в Париже состоялись совещания съехавшихся тогда туда членов «Союза русских с.-д.» — Эфрона, Н. Э. Баумана, Л. Лейтейзена, Н. Гольденберга-Гранина, Ю. М. Стеклова, Б. Н. Кричевского и Э. Л. Гуревича-Смирнова; на этом совещании было составлено подписанное всеми 8 участниками совещания коллективное заявление в администрацию о необходимости отмены только что принятого последнею решения о лишении вновь введенных в «Союз», по рекомендации Группы «Освобождение Труда», членов права участия с решающим голосом в работах предстоящего вскоре съезда «Союза». О парижском совещании в печати упомянул Ю. Стеклов, — «Пролет. Револ.», № 17, стр. 214.)

Сообщая об этом решении 8-ми членов «Союза», Ю. А. Эфрон доказывал, что ближайший съезд даст Группе победу, что на сторону ее перейдут Кричевский и Гришин, если только они не будут отброшены в другую сторону полемическими резкостями Г. В. Плеханова, о предстоящем выходе статьи которого «Vademecum» было известно уже довольно широко.

3. Ю. М. Нахамкес-Стеклов (тогда был известен под псевдонимом Ю. Невзоров) только что перед тем бежал из Якутской области и вошел в состав «Союза», где пытался держаться нейтрально между Группой «Освобождение Труда» и молодыми (ср. его воспоминания в № 17 «Пролетарской Революции»).

4. В «Vademecum» для сношений с Группою «Освобождение Труда» дан адрес П. Б. Аксельрода: Цюрих, 9, Vogelsangstrasse.

5. В это время в типографии «Союза» набиралась брошюра Кричевского — «Ответ» П. Б. Аксельроду; выход «Vademecum'а» заставил Б. Н. Кричевского дополнить свою брошюру, задержав для этого ее издание; она вышла летом 1900 г. без имени автора под заглавием: «Ответ редакции «Рабочего Дела» на «Открытое письмо» П. Б. Аксельрода и «Vademecum» г. Плеханова».

159. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Понедельник.

Дорогой Павел,

Как ты себя чувствуешь? Я уже поправляюсь: от моего гриппа осталась только некоторая слабость. Напиши (или попроси написать) о себе. Сегодня посылается тебе „Vademecum“. Пошли (или попроси послать) часть брошюр в Америку: у меня нет адреса Ингермана. Посылаю тебе счет Боханов-

ского за печатание брошюры. Вместе с тем даю тебе отчет о деньгах, присланных тобою мне на поездку в Париж.

Получено	200	франков.
Послано на венок	50	„
Израсходовано на телеграммы .	5	„
Остается	145	„

Эти 145 фр. я мог бы передать Бохановскому в счет долга. Если он придет ко мне, я дам ему 100 фр. (остальные 45 сохраню на некоторые расходы). А ты пошли ему остальные и напиши, что 100 фр. должен был передать ему я: пусть придет, мои сношения с ним затруднены тем, что жена его меня и даже моих детей встречает у себя, как зверь, грубо и свирепо [1]). Да и не выхожу я теперь, Лида [2]) больна (у нее грипп). Роза [Р. М. Плеханова] занята. Но 100 фр. я ему все-таки передам.

В цюрихской Volksbuchhandlung есть книга Геркнера— „Die Arbeiterfrage" [„Рабочий вопрос"]. Попроси кого-нибудь из твоих детей купить и выслать мне эту книгу. Она мне нужна для Бернштейниады. Привет всем твоим.

Твой Г. П.

Примечания.

1. Гал. Чернявская-Бохановская, якобинка, затем член Исполнительного Комитета „Народной Воли"; за границей входила в группу старых народовольцев и выдавалась своим непримиримым отношением к с.-д., особенно к Г. В. Плеханову.

2. Лидия Георгиевна Плеханова, дочь Г. В. Плеханова.

160. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

Дорогой Жорж!

Присланные экземпляры „Vademecum'a" я все разослал— у меня только один остался. Кроме того, я думаю, что Рак[овский] давно уже уехал, а потому я предлагаю или советую послать несколько экземпляров на адрес: M-r Dobrogeanu, Gara Ploesti, Roumainien. Напиши ему пару строк—впрочем, чтобы тебя избавить, я ему напишу и попрошу предварительно списаться с Рак[овским], а потом уже, чтобы он переслал ему. Якову [Кальмансону], конечно, уже отослано.

Вчера отправил Бохан[овскому] 500 франков, я затерял где-то счет его. Напиши ему, что как только начну выходить, пошлю ему еще 100 фр.—немного вперед, т[ак] к[ак] ведь он набирает „Коммунистический Манифест“?

А остаток из 200 фр. сохрани у себя—на разные надобности—книги, газеты, поездку, если понадобятся, сюда и т. д.

Я все еще больше ½ часа с трудом могу сидеть за столом, чертовски ослаб, скверность во рту и есть ничего не могу. Потому-то и книга [1]) до сих пор не выслана. Обещает Саша [А. П. Аксельрод] сегодня достать ее.

Привет твоим.

Твой П. А.

А брошюра твоя, как понравилась „дорогим“?

Примечание.

1. Очевидно, Геркнер: «Рабочий вопрос».

161. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Среда.

Дорогой Павел!

Как твое здоровье? Скоро ли ты совсем оправишься? В начале апреля (даже первого [1]) апреля) наши „дорогие“ предлагают устроить с'езд [2]). Можешь ли ты приехать на него? И может ли приехать [А. Г.] Гуревич? Его присутствие необходимо, как и всех наших. Ответь мне немедленно за себя и за Гуревича—можно ли принять предложение относительно первого апреля. Все наши тоже очень хотели бы, чтобы он состоялся поскорее. Жду немедленного (и, желательно бы, утвердительного) ответа.

Уладились ли твои дела [со] цюрихскими крамольники [3])? Передай Саше [А. П. Аксельрод], что я завтра пошлю ему свой questionarius [4]).

Поклон всем.

Твой Г. П.

Что у вас в Цюрихе говорят о „Vademecum'е“? И что ты сам думаешь о нем? „Дорогие“ собираются отвечать. Я их жду. На этом поле они меня не испугают.

Г. П.

Примечания.

1. Эту дату Г. В. Плеханов берет, повидимому, по старому стилю.

2. Речь идет о так называемом «Втором с'езде Союза русских с.-д.»; состоялся он в середине апреля 1900 г. в Женеве и был ознаменован окончательным разрывом группы «Освобождение Труда» с «молодыми» (в литературе этот с'езд вкратце описан Ю. Стекловым в «Пролетарской Революции», № 17). Выйдя из «Союза», члены группы «Освобождение Труда» вместе со своими сторонниками (Кольцов, Блюменфельд, Лейтейзен и др.) создали самостоятельную организацию «Социал-Демократ», которая просуществовала до 1901 г., когда растворилась в «Заграничной Лиге революционной с.-д.»

3. Сохраняем фразу в том виде, как она написана Г. В. Плехановым: возможно, что Г. В. Плеханов сознательно прибег к старо-славянскому обороту.

Эпизод, вызвавший это замечание Г. В. Плеханова, заключается в следующем: после смерти П. Л. Лаврова группа парижских народовольцев, ближайших друзей покойного, обратилась к П. Б. Аксельроду, В. И. Засулич (об отсутствии ее они не знали) и Г. В. Плеханову с просьбой помочь своим влиянием приданию возможно более широкого и импозантного характера чествованию памяти покойного; особо просили снестись со швейцарскими с.-д., чтобы отозвались с своей стороны и они. Это вполне соответствовало настроению членов Группы, которые сделали в этом направлении все, что могли; в частности, П. Б. Аксельрод говорил лично со швейцарскими, германскими и австрийскими с.-д. о посылке телеграмм и венков, а также с помощью Грейлиха настоял на создании в Цюрихе специального комитета по чествованию памяти П. Л. Лаврова, читал на немецком митинге доклад о последнем и т. д.

Эта деятельность П. Б. Аксельрода вызвала неудовольствие некоторых представителей русской колонии; упоминавшийся уже у нас А. А. Берлин обвинял по этому поводу П. Б. Аксельрода в игнорировании русской колонии, как целого, и чуть ли не в самозванстве; группой сторонников Берлина была даже вынесена резолюция с протестом против действий П. Б. Аксельрода, но затем, когда об этом протесте стало известно всей колонии, то общее ее собрание 24. II. 1900 г., огромным большинством (19 за, 1 против) приняло резолюцию, осуждавшую протестантов и выражавшую благодарность П. Б. Аксельроду и Грейлиху (оригинал этой резолюции, подписанный председателем собрания, Ив. Черпашевым, сохранился в архиве П. Б. Аксельрода).

4. «Список вопросов»: в связи со своими работами по первобытному искусству, Г. В. Плеханов очень живо интересовался теми этнографическими проблемами, которые стояли перед дальневосточной экспедицией Иохельсона, и прислал А. И. Аксельроду большой список вопросов, собрание материалов по которым считал крайне важным для науки. Этого списка в нашем распоряжении не имеется.

162. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Пятница (Genève, 13 IV. 00).

Дорогой Павел!

На твой запрос отвечу тебе в двух словах: по-моему, поехать ему [1]) следовало бы (и даже очень), но на возврат денег рассчитывать совершенно невозможно. Как решить дилемму? Не знаю, подумаю. А пока напиши ему, что достать трудно и скоро нельзя. Мне сдается, что у него самого есть один источник, к которому он пока избегает обращаться. Но надо, чтобы он обратился.

Скажи Лиде [2]), что я целую ее. Привет всем твоим.

Г. Плеханов.

Примечания.

1. А. Г. Гуревичу в Женеву на с'езд «Союза».

2. Л. Г. Плехановой, которая тогда гостила в Цюрихе у Аксельродов.

163. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову

Дорогой Жорж!

[А. Г.] Гуревич, конечно, поедет, а на дорогу придется мне ему дать из кассы, ибо он, конечно, не имеет ногтас и сантима в кармане. Что до меня касается, то прекрасно знаю, что я обязан поехать. Но смогу ли исполнить эту обязанность—это другой вопрос. Саша [А. Б. Аксельрод], вследствие полученной телеграммы, уезжает не в апреле, а послезавтра. Вера [В. П. Аксельрод] состоит на каникулах суб-ассистенткой в клинике, где пребывает, за исключением обеда, целый день, с 7½ утра до 6—7 вечера. А Соня [С. П. Аксельрод] не в состоянии одна делать в конторе то, что после обеда полагается там по части экспедиции делать. О том, чтобы Надя [Н. П. Аксельрод] сейчас после обеда ходила в контору, нечего и думать при ее больных ногах. Значит, отныне я вполне раб кефира. Единственная надежда у меня имеется та, что Вере [В. П. Аксельрод] удастся получить отпуск на день—другой, тогда я в субботу после обеда поехал бы так, чтобы воскресенье и понедельник, пожалуй, вторник до обеда про-

быть в Женеве. Таково, в данную минуту положение вопроса о моей поездке. У меня лично тайная надежда на скорый приезд Путмана] [1]), или, может, и еще кого-нибудь, а потому мне хотелось еще немного отсрочить от'езд. О чем на нем будут толковать,—... darüber bin ich mir nicht klar [это мне не ясно].

За исключением Бончей [2]), брошюра твоя, повидимому, тоном своим шокирует публику. Передо мной стесняются, но вчера мне некто [Иосиф] Фридланд высказал это не только как свое впечатление, но и как мнение, слышанное им. Повидимому, теоретическая часть брошюры так же мало проникла в головы, как горох в стену. Я это заключаю, между прочим, из того, что по словам того же Фридланда] вдруг начали хвалить мое „Письмо" (не поздоровится от таких похвал), находя по существу тождественным (?!) содержание его и твоей брошюры, но без резкой полемики и т. п. Словом, старая история. Мой отзыв кто-то из детей передал в письме [3]). Да ведь ты и сам понимаешь, что не могла мне брошюра не понравиться очень. Кажется, я ее раза три перечитал, правда, в лихорадочном и затем очень ослабленном состоянии. Я только боюсь, что некоторые мелкие уколы („журнальчик", „квазипериодический" и т. д.) могут дать им повод для вылазок против „Работника" и „Листка Работника]". Правда, это были издания для рабочих (за исключением последней книжки), а их „Рабочее] Д[ело]"—по внешности и литерат[урному] жаргону, по крайней мере,—издание для интеллигенции. Но все равно,—справедливость требует признать, что их издания литературно благообразнее наших изданий последних лет, т.-е. периода издания „Раб[отника]" и „Листка". Единственный постоянный сотрудник,—Кольцов,—головой ниже Крич[евского] и Теплова, а $^{9}/_{10}$ ост[альных] случ[айных] сотрудников были полуграмотные. По-моему, беда наша именно в том заключается, что наши „дорогие" просто-таки люди в морально-полит[ическом] смысле ненадежные. Вот почему я так скептически отношусь к с'езду. Где Полетаев [4])?

Я спрашиваю это потому, что желал бы избавить тебя от разных деловых вопросов, с которыми обращался бы к нему, напр., набирает ли что-нибудь наш Бохановский? Если да, то

я смог бы послать ему несколько вперед. А если нет, то пошлю ему только остаток долга. Не посылаю тебе потому, что тебе неприятно заходить к Бохан[овскому], а пересылать, если нет Полет[аева] в Женеве,—возня для тебя.

Выписал ты Геркнера? Нашел ты у себя Липперта? Он, наверное, у тебя.

Получил ли ты мою немецкую „Речь“ о Лаврове[5])?

Сегодня я впервые вышел на улицу,—но еле таскал ноги один квартал. После обеда опять больше 10 минут не мог гулять. Но все-таки начинаю поправляться и, надеюсь, на будущей неделе буду здоров, хотя по настоящему должен быть здоров уже, в субботу, т. к. если Саша не останется до воскресенья, то мне придется в контору пойти. Привет твоим.

Твой П. А.

О крамольниках я уже забыл, да мне-то собственно с ними не приходилось иметь дела. Колония узнала про какую-то „резолюцию“ против меня и заволновалась. Кончилось дело тем, что мне вотировали благодарность...

. . . .[6]).

Примечания.

1. А. Н. Потресов, который в это время окончил срок своей ссылки в Вятскую губ. и жил в Пскове.

2. Вл. Дм. и Вера Мих. Бонч-Бруевичи.

3. Этого письма в нашем распоряжении не имеется.

4. Полетаев—Н. Э. Бауман; в период, к которому относится данное письмо, он уже вернулся в Женеву из Парижа, куда ездил для участия в похоронах П. Л. Лаврова (в качестве делегата русских студентов в Женеве).

5. Речь, произнесенная П. Б. Аксельродом на собрании в память П. Л. Лаврова, устроенном в Цюрихе швейцарскими с.-д.; она была напечатана в «Wiener Arbeiter Zeitung»; русский перевод ее помещен в сборнике статей П. Б. Аксельрода: «Рабочий класс и революционное движение в России» (Петербург, 1907 г.).

6. Опущено несколько строк.

164. Г. В. Плеханов— П. Б. Аксельроду.

Суббота.

Павел, ты вообразить не можешь, до чего меня тянут во все стороны. „Красное Знамя“ [1]) прочту сегодня вечером. Полетаеву [Н. Э. Бауману] деньги Гинзбург обещал достать. Во

всяком случае, насчет денег я советую тебе снестись с Гинзбургом. Я заранее полагаюсь на Ваше решение.

Отчего ты не высылаешь мне книги, полученные для меня из Америки?

Лида (Л. Г. Плеханова) только что приехала. Она очень поправилась и в восторге от своей поездки. Великое спасибо тебе, Надежде Исааковне [Аксельрод] и Вашим барышням [2]).

Что пишет Саша [А. П. Аксельрод]?

Твой Г. П.

Примечания.

1. Брошюра, написанная Ю. С. Цедербаумом (Л. Мартов) в Туруханской ссылке, впервые издана в 1900 г. с предисловием П. Б. Аксельрода.

2. В. П. и С. П. Аксельрод

165. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

Дорогой Жорж!

Спешу переслать тебе оба письма Ганелина [1]), смысл которых ты понимаешь, т. к. я отослал тебе письмо сестры [В. И. Засулич].

Прилагаемое заклеенное письмо принесено было Мерком [2]) из секретариата в контору в мое отсутствие—так что, в чем дело, не знаю. Мы чрезвычайно рады, что Лидочка [Л. Г. Плеханова] хорошо себя чувствовала у нас. Никаких особых усилий для этого мы не делали. Я думаю, что ощущение ее об'ясняется той действительной симпатией, которую она внушила всем нашим. Говорю это без малейшего преувеличения. Я пишу на почте, а потому спешу (сегодня почта открыта только в известные часы).

Привет Розалии Марковне [Плехановой] и детям.

Твой П. А.

P. S. Книги отправлены вместе с вещами Лидочки.

Примечания.

1. С. Ганелин—участник полу-марксистских, полу-народнических кружков в Одессе конца 1880-х г. г., затем эмигрант, участник первой попытки создания русского с.-д. союза за границей в 1888—1889 г.; ныне

живет в Германии, инженер-химик; был в хороших отношениях с В. И. Засулич. Из упоминаемых П. Б. Аксельродом писем С. Ганелина сохранилось одно (печатаемое письмо П. Б. Аксельрода написано на его обороте), приводим его полностью.

Апреля 20. 4. 1900 г.

Дорогой Павел Борисович!

Только что получил письмо от В. И. [Засулич] из Швеции. Просит Вас писать ей через Берлин, т.-е. через меня. Вы можете в конверт с моим адресом вложить другой конверт с письмом к ней и этот конверт я переправлю, написав предварительно на нем ее теперешний адрес. Так я понял ее желание.

Как Вы поживаете? Надо полагать, что теперешняя война ваша „mit der Jungen“ [с молодыми] ничего кроме неприятностей принести не может и уж наверное не впрок Вашей энергии. А чтобы можно было победить „die Jungen“ [молодых], я сомневаюсь. Они такие лилипутики, лезут в глаза, уши и за воротник. Только плюнешь и уйдешь. Они, значит, и победят. Жму крепко руку, Ваш С. Ганелин. Кланяюсь всем Вашим. Копию этого письма посылаю Георгию Валентиновичу [Плеханову].

В Швецию—в Стокгольм—В. И. Засулич попала из Петербурга, откуда ее уговорили уехать в виду тревожных симптомов насчет безопасности ее в полицейском отношении; вначале предполагалось, что В. И. Засулич будет некоторое время жить в Стокгольме, служа посредницей в сношениях с Россией, но вскоре, в виду арестов в Екатеринославе (Лалаянц и др.), Кременчуге (типография «Южного Рабочего») и т. д., первоначальные планы были изменены, перенесение центров издательства за границу было ускорено, и В. И. Засулич переехала в Швейцарию.

2. Мерк—швейцарский рабочий, помощник Грейлиха по секретариату обще-швейцарского «Arbeiter-Bund'a» (организация, объединяющая в Швейцарии рабочие союзы всех направлений; с самого создания этой организации руководящую роль в ней играет с.-д.); Мерк умер в начале 1900-х г. г. от чахотки.

166. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Пятница вечером
(Genève, 4. V. 00.)

Дорогой Павел!

Напиши мне, пожалуйста, немедленно, едет ли Ингерман в Европу с женой или один[1])? Если—**один**, то ты лучше **телеграфируй** завтра: allein, а если он едет с женой, то

не телеграфируй, а напиши и тогда сообщи, не знаешь ли ты какого-нибудь другого адреса в Америке (напиши, где именно, в каком городе). Надо дать рекомендацию одному грузину [2]), который едет в Америку и страшно торопится от'ездом. Может, ты знаешь адрес секретаря нью-йоркского социаль-демократич[еского] союза? Ответь, прошу тебя, немедленно, надо оказать людям услугу.

Рукопись [„Красное Знамя"] читал и нахожу, что ее безусловно надо напечатать. Что пишет Саша [А. П. Аксельрод]?

Привет всем.

Твой Г. П.

Примечания.

1. С. М. Ингерман летом 1900 г. приезжал (вместе с женою) в Европу, чтобы поработать по своей специальности (как врач).

2. Это был один грузинский с.-д. (фамилию его установить не удалось), по профессии акробат; он уехал в 1900 году в Америку и с тех пор о нем не было никаких известий.

167. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

[Май 1900 г.]

Дорогой Жорж!

„Deutsche Worte" [1]) обещали достать. Здесь я был в секретариате, но журнал тот за год переплетен, так что пришлось бы послать тебе два тома, а без Грейлиха *), пожалуй, и не дали бы. Значит, приходится ждать из Вены.

Сестра [2]) удивляется твоему молчанию, несмотря на ее четыре письма к тебе. Судя по ее письму, П. [3]) теперь и ехать не стоит раньше, чем явится сюда Путм[ан] [4]) или выяснится окончательно, что он сюда не явится. Ведь они могут разминуться, а, главное, для миссии П[олетаева] очень важно знать, какие решения приняты будут тут, после совместного совещания с Путм[аном] и Петровым [В. И. Лениным]: я понял сестру, что и Петров едет [5]).

Получил ли ты второй пакетик книг от Ингермана [6]) (тут в мое отсутствие получились они и, вследствие какой-то суматохи, не помню твердо, отправлены ли они тебе. Я искал и

*) Он уехал в Женеву и еще кое-куда.

не нашел их у себя. Если нет, то, значит, дети куда-то заложили тогда с книгами, и придется начать основательный розыск.

От Сани [А. Н. Аксельрода] должна бы быть из Владивостока телеграмма, а ее нет как нет, что нас не мало тревожит.

Привет твоим.

Твой Пав.

Примечания.

1. «Deutsche Worte»—демократический, а затем умеренно-социалистический еженедельник, выходивший с 1880 г. в Вене под редакцией известного деятеля австрийской с.-д.—Пернерсторфера; в [illegible] конце 1890-х г. г. этот журнал стоял на стороне бернштейнианцев.

2. В. И. Засулич, которая в это время, повидимому, еще оставалась в Стокгольме.

3. И. здесь, несомненно, Полетаев, т.-е. Н. Э. Бауман, который, очевидно, должен был ехать в Россию на предполагавшийся тогда там с'езд РСДРП в качестве представителя выделившихся из «Союза» сторонников Группы «Освобождение Труда».

4. А. Н. Потресов, который выехал за границу в конце марта 1900 года (см. его «справку» в «Ленинском сборнике», т. I, стр. 32) «для того, чтобы, с одной стороны, договорить с Плехановым и Аксельродом относительно издания за границей руководящего с.-д. органа, а с другой, чтобы наладить сношения с германскими с.-д.».

5. На самом деле Петров-Ленин задержался выездом из России до середины июля.

6. Оригинала данного письма в распоряжении редакции настоящего издания не имеется; в копии, которой мы пользовались, здесь стоит «Петерман», но это явная ошибка, которую мы исправляем.

168. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

Дорогой Жорж!

Сообразно [твоему] сегодняшнему письму [к] Блюменфельду, посылаю тебе первоначальное воззвание [1]), с добавлением нескольких фраз. Что касается до названия, то ничего другого придумать не могу, кроме прибавки к слову социал-демократы аттрибут „революционные" или „марксисты". Но последнее слово накладывает слишком теоретический отпечаток [2])...

Я на днях написал Р. Мар. [Плехановой] заказное письмо в расчете получить от нее хоть короткий ответ на мои

вопросы. Но от нее ни слуху, ни духу. По всей вероятности, она завалена работой. Но приходит в голову и мысль, что письмо не дошло. Это было бы чорт знает что такое...

От Полетаева [Н. Э. Баумана][3]) получил известие о прибытии Ш[утма]на [А. Н. Потресова]. Но может, тут какое нибудь недоразумение?

У меня сидят [С. М.] Living Ингерман и секретарь того общества[4]), из-за денег которого против нас раздаются филиппики. Они второй день гостят здесь. Ингерман тот же славный парень, что и был, только возмужал, да и секретарь, видно, хороший человек.

Твой Павел.

Примечания.

1. Речь идет о первом воззвании, выпущенном в мае 1900 г. меньшинством «Союза русских с.-д.»; это воззвание в «Указателе» Золотарева и Каменева зарегистрировано не вполне правильно; в действительности, оно носило заголовок: «От русского с.-д. союза»,—название, под которым это меньшинство выступало только один раз[1]). Установить автора этого воззвания нам не удалось, —во всяком случае, им не был П. Б. Аксельрод; по воспоминаниям последнего, наиболее вероятно, что оно было написано Б. А. Гинзбургом-Кольцовым под непосредственным руководством Г. В. Плеханова, хотя отнюдь не исключена и возможность составления его самим Г. В. Плехановым.

Так как это воззвание является большой редкостью, то мы считаем целесообразным воспроизвести его здесь целиком:

От Русского социал-демократического союза.

В конце 1894 г. Группа «Освобождение Труда», соединившись с некоторыми, не входившими в ее состав, но вполне надежными и известными русскими социал-демократами за границей, основала «Союз русских социал-демократов», предоставив в его пользование свою типографию, в которой были напечатаны первые по времени социал-демократические произведения на русском языке.

Новый союз заявил, что он «стоит на почве международного социализма и вполне разделяет основные взгляды Группы «Осв[обождение] Тр[уда]» как на капиталистическое развитие современной России, так и на вытекающие из этого факта ближайшие задачи русских социалистов-революционеров».

---

[1]) Право оставшейся на апрельском съезде 1900 г. в меньшинстве части «Союза русских с.-д.» выступать под именем «Русского с.-д. союза» было опротестовано большинством апрельского съезда, которое обратилось к Грейлиху с просьбой быть судьей в этом споре. Подробности нам неизвестны, но меньшинство в дальнейшем этим именем не пользовалось.

Главною целью его было оказание посильной поддержки и развивающемуся в России социалистическому движению в среде пролетариата.

Эта широкая цель оставляла много места для новых, будущих членов «Союза», присоединением которых он озаботился немедленно по своем возникновении.

Мало-по-малу, и особенно благодаря быстрым и блестящим успехам социал-демократической пропаганды в России, состав «Союза» увеличился довольно значительно, и число новых членов даже превысило число членов-основателей.

Это обстоятельство было бы очень благоприятно для главной цели «Союза», если бы все новые его члены вполне и окончательно усвоили себе основные положения современного научного социализма.

К сожалению, для некоторых из них это было не так. Они увлеклись марксизмом совершенно искренно, но не твердо и не вполне разделавшись со старыми идеалистическими и мелкобуржуазными предрассудками. С течением времени эти идеалистические и мелкобуржуазные предрассудки, под предлогом «критического пересмотра» учения Маркса, снова заняли господствующее место в их социально-политических взглядах. Главным выражением их явилась рукописная брошюра, направленная против Группы «Освобождение Труда» и недавно напечатанная в сборнике «Vademecum» для редакции «Рабочего Дела». В линию «критиков» Маркса поддались многие другие члены «Союза», разногласия постоянно увеличивались и осложнялись разными организационными недоразумениями. Осенью 1898 г. Группа «Освобождение Труда» отказалась от редактирования изданий «Союза русских социал-демократов», не желая брать на себя ответственность за новые «критические» взгляды, настойчиво требовавшие себе литературного выражения.

Дальнейшая история «Союза» была рядом самых печальных недоразумений, о которых в настоящее время достаточно сказать лишь то, что в апреле текущего года они причинили в «Союзе» окончательный раскол и, как естественное следствие раскола, анархию, приостановившую нормальное отправление всех его функций.

Чтобы покончить с таким печальным положением дел, Группа «Ов[обождение] Тр[уда]», в полном согласии с членами-основателями старого «Союза», а также с некоторыми «молодыми» его членами, создала новую организацию, которая будет называться «Русским социал-демократическим союзом».

Новая организация задается тою самою целью, которую ставил себе при своем основании старый «Союз русских социал-демократов». Она стремится по мере своих сил помогать социалистическому движению в русском пролетариате.

Но эта общая цель приобретает теперь особый вид благодаря некоторым специфическим особенностям переживаемой нами минуты.

Так называемая *«критика марксизма»*, которая представляет собою жалкую реакционную попытку ослабить борьбу пролетариата с буржуазией на практике и облегчить его сближение и примирение с нею в теории, сделалась модой в среде нашей ученой и полуученой, образованной и полуобразованной мелкой буржуазии. Один за другим переходят «под знак критики» и покидают все основные положения марксизма те самые люди, которые называли и даже до сих пор продолжают называть себя учениками Маркса. Умственный хаос, причиняемый этой псевдо-критикой, принимает поистине величественные размеры и грозит, проникнув в рабочую среду, принести большой вред нашей молодой и еще неокрепшей социал-демократии. Борьба с этой умственной анархией является ближайшей задачей революционных социал-демократических элементов, не поддавшихся модной заразе анти-революционной «критики».

Русский социал-демократический союз будет содействовать этой борьбе всеми зависящими от него средствами и протянет братскую руку всем тем социал-демократическим группам и организациям, которые *имеют мужество решительно отвернуться от ложных друзей социал-демократии и не затемняют положения дел в нынешней социал-демократической России широковещательными фразами на тему, что все обстоит благополучно.*

Да здравствует революционная критика анти-революционных «критиков»! Да здравствует революционное движение рабочего класса!

Май 1900 года.

2. Предложенное П. Б. Аксельродом добавление к названию «Союза» было принято, но не в подписи под этим воззванием: несколько позже организация приняла название *«революционная организация «Социал-демократ»*.

3. Н. Э. Бауман в то время жил в Женеве.

4. «Русского с.-д. клуба в Нью-Йорке».

169. П. Б. Аксельрод—Р. М. Плехановой.

Дорогая Розалия Марковна!

Прежде всего о деле. Н[утман] [А. Н. Потресов] сообщает, что известное судилище, требующее „представителя“ или „доклада“ от нас, состоится 9-10 июня [1]. По словам Н[утма]на он только от П[олетае]ва узнал, что за крохвосты наши мин-

ские „дорогие" противники [2], а по сообщениям приезжавших, эти „дорогие" успели заранее таки оклеветать нас повсюду. В виду этого мне кажется, что отнюдь не мешало бы поехать туда Полетаеву для ознакомления публики с положением дел. Пишу Вам в надежде, что письмо все таки попадет к Вам и Вы хоть во время обеда или кофе обратите внимание Жоржа на мое мнение. Впрочем, за абсолютной пустотой кассы нельзя будет ехать, разве если у Полетаева уцелели данные ему суммы [3].

Большое спасибо за хлорал, который я уже отправил по назначению. Мне ужасно хотелось избавить Вас от всей возни, а потому написал Игерману, чтобы он сам все устроил, но мое письмо его уже не застало. На Вас я и не думал злиться, ибо наперед решил, что причина Вашего молчания или абсолютная заваленность работой, или нездоровье. Только одно мне в голову не приходило, чтобы Жорж не постарался не то что прочитать мое пятилистное послание, но просто сохранить его для передачи Вам. Ведь я не приставал к нему с запросами и даже не утруждаю его своими письмами. Но ведь тем или иным путем необходимо друг другу давать знать об инцидентах и положении дел. Если и обращение к Вашему посредничеству не может помочь горю (в критические минуты), то право не знаю, что и делать. Я постоянно помню, что Жоржу пришлось и приходится на своих плечах выносить всю тяжесть возни с минским начальством, а потому я и стараюсь возможно меньше приставать к нему с письмами и запросами.

Ваш П. А.

Примечания.

1. «Судилищем» П. Б. Аксельрод называет предполагавшийся тогда II с'езд РСДРП; он должен был состояться в Смоленске, но, из делегатов в назначенное время туда прибыли лишь бундовцы, почему с'езд и не смог состояться.

2. Т. е. бундовцы; [illegible] в это время [illegible] по поддержанию общееврейских связей, кроме того, главным организатором с'езда в это время был [illegible], тоже бундовец, об'езжавший [illegible] в это время все русские организации по поручению от «Союза русских с.-д.».

3. Полетаев-Бауман в этот период в Россию не ездил; Группа «Освобождение Труда» послала от себя мандат для представительства ее на с'езде В. И. Ленину (см. Мартов «История российской с.-д.», стр. [illegible]).

170. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

(23. VII 190[illegible])

Дорогой Павел!

Пересылаю тебе прокламацию новой польской партии „Пролетариат“[1]). Эта партия, в письмах к Сущинскому[2]), которому она писала, зная его типографский адрес, настаивает на том, чтобы войти в сношения с нами (именно с нами, а не с „дорогими товарищами“). Они просят, чтобы кто-нибудь приехал во Львов для переговоров. По моему, следует послать [Б. А.] Гинцбурга или хотя бы Сущинского[3]). Эти поляки имеют много связей в Малороссии и будут нам полезны. Что ты об этом думаешь? Напиши немедленно мне и Блюменфельду, ибо я теперь не в Женеве, а на даче. Адрес мой: мне, Pension de la Gabiule, Collogne—Bellerive, Cant[on] de Genève.

Как ты поживаешь? Я пишу предисловие к [Коммунистическому] Манифесту. Мне нужен был бы Brass[4]) (Wages или не помню уже как; одна его (принадлежащая тебе) книга у меня; не пришлешь ли остальные? Очень обязал бы.

Привет всем.

Твой Г. П.

Примечания.

1. Польская социалистическая партия «Пролетариат» образовалась в 1899—1900 г.г. путем выделения из рядов ППС оппозиции («Secessya»), недовольной националистическим уклоном ППС; занимала промежуточное положение между польской с.-д. и ППС; просуществовала недолго—до 1906—1907 г.г.—и большой роли не играла.

2. Мих. Гавр. Сущинский, деятель «группы народовольцев» 1891—1894 г.г. (М. С. Александров и др.), потом с.-д.; в эмиграции был с 1898 г.; вначале примыкал к «молодым» и был их заведующим типографией «Союза», в апреле 1900 г., при расколе на II съезде «Союза», примкнул к сторонникам Группы «Освобождение Труда» и отказался выдать «молодым» типографию «Союза», что вызвало в свое время много споров в эмиграции. Позднее ушел от с.-д. к анархистам.

3. Ездил ли в это время кто-нибудь от Группы «Освобождение Труда» в Львов—нам неизвестно.

4. Несомненно, Thom. Brassey, английский экономист 1860—1880-х г.г., автор ряда работ по рабочему вопросу, о заработной плате и т. д. Какую именно его книгу имеет в виду Г. В. Плеханов—нам установить не удалось.

171. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

Дорогой Жорж!

Книги (Брассей и оставленную у меня книгу Пигермана) отправляю тебе одновременно с письмом. В. Ив. [Засулич] в том же городе, где Н[утма]н обретается [1]). Туда я и письмо твое к ней переслал. На счет отправки кого нибудь в Львов мне приходится полагаться на твое мнение, т. к. я не имею никакого конкретного представления ни о составе новой польской группы, ни о переписке ее с Сущинским. Если люди там вполне серьезные и интеллигентные, то как бы Сущинский], в качестве нашего представителя, не скомпрометировал нас? Скажу тебе правду: будь у нас гарантия, что народ там дельный, я бы предложил свои услуги для переговоров *) (т. к. из нас троих только мне безопасно ехать в те края) [2]). Но на авось не хочется и не годится в интересах Группы. Почему бы не предложить им, чтобы кто нибудь к нам приехал?

Привет всем твоим. Твой П. А.

Примечания.

1. Нам неизвестно, где она в это время жила.

2. П. Б. Аксельрод в это время уже пользовался правами швейцарского гражданства.

172. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Genève, le 18 septembre 1900

Дорогой Павел, получились мандаты (от Петрова [1]) для нашей группы из Уфы и Уральска. Так как у Веры [В. И. Засулич] уже есть мандат из Москвы, то не поедешь ли ты? Это было бы хорошо. Конгресс [2]) будет иметь большую важность, и ты мог [бы] принести много пользы в комиссиях. Решай скорее и извести меня о твоем решении. Если поедешь в Париж, то вот тебе на всякий случай адрес, по которому найдешь [Б. А.] Гинзбурга: Гуковский, 1 bis rue de la Station, 1 bis, Haut-Meudon (près Paris). Адрес конгресса узнаешь из «Petite République». А если он там не будет напечатан, то

*) Но не теперь, а через месяц

[illegible] в ее редакцию (адрес напечатан на газете) и спроси. Если ты не поедешь, придется передать мандат Гинзбургу. Телеграмму получил. Жду твоего письма. Здоровье мое лучше. Жоресу написал. Жду его телеграммы. А если телеграфирует: нельзя? Все таки поеду [3]).

Примечания.

1. [illegible] «[illegible] сборник», в. 1, стр. 55).

2. Международный социалистический конгресс, заседавший с 23 по 27 сентября в Париже. П. Б. Аксельрод присутствовал на нем в качестве делегата. От Группы «Освобождение Труда» на конгрессе были 4 делегата (Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод и Б. А. Гинзбург-Кольцов); ею было представлено всего 6 мандатов: [illegible] Московского комитета, [illegible] уральской группы «Социал-Демократа» (а не от с.-д. г. Уральска, как ошибочно говорит в письме Г. В. Плеханов) и 1—от с.-д. города Уфы («Раб. Дело», № 7, отд. III, стр. 6).

В г. Уфе в то время существовала с.-д. организация, руководящую роль в которой играли В. И. Крохмаль, Н. К. Крупская и др. «Уральская группа»—эта группа издавала сборник «Пролетарская борьба» (А. А. Санин, Н. Н. Кудрин и др.).

3. Колебания Г. В. Плеханова были вызваны тяготевшим над ним постановлением 1894 г. о высылке его из Франции; по хлопотам Жореса перед конгрессом 1900 г., это постановление было отменено.

173. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Женева, четверг [21. IX. 1900].

Дорогой Павел!

Я завтра, в пятницу, выезжаю [1], ночую в [illegible], в гостинице [illegible], а если там не найду комнаты, то в Cheval Blanc. Если ты завтра выедешь из Цюриха в 5 часов пополудни, то в 11 часов 28 минут вечера будешь в Pontarlier, и найдешь меня в одной из указанных гостиниц. А на завтра поедем дальше, может быть, и Вера [В. И. Засулич] поедет вместе со мной. Не знаю только, достала ли она денег. Двухсот фр. на двоих, да еще с объездом, будет маловато. Ну, да там достанем. От Жореса ни слуху, ни духу; как бы то ни было, еду.

Твой Г. П.

Немедленно по получении этого письма дай телеграмму Lausanne Gare — poste restante (Лозанна, вокзал — до востребования) мне, в которой скажи: einverstanden [согласен], или — если нет — unmöglich [невозможно]. Я уже буду знать.

Твой.

Примечание.

1. Речь идет о поездке в Париж на международный социалистический конгресс.

174. Г. В. Плеханов — П. Б. Аксельроду.

[Около 8 ноября 1900 г.][1].

Павел, от В. [В. И. Засулич] и ее коллеги [В. И. Ленина] получено известие. Газета[2] готова, но нет иностранного обозрения. Христом-богом просят прислать им таковое: ведь нельзя же выпустить совсем без обозрения. Обращаюсь к тебе. У тебя есть решения немецкого и австрийского партейтагов, есть решения парижского конгресса (в „Vorwärts'е"). Тряхни стариной, продиктуй несколько печатных страниц о конгрессе нынешнего года. Потрудись, одолжишь всех. У тебя хорошо выходили (в „Рабочем Слове")[3] именно импровизации. Не мудри и не поправляй, а диктуй — и через три дня будет готова заметка[4]. Пишу тебе в кафе, ужасным пером, марки нет.

Жду от тебя телеграммы. Если телеграфируешь — gut (хорошо), напишу В. [В. И. Засулич] и ее коллеге. [illegible] А если не можешь, телеграфируй — unmöglich [невозможно].

Я по уши занят со статьей против Струве, которую они тоже требуют[5]).

Да что ты не напишешь? Как твое здоровье?

По причинам, о которых после, — эта просьба на счет обозрения тайна ото всех, кроме твоей семьи.

Примечание.

1. Дата устанавливается из сопоставления этого письма с [illegible] неопубликованными письмами В. И. Ленина к П. Б. Аксельроду.

2. № 1 «Искры», который в это время составлялся В. И. Лениным и В. И. Засулич, жившими в Мюнхене (из остальных членов редакции Ю. О. Мартов и А. Н. Потресов в это время были в России

3. «Вольное Слово» — журнал, выходивший в Женеве в 1881—1883 г.г., под редакцией А. П. Мальшинского, затем М. П. Драгоманова; П. Б. Аксельрод с сентября 1881 г. по март 1882 г. вел в этом журнале обзор европейского рабочего движения.

4. В № 1 «Искры» напечатаны статья П. Б. Аксельрода о В. Либкнехте и начало его же статьи «Итоги международного с.-д.».

5. «Критика наших критиков. Статья первая» впервые напечатана в № 1 «Зари».

175. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

[9 ноября 1900 г.]

Дорогой Жорж!

Прилагаемая рукопись прислана Петров[ым] с просьбой переслать ее тебе. Она пойдет, как фельетон [1]). Отмеченные два места... [2]) (Сидит тут у меня Величк[ина] [3])—и даже письмо трудно писать).

Не понимаю, отчего так поздно сообщили, что нет хроники и отчего они обратились за нею через твое посредничество, а не прямо ко мне. Протокола Австр[ийского] конгр[есса] [у меня нет],—и мне приходится рыться в газетах. Если бы они своевременно предупредили, то можно бы приспособить Гинз[бурга], а проредактировать я бы взялся.

Но все равно—уж как нибудь состряпаю, хотя чертовски неприятно отрываться от чтения матер[иалов] для статьи о Либкн[ехте], от которых уже раз пришлось оторваться также для газетной статьи [4]).

Привет всем твоим.

Твой П. А.

Примечания.

1. Из переписки П. Б. Аксельрода с В. И. Лениным видно, что это была статья Ю. О. Мартова-Цедербаума (тогда жившего в Полтаве); она напечатана в № 1 «Искры» (но не как фельетон) под заглавием «Новые друзья русского пролетариата» (посвящается «Рабочей Мысли»).

2. Фраза не докончена. Письмо П. Б. Аксельрода к В. И. Ленину от 16. XI. 1900 г. позволяет установить, какие это были два места; в этом письме П. Б. Аксельрода мы читаем:

«Посвящение «Р[абоче]й М[ысли]» вчера получил и вчера же отправил в Женеву, отчеркнув пером в двух местах. В одном месте противопоставление антитеррористич[еской] тактики социал-д[емократии] казни Судейкина может подать повод к разным кривотолкованиям. Из тактических или дипломатических сообра-

жения следовало бы это место несколько изменить. А то как то выходит, что мы в духе покойного Достоевского, осуждаем раскольцев за то, что они тайно и не при ясном свете дня расправлялись с разными негодяями. Не имея перед собою текста, я не могу много написать, как изменить, но думаю, что раз вы обратите внимание на отмеченную пару фраз, вы сами согласитесь, что лучше изменить их чуточку.

В другом месте придется выбросить слова «плоды искусства» (? или блага культуры—не помню), так как быть сытым и одетым в оковах рабства возможно, но мудрено наслаждаться высшими благами, не будучи свободным гражданином.

Это, конечно, мелочная формальность, но отчего не выбросить пару слов или изменить полуфразу, когда от этого мысль автора нисколько не пострадает?»

Указанные П. Б. Аксельродом места в печати были изменены.

3. Вера Мих. Величкина-Бонч-Бруевич.

4. П. Б. Аксельрод в это время собирался писать большую статью для «Зари» о В. Либкнехте и его роли в германском с.-д. движении; [illegible] о Либкнехте же, напечатанной в № 1 «Искры». Статья о Либкнехте для «Зари» им не была написана.

176. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Четверг, вечером.

Дорогой Павел, я написал было тебе[1], что я приеду в Цюрих, думая ехать далее, но денег нет, и я лучше посижу дома. Ты едешь, как писала мне В. И. Засулич; ты и разбери, чего хотят они там, заключая союз с известным тебе суб'ектом[2]. Надо во всяком случае заключить с ним письменное условие, подписанное обеими сторонами. У тебя так много политического такта и чутья, что раз ты одобришь союз, то я буду совсем спокоен.

Привет всем твоим.

Твой Г.

Примечания.

1. Это письмо до нас не дошло.

2. «Известный тебе «суб'ект»—П. Б. Струве; в 1900—1901 г.г. он предпочитал считать себя марксистом в широком смысле этого слова и социалистом, но не партийным с.-д., и задачей своей политической деятельности ставил организацию либеральной оппозиции. Редакция «Искры» и «Зари» вела с ним переговоры о формах и условиях совместной работы в деле заграничного издательства. В виду того, что этот крайне

интересный и важный эпизод в истории [illegible]. До сих пор [illegible] в печати, мы остановимся на нем [illegible] более подробно, для чего, кроме сообщений П. Б. Аксельрода и П. Б. Струве, используем также некоторые еще неизданные документы, сохранившиеся в архиве П. Б. Аксельрода.

Переговоры с П. Б. Струве будущие редакторы «Искры» — А. Н. Потресов, В. И. Ленин, Ю. О. Мартов — начали в апреле 1900 г. в Пскове, где и было достигнуто в общей форме принципиальное соглашение с П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановским и В. Я. Богучарским, выступавшими в качестве представителей группы «легальных марксистов». [illegible] создаваемой за границей «Искре» помощь материальными средствами и доставкой материалов и статей, при чем группа инициаторов предоставляла группе П. Б. Струве право на помещение в проектируемом органе в порядке дискуссии статей, защищающих точку зрения последних.

Во время последовавших 4 августа 1900 г. переговоров между представителями группы инициаторов (А. Н. Потресов, В. И. Ленин) и Группой «Освобождение Труда» Г. В. Плеханов [illegible]. Он отрицал возможность совместной с П. Б. Струве работы *в с.-д.* журнале и [illegible], требуя от инициаторов выбора между ним и Струве (Ленин: «Как чуть не потухла «Искра», «Ленинский сборник», т. I, стр. 36). Так как Ленин и Потресов, отчасти вызываемые на это «невероятною резкостью Плеханова» (там же), решительно настаивали на приглашении П. Б. Струве (они считали, что вина в эволюции Струве отчасти лежит на «ортодоксах», которые в свое время не достаточно определенно выступали против зигзагов последнего. — «Ленинский сборник», т. I, стр. 34), то переговоры об издании «Искры» один момент [illegible] группы Струве не внутрипартийным с.-д. течением, а представительницей [illegible] оппозиции. Соглашение с этой последнею для совместной борьбы против самодержавия Г. В. Плеханов считал принципиально допустимым, так как с его точки зрения такое соглашение с открыто не-соц.-дем. группою не имело тех вредных для рабочего движения последствий, которые оно имело бы, если б группа Струве была признана социал-демократическою.

Для продолжения переговоров и уточнения соглашения П. Б. Струве вместе со своею женою в конце декабря 1900 г. приехал в Мюнхен. Первые деловые переговоры здесь начались 29.XII 1900 г.; в них приняли участие: В. И. Засулич, В. И. Ленин и А. Н. Потресов — с одной стороны, и П. Б. и Н. А. Струве — с другой; сделанная В. И. Лениным [illegible] времени в Мюнхен остальные члены редакции «Искры» — П. Б. Аксельрод и Г. В. Плеханов; приезд последнего несколько задержался, и он вообще смог приехать только ненадолго; что же [illegible] П. Б.

Аксельрода, то он в этот приезд провел в Мюнхене около 1½ месяца — с начала января до середины февраля. С другой стороны, в Мюнхен к П. Б. Струве для участия в переговорах приехал В. Я. Яковлев-Богучарский.

Результатом этих переговоров, с перерывами растянувшихся до конца марта, было заключение договора о совместном издании под общей редакцией социалдемократического предприятия «Зари», которое должно было выходить под заглавием «Современное Обозрение». Объявление об этом издании заключало в себе декларацию редакции «Зари», подписанную Г. В. Плехановым, и группы демократической оппозиции (подписанную П. Б. Струве). Это объявление было тогда же сдано в печать, но не появилось в свет в своей форме по совершенно случайным обстоятельствам: немецкий с.-д. Дитц, в типографии которого печаталась «Заря», отказался его напечатать, как опасное с полицейской точки зрения, ибо в нем говорится о соединении двух тайных групп (сообщение об этом факте мы берем из письма В. И. Ленина от 27.II.1901 г. к П. Б. Аксельроду); полностью это об'явление не опубликовано и до сих пор, но наиболее важные выдержки из него были напечатаны много спустя А. Н. Потресовым в «Общественном движении в России в начале XX в.» (т. I, стр. 615—616). Существенно важным для понимания этого договора является письмо П. Б. Аксельрода к П. Б. Струве, посланное последнему, как видно из его текста, вместе с выработанным редакцией «Искры» проектом договора о соглашении; копия этого письма, сделанная рукою В. И. Ленина, нашлась в архиве П. Б. Аксельрода,—мы воспроизводим это письмо здесь полностью (на копии имеется следующая пометка, сделанная рукою П. Б. Аксельрода: «копия с моего письма к представителю дем[ократической] оппозиции»).

Дорогой П[ет]р Б[ернгардови]ч!

На всякий случай считаю нелишним написать Вам несколько слов о соображениях, руководивших нами при составлении посланного Вам договора. Они сводятся к одному пункту, к мысли о необходимости ясно обозначить и формально закрепить принципиальную демаркационную линию, отделяющую друг от друга обе стороны, как коллективности, независимо от личных взглядов и симпатий тех или других членов, которые по различным обстоятельствам и общественным соображениям считают полезным действовать в группе, хотя бы и не совсем солидарной с их взглядами. Если Вы припомните наши беседы осенью 96 и летом 97 г.г., то Вы без труда поймете, почему я считаю такое формальное разграничение необходимой основой для коалиции между 2-мя группами, из которых одна, как целое, по существу является и— в интересах дела должна являться—представительницей демократической оппозиции, в противоположность специально социал-демократическому направлению. Я сплю и вижу на том, что

в силу исторического положения нашего пролетариата, русская социал-демократия может приобрести гегемонию в борьбе с абсолютизмом. С этой точки зрения для нее очень важно чтобы, входя в коалиции, подобные предполагаемой Вами, она гарантировала себя от всяких недоразумений относительно своей полной программной и партийной автономии. Но основания, на которых построен проект договора, очень существенны и с точки зрения успеха нашего соглашения в тех оппозиционных кругах, на которые предположительно рассчитывает группа, представителем которой Вы в данном случае являетесь. И Ваша группа должна быть заинтересована в том, чтобы соглашение состоялось на почве ясно выраженной и формально признанной автономии каждой из сторон, как отдельной, в партийном или принципиальном отношении совершенно самостоятельной коллективности.

Мы придаем огромное значение нашему предположению и именно потому считаем крайне необходимым положить в основу его осуществления открытое признание принципиальной разницы между заключающими договор группами, из которых каждая, как целое, должна считаться с совершенно особыми общественными слоями. Коалиция, основанная на таком базисе, имела бы важное значение даже в том случае, если бы она сейчас и не привела к тем результатам, которых можно от нее ждать. Она послужила бы, по крайней мере, полезным прецедентом для будущего.

Если встретите «Петербуржца», попросите его от моего имени вдуматься в изложенные соображения. Мне кажется, он должен будет признать за ними raison d'être [право на существование], если только Вы постараетесь обратить его внимание на то, что он является в данном случае как представитель или уполномоченный другой стороны, и потому в интересах взятой им на себя миссии он обязан не столько думать о своих индивидуальных идейных симпатиях, сколько считаться с тем, как отнесется его доверитель и прочие сторонники к предлагаемым основаниям договора.

О редакционных изменениях отдельных пунктов и деталях нетрудно будет сговориться.

Привет Н. Ал-не [Струве].

Это письмо П. Б. Аксельрода, равно как и комментируемое нами письмо Г. В. Плеханова (№ 176) представляют особенный интерес в связи со сделанными за последние годы в печати утверждениями (напр., П. Лепешинским) о том, что инициатива этого нереализовавшегося соглашения «Искры» с П. Б. Струве исходила от Группы «Освобождение Труда». Из сопоставления печатаемых нами материалов с документами, опубликованными в т. I

«Ленинского сборника», ясно, насколько неверна эта концепция. На самом деле, разногласия в этом вопросе, поскольку они были, делили редакцию «Искры» по совершенно другой линии. Прежде всего, инициатива соглашения исходила от молодых членов редакции «Искры», точнее от В. И. Ленина и, главным образом, А. Н. Потресова, которых поддерживала В. Ив. Засулич; Ю. О. Мартов, в заграничных переговорах лично не участвовавший (он до марта 1901 г. оставался в России), в своей «Истории российской с.-д.» (стр. 69) сообщает, что он в письмах высказывался против этого соглашения. Решительно против соглашения вначале был Г. В. Плеханов,—об этом, кроме собственного свидетельства (в брошюре: —«О моем секрете»), говорит и рассказ В. И. Ленина о том, «Как едва не потухла «Искра»» («Ленинский сборник», т. I); но уже в сентябре 1900 г., под большим давлением со стороны остальных членов редакции, П. Б. Струве и его товарищи при условии, что они выступят как не социал-демократы он согласился на переговоры с Группой. Что касается до П. Б. Аксельрода, то его позиция достаточно ясна из печатаемого нами его письма: признавая, в полном согласии со своими тогдашними тактическими статьями, полезность и необходимость этого соглашения, он считал нужным возможно определеннее подчеркнуть, что речь идет о соглашении двух совершенно независимых, представляющих интересы совершенно различных классов, политических групп.

В ходе переговоров позиция отдельных членов редакции менялась; особенно резко она изменилась у В. И. Ленина,—психологические мотивы этой перемены хорошо переданы сделанною им 29. XII. 1900 «Записью» («Ленинский сборник», т. I, стр. 72—74). Под влиянием этих настроений, Ленин, как видно из его письма от 31. I. 1901 («Ленинский сборник», т. III), в конце концов стал сторонником разрыва переговоров и даже отказался поставить свою подпись под соглашением.

«Петербуржец», в предпоследнем абзаце письма П. Б. Аксельрода,—сам П. Б. Струве, поместивший под этим псевдонимом статью о петербургской стачке 1896 г. в «Работнике» № 3—4. В этой статье он близко подходил к затрагиваемой теперь П. Б. Аксельродом теме. Эта статья была написана под большим влиянием упоминаемых П. Б. Аксельродом «бесед осенью» 1896 и летом 1897 г.г.».

Соглашение о совместном издании не было осуществлено по совершенно независевшим от доброй воли договаривавшихся сторон обстоятельствам. П. Б. Струве в марте 1901 г. уехал в Россию для устройства своих дел; он предполагал вскоре вернуться и вплотную заняться работой над этим изданием, но его захватили русские события, он принял участие в известной демонстрации 3—16. III. 1901 г. на Казанской площади в Петербурге, был

[illegible], арестован и [illegible] гласный надзор по[illegible] в Тверь, откуда смог выбраться за границу только в начале 1902 г., когда о совместном издании и речи уже быть не могло.

177. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

(Genève), вторник, 8 января 1901.

Дорогой Павел!

Довожу до твоего сведения, что я завтра выеду к твоим [1]), а там, в 10½, и далее, ты знаешь, когда этот поезд приходит, и встретишь меня [2]).

Завтра (или, может быть, сегодня) пошлю на адрес Веры [В. И. Засулич] одну рукопись, которую мне не хочется везти с собою [3]).

Крепко жму руку.

Твой.

Примечания.

1. То-есть в Цюрих.

2. Письмо это, как видно по сохранившемуся конверту, адресовано в Мюнхен ([illegible] 81 [illegible]), где в это время уже находился П. Б. Аксельрод.

3. О какой рукописи идет речь—нам неизвестно.

178. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

(Женева) Суббота (2.II. 1901) [1]).

Дорогой Павел!

Пишу тебе наскоро. Я прочитал письмо Петрова [В. И. Ленина] и ваши три (два твоих [2]) и одно В. [В. И. Засулич]), и думаю, что надо согласиться на условия договора: другого выхода теперь нет: а потом увидим. Правда, что нужно бы поторговаться насчет материала для „Искры“, но если он (Simon [П. Б. Струве]) не согласен, то все таки разрывать не следует. А что Вы там думаете о переговорах с Союзом [3])? Ведь скоро наступает срок их начатия? Кого Вы думаете назначить? Когда ты думаешь ехать в Швейцарию? Очень рад был бы тебя увидеть.

Твой Г. П.

Примечания.

1. Это письмо также адресовано в Мюнхен.

2. Письма эти, к сожалению, до нас не дошли. Речь в них шла об условиях соглашения с П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановским и др.

3. С «Союзом русских с.-д.», переговоры с которым шли в течение всего 1901 г. и закончились полным разрывом на «объединительном с'езде» в ноябре 1901 г.

179. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

[Январь—февраль 1901 г.]

Умоляю Вас, напишите мне, есть ли у Вас сведения о студенческих беспорядках в России? Там бог знает что делается: *в Киеве 18 человек убито*[2]). Необходима статья в *Зарю*: „*Вместо внутреннего обозрения*“[3]). Без такой статьи выпустить книжку *нельзя* ни в каком случае. Жду немедленного ответа. Но пока, на всякий случай, буду собирать здесь сведения. Лучшего внутреннего обозрения нельзя и придумать. Ради бога, отвечайте немедленно.

Ваш.

Немедленно отнеси это письмо нашим и решайте, как быть. Торопитесь!

Примечания.

1. Настоящее письмо обращено ко всем проживавшим в Мюнхене членам редакции «Искры»,—только по приписке удается установить, что оно было послано П. Б. Аксельроду, ибо только с ним одним из членов редакции «Искры» Г. В. Плеханов был на «ты». Это позволяет установить дату письма,—оно написано, несомненно, не ранее начала января и не позднее середины февраля н. ст. 1901 г., так как около этого времени П. Б. Аксельрод покинул Мюнхен.

2. Студенческие волнения в Киеве зимою 1900—01 г. имели место в декабре 1900 г., в январе и марте 1901 г.; установить точно, о каком именно моменте говорит Г. В. Плеханов,—нельзя; во всяком случае, сообщение о 18 убитых неверно.

3. Такой статьи в № 1 «Зари», который вышел в марте 1901 г., не имеется.

180. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

25 Février 1901.

Дорогой Павел!

Я уже целую неделю собирался писать [А. Г.] Гуревичу в Цюрих, чтобы узнать, вернулся ли ты. Дело в том, что

мне давно уже не пишут из М[юнхена]: ни Вера [В. И. Засулич], ни Петров [В. И. Ленин] не шлют ни одной строчки. Что это значит? Не больна ли Вера? Или еще что нибудь? И отчего не выходит „Заря“? Я каждый день жду книжки с величайшим нетерпением; но она не приходит. Как обстояло дело, когда ты уезжал из Германии? Напиши мне, пожалуйста, немедленно. Я начинаю сильно беспокоиться.

Что Петров [В. И. Ленин] славный малый, я в этом и прежде не сомневался, а после поездки в М[юнхен] и еще того менее. Жаль только, что чисто административная работа мешает ему много читать и писать. Впрочем, второй № „Искры“ все таки очень хорош. Я с большим удовольствием читаю его.

Теперь обращаюсь к тебе с просьбой, с какой уже давно не обращался. Занимаясь писанием для „Зари“ [1]), я страшно запустил свои дела (об этом, разумеется, между нами). Теперь (т.-е. в течение последней недели) я работаю для заработка [2]). Но получу деньги еще не так скоро, а между тем мое положение становится затруднительным, устрой мне как нибудь заем в размере 150 франков. Если нельзя 150, то хоть 100; нельзя 100, хоть 50; но меньше нельзя, „себе дороже“. Кроме шуток, сделай что можно. Заработок верный. Получу плату так через месяц или через шесть недель. Но если можешь что нибудь сделать, сделай скорее: первого марта я должен платить по одному векселю. Если ты пришлешь хоть 50 франков, по гроб обяжешь.

Напиши мне, пожалуйста, сейчас же, сможешь ли ты что нибудь тут сделать. Привет всем твоим.

Твой Г. П.

P. S. Совсем было позабыл: в Цюрих я приехать не могу. У меня теперь по горло работы, да и дела мои так запущены, что надо торопиться хоть немного заработать для жизни: ведь скоро начнется работа для второй книги „Зари“.

Примечания.

1. В № 1 «Зари» напечатаны четыре больших статьи Г. В. Плеханова и 4 его же рецензии,—всего 120 страниц убористого шрифта.

2. Мы не могли установить, чтó писал в это время Г. В. Плеханов для заработка; в 1901—1902 г. г. его статей ни в легальной прессе, ни в иностранных журналах, насколько нам известно, не появлялось.

181. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

27 Février 1901.

Дорогой Павел!

Очень прошу тебя, не предпринимай ничего на счет денег, предназначаемых американцами для „Искры“ [1]. Это повредит отношению нашей Группы к „Искре“. Клянусь тебе, что это так. Но вместе с тем не думай, что я не смогу заплатить Эрисману. Завтра вечером я кончаю статью, за которую я получу 150 фр. Человек, для которого я пишу ее, издатель одного, выходящего в России журнала живет теперь в Женеве, и я его вижу почти каждый день [2]. Если я еще не обратился к нему, то потому, что не хочу производить на него впечатление отощавшего литературного пролетария. Такое впечатление невыгодно. Но не позже месяца я получу от него деньги и заплачу Эрисману. Он меня не обманет, ибо очень дорожит моим сотрудничеством. Я сговорился с ним на счет одного ряда очерков, который я сделаю в течение марта, и который даст мне франков *800*. Ты видишь, что я почти Крез. Стало быть, не робей. А к деньгам, назначенным для „Искры“, лучше не касаться. Поверь мне!

Привет всем твоим. А когда ты к нам? У тебя будет отдельная комната Библиотека под рукою. Мы все будем очень рады.

Примечания.

1. 24 II. 1901 г. П. Б. Аксельрод сообщал В. И. Ленину, что он получил от С. М. Ингермана письмо с известием о высылке 125 долл., из которых одна половина предназначалась для «Искры», другая — Группе «Освобождение Труда». П. Б. Аксельрод, предлагая в своем несохранившемся письме произвести кратковременный заем из американских денег, имел в виду ту их часть, которая была прислана в распоряжение Группы.

2. Нам не удалось установить, кто это был; из тогдашних журналов Г. В. Плеханов мог печататься в «Жизни» и «Научном Обозрении»; возможно, что это был В. П. Поссе, редактор «Жизни», который около этого времени действительно приезжал в Швейцарию.

182. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

2.IV [1901] [1])

Дорогой Жорж!

Приехал из Берна, где с раннего утра до позднего вечера проводил время у постели покойного тестя, которого в воскресенье похоронил [2]).

Я нашел в газетах подозрительные по своей тенденциозности известия о женевской демонстрации [3]). Журнал женевский [4]) хотя и не говорит, что ты подстрекал и участвовал в демонстрации против русского консула, упоминает, однако, как то совсем не кстати, что ты был в толпе. Бернский „Bund“ [5]) и „Journal de Genève“ дают тон здешней и, вероятно, всей швейцарско-немецкой прессе—и я боюсь, что эти тенденциозные изображения женевской демонстрации могут отразиться и на тебе. Вот мне и пришла идея оказать в прессе противодействие этой пропаганде и для этого я вижу главное средство в обнародовании ответа от тебя на мой запрос на сколько wahrheitsgemäs или tendentiös entstellt die Tatsachen in den Zeitungsberichten [правильно или тенденциозно изображены факты в газетных отчетах].

Я бы с соответствующими комментариями напечатал это в здешних газетах и постарался бы, чтобы из них перепечатали некоторые газеты в Берне и Базеле. Если имеешь более целесообразный путь для этой же цели, сообщи.

Хотелось бы поговорить еще о других actuellen Fragen [злободневных вопросах], да нужно еще написать друзьям и сестре [6]), и о работе нужно подумать после почти двухмесячного абсолютного перерыва благодаря обрушившимся на мою голову несчастьям.

Привет твоим.

Твой Пав. А.

Примечания.

1. В оригинале стоит «2.III», но это—несомненная описка, что легко установить из анализа содержания письма и из сопоставления его с перепиской П. Б. Аксельрода с Ю. О. Мартовым-Цедербаумом («Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», Берлин, 1924 г., стр. 19).

2. Доктор Исаак Каминер, еврейский общественный деятель и писатель; отец Над. Ис. Каминер-Аксельрод; умер 7.IV. 1901 г. О нем см. в воспоминаниях П. Б. Аксельрода «Пережитое и передуманное», Берлин, т. I, стр. 94 и др.

3. 5.IV. 1991 г. в Женеве состоялся организованный анархистами митинг протеста против высылки из Швейцарии итальянского анархиста Jaffei; председателем митинга был итальянский анархист Бертони, редактор анархистской газеты «Reveil», ораторами, кроме Бертони, выступали итальянец Момбелло (анарх.), швейцарец Зигг и кто-то из русских анархистов. На митинге присутствовало много русских эмигрантов и

учащихся; ораторы говорили о роли, которую играют иностранные посольства, особенно русское и итальянское, требующие репрессий против политических эмигрантов; после митинга присутствовавшие, настроение которых, несомненно, обострилось под влиянием вестей об избиениях манифестантов в России, устроили демонстрацию протеста перед русским консульством, при чем со здания консульства был сорван русский герб, который затем был торжественно брошен в Рону.

Демонстрации этой женевская полиция ее почти совершенно не препятствовала; вызвала резкий дипломатический протест со стороны России; швейцарскому правительству пришлось принести извинения. Рачковский хотел воспользоваться этим эпизодом, чтобы добиться высылки из Швейцарии ряда видных эмигрантов, из них, в первую очередь, Г. В. Плеханова. Эта попытка, благодаря отпору швейцарских демократических и социалистических кругов, потерпела неудачу.

Вопрос об отношении к этой демонстрации в то время вызвал серьезные споры в рядах русской с.-д. Сторонники «Рабочего Дела» и бундовцы (А. Кремер был даже арестован, как участник демонстрации) защищали демонстрантов, объясняя демонстрацию здоровым чувством протеста, поднявшимся среди русской учащейся молодежи при получении вестей о полицейских зверствах в России (см. статьи Б. Кричевского в «Vorwärts'е» от 24. IV. и 12. V. 1901 г.). С.-д., группировавшиеся вокруг Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, относились к демонстрации отрицательно; их взгляды на нее развиты в статьях, помещенных в «Vorwärts'е». За псевдонимом P. Ossip, в виде ответа Кричевскому (№№ от 3 и 22. V 1901), неизвестный нам автор этих статей, признавая добрые намерения демонстрантов, указывал на политический вред этого выступления, грозящего повести к уничтожению свободы убежища политических эмигрантов в Швейцарии, и доказывал, что «хорошие люди» демонстранты были «плохими музыкантами» в политике.

4. «Journal de Genève»—крупная буржуазная газета, до сих пор выходящая в Женеве на французском языке.

5. «Bund»—большая ежедневная газета, до сих пор выходящая на немецком языке в Берне и бывшая тогда руководящим органом буржуазных кругов немецкой Швейцарии.

6. То-есть в Мюнхен, в редакцию «Искры» и В. И. Засулич.

183. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Суббота (Genève, 13. IV. 1901).

Дорогой Павел!

У нас здесь делается страшная чепуха. Бундисты в союзе с анархистами возбуждают публику и делают одну глупость за другою. Все общественное мнение уже против „русских“, а наши ослы все придумывают, что бы им

еще выкинуть. Постараюсь завтра собрать собрание и от его имени выразить швейцарскому народу сожаление о том, что русские поставили Швейцарию в затруднительное положение дипломатическое. Может быть, это хоть немного поправит положение. Разумеется, за мое предложение будет лишь меньшинство колонии, но это все таки лучше, чем ничего.

Еще вчера вечером Favon [1]) сказал мне, что мне бояться нечего. Но я все таки думаю, что Берн [2]) меня вышлет. Это было бы очень неудобно для меня. Нет ли у тебя каких нибудь связей в Цюрихе, чтобы через них подействовать на Берн? Курти [3])? Или Эрисман? Если можно, действуй, разузнавай, иначе — дело плохо. Поговори с Грейлихом: он большой и хороший дипломат. Вообще, пусти в ход все пружины, и поскорее — во вторник, говорят, будет произнесен приговор:—как бы мне не вылететь во вторник. Напиши в Мюнхен [4]), я отсюда не хочу писать еще раз, а один раз я уже писал, — как обстоит мое дело. Я собирался к ним ехать [5]), но теперь ехать нельзя: полиция примет это за бегство.

Если меня вышлют, мне хотелось бы повидаться с тобою. Пиши.

Твой Г. П.

Надеюсь, что ты получил вырезку, посланную тебе Лидой [Л. Г. Плехановой] [6]).

Примечания.

1. Favon—демократ, игравший тогда руководящую роль в женевском кантональном правительстве, где он ведал отделами юстиции и полицией; Рачковский в своих докладах в деп. полиции особенно обвинял его в покровительстве женевским демонстрантам (см. книгу Меньшикова: «Русский политический сыск за границей», стр. 142—143).

2. В Берне помещался Bundesgericht (высший суд Швейцарской республики), выносивший постановления об изгнании иностранцев из Швейцарии.

3. Theod. Curti — известный швейцарский государственный деятель и писатель.

4. То-есть жившей там части редакции «Искры».

5. Там предстояло совещание редакции «Зари» для намечения содержания № 2—3. Совещание это состоялось несколько позднее, в на-

чале мая (П. Б. Аксельрод на нем быть не смог), о нем см. «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 29—30.

6. Как видно из следующего письма, это была вырезка из «Journal de Genève» с письмом в редакцию Г. В. Плеханова; в этом письме Г. В. Плеханов высказал свое отношение к демонстрации 5. IV. 1901 г. В нашем распоряжении этого письма не имеется.

184. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

Понедельник [15. IV. 1901].

Дорогой Жорж!

Во вторник, пишешь ты, „будет произнесен приговор“, а письмо твое от субботы получил я сегодня. Если слух этот оправдается, то, конечно, что бы я ни предпринимал здесь, будет напрасно. Во всяком случае, я до обеда был у Грейлиха, Штесселя, директора юстиции (кажется, президента кант[онального] правит[ельства]—радикала), и Рюга, главного редактора „Z[üriche]r P[ost]“. Грейлих думает, что не только социальдемократич[еские] депутаты (Вульшлегер, к которому я просил его обратиться), но даже и заступничество Курти могло бы в данном случае только повредить и отсоветовал мне, поэтому, писать ему. Демократ Штессель, кантональный юстиц-директор, National- und Ständerat, по мнению Грейлиха, гораздо больше может сделать тут. Он мне и дал обещание с своей стороны воздействовать, где следует, но выразил почти уверенность, что, н а п е р е к о р, женевск[ому] правительству, не решатся выслать тебя, а во главе этого правительства Favon.

Рюг обещал основательно переговорить с профессором и демократическим национальратом Цюрхером, бывшим коллегой в верховном суде Bundesanwalt'a [союзного прокурора], от которого все таки очень многое зависит. Сейчас отнесу Рюгу твою брошюру против анархизма, которую, слава богу, удалось добыть в Grütlib[uchhandlung] и которой у меня уже совсем нет, т[ак] к[ак] кроме благоприятелей, уже в свое время 2 или 3 экземпляра разным начальствам роздал.

Письмо твое напечатано пока в двух газетах, вырезки из которых я послал в Берн (Членову и профес[сору] Рейхсбергу) и в Базель, Васильеву [1]), с просьбой поместить в мест-

ных влиятельных газетах. Но, разумеется, гораздо удобнее было бы, если бы я мог послать вырезки из „J[ournal] de G[enève]“. К сожалению, я сам получил только один экз[емпляр]— и не мало досадовал на тебя, утешаяся, впрочем, мыслью, что, значит, не так страшен чорт, как он издали кажется. А он оказывается все таки не шутит.

Проектируемая резолюция, если и не будет принята, все таки может сослужить службу—раз ты ее внесешь. Я о ней уже говорил, кому следует. Очень расспрашивали Зигга [3]), и воспользовался ли он допросом, чтобы энергично выгородить тебя?

Сообщи мне верный адрес.

Повидаться, конечно, надо и желательно было бы. И, мне кажется, без особого риска можно бы устроить это в Цюрихе— тем более, что теперь редко кто из колонии бывает у меня.

Спешу очень.

Твой Павел.

Примечания.

1. «Züricher Post» — наиболее распространенная из цюрихских газет демократического направления.

2. Ник. Вас. Васильев — участник революционного движения 1870-х г.г.; сосланный в 1878 г. за агитацию во время петербургской стачки в Онегу, Арханг. губ., Васильев вскоре бежал за границу, окончил университет в Берне и вошел в швейцарское с.-д. движение. В русском с.-д. движении почти никакого участия до 1905 года он не принимал. В 1905 г. вернулся в Россию, жил в Петербурге, принимая участие в профессиональном и кооперативном движении; в 1917 г. входил в Группу «Единство»; умер около 1920 г.

3. Зигг — швейцарец, секретарь «Рабочего Комитета»; один из ораторов на женевском митинге 5. IV. 1901 г.

185. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

[Май 1901 г.] [1]).

Дорогой Жорж!

Мне необходимо ответить Каутскому по поводу Эрф[уртской] Прог[раммы], а письмо его у тебя, и я не помню точно, что он у меня спрашивает [2]). Ведь я еле пробежал глазами письмо. Пришли же мне его немедленно обратно.

Наконец то я заполучил статью Кирсанова [3]), но увы, только начало. Ради Христа, если имеешь окончание, пришли.

Надя [Н. И. Аксельрод] поправляется, и врач надеется, что опасность миновала. А профессор Гюгенен [4]) купно с врачем приговорили ее было к смерти. Не можешь ли мне сообщить, хорошо ли для легочных в Шамони [5])? Может Р. М. [Плеханова] знает что нибудь определенное на счет этой местности? Высокая это гора, солнечная ли, имеются ли удобные для выздоравливающих отели?

Привет твоим.

Твой П. А.

Примечания.

1. Дата письма устанавливается путем сопоставления его с письмами К. Каутского к П. Б. Аксельроду.

2. Из письма К. Каутского к П. Б Аксельроду (от 25. V. 1901 г.) видно, что в мае 1901 г., в связи с готовившимся тогда новым изданием «Эрфуртской программы», К. Каутский собирался произвести «пересмотр старого издания» этой работы; о чем он запрашивал П. Б. Аксельрода, из писем не видно, так как основное письмо, посвященное этому вопросу, не сохранилось. Письмо это было получено в Цюрихе около того времени, когда там остановился Г. В. Плеханов (проездом из Мюнхена, с редакционного совещания), и последний взял его с собою в Женеву.

3. То-есть Г. В. Плеханова, поместившего под этим псевдонимом ряд статей в «Научном Обозрении»; в данном случае речь идет, повидимому, о «Письмах без адреса» («Научное Обозрение», 1899 г., № 11 и 1900 г. №№ 3 и 6).

4. Проф. Гюгенен — тогда один из наиболее известных врачей в Цюрихе, специалистов по туберкулезу.

5. Шамони — горная местность во французской Савойе у подножья Монблана.

186. Г. В. Плеханов Н. И. Аксельроду.

Воскресенье, 14 июля [1901 г.].

Дорогая Надежда Исааковна!

Я только что узнал от Семенова [1]), что Павел в Ницельбаде у Членова [2]). Будьте добры, перешлите ему, как можно скорее, ту рукопись, которую я посылаю (заказной бандеролью) одновременно с этим письмом. Перешлите ему также и это письмо. Дело спешное. Надо, чтобы он прочитал статью и высказал свое мнение о ней. Наборщики ждут рукописи, и надо очень спешить с нею.

Перешлите Павлу также и это письмо.

Дорогой Павел!

Пересылаю тебе рукопись Петрова[3]). Необходимо, чтобы ты высказался об ее содержании. От твоего голоса будет зависеть судьба этой статьи. Я прочитал ее и думаю вот что. Отзыв автора о предисловии к записке вполне справедлив, и здесь смягчать нечего (хотя этого очень хотелось бы В. И. [Засулич]). Но тон его по отношению к либералам и к либерализму в России слишком недоброжелателен. Много справедливого в его отзывах о наших либералах, но третировать их так, как он, не годится. Да вот еще что. Очень важно, чтобы ты внимательно прочел место, где говорится о значении земской деятельности. Ты у нас самый проницательный тактик, и тебе надо решить, прав ли автор. Мне сдается, что тут что то не так. Хотя дело только в оттенке и статью можно печатать, смягчив сомнительные места. Отметки на статье принадлежат, по большей части, не мне, а В. И. [Засулич] и Путману [А. Н. Потресову]. Помни, что работа стала, и с рукописью Петрова надо спешить.

Брошюры я тебе постараюсь выслать, хотя еще не знаю хорошенько, где они[4]). Я теперь занят второй статьей против Струве[5]). Как раз нахожусь в самом важном месте, где опровергаю Гошена[6]), Шмоллера[7]) и других „столпов“ науки. Жара мешает работать.

А не хочешь ли ты поехать с нами в горы? Мы нашли отличное место над Невшательским озером. 4 франка в день, местность очень здоровая. Я поеду туда в самых последних числах июля.

Примечания.

1. Повидимому, Мих. Матв. Семенов, бывший издатель «Нового Слова».

2. Б. А. Членов тогда заведывал санаторией в Ниндельбаде.

3. Это была рукопись статьи В. И. Ленина: «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (впервые напечатана в № 2—3 «Зари»); статья эта содержала резкую критику предисловия Р. С. Н. [П. Б. Струве] к изданной Группою «демократической оппозиции», при помощи редакции «Искры», брошюры с запискою С. Ю. Витте о «Самодержавии и земстве» (Stuttgart, Dietz, 1901).

Подробное письмо П. Б. Аксельрода в Мюнхен с разбором этой статьи напечатано в «Письмах П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 47—50.

4. Нам неизвестно, какие это были брошюры.

5. «Критика наших критиков. Статья вторая»; напечатана в № 2—3 «Зари».

6. G. Goschen — английский экономист и статистик; Г. В. Плеханов о нем говорит во второй своей статье «Критика наших критиков» («Заря» № 2—3).

7. Gust. Schmoller — известный германский экономист, автор «Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftlehre» и мн. др.; в своих статьях о П. Б. Струве Г. В. Плеханов цитирует его брошюру: «Was verstehen wir unter dem Mittelstande?» («Заря», № 2—3, стр. 107).

187. П. Б. Аксельрод—Р. М. и Г. В. Плехановым.

[Около 15.VII. 1901 г.]

Дорогие Жорж и
Розалия Марковна!

Нам, особенно Нале [Н. И. Аксельрод], из Цюриха можно будет выбраться не раньше 18—20 августа, т.-е. через месяц с лишним. Само собой разумеется, что мы с величайшим удовольствием проведем каникулы по соседству с Вами. Главное — как высоко лежит это место? Для Нади [Н. И. Аксельрод] очень важно, чтобы хоть 900 метров над уровнем моря. Большое спасибо за приглашение. Если и когда будет время, сообщите точно название местности, высоту и как туда едут (вероятно через Биль?).

Я лично и по чисто общественным соображениям очень хотел бы попасть к Вам. Петров [В. И. Ленин] деликатно намекает на это, говоря: „А может быть, Вы увидитесь с Г. В. и пробудете некоторое время с ним вместе,—так могли бы этим воспользоваться“ [1])—для выработки сообща или при твоем воздействии проекта программы. Действительно, если к тому времени работа или усталость и мешала бы тебе самому взяться за составление проекта, то очень может быть, что благодаря свиданью с тобою я бы легче справился с этой работой. А приняться за нее необходимо, в виду таких претенциозных и, ей же Богу, вульгарных произведений, как Невзоровское [2]), с одной стороны, и толков в России о с'езде [3]), с другой.

Рукописи Петрова [В. И. Ленина] я еще не просматривал, не успел. В Ниделльбад меня почти что насильно выпроводили. Повидимому, то обстоятельство, что я в прошлом году летние каникулы протранжирил, дает себя теперь чувствовать. Поверите ли, я на прошлой неделе не в состоянии был написать несколько строк Жоржу? И даже последнее письмо карандашом—с трудом выжато было. Теперь как будто начинаю оживать, даже недостаточный сон не лишает меня некоторой бодрости, и я опять питаюсь надеждой и т. д.

Очень мне не хотелось уехать к Вам одному в то время как Надя [Н. И. Аксельрод] и дети будут тут за меня в жару работать... Но если бы оказалась настоятельная надобность, то, конечно, поеду раньше...

Надя и дети всем кланяются.

Ваш П. А.

Примечания.

1. 9.VII. 1901 г. В. И. Ленин писал П. Б. Аксельроду:

> «Из России нам писали, что толки о с'езде усилились. Это опять и опять заставляет нас подумать о программе. Опубликование проекта программы крайне необходимо, и имело бы громадное значение. Но кроме Вас и Г. В. [Плеханова] некому за это взяться: дело требует спокойного сосредоточения и обдумывания. Приходите, пожалуйста, на помощь к нам, если только дела и здоровье позволяют. А м. б. Вы увидитесь с Г. В. и пробудете некоторое время с ним вместе,—так могли бы этим временем воспользоваться?»

Как известно, работа по составлению первоначального проекта программы РСДРП. была выполнена Г. В. Плехановым.

2. Ю. Невзоров—тогдашний псевдоним Ю. М. Стеклова; его статья—ответ на статью В. И. Ленина «С чего начать?», помещенную в № 4 «Искры» в виде руководящей тактической статьи от редакции. Ответ на нее Ю. Невзорова был прислан в редакцию «Зари» и «Искры» для напечатания и встретил в последней единодушную и очень резкую оценку (см. «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 41—44 и 53—57); тем не менее, часть редакции (П. Б. Аксельрод, Ю. О. Мартов и А. Н. Потресов) были за помещение ее, после сделанных в ней Стекловым переделок, в «Заре» в виде письма в редакцию; остальные 3 члена редакции—В. И. Засулич, В. И. Ленин и Г. В. Плеханов—были решительно против опубликования статьи; их мотивы сформулировал В. И. Ленин в письме к П. Б. Аксельроду от 24.VIII. 1901 г.:

> «Посылаю Вам переделанную Невзоровым статью его. У нас вопрос о ней свелся к такой дилемме: или помещать ее в «Заре»

или отказать совсем в помещении. Голоса разделились поровну (Алексей [Ю. О. Мартов] и Арс. [А. Н. Потресов] за, Вел. Дм. [В. И. Засулич] и я против). Подайте, пожалуйста, свой голос. Я должен сказать, что меня особенно возмущает то, что все (даже Арсеньев [А. Н. Потресов!]) объявляют статью «гнусной», «предательской» (так выразился о ней и Г. В.)—и все же толкуют о помещении! По моему, это худшая тактика попустительства и потворства. Говорят в защиту статьи: «Это письмо сотрудника в редакцию. Неловко отказывать». По моему, раз сотрудник берет такие аллюры, мы именно должны пресечь их. Пусть идет с богом в «Раб. Дело» (Невзоров писал даже нам: не против ли мы этого!!? Sic!)—мы гораздо лучше «задокументируем» этим его фигуру и разнесем его свободнее, чем у себя в «Заре». (Один из доводов за: поместить, чтобы иметь повод ответить на распространенные доводы!)

Итак, решайте дело!»

В виду разделения пополам голосов в редакции, статья в «Заре» принята не была, и до сих пор нигде не появлялась; Ю. М. Стеклов в своих воспоминаниях об этом периоде («Пролет. Револ.», № 15) о ней также не вспоминает.

3. Разговоры о необходимости созыва II общепартийного с.-д. с'езда в 1900—1902 г.г. в России и за границей не прекращались; редакция «Искры» стояла на той точке зрения, что такой с'езд может быть полезен лишь в том случае, если он будет созван после хорошей идейной и организационной подготовки.

188. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

Дорогой Жорж!

Посылаю тебе P[ost] S[criptum] Л. И. [1]), которым друзья, по моему, вполне резонно, недовольны. По моему, статья ее только выиграет без этого P. S., который может только испортить впечатление статьи действительно хорошей. Самой статьи не посылаю тебе, так как она ведь не нужна тебе,—ты ее проредактировал уже. Впрочем, оставлю ее у себя на 2 дня. Если за это время не потребуешь ее, то отошлю ее друзьям.

А статья П[етро]ва [В. И. Ленина] требовала бы, по моему, радикальной переделки—не из-за полемики против Р. Н. С. [П. Б. Струве], а потому, что в ней не сведены концы с концами. Но настаивать нельзя, потому что все дело в том, что он еще не совсем то отделался от некоторых элементов примитивного социальдемократизма. Думаю, что нам придется обстоя-

тельно потолковать и перетолковать на специальной конференции о вопросах, затронутых в статье П[етро]ва und was draus hängt [и о том, что отсюда следует].

Когда же ты едешь в S. Croix [2])? Как до него добраться, на какой высоте находится?

Вчера получил письмо от [С. М.] Ингермана—сообщает, что бундисты в Нью-Йорке учинили обман [3]).

Привет твоим.

Твой Павел.

Примечания.

1. Это была статья Л. И. Аксельрод-Ортодокс: «Почему мы не хотим итти назад?» (впервые напечатана в № 2—3 «Зари»). В этой статье Л. И. Аксельрод был написан «Post Scriptum» («Послесловие»), содержавший ответ на статью Н. А. Бердяева: «Борьба за идеализм» («Мир Божий», 1901 г. № 6). Против напечатания этого послесловия высказались все жившие тогда в Мюнхене члены редакции «Зари»—В. И. Ленин, Ю. О. Мартов и А. Н. Потресов. Напечатано оно не было, хотя Г. В. Плеханов на этом настаивал.

2. S.-Croix—горное местечко в Швейцарии, около Невшательского озера.

3. Это письмо С. М. Ингермана не сохранилось, а потому нет возможности точно установить, о чем идет в нем речь. Вообще же 1900—1902 г.г. в жизни русской колонии Нью-Йорка были заполнены борьбой сторонников «Союза русских с.-д.» и бундовцев против С. М. Ингермана и «Русского с.-д. клуба в Нью-Йорке». «Все и все против нас соединились,—характеризовал общее положение дел Ингерман (в письме к П. Б. Аксельроду от 4.II. 1901 г.),—и бундовцы, и союзники, и «студенты» (такое общество, которое не признает политики), и анархисты, и delion'цы и бернштейновцы,—словом, все вступили с нами в бой».

В печати против «Русского с.-д. клуба» и через его голову против Группы «Освобождение Труда» выступил И. Гурвич (автор книги о «Русской деревне»), который поместил ряд статей в нью-йоркском «Vorwarts'е»; нападки на клуб были и в «Abend Blatt» (орган Делиона).

189. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

10.VIII. [1901 г.].

Дорогой Жорж!

Пересылаю тебе прилагаемое письмо П[етро]ва [В. И. Ленина], для руководства в беседе с Ф.[1]), который явится к тебе на днях. Прочти же его—оно очень существенно. Он [А. Финн-Енотаевский] у меня был сегодня—впечатление смешанное, я

довольно осторожно держался в конкретных heikle [щекотливых] пунктах. Если и Розалия Марковна [Плеханова] с детьми не будет жить в Hôtel du Mont, то ехать туда [2]) у нас совсем нет охоты. Поэтому, очень прошу тебя сообщить мне, остались ли там твои.

Если не получу от тебя ответа на днях, то, значит, никого из твоих в той местности нет, и мы едем в другое место.

Относительно свидания по поводу программы придется еще поговорить.

Привет Розалии Марковне и детям.

Твой П. А.

Примечания.

1. А. Финн-Енотаевский, писатель-марксист; в 1895—1897 г.г. принимал участие в работах московского «Рабочего Союза», по делу которого отбыл ссылку в Астраханской губ. Предлагал свое сотрудничество «Искре» и «Заре»,—было ли что-нибудь из его статей там напечатано, нам неизвестно.

Письмо В. И. Ленина (от 4. VIII. 1901 г.), о котором говорит П. Б. Аксельрод, сообщало об отказе А. Финна-Енотаевского дать (по просьбе берлинских сотрудников «Искры») подробное сообщение в «Искру» о предательстве Румы (один из его сопроцессников); в связи с этим отказом «берлинцы» в своем письме в редакцию «Искры», не заподозривая политической честности Финна, рекомендовали в сношениях с ним осторожность, в результате именно этого письма, которое к тому же было не совсем правильно понято. В. И. Ленин и Ю. О. Мартов уклонились в начале от встречи и беседы с Финном (позднее эта встреча состоялась) и предупредили П. Б. Аксельрода и Г. В. Плеханова о берлинском предостережении. В дальнейшем выяснилось, что отказ Финна от составления записки для печати о предательстве Румы был вызван нежеланием Финна потерять свою легальнось.

2. Т.-е. в S.-Croix.

190. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

[Август 1901 г. [1]).]

Дорогой Жорж!

Пишу тебе наскоро несколько строк специально вот о чем: просмотрел я одну рукопись Финна о рынках [2]) и был поражен ее дельностью, являющейся удивительным контрастом с впечатлением от него самого. Прочти ее, пожалуйста. Он полемизирует с Т[уган]-Б[арановским], Булгак[овым], в полеми-

ческом смысле она, впрочем, бледна, но понимание Маркса, тенденция статьи („ортодоксальная“, но не буквоедная)—составляют отрадное явление в нашей легальной auch[—тоже] марксистской литературе. Непонятный для меня суб'ект этот Финн: за редкими исключениями—короткие моменты—беседа с ним для меня была тягостна, неприятна, как с человеком, как бы повторяющим только чужие слова едва ли даже внешним образом усвоенные. Только изредка мне чудился живой интерес в его голосе и выражении лица, когда речь заходила о чисто теоретических вопросах - в области экономии. Словом, обрати внимание на его рукопись, да проэкзаменуй его. На днях напишу тебе.

Твой П. А.

Примечания.

1. Дата устанавливается из сопоставления с «Письмами П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 55.

2. Эту статью автор предлагал для «Зари», но редакция ее не приняла, считая, что такая статья будет очень важна в легальной прессе, но не подходит для нелегальной. Была ли эта статья напечатана в легальной прессе, нам неизвестно.

191. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

[Август 1901 г.]

Дорогой Жорж!

С полчаса тому назад отправился брат[1]) к сестре [В. И. Засулич]. Он пробыл у меня с прошлой среды, все собираясь писать тебе и в неуверенности, приедет ли сюда сестра и он с ней поедет в Женеву, или же ему придется поехать к ней, а потом уж к тебе и Розалии Марковне [Плехановой]. Вчера вечером вопрос решился в пользу поездки к ней, оттуда, если не закружится, напишет тебе. Финн успел побыть у меня раньше получения твоего письма[2]). Конечно, я ему адреса Фр[ея][3]) не дал. А на счет обвинения против него я ему сказал, что о таковом ничего не слыхал и ничего не знаю, что вышло, очевидно, недоразумение. И ведь в самом деле в письме[4]) о нем подобных обвинений не было, наоборот, прямо заявлялось, что политически он чист. Другое дело—личное впечатление... Словом, все обошлось благополучно. Эрф[уртскую] программу пошлю тебе, как только заполучу ее у переплетчика,

а Heinfelderprogramm можешь найти в „Neue Zeit“ в статье Каутского по поводу новой программы [5]). Брат удивительно сохранился во всех отношениях,—он очень arbeitslustig und actionsfähig [трудолюбив и деятелен]. Конечно, ему еще придется месяц-другой, а может и больше поработать на то, чтобы совсем как следует войти в курс дел etc. Не имеешь ли точного понятия о календарном предприятии Невзорова [Стеклова] [6]). Он пристает ко мне, чтоб я снялся, т[ак] к[ак] я ему сказал, что у меня карточки нет совсем, даже старой. Твою он раздобыл, Верину [В. И. Засулич] тоже (старинную, переснятую); надеется, что я ему вышлю карточку Евг[ения] [7]), которую ты у меня забрал. Свою я ему все таки не послал—неловко как то и не по душе мне предприятие—очевидно,—„группы“ триумвирата [8]). Не можешь ли ты сообщить мне, что либо определенное обо всей этой затее?

Привет твоим.

Твой П. А.

Примечания.

1. Под именем «братьев» в переписке членов редакции «Искры» в это время фигурируют их коллеги по редакции. О ком конкретно здесь идет речь — точно неизвестно, повидимому, о вернувшемся из Сибири Л. Дейче.

2. Это письмо не сохранилось.

3. Фрей — один из тогдашних псевдонимов В. И. Ленина.

4. В упомянутом в примечаниях к 189-му письму письме В. И. Ленина от 4.VIII. 1901 г.

5. Heinfelderprogramm—программа австрийской с.-д. партии, принятая на с'езде последней в Heinfeld'е 30.XII. 1888—1.I. 1889; русский перевод ее дан Черпышевым в «Памятной книжке марксиста». К. К. Каутский о ней говорит в своих статьях: «Der Entwurf des neuen Parteiprogramm («Neue Zeit», 1890—91 г., №№ 49—51).

Все эти материалы Г. В. Плеханов просил, так как приступал к выработке проекта программы РСДРП.

6. «Календарное предприятие» — подготовка будущею Группою «Борьба» издания «С.-д. календаря на 1902 г.». Письма Невзорова-Стеклова, просившего карточку П. Б. Аксельрода, сохранились в архиве последнего.

7. «Евгений» старый псевдоним Л. Г. Дейча, тогда бывшего еще в Сибири.

8. Т.-е. будущая группа «Борьбы», состоявшая из Э. Л. Гуревича-Смирнова, Д. Б. Рязанова и Ю. М. Стеклова.

192. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

[Конец сентября 1901 г.]

Дорогой Жорж!

Дорогие [1]) уже торчат здесь, 28 проездом тут будет Даневич [Э. Л. Гуревич]. Словом, и нам пора свидеться—родичи [2]) также прибудут на днях. Работать тут тебе едва ли придется, больше разговаривать. Во всяком случае, я поблизости нашел для тебя комнату *), где сможешь писать и уединиться от суто-локи, которая, конечно, будет у меня в доме.

Для Глико [3]), особенно теперь, и представить себе не могу тут дело. Решительно не надеюсь в этом отношении на Цюрих.

Печатное приглашение от устроителя „музея" [4]) получил, но не откликнулся, да и помимо всяких соображений не ответил бы им, не списавшись предварительно с тобою, как с местным [5]) гражданином колонии, знакомым с ее massgebende Persönlichkeiten [руководящими личностями].

Итак, до скорого свидания

Привет твоим

Твой П. А.

А Бернштейн, повидимому, получил трепку, хотя все таки умеренную [6]).

Примечания.

1. «Дорогие»—т.-е. представители «Союза русских с.-д.». Письмо это относится к периоду, непосредственно предшествовавшему открытию в Цюрихе работ так наз. «Об'единительного с'езда» заграничных с.-д. организаций (об этом с'езде см. воспоминания Ю. Стеклова в № 17 «Пролет. Революции». Мартов—«История российской с.-д.», «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 52—53 и т. д.).

2. «Родичи»—представители мюнхенской части редакции «Искры».

3. См. 5-е примечание к 30-му письму.

4. Речь идет о «Русском музее в Женеве», устав которого датирован 12.VIII. 1901 г. Учредителями музея, насколько нам известно, были люди, близкие к «толстовцам». Музей ставил себе очень широкие цели, аналогичные современным «Музеям революции», но большой деятельности не развил.

5. Т.-е. женевским.

---

*) Разумеется, без пансиона, т. к. у меня будешь.

6. Любекский партейтаг германской с.-д. партии, который открылся 22.IX. 1901 г., по вопросу о Бернштейне принял резолюцию Бебеля, которая гласит:

«Партейтаг безусловно признает необходимость самокритики для дальнейшего духовного развития нашей партии. Но крайне односторонний характер той критики, которой занимался тов. Бернштейн в последние годы, не вдаваясь в критику буржуазного общества и его представителей, поставил его в двусмысленное положение и вызвал недовольство большинства товарищей. В надежде на то, что товарищ Бернштейн сознает это и соответственно изменит свое поведение, партейтаг переходит к очередным делам».

193. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

[Около 20. XII. 1901 г.]

Дорогой Жорж!

Фрей [В. И. Ленин] пишет, что неделю тому назад послал на мой адрес большое письмо для нас обоих. Я его не получил [1])... Не произошла ли ошибка—не послано ли оно тебе, а Фрей думает только, что мне? Ты намекаешь на какое то письмо от него, а я говорил о письме Двинских [2]) (заказное, если не ошибаюсь, на адрес Кольцова). Фрею я написал, разумеется. Не привезешь ли с собой Женечку [Е. Г. Плеханову]? Очень прошу тебя приехать днем, напр., не позже 6 ч. вечера. А то рискуешь меня на неделю убить, а я уже теперь полумертвый из за того, что тебе угодно было 25 лет тому назад, именно 6 декабря произнести речь на Каз[анской] площади, да сверх того еще стать основателем русс[кой] социал-демок[ратии] и наследником или преемником Маркса—Энгельса [3]) Не поехал я в Берн [4]) и думал туда только телеграмму послать. А на мое несчастье нашлось даже в деморализов[анном] Цюрихе около 2 дюж[ин] сочувствующих, так что я сам по собственной инициативе приободрился на устройство вечеринки и—произнес почти речь, в которой хвалил тебя, само собой разумеется. А из-за всего этого я две ночи не спал—и теперь мечтаю, как бы выкарабкаться и поймать „момент" для работы. Теперь ты понимаешь, почему я так боюсь твоего приезда в 9, собственно, в 9½ вечера и почему прошу тебя приехать, если не днем, то хоть рано вечером. Кроме того,

теперь гостит здесь сестра Берга [5]) и ночует в столовой. Если она останется до твоего приезда, то и о комнате нужно будет подумать. Вот в виду всего этого и прошу о том, чтобы не поздно вечером приехал.

Привет Евгению [Л. Г. Дейчу] [6]) и твоим.

Твой П. Б.

Телеграмма моя не была извращена [7])? Получил ли Евг[ений] письмо из России? Фрей приглашает меня с тобой [8]).

Примечания.

1. Это было письмо от 12.XII. 1901 г.; в нашем распоряжении его нет; и вообще неизвестно, дошло ли оно по назначению (в переписке Ленина с Аксельродом есть указания на тревогу о судьбе этого письма).

2. Двинские—тогдашний псевдоним супругов И. и Е. С. Давидсон.

3. 6.XII. 1901 г., в день 25-летия известной демонстрации 1876 г. на Казанской площади, заграничные круги русской с.-д. праздновали 25-летний юбилей революционной деятельности Г. В. Плеханова; материалы об этом праздновании помещены в №№ 27 и 29 «Пролетарской Революции».

4. В Берне было устроено собрание чествования Г. В. Плеханова и к П. Б. Аксельроду обращались с просьбой выступить на нем.

5. Берг—один из тогдашних псевдонимов Ю. О. Мартова; «сестра Берга»—Л. О. Цедербаум.

6. Л. Г. Дейч в конце 1901 г. бежал из Сибири и, приехав в Швейцарию, вошел в организационную работу «Искры»; сообщение об его побеге помещено в № 14 «Искры» (от 1.I. 1902 г.).

7. Это была телеграмма, посланная П. Б. Аксельродом Г. В. Плеханову к юбилейному собранию в Женеве.

8. В. И. Ленин в письме от 19.XII 1901 г., сообщая о предстоящей поездке Г. В. Плеханова в Мюнхен (перед поездкой в Брюссель по делам Международного Социалистического Бюро), приглашал в Мюнхен и П. Б. Аксельрода: «Приезжайте и Вы! Мы бы тогда закончили с программой и с № 4 «Зари». Право, приезжайте!»

Как известно, вопрос о программе и № 4 «Зари» оказался далеко не столь простым.

194. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

[Конец февраля—начало марта 1902] [1]).

Дорогой Жорж!

Что же с твоим проектом [2])? В ожидании твоего проекта программы, я, за исключением первых двух пунктов, не пы-

тался изменять или вносить поправки в проект Фрея. Носились у меня в голове мысли и на счет более или менее существенных редакционных изменений, но все это я оставил в моем предположении, что твой проект сделает их совсем излишними.

А на счет полемики Фрея[3]) против „Р[абочего] Д[ела]" по части „экономизма", трэд-юнионистской политики и т. п. вижу, что ты был прав. Я вкладывал свое понимание в его слова, а в корректуре убедился, что ты лучше, вернее меня понял его. Вообще в некоторых отношениях произведение Фрея представляется мне с крупными изъянами и в своем роде вабанк.

Все они[4]) мечтают еще о нелегальном, т.-е. тайном издании „Искры" и на этом основании собираются в Бельгию. Я считаю это фантазией (т.-е. тайну), да ничего не поделаешь. В значительной мере соблазняет их, конечно, большой центр.

Твой П. А.

Примечания.

1. Дата письма устанавливается имеющимися в его тексте указаниями на чтение корректуры «Что делать?»; последнее вышло в марте 1902 г.

2. Проектом партийной программы, который тогда вырабатывался редакцией «Искры»; подробнее см. в примечаниях к 175-му письму; П. Б. Аксельрод говорит о написанной Г. В. Плехановым второй редакции проекта.

3. Речь идет о книге В. И. Ленина: «Что делать?»

4. «Они»—молодые члены редакции «Искры». Как теперь известно, в действительности стремление издавать «Искру» тайно, т.-е. в Брюсселе или Лондоне, а не явно, т.-е. в Швейцарии, обусловливалось не только желанием сохранить тайну ее печатания, но и желанием ослабить степень влияния старых членов Группы «Освобождение Труда» на редакционную и организационную работу «Искры».

195. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

(Genève, 12.III. 02)[1]).

Дорогой Павел,

Вера [В. И. Засулич] уже переслала тебе, должно быть, мое письмо, в котором я говорю о проекте программы[2]). На всякий случай, пишу еще раз.

Проекта Фрея [В. И. Ленина] я **не могу** принять по теоретическим соображениям. Если он будет принят, я вынужден буду заявить, что я все таки считаю его неудовлетворительным. Выйдет что то в роде нового раскола. В предупреждение его лучше воспрепятствовать принятию. Напиши в Мюнхен и выскажись определенно и решительно. Кроме того, я считаю необходимым подействовать на Давидсона и его жену, а также на Шоура [3]). Когда проект будет разослан, напиши мне, не надо ли мне приехать в Цюрих, чтобы убедить названных геноссов вотировать **против** проекта Фрея. Напиши, как ты думаешь об этом. Еще вот что. Между рассылкой проектов и голосованием должно пройти известное время, необходимое для обсуждения и для агитации. На этот счет надо тоже списаться с Мюнхеном. Я забыл написать об этом Вере, а Фрею я не пишу, он бесит меня своими **куцыми** взглядами. Напиши ты.

Привет всем твоим. Прочел ли ты рукопись моей третьей статьи против Струве [4])?

Твой Г. П.

Примечания.

1. Настоящее письмо относится к периоду выработки редакцией «Искры» проекта программы РСДРП. Основные документы об этом крайне важном в истории развития российской с.-д. моменте даны в т. II «Ленинскаго сборника»; некоторые дополнения к ним имеются в «Письмах П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 58 и сл.

Вкратце история прохождения этого проекта в редакции «Искры» такова: 21.I. 1902 г. в Мюнхене собралась редакция «Искры» в полном составе (кажется, не было одного лишь А. Н. Потресова, который был тогда болен и жил в санатории) и обсудила выработанный Г. В. Плехановым проект программы. Этот проект встретил возражения со стороны В. И. Ленина и Ю. О. Мартова, к которым потом присоединился и А. Н. Потресов. После от'езда Г. В. Плеханова из Мюнхена В. И. Ленин набросал свой проект программы (известный под названием «проект Фрея»); этот проект в течение февраля 1902 г. подвергся значительной переработке; замечания Г. В. Плеханова в печатаемом нами сейчас письме относятся, как это выясняется из сопоставления этого письма с документами «Ленинского сборника», ко второму варианту ленинского проекта программы.

В виду решительных возражений Г. В. Плеханова против ленинского проекта была создана особая комиссия (В. И. Засулич, Ю. О. Мартов и вызванный для этого из Берлина Ф. И. Дан) для выработки согласительного проекта,—предложенный Г. В. Плехановым путь голо-

сования проектов в «Лиге революционной с.-д.» был отвергнут большинством редакции,—и проект, составленный комиссией, был внесен на редакционное совещание в Цюрихе (участвовали: П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Ю. О. Мартов и Г. В. Плеханов), но это совещание решило вернуться к сильно переработанному плехановскому проекту программы; этот проект был совещанием принят, опубликован в «Искре» и затем с небольшими изменениями принят 2-м с'ездом РСДРП.

2. В. И. Засулич в свое время переслала П. Б. Аксельроду это письмо,—начало его сохранилось в архиве П. Б. Аксельрода и мы воспроизводим его здесь полностью:

«Дорогая Велика Дмитриевна, посылаю проект программы *) на адрес доктора Лемана **) (чтобы Вас не будил утром почтальон). Мне кажется, что она лучше того проекта - у б л ю д к а, который был сделан из моего первоначального плана Егором [Ю. О. Мартовым] ***), и уж как небо от земли разнится от проекта Фрея [В. И. Ленина],—этот последний проект в п о л н о м с м ы с л е с л о в а н е в о з м о ж е н.

Павел [П. Б. Аксельрод] (прочтите ему это место моего письма) почему то не взлюбил мой проект и поддерживал реформаторские планы Фрея. Если он будет продолжать поддерживать его, то мы рискуем быть награжденными такой программой, которая не сделает чести Группе «О с в о б о ж д е н и е Т р у д а». Павел хватится, когда уже будет поздно, как хватился он теперь с брошюрой Фрея ****). Когда я был у Вас, я просил Павла поддержать меня в моей критике брошюры; он этого не сделал, о чем сам, кажется, сожалеет в настоящее время. Боюсь я, что тоже будет и с программой. Я умоляю его поддержать меня в этом случае: дело идет о серьезнейших интересах нашего дела.

Теперь вот что:

1) Одновременно с моим проектом я посылаю на тот же адрес проект Фрея, который я безусловно отрицаю в его принципиальной части (такой программы я н е м о г у признать своею). Но у Фрея есть проекты некоторых п о п р а в о к к о т д е л ь н ы м т р е б о в а н и я м; с этими поправками я в большинстве случаев согласен, как это видно из моих пометок в тексте.

2) В тексте же частных требований сделаны мною н е к о т о р ы е с т и л и с т и ч е с к и е п о п р а в к и (см. проект Фрея), которые я предлагал на обсуждение.

---

*) Так называемый «второй проект», см. «Ленинский сборник», т. II, стр. 56—64.

**) Мюнхенский с.-д., на адрес которого шла корреспонденция для мюнхенской редакции «Искры».

***) Этот проект в печати неизвестен.

****) «Что делать?»

3) Так как я не рассчитываю на принятие моего проекта Фреем и Бергом, то я предлагаю передать мой проект администрации Лиги *) с просьбой разослать его всем членам Лиги. Пусть они выскажутся.

4) Я прошу сообщить мне, будет ли написана Фреем и Бергом критика моего проекта, чтобы я мог своевременно ответить на эту критику **). Желал бы также знать, будем ли мы полемизировать печатно.

5) Посылаю на адрес того же доктора Лемана статью о Финляндии, которая давно была мне обещана одним, сочувствующим нам лицом, которое само живет в этой стране и хорошо осведомлено о положении дел в ней ***).

Я ожидал от статьи большего. Но я думаю, что ее все-таки следует напечатать, выкинув довольно длинное вступление и начав с того, что относится к рабочему движению в Финляндии.

Прошу редакцию немедленно решить этот вопрос и ответить мне.»

3. Мих. Мих. Шоур, бывший ссыльный студент; с 1901 г.—студент в Цюрихе, член «заграничной лиги».

4. Напечатана в № 4 «Зари».

196. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

23.III [1902].

Дорогой Жорж!

Постараюсь раздобыть требуемый...¹) завтра. Но на всякий случай поищи в немец[ком] Verein, где, наверное найдешь. Я с большим интересом и нетерпением жду твоих разъяснений („доказательств“) и нисколько не огорчусь, если я окажусь неправ, тем более, что как ты пишешь, у меня коллеги имеются, а на миру и смерть красна. Много был бы тебе благодарен, если бы ты мне сообщил их Begründung [основания]. Я еще раз подчеркиваю, что для меня центр тяжести в господстве тов[арного] произв[одства]²).

Привет твоим.

Твой П. А.

---

*) Заграничная «Лига революционной с.-д.» была основана в конце 1901 г. и об'единяла сторонников «Искры».

**) В печати известны лишь отзывы о нем В. И. Ленина,—см. «Ленинский сборник», т. II, стр. 55—90.

***) Это была А. М. Коллонтай, статья которой о Финляндии появилась в № 4 «Зари».

Примечания.

1. В оригинале здесь стоят две нечетко написанные буквы,—в роде d. V. Установить, о чем идет речь—не удалось; не исключена возможность, что о книге Бернштейна - Die Voraussetzungen и т. д.

2. Это замечание относится к спорам о проекте программы.

197. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Среда 9½ час. вечера[1]).

Дорогой Павел, сейчас 10 час. вечера, когда вынимают в последний раз письма из ящиков. Спешу. Сейчас получил письма от „сестры" [В. И. Засулич] и от Евгения [Л. Г. Дейча]. Оттуда, где они теперь находятся, всем нашим надо уезжать: полиция уже начала свои розыски[2]). Теперь вопрос, куда им переехать. Я сейчас пишу, чтобы ехали в Женеву. Пиши и ты[3]). Это будет иметь огромное влияние на будущность наших изданий. Если они уедут в Лондон или даже в Брюссель, то мы еще более от них отдалимся. А это беда. Спешу.

Твой Г. П.

Примечания.

1. По всему вероятию, это была среда 26.III. 1902 г.

2. Русская заграничная охранка давно уже охотилась за «Искрой»; еще 20.VII. 1901 г. П. И. Рачковский писал в департамент полиции:

> «Состав редакции и местопребывание сотрудников... [«Искры»] никому неизвестны, но я предполагаю, что во главе означенной организации стоят Цедербаум и Потресов, которые, проживая в Мюнхене или Штутгарте, руководят названным изданием в качестве членов комитета действующей в империи «Российской социал-демократической группы».
>
> «В настоящее время мною принимаются соответствующие меры к выяснению наличного состава редакции и точного его местопребывания. Я найду средство, действуя наверняка, ликвидировать эту крайне опасную организацию и поставить ее в совершенную невозможность дальнейшего печатания «Искры» при существующих конспиративных условиях, в высшей степени затрудняющих борьбу с ней».

(Цитируем по книге Л. П. Меньшикова: «Русский полит. сыск за границей», стр. 131.)

К началу 1902 г. П. И. Рачковский закончил свою работу, и он готовился с помощью германской полиции произвести разгром редакции; однако, германским с.-д. удалось заранее получить сведения о готовящихся арестах, и по их поручению А. М. Калмыкова, жившая тогда

заграницей, в конце марта 1902 г. приехала в Мюнхен, настаивая на немедленном отъезде оттуда членов редакции. Так как редакция и сама замечала ряд тревожных признаков, то она, обсудив 26.III. 1902 г. это сообщение, решила немедленно перенести «Искру» куда-либо в другое место. Как возможные пункты, были намечены Женева, Брюссель и Лондон. На Женеве особенно настаивали Г. В. Плеханов и П. Б. Аксельрод, т. к. к. это давало им возможность более регулярно влиять на направление газеты; но большинство редакции высказалось за Лондон, куда редакция и переехала в апреле 1902 г.

3. П. Б. Аксельрод это предложение Г. В. Плеханова поддержал в своем письме к мюнхенской части редакции от 4.IV. 1902 г.

198. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

Вторник [1.IV. 1902] [1])

Дорогой Жорж! Прилагаемые письма, если хочешь показать свое благородство, сейчас пришли обратно, с сообщением твоего ответа друзьям. Я спешу переслать их тебе, т. к. твой ответ является решающим. Я, с своей стороны, считаю наиболее идеальным выходом второй—конференция из тебя и Фрея [В. И. Ленина], где именно, это Вы уже могли бы решить. Предложения эти и все письма—ответ на мои последние письма, в которых я особенно настаивал на решении вопроса программы до „переселения на край света“ [2]). Очень спешу на почту и отсылаю тебе письма, хотя, быть может, для ответа они мне понадобятся, а потому еще раз прошу тебя: пришли мне их сейчас обратно. Твой Павел.

Примечания.

1. Дата настоящего письма устанавливается путем сопоставления его с письмом П. Б. Аксельрода от 4.IV. 1902 г. («Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 58).

2. После того как «проект Фрея» встретил решительные возражения со стороны Г. В. Плеханова и, обратно, второй проект Г. В. Плеханова был раскритикован В. И. Лениным, П. Б. Аксельрод выдвинул план созыва нового пленума членов редакции для обсуждения вопроса во всем объеме. Этот проект встретил возражения со стороны В. И. Ленина, и «мюнхенцы» с своей стороны выдвинули два проекта улажения конфликта; из этих проектов нам известен лишь тот, о котором упоминает П. Б. Аксельрод в комментируемом сейчас нами письме (а также в своем письме в Мюнхен от 4.IV. 1902 г., «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 58).

199. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

13.VI.[1902 г.]

Дорогой Жорж!

В Grütlibuchhandlung нет совсем Nachlass'a [1]) да говорят, что вышли только I т. и IV т.—письма Лассаля. Этот то том у меня имеется. На всякий случай, напишу в Штутгарт, что если вышел второй или 3 том, то, чтобы тебе послали, а у меня взыскали per Nachnahme [наложным платежом]. В северную столицу [2]) написал, к сожалению, из соображения или мотивов сентиментального свойства, у меня не хватило духу оставить тебе копию, а теперь немного боюсь, как бы Ю. О. [Мартов] опять не вычитал там чего нибудь противоположного тому, что я писал. Во время писания последнего письма мне припомнилось, что я писал приблизительно так: „В. И [Ленин] удивительно мало принимал во внимание наши (или: „даже Вами формулированные замечания") коллективные замечания" *). Написал я также В. Ив. [Засулич] и просил ее, прочитав приложенное письмо к Ю. О. [Мартову], дать его Ленину. Отправил я оба письма на его [В. И. Ленина] адрес, без передачи, так что он сам поймет, что они и для него назначены. Обращаться же к нему лично я пока что считаю для себя унизительным. Я слишком хорошо к нему относился, чтобы относиться к нему теперь с тем безразличием, с каким я мог бы оффициальным образом, по делу, отнестись к Мартынову [3]), Гришину и даже к изобразителю „тактики процесса" [4])...

Жму руку и шлю привет твоим.

Твой П. А.

Примечания.

1. «Aus dem literarischen Nachlass K. Marx, F. Engels und F. Lassalle».

2. Т.-е. в Лондон; речь в данном письме идет о втором крупном столкновении в редакции «Искры», разыгравшемся летом 1902 г. непосредственно вслед за конфликтом вокруг проекта программы. Яблоком раздора на этот раз явилась известная статья В. И. Ленина об отрезках (напечатана в № 4 «Зари» под заглавием: «Аграрная программа русской с.-д.»); некоторые сведения об этом конфликте имеются

---

*) И прибавил: «но виню в этом не В. И. [Ленина], а Вас и В. Ив. [Засулич], которые должны бы ему сообщить...»

в «Письмах П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 61—69; более обширные материалы о нем собраны в т. III. «Ленинского сборника», который вышел в свой период, когда настоящее издание уже находилось в печати, и потому не мог быть использован при работе над Комментариями.

Письмо, о котором говорит П. Б. Аксельрод, несомненно, было ответом на письмо Ю. О. Мартова от 8.VI. 1902 (напечатано в «Письмах П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 67—69); текст письма П. Б. Аксельрода нам неизвестен.

3. Александр Самойлович Пикер, литературный псевдоним А. Мартынов, народоволец конца 1880-х г.г., потом с.-д.; с 1901 г.— член редакции «Рабочего Дела»; с 1903—1918 г.—меньшевик; с 1923 г.—коммунист.

4. Б. Н. Кричевский, который в «Рабочем Деле» искровской «тактике-плану» противопоставлял теорию «тактики-процесса» (статья «Принципы, тактика и борьба» в № 10 «Рабочего Дела» за сентябрь 1901 г.).

200. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Понедельник, 16 июня 1902.

Дорогой Павел,

Я очень рад, что ты написал решительное письмо [1]) в Лондон. Если есть возможность установить хорошие отношения с нашими тамошними товарищами, то она несомненно заключается в твердом, хотя и сдержанном отстаивании наших прав. И этой тактики мы обязаны держаться в интересах дела.

Пересылаю тебе: 1) внутреннее обозрение, написанное Бергом [Ю. О. Мартовым] [2]); 2) статью бельгийца Дейтшера о бельгийских событиях [3]). О внутреннем обозрении много сказать нельзя: написано оно крайне поверхностно, но ведь этого не поправишь. Одно скажу: в конце следовало бы распространиться побольше о виленских розгах и указать на необходимость сопротивления таким расправам до последней крайности [4]). Я видел в Берне людей, только что приехавших из Вильны: розги вызвали растерянность в тамошних революционерах. Если мы не направим сил на сопротивление этого рода, то будет увлечение террором даже в рядах социал-демократов. А это смерть для нашей партии. Если ты со мной согласен, напиши в этом духе в Лондон от нас обоих.

Дейтнера статья, по моему, *не годится*. Думаю, что и ты присоединишься к моему мнению. Но о бельгийских делах статья необходима. Скажи в своем письме в Лондон, что я советую обратиться к тому человеку, который написал о бельгийских делах в „Искру“ [5]).

Твой Г. П.

Соня [С. П. Аксельрод] жалуется, что Вы ей редко пишете.

Г. П.

Примечания.

1. О котором П. Б. Аксельрод сообщает в предыдущем письме.

2. «Внутреннее обозрение» Ю. О. Мартова напечатано в № 4 «Зари»

3. Дейтнер—деятель бельгийского социалистического движения, статей его в «Заре» не появлялось. Бельгийские события—всеобщая стачка 1902 г.

4. В конце «Внутреннего обозрения», напечатанного в № 4 «Зари», имеется абзац о необходимости вооруженного сопротивления во время демонстрации; был ли он введен по настоянию Г. В. Плеханова, или последний хотел усиливающих к нему добавлений—нам неизвестно. Сам Г. В. Плеханов по этому вопросу высказался в передовой статье № 22 «Искры»—«Русский рабочий класс и полицейские розги».

5. Статья о всеобщей стачке в Бельгии была помещена в № 21 «Искры»; кто был ее автором—нам неизвестно.

201. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

[Около 20.VI.1902 г.]

Дорогой Жорж!

Прилагаю, вместе с об'явл[ением] об издании „Освоб[ождения]“ [1]) письмо В. Ив. [Засулич] к тебе и письмецо ее ко мне. [П. Б.] Струве поспешил сообщить мне текст своей Berichtigung [исправление] в „Vorwärts“,—[он] сам находит нелепой заметку об его органе [2]).

Nachlass от Дица до сих пор не получен (Саша [А. П. Аксельрод] выписал на мое имя)—должно быть, не вышел еще ни второй, ни первый том. IV-й т[ом]*), если хочешь, пришлю тебе свой. Если замечание В. Ив. [Засулич] (со слов В. И. [Ленина]) на счет твоей ссылки на Маркса верно, то вот тебе

*) Письма Лассаля.

случай дать наглядный урок молодым товарищам по части внимания к критическим указаниям коллегии[3]). Меня лично угнетает мысль, что как-никак, а конфликт в такой отборной компании разгорелся на личной почве и никому, кроме врагов, пользы принести не может.

Привет твоим.

Твой П. А.

Примечания.

1. Двухнедельный политический журнал, выходивший с июня 1902 г. по октябрь 1905 г. в Штутгарте под редакцией П. Б. Струве; № 1 датирован 18.VI (1.VII) 1902 г; об'явление об его издании вышло недели на две раньше выхода № 1.

Упоминаемых ниже писем В. И. Засулич в нашем распоряжении не имеется.

2. В «Vorwarts'е» от 15.VI. 1902 г., в отделе Parteinachrichten (партийная жизнь) была напечатана следующая заметка:

> «С 1 июля с. г. будет дважды в месяц выходить новый орган российской с.-д. Во главе этого журнала, который будет носить имя «Освобождение» и будет печататься у Дитца в Штутгарте, стоит известный русский экономист Петр Струве. Многие известные литературные силы России уже обещали журналу свое сотрудничество и можно надеяться, что новый орган будет энергичным борцом против деспотизма».

По поводу этой заметки П. Б. Струве писал 17.VI.1902 г. П. Б. Аксельроду:

> «Дорогой Павел Борисович!
>
> В виду появления в «Vorwärts'е» нелепой заметки об «Освобождении», как новом органе русской социал-демократии, я отправил туда нижеследующую заметку:
>
> «Мы уже сообщили в нашем воскресном номере о предстоящем вскоре появлении издаваемого П. ф. Струве журнала «Освобождение». В виде исправления мы можем сообщить, что этот журнал должен вступить в соревнование (Wettbewerb) с органами русской с.-д. Дело идет о чисто политическом журнале, который должен собирать всевозможный материал для критики русского абсолютизма и работать для достижения конституции в империи царя. Новый журнал будет избегать всякой полемики с с.-д. и ее прессой, но ни в каком случае не будет при этом выступать в роли органа русской с.-д. и вообще не будет рассматривать проблемы социализма, как область своей работы. Журнал является литературным предприятием, которое ставит своей единственной

задачей нести во все круги общества мысль о политическом освобождении России от ига абсолютизма.

Сообщаю это к сведению Вашему и Ваших партийных друзей.

Постоянно Вам преданный

П. Струве.»

Сообщенное в этом письме «исправление» целиком было напечатано в «Vorwärts'e» от 19.VI. 1902 г.,—тоже в отделе «Parteinachrichten» и тоже как редакционный материал.

3. Нам неизвестно, о какой ссылке на Маркса идет речь.

202. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

[Lausanne] [1]) 21 Juni 1902.

Дорогой Павел,

Евгений [Л. Г. Дейч] мне сообщил, что В. И. [Ленин] все таки хочет свою статью [2]) печатать без изменений. Пусть печатает, но пусть они не сердятся, если я в своей статье [3]) выскажу другой взгляд на отрезки. Иначе поступить нельзя.

Пиши скорее в Лондон. Я затребовал у Дица корректуру статьи (своей) и буду ждать решения.

Спеши. Крепко жму руку.

Фрею [В. И. Ленину] я написал согласно совету В. И. [Засулич] [4]). Г. П.

Они [5]) все ссылаются на обиду. Но напомни им, что ведь Вы то их не обижали.

Примечания.

1. Письмо это написано из Лозанны, куда Г. В. Плеханов в это время приезжал для чтения реферата.

2. «Аграрная программа русской с.-д.»; после продолжительных прений соглашение по этому пункту в редакции было достигнуто.

3. Статья-комментарий к «проекту программы РСДРП»; напечатана в № 4 «Зари» без тех замечаний об отрезках, про которые говорится в письме.

4. В. И. Засулич советовала Г. В. Плеханову написать В. И. Ленину «личное дружеское письмо».

5. Они, т.-е. три «молодых» члена редакции «Искры»—В. И. Ленин, Ю. О. Мартов и А. Н. Потресов. После конфликта при выработке

проекта программы на некоторое время установилось это деление на «молодых» и «старых»; настроение «молодых» за это время ясно видно из писем Ю. О. Мартова к П. Б. Аксельроду от 15.V. 1902 г. и 8.VI. 1902 г. («Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 63—69). Об этом же самом расслоении на «молодых» и «старых» интересные сведения имеются в письме В. И. Засулич к П. Б. Аксельроду (получено в Цюрихе 30.VI. 1902):

«Дорогой Павел, Вы знаете, конечно, что Ж[орж] написал Фрею [В. И. Ленину] личное дружеское письмо и таким образом история между нами и Фреем кончена. Но у меня она тоже оставила на душе нечто, с чем я не знаю, как справиться. Еще до получения мирного письма от Жоржа, я написала Ю. О. [Мартову] вот тот же самый упрек, который имеется в Вашем письме: что они всецело выступают теперь (после писем вслед за приездом Ж[оржа] в Цюрих) *), как одна сторона против нас, как другой. Он мне ответил на это, что такое положение создалось тем, что написавши из Женевы «беру назад свои поправки», Жорж из Цюриха снова «взял назад свое согласие взять назад свои поправки», отрекся от этого согласия, и таким образом оскорбление для Фрея возобновилось во всей прежней силе. А мы (и я в том числе) совершенно забыли об этом оскорблении, занялись исключительно «правами трех лиц» на поправки или оговорки и им предлагаем заняться тем же самым—операциями над статьей Фрея «под градом издевательств», заключающихся в поправках Жоржа.

Я так не понимала дела. Я не вычитала этого и из писем Евг. [Л. Г. Дейча] и Ваших к Ю. О. [Мартову]. Правда, фраза «Жорж берет назад только форму, а не смысл своих поправок» б[ыла] в письме Евг. [Л. Г. Дейча] ко мне, но этого я, разумеется, ни Фрею, ни Ю. О. [Мартову] не передала, а в Цюрих ответила, что взять назад только обиду, не беря поправок целиком, можно б[ыло] личным письмом, но так ф о р м а л ь н о, как сделал Жорж, можно взять поправки только целиком. Могла итти речь о Ваших (Вами формулированных) поправках, о новых Вами предложенных, об оговорке, наконец, но никак не о вотировании прежних Жоржевых поправок, так как возобновление такого предложения б[ыло] бы, действительно, каким то издевательством. Но разве такое предложение было сделано? Я, правда, не читала, а только слыхала об ультиматуме, посланном Евгением [Л. Г. Дейчем] Фрею. Но разве там так стояло? Ни в Вашем письме (втором о «конституции»), ни в 1-м большом письме Евг. [Л. Г.

---

*) Этот приезд имел место в начале июня 1902 г.; во время него Г. В. Плеханов и П. Б. Аксельрод совещались относительно статьи В. И. Ленина об аграрной программе РСДРП. П р и м. р е д.

Дейча]**) я этого не вычитала; последнее я, правда, невнимательно прочла, так как надо мной стоял Фрей, и я видела, как он сызнова взбешен этим письмом. Теперь дело о статье, думаю кончено, но мне неприятно, что осталось такое недоразумение относительно нас».

203. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

[30.VI.1902]

Дорогой Жорж!

Посылаю тебе свой congé [отставку][1]). Если найдешь нужным что нибудь изменить или дополнить, то пришли мне обратно, я сделаю необходимые поправки.

Получил сегодня орган (газету) „Борьба"[2]). Еще не читал. Вышлю тебе твой экземпляр. Евг. [Л. Г. Дейч] уже уехал[3]).

Привет твоим.

Твой П. А.

Ты находил мое намерение выступить „несвоевременным" или „преждевременным"[4]). Теперь я думаю die hochste Zeit [самое подходящее время]: с одной стороны, внутренний конфликт улажен, а с другой—в Париже завязывается дружба с „флюгерами", „беспринципными"[5]), которая, кажется, непосредственно и осязательно гораздо больше выгод сулит, чем товарищество инвалида.

Мотивы прилагаемого заявления я тебе указывал в устной беседе, да и во вчерашнем письме[6]) отчасти.

Примечания.

1. Последняя стадия конфликта внутри редакции «Искры» на почве поправок Г. В. Плеханова к статье В. И. Ленина, когда выявилось резкое расслоение редакции на две группы, произвела очень тяжелое впечатление на П. Б. Аксельрода. Около 20.VI.1902 г. он писал Л. Г. Дейчу: «Я не подхожу по своей натуре к современным политикам» и сообщал о своем намерении уйти из редакции. Окончательный толчок дало, повидимому, письмо В. И. Засулич, напечатанное нами в выдержках в комментариях к предыдущему письму,—такой вывод естественно напрашивается из сопоставления даты получения П. Б. Аксельродом

**) Эти письма нам неизвестны; мы знаем лишь, что письмо Л. Г. Дейча было написано после его переговоров с П. Б. Аксельродом и Г. В. Плехановым. *Прим. ред.*

письма В. И. Засулич с датой, стоящей под заявлением П. Б. Аксельрода о своем уходе из редакции «Зари». Текст этого заявления сохранился, приводим его полностью:

Цюрих.
30.VI. 1902 г.

«В Редакцию «Зари».

Дорогие товарищи!

Мое болезненное состояние не позволяет мне правильно и производительно заниматься литературным трудом; а дальность расстояния от Вас лишает меня возможности постоянно и активно участвовать и в специально редакционных работах. В виду этих обстоятельств я нахожу себя вынужденным выступить из редакции и просить Вас распорядиться, чтобы впредь моя фамилия не печаталась в числе ближайших сотрудников журнала «Заря».

Нечего и говорить, что насколько моих сил хватит, я и впредь буду служить верой и правдой революционной социаль-демократии, теоретическими и литературными органами которой являются «Заря» и «Искра».

С товарищеским приветом

П. Аксельрод.»

2. «Летучий листок группы «Борьба» № 1 и единственный вышел в июне 1902 г. в Женеве.

3. В последних числах июня 1902 г., после объезда с рефератами ряда швейцарских городов (он читал первые главы своей будущей книги «16 лет в Сибири»), Л. Г. Дейч несколько дней провел в Цюрихе, откуда выехал в Женеву, а затем, через Париж, в Лондон.

4. Эти отзывы Г. В. Плеханова были переданы П. Б. Аксельроду Л. Г. Дейчем.

5. В июне—июле 1902 г. Ю. О. Мартов, во время своего пребывания в Париже, вел переговоры с «Союзом русских с.-д.» (через И. Н. Лохова-Ольхина); некоторые сведения об этих переговорах имеются в «Письмах П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 71.

6. Оно не сохранилось.

204. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

[1.VII. 1902]

Дорогой Павел!

Тебе известно мое мнение о твоем выходе: он совершенно неуместен и кроме того очень вреден. Уже одно то обстоятельство, что, оставаясь в редакции, ты иногда можешь предохранить наших товарищей от ложного шага, должно удержать

тебя от выхода. Теперь твоя статья уже готова [1]). В 4-ю книжку („Зари") она уже опоздала (Диц требует выпуска этой книжки), но в пятую она может пойти, как первая статья, и ее сейчас же можно отослать в набор. Стало быть, ты уже не можешь сказать, что в „Заре" ничего твоего нет. Кроме того, Евгений [Л. Г. Дейч] будет настаивать на перенесении дела („Зари") в Женеву. Как только „Заря" окажется здесь, мы поставим на обложке, что она издается при участии группы „О[свобождение] Тр[уда]" [2]). А теперь вызовет только сплетни. И так „борцы" [3]) уже кричат о разногласиях между нами.

P. S. Genosse Саша [А. П. Аксельрод] [4]) не должен смущаться нападками на него: он сделает больше пользы, чем кто нибудь другой.

Получил твое письмо в редакцию [5]). Мы прочитали его с Евгением [Л. Г. Дейчем] и опять советуем и просим: не посылай его. Во всяком случае, я пока его придержу jusqu'à nouvelle ordre [до нового распоряжения]. Если ты и после нашего письма будешь настаивать, тогда твоя воля.

Соня [С. П. Аксельрод] теперь у нас, после завтра она уезжает. Мы ее полюбили от всей души: прелестная девушка.

Г. П.

Примечания.

1. Это была статья П. Б. Аксельрода: «Зарождение у нас буржуазной демократии, как самостоятельной силы»; так как № 5 «Зари» в свет вообще не вышел, то статья эта была опубликована только в 1907 г., в сборнике статей П. Б. Аксельрода: «Борьба социалистических и буржуазных тенденций».

2. Пока «Заря» печаталась в Штутгарте, упоминать об участии в ней «Группы» нельзя было по полицейским соображениям.

3. Члены Группы «Борьба», которая состояла из Э. Л. Гуревича (Даневича), Д. Б. Рязанова и Ю. М. Стеклова.

4. А. П. Аксельрод в это время вместе с А. Г. Гуревичем заведывал делом распространения «Искры» за границею.

5. Напечатанное выше заявление о выходе из редакции «Зари».

205. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду [2]).

2.VII [1902 г.]

Дорогой Жорж!

Я бы, конечно, последовал твоему настоятельному совету, если бы я действительно мог иногда „предохранить наших

товарищей от ложного шага". К сожалению, история нашего внутреннего конфликта ясно показала мне, что с моим мнением они тенденциозно не считаются и не хотят считаться. А при таких условиях оставаться в редакции (оффициально)— значит сознательно обрекать себя на унизительную роль нуля. Ты указываешь на сплетни и вообще на вред, который может вызвать в настоящий момент мой выход. Но ответственность за вредные последствия должна пасть целиком на людей, которые своим грубым игнорированием моей личности и моих прав ставят меня в невозможность оставаться дольше в редакции. В своем решении я руководствуюсь теперь не тем, что могут сказать посторонние люди по поводу несоответствия между моим званием и отсутствием моих статьей в „Заре", а тем, что это несоответствие делает меня в глазах коллег существом бесправным внутри коллегии, часть которой, очевидно, желает моего ухода. Мне кажется, ты на эту сторону вопроса не обратил внимания. Если бы дело стояло иначе, если бы они (да и В. Ив. [Засулич]) хоть отчасти разделяли твое мнение о пользе моего участия в редакции и вреде ухода, то тем не менее можно и должно было бы послать им мое заявление. Они присоединились бы к тебе и тем самым поставили бы меня перед альтернативой: или подчиниться настояниям товарищей, или же взять на себя лично всю ответственность за вред, который может вызвать осуществление моего намерения. Подчиняясь коллективному требованию товарищей, я в то же время имел бы уверенность, что остаюсь, как полноправный член коллегии, мнение которого не может быть игнорировано. Но, повидимому, ты как бы сам предчувствуешь, что они с радостью ухватятся за мой congé [прошение об отставке], а потому опасаешься отправить его. Но раз они обрадуются ему, то это наглядно тебе покажет, как бесполезно и унизительно было бы мое дальнейшее пребывание в редакционной коллегии. Это во-первых, а во-вторых, тем самым они возьмут на себя и ответственность за мой выход.

Кстати, ты говоришь, что „борцы" кричат уже о разногласиях между нами. Откуда и как дошел до них подобный слух? Не через посредство ли Крич[евского] и Март[ынова], с которыми, очевидно, велись и ведутся переговоры. Знаешь ли

ты, Евгений [Л. Г. Дейч], В. Ив. [Засулич] что нибудь об этом? Начать переговоры с „Р[абочим Делом]", помимо нас, значит вести их—против нас, сооружать оплот специально против тебя. Я охотно, с великой радостью покаюсь в своей ошибке, если мое предположение оказалось плодом возбужденного воображения.

Надеюсь, ты отнесешься со вниманием и справедливостью к изложенным мотивам.

Примечания.

1. Печатается с черновика, сохранившегося в архиве П. Б. Аксельрода; отправленного по адресу письма в нашем распоряжении не имеется.

206. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

5 Juillet 1902.

Дорогой Павел!

Ты, по моему, опять неправ. Твое мнение не принималось в соображение просто потому, что Фрей [В. И. Ленин] очень упрям. Твоя роль в редакции тут не при чем. Поэтому и выходить тебе нет резона.

Против упрямства Фрея, которое может сделать много вреда, надо бороться легальными средствами. Но твой выход ослабит для нас возможность такой борьбы. Поэтому выходить неудобно.

Наконец,—и это самое главное,—твой выход теперь может вызвать новое раздражение у Фрея и у Берга [Ю. О. Мартова]. Подожди. Скоро я поеду в Лондон и там буду в состоянии de visu [воочию] судить о положении дел. Из Лондона я тебе напишу, и тогда ты поступишь en connaissance de cause [со знанием дела].

Мне нужны именно „Voraussetzungen"[1]) Бернштейна. Попроси Volksbuchhandlung выслать ее per Nachnahme [наложенным платежом]. Она мне к спеху. Каникулы Розы [Р. М. Плехановой] откладываются на неопределенное время.

Жду твоего окончательного решения. Но, право, ты лучше сделаешь, если последуешь моему совету.

Твой Г. П.

Примечание.

1. Не раз упоминавшаяся выше книга: «Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie». Книга эта понадо-

бралась Г. В. Плеханову, по всей вероятности, потому, что он как раз в это время держал последнюю корректуру своей статьи о партийной программе, а в этой статье книга Э. Бернштейна не раз цитируется («Заря», № 4, стр. 22—25).

207. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Среда 29 июля 1902.

Дорогой Павел!

Ты прекрасно делаешь, решая отсрочить посылку твоего заявления в редакцию. Дальше видно будет, а теперь времена трудные, очень трудные, и было бы большой ошибкою с нашей стороны, если бы мы с своей стороны не сделали всего возможного для уменьшения затруднений.

Твою статью[1]) я прочитал сейчас же по ее получении. Она мне очень, очень понравилась. Жаль, что ты не прислал ее раньше, хотя бы без хвоста. Она была бы напечатана в этой книжке. А теперь, как ты увидишь из прилагаемого письма Евгения [Л. Г. Дейча][2]) нет никакой возможности прибавить к „Заре" даже несколько строк. Но она пойдет, как первая статья, в следующую книжку. По моему, ее лучше было бы сейчас же отправить Дицу. Никаких переделок, по моему, не нужно: хорошо и так, как есть.

Ты несправедлив к товарищам. Ю. О. [Мартов] никаких переговоров в Париже не ведет: он просто разговаривает с Ольхиным [П. П. Лоховым], своим старым знакомым, чего ему в вину поставить нельзя. Но тот, кто действительно примирил бы нас с „Р[абочим] Д[елом]" оказал бы услугу отечеству. Теперь наши враги—„социалисты-революционеры".

Я хотел было написать заметку о письмах Лассаля к Марксу. Оказывается, поздно. Я решил для следующей книжки написать статейку[3]) в лист или в 20 страниц. Но вот казус: у меня нет сочинений Лассаля, изданных Бернштейном, а для статейки их не мешает иметь. Может ли цюрихский отдел администрации („Заграничной Лиги") доставить мне их на казенный счет? Спроси Сашу [А. П. Аксельрода].

Думаю написать брошюру о терроре[4]). Скажи, пожалуйста, нет ли у Вас в Цюрихе книги G. Adler'a: Geschichte der ersten Sozialpolitischen Bewegungen in Deutschland. Мне необхо-

димо иметь ее для брошюры о терроре, а где достать ее — не знаю.

Потом вот еще какое дело.

Тут есть один человек, едущий в Россию [5]). Он желал бы завязать с нами постоянные сношения. Он не умен, но честный и хороший малый. Нужно условиться с ним насчет переписки, дать адреса и проч. У меня сейчас нет ни одного адреса. [Б. А.] Гинцбурга здесь нет, да ты знаешь, что от него вообще не много толку. Не может ли взять на себя это цюрихский отдел администрации [„Лиги революционной с.-д.“]? Это было бы очень хорошо. И пусть Саша [А. П. Аксельрод] не смущается тем, что, быть может, это незаконно.

Ты едешь в Беатенберг [6]). Я еду туда же на несколько дней. Там поговорим. А теперь прошу немедленно ответить насчет от'езжающего в Россию человека: немедленно.

Примечания.

1. Упомянутая выше (примечание первое к 204-му письму) статья: «Зарождение у нас буржуазной демократии».

2. Это письмо Л. Г. Дейча сохранилось в архиве П. Б. Аксельрода; в нем говорится о том, что нет возможности втиснуть в «Зарю» ни одной статьи, ибо «задерживать более выход «Зари» положительно нельзя».

3. Этой статьи Г. В. Плеханов не написал.

4. Такой брошюры Г. В. Плеханов не написал, но в «Искре» около этого времени помещены две статьи Г. В. Плеханова о терроре, как методе борьбы с самодержавием (№№ 23 и 26 «Искры»).

5. Нам неизвестно, о ком здесь идет речь.

6. Беатенберг—горное местечко, в Швейцарии, над Тунским озером.

208. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

(Genève 5.VIII. 1902)

Дорогой Павел, сегодня, в мое отсутствие ты телефонировал мне; Ольга [1]), которая подходила к телефону, ничего не поняла; но я догадываюсь, о чем ты хотел спросить. Моя поездка еще не решена. Еще неизвестно, поеду ли я в Л[ондон] теперь или несколько позже, может быть, в начале сентября. Но с тобою мы скоро увидимся. Тут уже сидят два человека [2]), которые приехали повидаться. Они убеждают лондонцев ехать сюда. Но В. И. [Ленин] болен и потому им при-

дется, может, ехать к нему. Но если это будет и так, то тебе надо с ними повидаться (хорошие ребята). Я постараюсь уговорить их ехать в Л[ондон] на Цюрих. Таким образом они увидят и цюрихских молодых товарищей [3]). Если это будет невозможно, я телеграфирую тебе: sollst hier kommen [приезжай сюда], и тогда ты приезжай, я думаю, что ты не пожалеешь об этом. Напиши мне, сколько времени остается у тебя цюрихская молодежь. Я думаю, что поездка к вам новых наших знакомых состоится **совсем на днях**. Во всяком случае, ты их увидишь: это нужно.

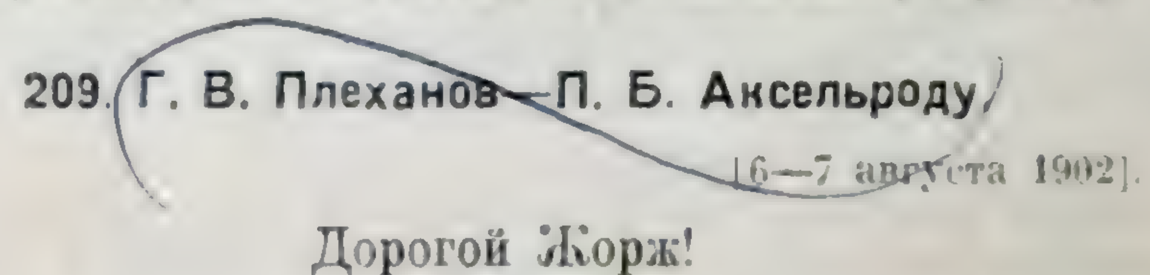
Твой Г. П.

Примечания.

1. Прислуга Плехановых.

2. Весьма вероятно, что это были супруги Лалаянцы, около этого времени бежавшие за границу из ссылки (см. «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 77—78).

3. В Цюрихе в это время жила большая компания молодых с.-д.— В. А. Носков («Борис Николаевич», «Глебов»), Ф. И. Щеколдин («Повар»), В. В. Кожевникова-Гурвич («Наташа»), Ц. Зеликсон-Бобровская и др. Все они вскоре двинулись в Россию, на революционную работу.

209. Г. В. Плеханов — П. Б. Аксельроду

[6—7 августа 1902].

Дорогой Жорж!

Ты угадал—я, действительно, хотел в телефон спросить тебя, скоро ли и когда именно [ты] едешь в Лондон. Тут теперь всего народу интересного (практически) 6—7 человек, из которых 4 „искровца“ [1]), а 3 (в том числе М. Моне [2]) и Санин [3]))—довольно сомнительного свойства. Но из этих троих один был членом П[етербургского] С[оюза] Б[орьбы], участвовал в агитации стачечной 1896 г. и только [месяца] 1½ вернулся из ссылки, попался попутно в Москве и теперь бежал [4]). Из компании Искряков некоторые очень скоро, быть может, через неделю оставят Цюрих, а потому желательно было бы, чтобы ты прибыл сюда поскорее. Но должен тебе сказать правду, что для **тебя** свидание с большинством из них интереса не представляет, а потому очень досадно будет, если твоя поездка сюда не совпадет с лондонской. А ведь

лондонцы ждут тебя. А я, со своей стороны, жду с нетерпением твою поездку к ним, потому что, как мне выяснилось в самое последнее время, между здешней молодежью (В. Вас. [Кожевниковой] и Б. Н. [Носковым-Глебовым] специально) и ими постепенно возникли какие-то недоразумения, которые, при твоем посредстве, удалось бы рассеять [5]). Кроме того, ты бы вообще воздействовал там на прекращение неурядиц. Представь себе, мудрый Евг. [Л. Г. Дейч] послал № 22 [„Искры“] товаром (Eilgut)—вот уже скоро две недели, а его нет еще. Но так как в другие города посланы по нескольку десятков экземпляр[ов], то слух о появлении „Искры“ проник всюду, отовсюду требуют у Саши [А. Н. Аксельрода], предъявляют претензии и т. д.

Не совсем ясно представляю себе практическое значение свидания с ребятами, о которых ты пишешь и которые едут в Л[ондон]. Впрочем, тебе лучше судить.

Твой П. А.

Получил, дорогая Розалия Марковна [Плеханова], 15 фр., спасибо, совершенно напрасно извиняетесь. Надя [Н. Н. Аксельрод] еще на Беатенберге.

Ваш П. А.

Получил любопытное письмо от Б[онч]-Бруевича [6])—но я должен переслать его Евгению [Л. Г. Дейчу]—ибо [оно] содержит деловые предложения.

Примечания.

1. Из этих четырех несомненны В. А. Носков-Глебов, Ф. И. Щеколдин и В. В. Кожевникова.

2. Мария Моисеевна Розенберг-Эссен партийные псевдонимы «Зверь», «Зверева» и «Нина Львовна», позднее видная большевичка 1903—1905 г.г.

3. А. А. Санин, известный марксистский писатель 1890-х г.г., редактор «Самарского Вестника» в 1896—97 г.г.

4. Это был М. А. Лурье, о нем см. Б. Горев: «Из партийного прошлого. Воспоминания. 1895—1905 г.г.», стр. 48 и «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 77—80.

5. Относительно этих «недоразумений» В. И. Лениным было написано большое письмо В. А. Носкову-Глебову; это письмо до сих пор нигде не опубликовано, приводим из него существенные выдержки:

«Дорогой Б. Н.! Получил оба Ваши письма и очень рад был узнать, увидеть из них, что мнимые «недоразумения» действительно оказываются дымом, как я уже и писал повару [Щеколдину], я писал ему, что я уверен в этом *).

Вы вот на наших «агентов» жалуетесь. И мне захотелось поговорить с Вами на эту тему — уж очень она и у меня наболела. «Слишком легко агенты набирались»... Знаю, прекрасно знаю это, никогда не забываю этого, но ведь в том то и трагичность (ей-богу трагичность, не сильно сказано!) нашего положения, что нам приходится так поступать, что мы бессильны преодолеть всю массу царящей в нашем деле бесхозяйственности. Я знаю отлично, что в Ваших словах не было упрека нам. Но постарайтесь вполне войти в наше положение и поставьте себя так, чтобы говорить не «Ваши агенты», а «наши агенты». Вы можете себя так поставить и (по моему) Вам надо это сделать — только тогда раз навсегда будет устранена всякая возможность недоразумений. Замените второе лицо первым, следите и сами за «нашими» агентами, помогайте искать, смещать и заменять их, — тогда Вы будете говорить не об «антипатичности» наших агентов (такие речи не могут не быть непонятны: их встречают как выражение отчуждения, встречают вообще, встречают члены нашей ред[акционной] коллегии] не имевшие возможности выяснить вопрос с Вами), — а о недостатках нашего общего дела. Масса этих недостатков, и гнетет она меня, чем дальше, тем больше. Теперь как раз подходит уж близко чуется мне время, когда вопрос встанет ребром: либо Россия поставит своих людей, выдвинет таких, которые придут на помощь нам и дело исправят, либо... И хотя я знаю и вижу, что такие люди уже выдвигаются и число их растет, но идет это так медленно и с такими перерывами, а «скрип» машины так рвет нервы, что... иногда дело тяжело приходится.

«Слишком легко агенты набирались». Да, но ведь мы не творим себе «человеческого материала», а берем и не можем не брать, что дают. Без этого нам жить нельзя. Едет человек в Россию, — говорит: хочу для «И[скры]» работать — честный и преданный делу. Ну, и едет, конечно, и идет за «агента», хотя никто из нас никогда сего звания не раздавал. И какие же у нас средства проверять «агентов», руководить ими, ставить на иные места? Да мы сплошь и рядом даже писем добиться не можем, — а в 9 случаях из 10 (я говорю по опыту) все наши здешние предположения о будущей деятельности «агента» летят к черту на другой день по переезде границы, и агент работает, как ему бог на душу положит. Поверьте, я буквально теряю все-

*) Далее следуют четыре строки, тщательно зачеркнутые и совершенно не поддающиеся разбору. *Прим. ред.*

кую веру в здешние предположения, маршруты, планы и проч., потому [что] я прекрасно знаю, что это ни к чему. Нам «приходится» биться как рыбе об лед, делая за неимением других людей не свое дело. Ведь чтобы назначать агентов, смотреть за ними, отвечать за них, объединить и руководить на деле,— для этого надо везде бывать, летать, всех видеть на самом деле, на работе. Для этого нужна артель практических организаторов и вожаков, а ведь у нас нет их, т.-е. есть, конечно, но мало, мало, мало... Ведь в этом все горе наше. Ведь когда посмотришь на нашу практическую бесхозяйственность,— то злишься часто до потери работоспособности, и только одно утешает: значит, жизненное дело, если растет и явно растет, несмотря на весь этот хаос. Значит, перебродит—и хорошее вино будет.

Понимаете ли Вы теперь, почему одно уже замечание искряка «легонькие у «Вас» агенты-то»—способно нас чуть не до отчаяния довести? Замещайте же скорее сами места «легоньких»—хочется нам сказать. Ведь мы говорим, твердим, даже в книжках пишем, что все горе: «людей масса и людей нет», а нам этим же безлюдьем все в нос тычут. Выход тут один, выход настоятельнейше необходимый, неотложный в самом буквальном, ни на йоту не преувеличенном смысле слова—ибо время не ждет и враги растут тоже, и Освоб[ождение], и соц.-рев. и всякие новые соц.-дем. группы, начиная от легкомысленной вертушки «Жизни» и кончая интриганами «борцами». Выход этот, чтобы русские искряки наконец собрались, нашли людей и взяли в свои руки хозяйство Искры, ибо поистине: земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Должны найти людей, ибо есть люди,—но надо и беречь же их пуще зеницы ока, не только в прямом смысле от полиции беречь, но и беречь для этого неотложного дела, не давать увлекаться другими, полезными вообще, но несвоевременными задачами. Когда мы так нуждаемся за полным безлюдьем хвататься за самое «легонькое»,—то неудивительно, что мы не можем спокойно смотреть, как другие откладывают наше дело «на потом».

Если бы все теперешние, наличные искряки взялись сразу, не откладывая, за хозяйство Искры, за самостоятельное оборудование ее перевозкой, развозкой, материалом и проч.,—тогда у нас были бы уже фактически Ц. К., Ц. К., распоряжающийся de facto «агентами» (ибо распоряжаться и агентами должен Ц. К., а не редакция) и заведующий всем практическим делом.

Говорят: если людей нет, то откуда же Ц. К. взять? А ведь вот находим же мы [—] хоть легоньких, а находим. Один веский среди 10 легоньких не вредит, а опыт все же не пропадает даром.

На работе люди учатся: одни сошли, другие заменяют, и раз дело начато, — другие тоже вдесятеро легче потянутся к этому налаженному делу. Образуй мы сейчас Ц. К. (не формальный — он завтра будет формальным и будет уже высасывать способных людей из каждой местной организации вдесятеро энергичнее, чем теперь. И только это «высасывание» из местных организаций в состоянии привести к такой постановке дела, чтобы эти местные организации обслуживались как следует.

Вот почему я и к С. С—чу *) ревнив, до чертиков ревнив, и ко всякому взгляду (даже взгляду) на «стороннюю особу» отношусь с волнением. И не могу относиться иначе, ибо если искряки не скажут это — мое дело, не скажут этого громко, не возьмутся за это дело целиком, руками и зубами, не начнут ругать остальных за недостаток ценности (Вы как-то говорили мне: ругайте искряков! а я отвечал: это не я, а Вы должны делать, ибо ругать имеет право только участвующий в самой работе практически и знающий ее подноготную), если искряки этого не сделают, так это значит, что они нас хотят оставить только с «легонькими», а это было бы началом конца.

Пора и кончать. Мне ужасно хотелось бы, чтобы Вы и повар [Щеколдин] как можно конкретнее представили себе наше положение и вошли в него, и говорили не Вы, а мы. Во всяком случае, необходимо, чтобы повар и писал нам очень часто и писал непосредственно и связал нас крепче с С. С—чем и с нами.

6. Письмо В. Бонч-Бруевича к П. Б. Аксельроду от 4.VIII. 1902 г. содержало сведения о постановке транспортного дела в организации «Жизнь», в которой Бонч-Бруевич тогда работал: Бонч-Бруевич предлагал Аксельроду воспользоваться аппаратом «Жизни» для пересылки С. С—ча «Искры» в Россию».

210. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

[Начало 1903 г.]

Дорогой Павел.

Ты, действительно, написал мне письмо около нового года, и я был тебе за него очень благодарен. Но адреса своего ты не дал [1]). Не дал ты его и во втором своем письме. Т.-е. ты его дал, но написал так, что я ничего разобрать не могу. Поэтому я пишу тебе через Цюрих.

---

*) Семен Семенович — псевдоним Северного Союза РСДРП, одним из организаторов которого был В. А. Носков. *Прим. ред.*

Я все это время чувствовал себя плохо: был нездоров. Несколько раз поправлялся, потом опять начинал хворать. Болезнь эта—не легочная, а просто инфлуэнца: ломает всего, бессонница или, напротив, страшная сонливость, вообще полное недомогание. Одно время были сильные лихорадки. Ну, да теперь лучше. Теперь я завален всякой работой. Думаю писать вторую часть „Наших разногласий“, направляя ее против эпигонов, т. е. против соц.-революционеров [2]). Некоторые главы появятся в „Искре“.

Для „Зари“ [3]) у нас пока еще ничего нет и неизвестно, когда будет. Теперь поправившись, буду приставать к товарищам, чтобы писали. Эх, лучше бы было, если бы поручили мне одному редакцию „Зари“: у семи нянек - дитя без глазу. О ростовских событиях [4]) ты, конечно, читал. Сегодня я отправил на их счет передовую в „Искру“ [5]). Поклон Н. И. [Аксельрод]. Жму руку. Пришли свой адрес: я напишу еще.

Примечания.

1. Состояние здоровья Н. И. Аксельрод требовало продолжительного отдыха; поэтому в самом конце 1901 г. Аксельроды выбрались на несколько месяцев в северную Италию, где в то время (в Богляско, около Нерви) брат Н. И. Аксельрод,—И. И. Каминер снял небольшой домик и жил со всею своей семьей. Там Аксельроды прожили 2—3 месяца.

2. В полном об'еме этот свой план Г. В. Плеханов не осуществил; им были написаны только отдельные главы этой книги, напечатанные в «Искре», №№ 32, 33, 34, 35 и 39, под заглавием «Пролетариат и крестьянство».

3. В это время подготовлялся № 5 «Зари», который так и не был составлен; только значительно позднее, осенью 1904 г., одна брошюра (А. Мартынов: «С.-д. победы и буржуазно-демократические реванши») вышла, как отдельный оттиск из № 5 «Зари».

4. «Ростовские события»—знаменитая стачка ж.-д. рабочих в Ростове-на-Д, начавшаяся 4. XI. 1902 г.; стачка тянулась до 23. XI и сопровождалась грандиозными политическими митингами, столкновениями с полицией и т. д. После окончания стачки волнения продолжались и в декабре.

5. «Значение ростовской стачки».—напечатана в № 32 (от 15. I. 1903 г.) «Искры».

211. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

25 Février 1903 г.

Дорогой Павел,

Как видишь, я отвечаю тебе очень скоро. Во-первых, мне надо переслать тебе письмо Розы [Р. М. Плехановой] [1]), касающееся Лиды [Л. Г. Плехановой], а во-вторых, мне надо запросить тебя вот на счет чего. Когда-то, в цюрихском „Jahrbuch für Sozialwissenschaft" [2]) ты поместил статью о русском движении, в которой говорил, между прочим, что наши лавристы в 70 годах утверждали, что России не миновать капитализма, и строили свою программу на этом соображении. Тут была неточность. О капитализме, действительно, говорили некоторые лавристы в конце 70 годов, но это было тогда, когда они уже сходили со сцены, и ссылка на необходимость капитализма была для них оправданием их бездействия. Как понимали они свою задачу *ожидания* капитализма, видно из того, что по их тогдашнему мнению (я имею в виду Кривушу [3]), Семеновского [4]) и некоторых других) надо было дать либералам завоевать политическую свободу, и только потом, на почве этой свободы, начать организацию пролетариата. На твою статью часто ссылались наши противники. А теперь мне пришлось встретиться со ссылкой на нее Туна, к книге которого я пишу предисловие. Я вынужден буду оспаривать тебя. Но мне неприятно. Поэтому сделай вот что. Напиши мне письмо, поясняющее твой взгляд на марксизм лавристов, а я напечатаю это письмо в тексте своего предисловия. Сделай это,—если здоровье тебе позволит,—немедленно: письмо должно заключать всего несколько слов. А *если не можешь*, напиши тотчас, чтобы я не ждал, а то меня торопят с предисловием. Очень рад, что тебе понравились мои статьи в „Искре" [5]).

Наш общий горячий привет Вам обоим.

Твой Г. Плеханов.

Примечания.

1. Как видно из ответного письма П. Б. Аксельрода, речь шла о приезде дочери Г. В. Плеханова, Л. Г. Плехановой в то же местечко (Bogliasco, около Нерви), где в это время жили Аксельроды.

2. В «Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» (год II), изданном в 1881 г. в Цюрихе L. Richter'ом, была напечатана большая

статья П. Б. Аксельрода о революционно-социалистическом движении в России (в том же году она вышла отдельною брошюрою под заглавием «Die Entwicklung der sozial-revolutionären Bewegung in Russland»). Русскому читателю эта статья, содержащая ряд весьма интересных характеристик, до сих пор совершенно неизвестна. Поэтому мы приведем из нее большой отрывок, тот, о котором идет речь в комментируемом письме Г. В. Плеханова и в печатаемом ниже (№ 213) письме П. Б. Аксельрода; этот отрывок приобретает особенный интерес в связи с опубликованными совсем недавно («Историко-революционный сборник под редакцией В. И. Невского», т. II, стр. 412—417) документом о русских с.-д. 1879 г.». В этой своей статье, характеризуя группировки в русском революционном движении начала второй половины 1870-х гг., П. Б. Аксельрод писал:

«После длительного периода внутренней борьбы в каждом отдельном кружке и между кружками образовались, наконец, окруженные всевозможными оттенками, две фракции: интеллигентская и другая, не имеющая определенного имени, сторонники которой стали называться по имени редактора «Вперед» Лаврова лавристами, что, впрочем, как мы ниже увидим, было основано на недоразумении. Члены первой фракции объясняли незначительное влияние партии на народ тем обстоятельством, что она подходила к нему с теориями, принимавшими в качестве предпосылки условия, существенно отличные от условий жизни огромного большинства населения русского государства. Мы привыкли смотреть на наш народ исключительно через призму западно-европейской цивилизации, потому что наше воспитание большей частью основано на воззрениях, выработанных европейскими учеными из изучения истории и современного состояния передовых наций. Мы должны освободиться от влияния этих теорий Запада и приспособить наш образ действий исключительно ко взглядам и обычаям нашего народа, которые глубоко вкоренились в нем в результате продолжительного исторического процесса, и против которых всякая пропаганда будет бессильной до тех пор, пока не устранены лежащие в основе их экономические и политические условия. Прежде всего, необходимо поднять дух народа, его веру в собственные силы, воспитать его к активной, солидарной борьбе; но для этого необходимо временно примириться с предрассудками народа и, не связывая себя никакими теориями, напр., анархией, поднимать знамя движения в отдельных случаях даже во имя мифического царя-благодетеля. В 1876 году один делегат южно-русской группы *)

* Как вспоминает П. Б. Аксельрод, это была А. М. Розенштейн-Макаревич (ныне известная в итальянском движении под фамилией своего мужа Тураттис), которая приезжала к редакции «Работника» в качестве делегата группы Стефановича; повидимому, именно последним и была написана упоминаемая в тексте брошюра. *Прим. ред.*

привез в Женеву для отпечататания брошюру, в которой развивалась мысль, что самозванство *) должно применяться в качестве первого толчка к народному движению. Так как история наших народных движений богата примерами возбуждающего влияния агитаторов-самозванцев на народную массу, так как, с другой стороны, однажды разразившееся народное движение открывает широкое поле для более открытой и радикальной пропаганды,— то можно поэтому полагать, что движение было бы в конце концов приведено к полнейшему отрицанию царизма.

Редакция «Работника» отказалась печатать в своей типографии эту брошюру, и поэтому последняя не была издана.

«В то время как в одних группах наметились такие выводы, в рядах других групп пришли к заключению совсем другого характера, которые хотя с научной стороны выглядели весьма красиво, но еще больше отдалялись от первоначальной позиции партии, нежели позиция новой фракции «народников». Общинная собственность на землю в России должна быть неизбежно уничтожена и уступить место буржуазно-хозяйственному строю. Неизбежность этого события обосновывалась фактами из истории других народов и из жизни нашего собственного народа. Сама наука, наконец, доказывает внутреннюю необходимость разрушения патриархальных общин, необходимость, вытекающую из того, что последние (с одной стороны, вследствие расхождений и раздоров, а с другой стороны, вследствие укоренившихся привычек и патриархального уклада жизни в каждой общине самой для себя) неспособны построить рационально-организованное общество. Крестьянская община, таким образом, не может служить исходным моментом социального движения в России по двум основаниям: во-первых, она представляет собою институт, находящийся уже в состоянии распада, и неизбежно, под давлением массы неблагоприятствующих его существованию обстоятельств, должна отмереть и, во-вторых, она представляет собою реакционный институт, построенный на таких обычаях и воззрениях, которые стоят в прямом противоречии с современными научными выводами о прогрессе и цивилизации. Для революционеров, таким образом, не находится никакой работы в крестьянском мире.

«Помимо вопросов о первобытном, примитивнейшем владении землей крестьян ничем иным невозможно воодушевить к действию. В виду того, что крестьянство пропитано экономическими, политическими и духовными навыками, неразрывно связанными с патриархальным строем общинной собственности, оно не в состоянии усвоить новое, социалистическое, развивающееся на почве капиталистического производства миросозерцание. Следовательно, ничего

*) «Ложное присвоение имени царя»,— поясняет П. Б. Аксельрод это слово для иностранного читателя. *Прим. ред.*

другого не остается, как перенести центр социально-революционной деятельности, подобно западно-европейским социалистам, в круги промышленных рабочих, предоставив интересы крестьянства естественному ходу истории *). Между тем, «Вперед» неутомимо указывал на угрожающие общине со стороны государства и юной буржуазии опасности, как на доказательство того, что необходимо и является обязанностью и долгом социалистов энергично и с возможной быстротой организовать крестьянство, чтобы предупредить этим опасности. Охарактеризованная нами фракция носит имя лавристов, повидимому, только потому, что некоторые видные ее представители принадлежали ранее к тому кружку, который издавал и распространял журнал «Вперед».

«Практическое влияние этой группы становится, приблизительно с 1877 года, все слабее и слабее, и число ее членов,— насколько это поддается учету,—сильно падает. Значительный слой промышленных рабочих находится в слишком тесной связи с деревней, чтобы такая пропаганда могла вызвать в его среде симпатии. Но даже лучшие представители чисто промышленной категории рабочих не смогут усвоить такую точку зрения на судьбу столь многих миллионов людей.

«Следует также тут прибавить, что группа лавристов никогда не отличалась энергией и смелостью,—в этом отношении она была и остается слабой соперницей тех элементов, из которых образовалась фракция народников-бунтарей. В социалистической студенческой молодежи ей удавалось лишь очень редко достигать успеха, потому что непосредственное чувство молодежи сопротивлялось пропаганде полнейшего индифферентизма по отношению к огромному большинству народа, которое, несмотря на длящийся многие столетия гнет правительства и крепостничества, несмотря на всю свою темноту, все же от времени до времени заявляло свой протест и выделяло из своей среды массу сект, многие из которых в философском отношении близко стоят к рационализму (который не следует смешивать с материалистическим направлением современной науки), а в социальном отношении прокламируют идею несовместимости существующего строя с требованиями справедливости, братства и равенства»...

Замечания Г. В. Плеханова о лавристах-«марксистах» 1870-х г.г. см. в его предисловии к «Истории революционных движений в России» А. Туна (Изд. «Лиги русской революционной с.-д.», 1903 г., стр. X—XX).

---

*) Следует отметить, что под влиянием взгляда на неизбежную победу капиталистических принципов в России уже в 1871—1872 г.г. сложилась группа, которая решила переселиться в Америку и там основать социалистическую земледельческую колонию. *Прим. 1881 г.*

3. Кривенко — один из видных питерских лавристов; упоминаний в литературе о нем встречается очень мало (см. «Воспоминания» Похельсона, «Былое», 1918 г., № 13, стр. 74 и др.).

4. Лавристами были оба брата Семеновские, старший — Евг. Степанович, погибший на Каре, и младший, — Александр Степанович. Г. В. Плеханов говорит о последнем (старший брат был арестован в 1875 г. и ушел на каторгу; в литературе есть указания на крупную роль, которую он играл в петербургской организации «лавристов» (см. Н. С. Русанов: «Из моих воспоминаний», Берлин, 1923 г., стр. 182 и др.). Покойный А. Н. Зунделевич, лично знавший обоих Семеновских, писал нам (письмо от 25. I. 1923 г.) о роли А. С. Семеновского среди лавристов: «Младший брат вместе с Тайлисом и Чеботаревым были самыми видными в то время (1874—1879 г.г.) представителями лавризма» в Петербурге.

5. В январе-феврале 1903 г. в «Искре» появились статьи Г. В. Плеханова о «Пролетариате и крестьянстве» и о ростовской стачке.

212. П. Б. Аксельрод—Р. М. и Г. В. Плехановым.

Дорогая Розалия Марковна!

Я решил не искать пансиона для Лиды [Л. Г. Плехановой], потому что удался другой план. Стол будет Лида иметь у нас, а комнату, на худой конец, придется нанять где-нибудь. Дело в том, что мы живем (т.-е. имеем комнату *) у родственников [1]), нанявших виллу и ожидающих к себе в марте гостей (сестры, племянники и т. д.). А всего свободных три комнаты, из которых одна предназначалась для сестры Нади [Н. Н. Аксельрод] [2]) (по приглашению шурина [Н. Н. Каминер]) и нашей Сони [С. П. Аксельрод]. Но, быть может, и на родичей не хватит комнат, а может, на счастье, случится, что кто-нибудь не приедет,—и будет комната для Лидки. Признаюсь, я боялся что ничего не удастся, а потому я рад, что хоть пансион наверняка у нас будет **). Больше всего я опасался, как бы родичи не побоялись компрометировать себя в полицейском смысле (дочь Плеханова!). Но и с этой стороны обошлось благополучно.

---

*) Теперь то пользуюсь и другими.

**) Она сможет целые дни, с утра до после ужина, быть у нас. Чудный сад идет к морю.

Наде [Н. И. Аксельрод] значительно лучше, но все же далеко еще до здоровья (за все время только один раз погуляли с ней на марине).

Я очень спешу на почту, а потому простите за краткость.

Обращаюсь к Ж[оржу]: я пишу в Цюрих, чтобы тебе прислали мою брошюру [3]) для справки. Если думаете писать приложения к Туну (я то считаю их лишними), то уж приложи и от меня (комментарии) [4])... А на вопросы ты не отвечаешь. [В.] Адлеру я послал письмо в 30 (почти) листов [5]).

Сердечный привет от меня и Нади Вам обоим.

Примечания.

1. У брата Н. И. Аксельрод И. И. Каминера, он ожидал приезда из России родственников своей жены, урожденной Лилфорс.

2. Розалия Исааковна Каминер-Гинзбург.

3. Цитированную в примечаниях к предыдущему письму.

4. Они не были написаны, — их должно было заменить печатаемое ниже письмо от 30. II. 1903 г.; напечатано оно не было.

5. Это письмо было посвящено положению дел в русском революционном движении.

213. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

30. II. [1903 г.]

Дорогой Жорж!

У меня нет под рукой ни книги Туна, ни моей брошюры немецкой (оттиска из „J[ahrbuch] f[ür] S[ozial]w[issenschaft]“), так что не могу проверить его ссылку на нее. Повидимому, и у тебя ее нет. А между тем, я более чем сомневаюсь, чтобы даже в 1881 г., когда я одной ногой стоял еще на почве бакунизма, а к социал-демократизму приближался не столько теоретически, сколько практически, чтобы даже тогда я мог так безусловно выразиться, будто вообще лавристы в 70-х годах „утверждали, что России не миновать капитализма, и строили свою программу на этом соображении“. Но если, паче чаяния, я действительно так огульно выразился, то приходится сказать, что замечание мое слишком обобщает и далеко не точно

характеризует действительное отношение лавристов, как целой фракции к общественно-экономической жизни России. Журнал и газета „Вперед“ [1]), редактировавшиеся П. Л. Лавровым, по существу своих социально-революционных воззрений, стояли на почве бакунизма. Программа „Вперед“ отличалась от программы бакунистов и Ткачева [2]), главным образом, только двумя чертами: с одной стороны, большей эклектичностью, неопределенностью и своим сравнительно абстрактным характером, а с другой — преобладающей ролью, которую в ней отводилось мирной, если можно так выразиться, теоретической пропаганде. В период редактирования названных изданий, Лавров твердо и неуклонно держался положения, что освобождение народа может быть делом лишь самого народа, и, исходя из этого положения, доказывал безусловную необходимость и обязанность револ[юционной] интеллигенции внести возможно большую социально-революционную сознательность в народные массы — путем систематической пропаганды. В этом пункте „Вперед“ резко расходился не только с группой Ткачева, но и с бакунистами—сторонниками бунтарства. Отсюда—его симпатии к немецкой социаль-демократии. И на почве отстаивания пропаганды и организации сознательной народной социально-революционной партии, Лавров теоретически допускал возможность окончательного торжества капитализма в России и готов был даже мириться с ним, утешаясь успехами рабочего движения на почве западного капитализма. Вообще, Лавров не проявлял такого страха перед капиталистическим развитием, как Ткачев и бакунисты. Но в этом сказывалось не столько теоретическое влияние Маркса, сколько отражение абстрактного, идеалистического понимания поступательного хода истории, с одной стороны, и влияние практических успехов рабочего движения на Западе —с другой. Но что же тут общего с марксистским взглядом на значение капиталистического развития для России и с программно-тактическими выводами из этого взгляда, следов которых и с микроскопом не найдешь в программе и на страницах „Вперед“?

Но я хорошо помню, что в статье своей я прошу не отождествлять лавристов в России с Лавровым. Я теперь не могу

припомнить, как сложилась у меня та характеристика их отношения к капитализму, которую я сделал в статье, цитируемой Туном. Беседы с ними в 1874 г. и летом и осенью следующего года не могли послужить для нее основанием, а к началу 1879 г., когда я вернулся в Россию, [лавристы], как особая активная фракция, уже сошли со сцены. Поэтому, в этот момент они, как целое, и программы то особой не имели. Но я встречал отдельных лавристов, имевших еще кое-какие связи с рабочими. Они еще боле отрицательно относились к борьбе за конституцию и к террору, чем народники, сгруппировавшиеся вскоре в организацию „Черный Передел". Уж поэтому никак нельзя допустить, что в основе их программы лежала марксистская оценка русской действительности. Впервые мне пришлось услышать ясное, вполне определенное осуждение народнических взглядов на капитализм и общину из уст Зибера [3]). Но на вопрос: „что же делать, нам, русским социалистам", он ничего не ответил. Вывод получался такой: крестьянство предоставить на волю исторической стихии, а самим сделаться либералами, или же совсем сидеть сложа руки. Такой вывод, разумеется, ничего общего с марксизмом не имеет. Я теперь не помню, так же ли резко, как Зибер, относились прямые и отраженные лавристы того периода, о котором я говорю, к социально-экономической программе народников. Знаю только, что, характеризуя в своей немецкой статье взгляды социалистических противников этой программы,—под названием ли лавристов или без этого названия,—я имел в виду тенденции, выраженные передо мною покойным ученым, плюс сочувствие, проявленное более молодыми отпрысками лавристов к пропаганде среди рабочих.

В заключение еще раз повторяю, если я действительно так написал, как говорит Тун, то могу только пожалеть о том, что так неточно и потому самому ошибочно выразился.

Твой П. Аксельрод.

Примечания.

1. Выходили в 1873—1877 г.г. (5 т.т. «Сборника» и 48 №№ «Двухнедельного Обозрения»).

2. П. Н. Ткачев, 1844—1886 г.г.,—теоретический вождь течения так наз. «русских якобинцев», редактор «Набата» 1875—1881 г.г.

3. И. И. Зибер, 1844—1888 г.г., известный русский экономист, теоретически стоявший на почве экономического учения К. Маркса.

214. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду [1]).

30 марта 1904.

Дорогой Павел,

Я просил Ю. О. [Мартова] послать тебе статью Троцкого [2]), которую я нахожу совершенно негодной, но которую они (т.-е. Вера Ивановна [Засулич], Александр Николаевич [Потресов] и Юлий Осипович [Мартов]) все таки решили поместить. Эти господа систематически майоризуют меня, и я должен сознаться, что мое положение становится затруднительным. Я давно уж подал бы в отставку, если бы мой выход не грозил стать новым скандалом. Но à la longue [в конце концов] я все таки вынужден буду сделать это, и тогда пусть ответственность падает на тех, которые делают нравственно невозможным мое пребывание в редакции. Неужели Ю. О. [Мартов] и В. И. [Засулич] не могут найти другого средства вознаградить Троцкого за те дерзости, которые он мне говорил [3])? А ведь других titres [достоинств] у него нет: его статьи—это произведения Евдокии Кукшиной [4]), печатать их—значит срамить „Искру“. Прошу тебя внимательно прочитать рукопись статьи Троцкого и дать свое согласие на ее помещение не со слов В. И. [Засулич] и Ю. О. [Мартова]... Повторяю, В. И. [Засулич] и Ю. О. [Мартов] могут найти другие средства вознаграждения Троцкого; порча литературной физиономии „Искры“—слишком дорогая цена. Жду скорого ответа. Прошу передать мой поклон твоему семейству.

Преданный тебе Г. Плеханов.

Примечания.]

1. За период с марта 1903 г. по март 1904 г. писем П. Б. Аксельрода и Г. В. Плеханова не сохранилось, отчасти потому, что в этот период П. Б. Аксельрод часто и подолгу жил в Женеве, где лично виделся с Г. В. Плехановым; напомним, что за этот период состоялся II съезд РСДРП и произошло разделение партии на большевиков и меньшевиков. В 1904 г. редакция «Искры» состояла из 5 человек: П. Б. Аксельрода, В. И. Засулич, Ю. О. Мартова, Г. В. Плеханова и А. Н. Потресова.

2. Речь идет о статье Л. Д. Троцкого «Наша военная кампания»; она напечатана в № 62 «Искры» (от 15. III. 1904 г.).

3. Г. В. Плеханов имеет в виду речи Л. Д. Троцкого на II съезде после начала конфликта между большинством и меньшинством и особенно доклады, которые читал Троцкий после съезда; как известно, написанный последним «Отчет сибирской делегации» в своей первоначальной редакции (он прежде выхода в печатном виде циркулировал в гектографированном издании) содержал ряд мест, направленных против Г. В. Плеханова; но далее, после соглашения меньшевиков с Г. В. Плехановым насчет редакции «Искры», эти места были автором исключены из брошюры.

4. Из «Отцов и детей» И. С. Тургенева.

215. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

11. III. 1904 г.

Дорогой Жорж!

Получил твое письмо уже после того, как прочитал статью Тро[цкого] и сделал те поправки или указал на те изменения в ней, которые необходимы, по моему мнению. Если бы ты хоть немногими словами указал, в чем главный недостаток или недостатки статьи, в силу которых ты считаешь ее „негодной“, я бы мог сознательно, по совести, присоединиться или не присоединиться к твоему отзыву. Но своим огульным, немотивированным отзывом ты меня поставил перед дилеммой: или голосовать против своей собственной совести — потому что мне статья понравилась—чтобы угодить тебе, т.-е. сделать низость, или же поступить сообразно своей совести, — наперекор тебе. Я, разумеется, выбрал последнее. Но больше всего меня смущает твое фантастическое предположение, что тебя „систематически майоризируют“. Неужели быть другого мнения, чем ты, значит „майоризировать“ тебя? Я, признаться, этого не понимаю.

Как бы то ни было, таково твое мнение, и оно может толкнуть тебя на шаг, который будет иметь последствием еще большее усиление анархии и смуты в партии. Что же делать, как предупредить такой роковой шаг? Если бы разногласия твои с другими ограничивались даже одним только отношением к статьям Тр[оцкого], то и тогда положение получилось бы довольно безвыходное. Весь выход, очевидно, сводился бы

к тому, чтобы исключить Тр[оцкого] из членов-сотрудников „И[скры]“, несмотря на то, что большинству коллегии статьи его нравятся. Но я даже не представляю себе, как можно формулировать такое требование? В самом деле: не можешь же ты всерьез думать, что В. Ив. [Засулич], Ю. О. [Мартов] и А. Н. [Потресов] (а, следовательно, и я) дают место статьям Тр[оцкого] в „И[скре]“ в „вознаграждение“ Тр[оцкого] „за те дерзости, которые он тебе говорил“. Во-первых, те же лица охотно принимали его статьи и вотировали за его прием в редакцию до с'езда [1]). А, во-вторых, таким обвинением ты бы нанес оскорбление самому себе: ведь больше 20-ти лет ты знаешь В. Ив. [Засулич], как своего близкого друга и товарища; какие бы недостатки за ней ни числились тобою, одного ты ей не припишешь: способность жертвовать общими интересами своим корыстным расчетам и мотивам личного тщеславия, оскорбленного самолюбия и т. п. Но я почти уверен, что ты и относительно Мартова и Ст[а]р[овера-Потресова] серьезно не думаешь того, что говоришь. Но если все, кроме тебя, убеждены в доброкачественности работы Тр[оцкого], так в силу каких мотивов можно устранить его от сотрудничества в „И[скре]“? А между тем, в твоем воображении принятие его статей принимает характер „систематического майоризирования“ тебя. И такую же тенденцию ты приписываешь разногласиям по всем другим поводам. Все это из рук вон плохо и навело меня на такую мысль на худой конец. Если ты в конце концов, придешь к мысли осуществить решение, которое кажется тебе неизбежным, то подумай предварительно о таком, сравнительно, все таки благополучном выходе из затруднения: взять в свои руки целиком (как ты когда-то мечтал) редактирование „Зари“ с тем, чтобы выпускать ее не реже, чем раз в три месяца [2]). По своему желанию будешь влиять и на „И[скру]“, но если не захочешь, то это уже твое дело будет. В эту минуту мне приходит в голову идея, чтобы полную передачу „Зари“ в твои руки совершить теперь же,— а участие твое в редакции „И[скры]“ остается прежнее,— пока найдешь это для себя удобным. Я еще другим ничего не писал на этот счет. Но думаю это сделать на днях.

Примечания.

1. Л. Д. Троцкий после побега летом 1902 г. из Сибири, вошел за границей в число ближайших сотрудников «Искры»; в марте 1903 г. по инициативе В. И. Ленина был поднят вопрос о включении Л. Д. Троцкого в редакцию «Искры» в качестве полноправного члена, но в виду возражений Г. В. Плеханова вопрос об его кандидатуре был отложен до с'езда. Сообщение П. Лепешинского в предисловии к новому изданию «Протоколов II с'езда РСДРП» о группировках в редакции «Искры» при обсуждении кандидатуры Л. Д. Троцкого, совершенно неверно,— точные указания на этот счет дает данное письмо.

2. План этот не был осуществлен. Как известно, Г. В. Плеханов своего намерения выйти из редакции «Искры» в этот период не осуществил.

216. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду

Genève le 23 Mai 1904

Дорогой Павел,

Цюрихским товарищам я до сих пор не ответил единственно потому, что сам не знаю, когда я мог бы прочесть реферат в Цюрихе [1]). Очень возможно, что недели через полторы мне придется, по делам партии, ехать в Париж. Я согласен читать на тему: Научный социализм и религия, но при 2-х условиях:

1) Непременно очень большая зала, в роде залы Zur Linden [2]).

2) Если мне придется ехать в Париж, то реферат будет отсрочен, может быть, до осени, и пусть не сердятся тогда на меня цюрихские товарищи. Если меня не вызовут в Париж, то я согласен читать 4-го июня.

А по делу, которое, м[ожет] б[ыть], потребует моей поездки в Париж, придется, пожалуй, созывать совет [партии], и тогда тебе надо будет приехать сюда. Какое именно это дело, об этом мы тебе напишем, когда оно выйдет из состояния гипотезы [3]).

Сюда приехал Борис Николаевич [Глебов—В. А. Носков] (это, конечно тайна). Он очень примирительно настроен и непременно желает тебя видеть: хочет ехать для этого в Цюрих. Это хороший знак. Он уверяет, что в России Ц[ентральный]

К[омитет] стоит не на ленинской, а на моей точке зрения. Сам же он будто на точке зрения меньшинства [4]).

(Сегодня вечером Б. Н. [Носков] будет у меня. Поклон твоим.

Твой Г. П.

Примечания.

1. Как видно из переписки, сохранившейся в архиве Цюрихской группы содействия РСДРП (ныне он хранится в Берлине, в русском с.-д. архиве), переговоры с Г. В. Плехановым о прочтении им реферата в Цюрихе велись с апреля 1903 г.; вначале Г. В. Плеханов рекомендовал вместо себя Л. И. Аксельрод-Ортодокс.

2. Один из наиболее вместительных ресторанов Цюриха.

3. Нам не удалось установить, в чем была суть этого дела; Совет Партии—верховное партийное учреждение, созданное II с'ездом РСДРП.

4. В. А. Глебов-Носков — один из трех членов ЦК, избранного II с'ездом РСДРП; примыкавший вначале к большевикам, В. А. Носков после поездки зимою 1903—04 г. в Россию встал на «примиренческую» точку зрения, в середине мая 1904 г. он приехал за границу для руководства, по постановлению ЦК, всеми партийными делами за границей и вошел в Совет Партии вторым представителем от ЦК (первым был Ленин; вскоре после своего приезда он порвал сношения с В. И. Лениным (письмо последнего к Носкову напечатано недавно в «Пролет. Революции») и голосовал в Совете Партии за признание недопустимости начатой в это время В. И. Лениным агитации за созыв нового партийного с'езда (за это решение голосовали 4 члена Совета: председатель—Г. В. Плеханов; представители редакции «Искры»—П. Б. Аксельрод и Ю. О. Мартов и В. А. Носков; против него голосовал В. И. Ленин).

217. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Genève le 2 Juin 1904.

Дорогой Павел,

Я уже послал тебе вчера телеграмму с извещением о том, что я приеду в воскресенье вечером. Читать, стало быть, я буду в понедельник. Тема вам известна: научный социализм и религия.

Теперь вот что: меня опять начинает тормошить здешняя полиция. Опять мне пришлось обратиться Conseil d'État [Государственный Совет] с просьбой о том, чтобы мне дали permis de sejour [разрешение на проживание]. Не можешь ли ты попросить Эрисмана написать в Conseil d'État о том, что он

меня знает и рекомендует. Это было бы очень хорошо. Если ты найдешь, что сделать это можно, то сделай скорее: я уже подал просьбу в Conseil d'État. Надо, чтобы письмо Эрисмана не пришло слишком поздно.

До свиданья. Кланяюсь всем Вашим

Г. Плеханов.

218. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Genève, le 2 Juin 1904.

Дорогой Павел,

Ты уже, конечно, получил мое письмо, в котором я извещаю о моем приезде в воскресенье. Приеду я, вероятно, с поездом, выходящим из Женевы в 12 час. 45 мин.; но возможно, что меня задержат в Лозанне, где я остановлюсь на день,—я смогу приехать в Цюрих только с поездом, выходящим из Женевы в 5 часов пополудни.

Напиши, пожалуйста, в Лозанну,—по следующему адресу: Madame [illegible], Villa Florentine, Route d'Echallens, *для меня*,—думают ли мои товарищи поместить меня в *Линде*[1], или я остановлюсь около вокзала. Если будет взята комната в Линде, я прямо приеду туда, надо только предупредить, что я, может быть, приеду в 12 часов ночи. Напиши об этом, пожалуйста.

Кроме того, вот еще просьба к цюрихским товарищам. Мне нужны будут для реферата *протоколы немецкой партии*:

1) Берлинского конгресса 1892 года;
2) Кёльнского 1893 г.;
3) Ганноверского [1899 г.];
4) Мюнхенского [1902 г.].

Еще нужно бы мне приготовить брошюру Бебеля „Христианство и Социализм". Я очень прошу товарищей заранее приготовить мне все эти брошюры: они нужны для реферата

Жму всем руки.

Г. Плеханов.

Примечания.

1. В упомянутом выше отеле «Zur Linde».

219. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

Дорогой Жорж!

Приятель Б. Н. [Носкова-Глебова] [1]) на днях собирается приехать сюда, главным образом, для переговоров с М. А. [Сильвин] [2]) по делу технического характера. В чем оно состоит, мы узнаем, когда он приедет. Но где М. А. [Сильвин]? Я полагаю, что на Беатенберге, и что ты с ним встречаешься. Если да, то предупреди его, дабы он не уехал куда нибудь, а если уедет, то пусть сообщит свой адрес тебе и мне. Если он наверное еще останется до августа на Беатенберге, то я приятеля Б. Н. [Носкова] направлю к тебе, а ты уж устроишь ему свидание с М. А. [Сильвиным].

Пожалуйста, сейчас же напиши мне, чтобы я мог ответить приятелю Б. Н. [Носкову]. Да, кстати, сообщи, ответил ли ты что нибудь на приглашение прокурора [3]).

Твой П. А.

Примечания.

1. Речь идет, повидимому, о В. Конне, который в то время был известен под кличкой «Сюртук» и был помощником В. А. Носкова-Глебова по заграничным делам.

2. М. А. Сильвин—член петербургского Союза «Борьбы» 1895—96 г. г.; в 1904 г. был введен В. А. Носковым в состав особой комиссии, созданной им за границей для заведывания всеми техническими делами.

3. Нам не удалось установить, о чем здесь идет речь, и кто здесь скрывается под именем прокурора.

220. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Lausanne, 1 [августа] 1904.

Дорогой Павел,

Как ты думаешь, где теперь Тищенко [1])? Его ждали в Беатенберг, но он не приехал. Тебя удивит мой вопрос, но дело вот в чем: нужно было бы одному молодому инженеру [2]) найти работу в Баку. Тищенко там имеет огромные связи. Не мог ли бы он это сделать? Инженера en question [о котором идет речь] знаем хорошо я и Роза [Р. М. Плеханова].

Найти ему место было бы полезно во всех отношениях. Как ты думаешь, мог ли бы Тищенко сделать это?

Привет всем твоим.

Твой Г. П.

P. S. Само собою разумеется, что имя инженера и т. д. я немедленно напишу тебе, если ты находишь, что Тищенко что нибудь может сделать.

Г. П.

P. P. S. Прошу, напиши мне немедленно, что ты об этом думаешь.

Г. П.

Примечания.

1. Ю. М. Тищенко—видный революционер 1870-х г.г., известный под псевдонимом «Титыч» (см. воспоминания О. В. Аптекмана). После отбытия ссылки в Сибири, поселился в Баку, где выдвинулся как инженер в нефтепромышленности. Умер в 1924 г. за границей.

С П. Б. Аксельродом его, помимо старого знакомства, связывало свойство: они были женаты на родных сестрах.

2. О ком идет речь—неизвестно; из дальнейшего ясно, что Г. В. Плеханов интересовался устройством его на работу в Баку отчасти и по соображениям партийного характера.

221. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Genève, 15 October 1904.

Дорогой Павел,

Говорят, что ты недоволен постановлением совета на счет политики Ц. К.; не знаю, чем именно ты недоволен, но скажу тебе, что если ты не доверяешь подателю [1]), то ты ошибаешься. Мы все сделаем большую, непоправимую ошибку, не поддержав его, а с ним мы сокрушим ленинцев. Пишу тебе наскоро эти строки. Он у меня. Еще раз советую: не заражайся недоверием к подателю.

Привет твоим

Твой Г. П.

Примечания.

1. Подателем был Ин. Фед. Дубровинский (тогда носивший псевдоним «Леонида»); в чем заключалось его предложение, нам точно неизвестно (ср. «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 109—111). В это время шли переговоры о включении в ЦК представителей меньшевиков.

222. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

5 января 1905 г.

Дорогой Павел,

Спешу известить тебя о том, что Роза [Р. М. Плеханова], как врач, категорически запрещает мне ехать в Брюссель [1]. Придется ехать тебе, больше некому.

На счет политической стороны твоей поездки мы еще спишемся. А на счет практической советую тебе обратиться к Гинцбургу [2]. Его жена найдет тебе комнату, а то отели в Брюсселе очень дороги и очень плохи. Гинцбургу можно написать в Женеву на имя Блюменфельда.

Жму руку, поклон всем твоим.

Твой Г. Плеханов.

Примечания.

1. 15 января (нов. ст.) 1905 г. в Брюсселе состоялось заседание Международного Социалистического Бюро. В качестве представителя РСДРП на заседании присутствовал П. Б. Аксельрод. Отчет о заседании см. в № 84 «Искры».

2. Б. А. Гинзбург-Кольцов, жена которого Е. Г. Гинзбург, жила в то время в Брюсселе.

223. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

6 января 1905.

Дорогой Жорж!

Позавчера уехал Беб[ель], с которым я накануне от'езда имел свидание. Согласились мы на том, что конференция созвана будет им на 18 января, в Цюрихе [1]. Я ему дам адрес Бунда. Спросил он меня также, будет ли кто нибудь из нас в Брюсселе. Я ему ответил: „да“. Теперь я узнал, что ты все еще нездоров и, повидимому, не собираешься, т.-е. не можешь ехать. Нужно, поэтому, решить, кому заменить тебя. Я лично нахожу, что в виду намерения Ю. О. [Мартова] поехать в Париж, он мог бы оттуда завернуть и в Брюссель. Предлагаю это из двух соображений: во-первых, поездка значительно дешевле обошлась бы. А во-вторых, я по вопросу о Бунде далеко не так интрансижантен [непримирим], как ты,

Ю. О. [Мартов] и др. Накануне конференции, созываемой немцами для соглашения... выступать в Брюсселе непримиримыми противниками Бунда я считаю крайне несвоевременным [2]). Можно и должно высказать свой prinzip[iele] Standpunkt [принципиальную точку зрения] в данном вопросе, но ссориться из-за него в какой момент, тогда, как мне пишет Саша [А. П. Аксельрод] из Вены, даже наши иностранные товарищи (Адлер) находятся в fieberhafter Aufregung [лихорадочном возбуждении] по поводу событий в России, я считаю недозволительн[ым]. Вот почему я нахожу для себя невозможным брать на себя мандат, вместо тебя явиться на брюссельскую конференцию. Затем, тебе следовало бы с В. И. [Засулич], Ю. О. [Мартовым] и др. столковаться насчет вопросов или пунктов, которые, по нашему мнению, должны составить Tagesordnung [порядок дня] цюрихской конференции. Кого пошлем делегатом на нее? Беб[ель] предлагал не больше 2—3 от каждой организации. Не может ли Роз[алия] Марковна [Плеханова] принять меры к тому, чтобы ты мог явиться на эту конференцию? Было бы чертовски досадно твое отсутствие на ней.

Привет твоим. С новым годом.

П. Аксельрод.

Примечания.

1. Это была созванная по инициативе германской с.-д. партии конференция различных национальных с.-д. организаций России; извещение об этой конференции помещено в № 89 «Искры»; в ее работах участвовали представители Ц. К-тов РСДРП, Бунда, Латышской С.-Д. Партии и Революц. Украинской Партии.

2. «Бунд», в это время организационно стоявший вне РСДРП добивался перед II Интернационалом представления ему права самостоятельного представительства на международных социалистических конгрессах (раньше и позже его делегаты входили в состав с.-д. секции русской делегации) и в Международном Социалистическом Бюро.

224. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду [1]).

13.I. 1905. Женева.

Павел, я тоже совершенно согласен с тем, что приглашать Ленина, значит усугублять путаницу [2]). Но на третейском суде необходимо настаивать. Нужно только, чтобы не

один Каутский, а также и Бебель настаивали на этом суде. Ссылка на амстердамский конгресс будет очень уместна.

Поклонись в Брюсселе знакомым и не будь уступчив с бундистами.

Крепко жму руку.

Твой Ж.

Прилагаемое письмо передай Браку[3]), если он в Брюсселе, а если нет, то уничтожь.

Г. П.

Я оффициально написал Серви[4]), что ты меня замещаешь.

Примечания.

1. Настоящее письмо является припискою на письме В. Загорского (В. Н. Крохмаля), бывшего тогда заграничным представителем ЦК РСДРП; приводим это последнее письмо полностью:

13.I.05. Женева.

«Дорогой Павел Борисович! Михаил Александрович [Сильвин], очевидно, позабыл рассказать Вам об отношении Ц. К-та к вопросу о третейском суде с твердокаменными непримиримыми [большевиками. Ред.], а из нас никто не написал Вам об этом в уверенности, что от Бема Вы уже знаете. ЦК высказался так: предложение немцев об их посредничестве принять, формулировку нашего ответа представить Вам, но с тем условием, чтобы инициатива устройства такого третейского суда исходила от немцев, и только от них, т.-е. чтобы Бебель или кто-нибудь другой от себя обратился бы одновременно к нам и твердокаменным с предложением посредничества, опираясь на соответствующую резолюцию Амстердамского конгресса.

Я уверен, впрочем, что Ленин от этого посредничества откажется; и попытка не даст иного результата, кроме некоторого морального аргумента в нашу пользу.

Крепко жму руку.

В. Загорский.

«Пролетариат» (польский) раньше, как недели через две принять участия в Цюрихской конференции не сможет, так как у них, по их словам, собственный с'езд сейчас».

План улажения споров внутри РСДРП при посредничестве западно-европейских социалистов был выдвинут в виде дополнения к предпринятым тогда шагам по согласованию деятельности различных нацио-

альных с.-д. партий России. Германская с.-д. согласилась выступить инициатором в этом деле,—наподобие того, как она только что перед тем успешно провела объединительную кампанию во Франции. 3.II 1905 г. А. Бебель обратился к фракциям РСДРП с соответственным предложением (оно напечатано в № 86 «Искры»), но последовавшие вскоре затем события внутри партийной жизни в РСДРП (образование Бюро комитетов большинства, созданного в мае 1905 г. съезд большевистской фракции партии) сначала отсрочили, а затем совсем расстроили предпринятые шаги.

Кто выступал в те годы под псевдонимом Бема, нам неизвестно.

2. По мнению Г. В. Плеханова, не следовало приглашать В. И. Ленина на Цюрихскую конференцию различных с.-д. организаций.

3. Известный деятель французской социалистической партии, хороший знакомый Г. В. Плеханова.

4. Виктор Серве—тогда секретарь Международного Социалистического Бюро.

225. П. Б. Аксельрод—Р. М. Плехановой.

25. XII. 1905.

Дорогая Розалия Марковна!

Спасибо за скорый ответ и вообще за письмо, в котором, между прочим, Вы высказываетесь относительно здоровья, т.-е. вероятности благоприятного исхода болезни Нади [Н. И. Аксельрод] [1]) в том же смысле, как и наш врач Симон. В данную минуту опять ухудшение. Но... врач не унывает. Это удивительно тяжелая болезнь: поверите, двое человек непрерывно должны быть около нее и большею частью обоим есть что делать. Дочь [В. П. Аксельрод] собиралась в декабре держать экзамен, но, понятно, забросила всякие занятия с тех пор, как Надя слегла. Я частенько караулю ночью до 4, 5 и 5½ утра, и даже когда ложусь в 11 или в 12 спать, то почти никогда не раздеваюсь целиком.

Нездоровье Ж[оржа] в н а с т о я щ и й момент—можно сказать непростительная пакость [2]). Как и чем бы ни закончилось героическое единоборство нашего пролетариата с хулиганским правительством в настоящую минуту, самодержавие погибло, и скоро, очень скоро наступит момент, когда Ж[оржу] придется выступить на арене избирательной и парламентской борьбы. Когда мне говорили, что он собирается в Италию

(в Нерви), то я так и понял, что он едет туда собирать и накоплять силы для предстоящей борьбы. И вдруг он совсем — в это время года — в Женеве? Пишу и боюсь, что позовут к Наде и не дадут кончить. Перехожу к Вашему предложению относительно посланных денег [3]).

(Пишу после перерыва).

Из прилагаемого экземпляра письма (переведенного мною) Крымского Союза, разосланного мною в свое время некоторым представителям инт[ернациональной] социальдемок[ратии] Вы увидите назначение этих денег (1600 гульденов голл[андских]). Р[олланд] Г[ольст] [4]) хотела передать их инт[ернациональному социалистическому] секрет[ариату], но, по моему совету, решилась переслать их через меня an unsere Zentral-Behörde [нашей центральной инстанции] в Россию с предоставлением ей права передать деньги, — если не будет надобности для Крымского Союза, — Петербур[гскому] Совету раб[очих] депутатов или „Федерат[ивному] комитету" („большинства" и „меньшинства") [5]). Как видите, не рискуя оскандалиться на весь свет, нельзя не отослать денег в Россию. Но ведь Станисл[авский] [6]) получил от немцев теперь 5000 марок [7]), от редакции „И[скры]" — кажется, 6000 фран., от меня (т. е. через меня) — не помню уже — также несколько тысяч. Все это на ликвидацию дел и помощь от'езжающим. Здесь в Цюрихе мне также пришлось чуть не больше 2000 фр. раздать от'езжающим и кроме этого помочь рабочим, эмигрантам (матросам). Проще всего было бы эмигр[антскому] обществу [8]) обратиться прямо к Vorstand'у [правлению германской с.-д. партии] или в секретариат [Международного Социалистического Бюро].

Ваш П. Аксельрод.

Шлем общий привет всем Вам и пожелания Ж[оржу] скорее поправиться.

Примечания.

1. У Н. И. Аксельрод в это время обнаружился туберкулез брюшины, от этой болезни Н. И. Аксельрод умерла в апреле 1906 г.

2. Эти слова вызваны следующим замечанием, имевшимся в письме Р. М. Плехановой (от 24. XII. 1905):

«Можем надеяться, что Надежда Ивановна поправится и наступит желанный день, в который мы все соберемся на родине. Известия оттуда наполняют нас и радостью, и страхом за исход этой страшной гигантской дуэли между пролетариатом и правительством. Нас точно бьет лихорадка, и мы не дождемся того дня, когда, наконец, сдвинемся с места. А когда наступит этот момент, неизвестно. Надеемся, что скоро, но когда еще, не решено...

Здоровье Жоржа плоховато, и это, несомненно, главное препятствие, но имеются еще и другие... Во всяком случае, о нашем возможном от'езде не говорите никому ни слова, так как нам советуют из Питера держать его в секрете...»

3. Положение Р. М. Плехановой выяснилось в следующем (цитируем ее письмо от 24. XII. 1905 г.):

«Теперь у меня к Вам просьба от имени эмигрантского общества. Дело в том, что мы за последнее время дали возможность отправиться в Россию, по крайней мере, 10 товарищам, которым собственно понадобилась помощь от редакции «Искры» избранным, работавшим при экспедиции). Это обстоятельство до такой степени истощило нашу кассу, что мы не можем удовлетворить самых насущных нужд оставшейся здесь эмиграции и еще менее притти на помощь тем из товарищей, которые рвутся на дело. Мне говорил Станис[лавский], что Вы получили, относительно, довольно крупную сумму, которую хотите отправить в Россию. Уделите нам часть. Вы сделаете хорошее дело, так как эмиграция теперешняя вполне заслуживает того, чтобы ее не оставить без помощи. Это все люди, поработавшие здорово на пользу родины и которые еще в состоянии работать. Помочь им—это значит поддержать людей, нужных на смену новым борцам на родине. Я думаю, что это немаловажное дело, и столько же требующее внимания, сколько помощь тем, которые борются уже в России. Пришлите нам франков 1000; мы отправим несколько смелых и способных людей, а на остальные поддержим тех, которым пока еще ехать нельзя. Пожалуйста, устройте это, дорогой Павел. Вы себе представить не можете нужду и тяжелое моральное положение здешней эмиграции».

4. Генриета Роланд-Гольст, известная деятельница голландского социалистического движения, ныне коммунистка.

Деньги были собраны голландской социалистической партией для помощи участникам потемкинского восстания.

5. Такой федеративный комитет в то время был создан сначала для петербургских с.-д. организаций большевиков и меньшевиков, затем для центральных учреждений обеих фракций. На юге России Федеративные Советы были организованы в Харькове, Одессе и ряде других городов.

6. Псевдонимом Станиславский в 1905 г. за границей и в 1906—07 г.г. в России пользовался Калафати, видный участник с.-д. кружков сере-

ины 1890-х г.г. в Москве и Николаеве. В 1905 г. он работал за границей, по экспедиции «Искры»; после отъезда членов редакции в октябре 1905 г. в Россию, Станиславскому были переданы все дела технико-финансового характера (см. «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 140).

5. В 1905—06 г.г. почти все социалистические партии Европы производили сборы в пользу жертв освободительной борьбы в России; особенно большие суммы были собраны в Германии. Отчет, напечатанный в Vorwärts'е от 22. IV. 1906 г. говорит о 307.399 марках 73 пф.

6. См. примечания к 5-му письму.

226. П. Б. Аксельрод — Р. М. Плехановой.

[Около 25. III. 1906 г.].

Дорогая Розалия Марковна!

Спасибо за весточку о себе и Жорже [1] и за присылку письма В. Ив. [Засулич] [2]), которое прилагаю к моему. На счет „Замечательного десятилетия“ не знаю, что сказать [3]). Я его не вижу — быть может, кто нибудь взял эту книгу у меня, а может быть, она у меня где нибудь среди книг и обретается. Но как ее разыскать? Это не так легко вообще, а тем более теперь, когда дни и ночи проводишь около близкого человека, бесконечно страдающего, — быть может, уже накануне смерти. Как ни страшно произнести мне это слово, но приходится смотреть в глаза видимо приближающейся развязке. У Нади [Н. И. Аксельрод] и сознание уже не совсем ясное, путает часто слова и вещи, — но вполне сознает опасность своего положения и прямо говорит: „Плохо, приходится умирать“. Тяжело было переносить болезнь ее в 1898 г., но нет никакого сравнения с ее состоянием нынешним...

Стыдно признаться: и все таки я еще не совсем потерял иллюзию на спасение ее...

Всем Вам (впрочем Лидочка [Л. Г. Плеханова], повидимому, не с Вами) шлю искреннейший привет и лучшие пожелания, а главное, желаю хорошей поправки.

Крепко жму руки

Ваш Павел.

Примечания.

1. Настоящее письмо является ответом на письмо Р. М. Плехановой от 22. III. 1906 г.; в этом письме последняя сообщила (из Bogli) около Нерви, где они тогда жили):

«Ривьера мне не помогла, а Жорж чувствует себя гораздо лучше. Мало кашляет, не лихорадит, самочувствие недурно и даже много работает. Он за это время написал свой дневник (очень толстый относит[ельно]) и закончил перевод и редакцию Маркса...»

Дневник, о котором упоминает Р. М. Плеханова, — № 5 «Дневника с.-д.». Перевод и редакция Маркса — редактирование русского перевода «Теории прибавочной стоимости» К. Маркса (изд. «Образование», 1906 г.).

2. Этого письма П. Б. Аксельрода в распоряжении редакции издания не имеется.

3. В цитированном выше письме Р. М. Плехановой содержалась просьба прислать книгу П. В. Анненкова «Замечательное десятилетие», нужную, как она писала, для «одного нашего близкого товарища Кобылянского», который писал тогда работу о Герцене.

227. П. Б. Аксельрод—Р. М. Плехановой.

[Начало апреля 1906 г.]

Дорогая Розалия Марковна!

Попытаюсь ответить на Ваше письмо [1], — хотя это трудно, слушая из соседней комнаты стоны видимо умирающей жены...

Мне уже пришлось, благодаря, главным образом, [Х. Г.] Раковскому израсходовать чуть не 1500 франков на потемкинцев—из общепартийных сумм. Но, без разрешения начальства („Объединенного Ц. К." [РСДРП]) выдавать пособия в сколько-нибудь значительном размере—нельзя. А главное, не знаешь даже, кому направлять их, в виду полного отсутствия какого-нибудь центра в Румынии. Я предлагаю следующее: пусть Ж[орж] обратится в „Интернациональное Бюро" с просьбой о выделении какой-нибудь суммы—из сборов, пожертвований—в пользу потемкинцев. Вы же, со своей стороны, снеситесь с Доброджану (Костика) в Плоэшты и через него с Раковским. Не знаю только, в Румынии ли он еще. Если бы собрать тысячи три-четыре франков, следовало бы послать в Румынию дельного и толкового человека специально для организации и урегулирования пособий и пропаганды среди потемкинцев, о чем они сами просят. Но где найти подходящего для этой задачи товарища?

Литературные подарки (сочин[ения] Ж[оржа]), получил [2]— большое спасибо. Искренне радуюсь каждый раз, когда полу-

чаю издания легальные сочинения Ж[оржа], или читаю о них. Выхлопочите, чтоб мне из Женевы высылали его „Дневник", о появлении которого поздно и случайно узнаю.

Сердечный привет всем Вам и крепко жму руку

Ваш Павел.

Примечания.

1. Письмо Р. М. Плехановой, датированное 4. IV. 1906 г. В этом письме заключалась просьба указать, как можно добыть деньги для матросов-«потемкинцев», осевших тогда в Румынии.

2. В письме от 4. IV. 1906 г. Р. М. Плеханова сообщала о высылке тогда только что вышедшего сборника статей Г. В. Плеханова: «Критика наших критиков».

228. П. Б. Аксельрод—Р. М. Плехановой.

[Апрель, 1906 г.]

Дорогая Розалия Марковна!

Хотя через 4 часа будут хоронить мою бедную Надю [Н. И. Аксельрод], я все-таки не могу не обратиться к Ж[оржу] с несколькими словами. Ради бога, пусть он обратится к Жоресу *) с письмом по поводу переговоров о займе (2 миллиарда) [1], об обязанности пролет[ариата] Франц[ии] поднять громкий протест против этого нового предательства интересов свободы в России правительством Франции, во главе которого стоит Клемансо, хранитель заветов великой революции...

Трудно мне больше писать, да это и не необходимо. Я только считаю необходимым обратить внимание Ж[оржа] на важность обращения его к французской партии (и в Инт[ернациональное] Бюро).

Привет всем Вашим.

Крепко жму руку. Ваш Павел.

Примечание.

1. В середине апреля н. ст. 1906 г., незадолго перед открытием заседаний I Госуд. Думы, русскому правительству удалось заключить, на чрезвычайно невыгодных для России условиях, большой заем во Франции; получение денег развязывало правительству руки в борьбе с революционным движением и делало его независимым от Госуд. Думы.

*) И через него ко всей Франции и партии.

Было ли послано Г. В. Плехановым обращение к Жоресу,—нам неизвестно, в печати о нем указаний нам не приходилось встречать.

229. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

[Финляндия, около 15.VI. ст. ст., 1906 г.]

Дорогой Жорж!

Дня три тому назад я начал письмо к тебе, но должен был бросить его, не будучи в состоянии, благодаря чертовскому нездоровью, продолжать его. Дело в том, что я только на этой неделе водворился на определенном месте и только со вчерашнего дня начал приходить в себя, после довольно длинного путешествия, вслед за которым я без передышки тотчас же очутился в водовороте, не досыпая и не доедая. Через час еду в Питер, где придется пробыть не знаю, сколько дней сряду! Поэтому спешу теперь написать тебе хоть об одном пункте,—специально о твоем приезде.

На счет соображений полицейского свойства я уже тебе писал: в этом отношении трудно что-нибудь с уверенностью сказать. Во всяком случае, в Финляндии ты мог бы спокойно водвориться. Кроме того, мне не верится, чтобы настоящее неопределенное положение дел долго длилось, и мне кажется, что скоро опять наступит перемена режима—в одну или другую сторону. В одном случае ты сможешь открыто явиться в Питер, в другом—тебе совсем нельзя было бы явиться. Поэтому, с точки зрения безопасности, благоразумнее было бы еще немного помедлить своим приездом. Но если оставить вопрос о безопасности в стороне, то меня смущает совсем другое соображение: твое нездоровье. Чтобы непосредственно участвовать в делах и изо дня в день влиять, необходимо чуть не ежедневно бывать в Питере и частенько оставаться там поздно вечером. Кроме того, громадные расстояния, недостаток удобных, скорых и дешевых средств сообщения, неприспособленность твоего организма к здешней пище (в кухмистерских) и, по всей вероятности, к климату,—все это заставляет сильно задуматься над условиями и способами твоего водворения здесь—раньше, чем возможно будет тебе совершенно легально существовать. Но вместе с тем, пребывание

твое в большой дали от театра действий надолго крайне неудобно и для дела, и для тебя самого. Придется мириться с каким-нибудь средним выходом—до поры до времени: поселиться на расстоянии 1½ часов от Питера (в Териоках, например. Выборг уже слишком далеко—4—5 часов) и ограничиваться приездом в столицу—раз в неделю или в экстренных случаях, для важных заседаний редакц[ии] или для совещаний с рабочей фракцией [1]). Само собою разумеется, что можно было бы организовать сверх того правильные сношения и общения (почтой и оказиями) с Питером, так что ты был бы вполне au courant [в курсе] общего хода дел и уж для литературного то воздействия у тебя во всяком случае было бы несравненно больше средств и удобств, чем теперь.

Ну, вот и время кончать (я живу в 1½ часах ходьбы от станции). О прекращении „Курьера" [2]) ты уже, разумеется, знаешь. Твои „Письма" [3]) изданы будут особой брошюрой. По поручению Ц. К. передаю тебе его просьбу прислать ему копию твоего недавнего обращения в Интернац[иональное] Бюро [4]). Была ли у тебя Балабанова [5])? Она желала особых полномочий для всей заграницы. Я ей посоветовал поговорить об этом с тобою, как с избранным представителем партии в Интернац[иональном] Бюро. В этом смысле я ей на днях напишу оффициально от имени Ц. К. Имей это в виду. Ты мог бы ей выдать какое нибудь полномочие.

Кавказцы [6])—народ дельный, но один (даже двое) из них проявили некоторую неустойчивость с точки зрения фракционной дисциплины и фракционного достоинства. К сожалению, меня не было на этом заседании (в среду, 14.VI). Дело шло об изменении декларации [7]), которую мы обсудили в воскресенье в комиссии и которая затем (уже в мое отсутствие) принята была фракцией в полном составе. А изменения сделаны были под влиянием закулисных атак Лен[ина], который даже представил контр-проект декларации. Сегодня узнаю, насколько существенны внесенные поправки. Сегодня переговорю с А. Н. [Потресовым] и вообще с компанией относительно „использования" Л. И. [Аксельрод-Ортодокс]. Стараюсь притянуть и [Н. В.] Васильева [8]), с которым на прошлой неделе имел предварительную беседу. А чудак он все-таки!

Как здоровье Р. М. (Плехановой)? Шлю тебе и ей сердечный привет и жму крепко руки. Привет Женечке (Е. Г. Плехановой).

Твой Павел.

Примечания.

1. «Рабочей фракцией» в первый период работ I Госуд. Думы называлась группа депутатов, членов РСДРП и сочувствующих. С.-д. фракцией эта группа стала называться с середины июня, после вступления в Гос. Думу кавказских депутатов, избранных в качестве официальных кандидатов партии.

2. Ежедневная газета «Курьер», была органом «меньшевиков» и выходила в Петербурге с 17.V. по 13.VI. 1906 г.

3. «Письма о тактике и бестактности» Г. В. Плеханова были первоначально напечатаны в меньшевистских газетах «Курьер» и «Голос Труда», затем в том же 1906 г. вышли отдельной брошюрой в издательстве Марии Малых.

4. Об этом обращении нам ничего неизвестно.

5. Анж. Балабанова, род. 1877 г., уроженка гор. Чернигова, известная деятельница итальянского социалистического движения, в котором принимает участие с 1900 г. В 1906 г. возвращалась в Россию и предложила ЦК РСДРП свои услуги для помощи партии в ее сношениях с европейскими социалистическими партиями и Интернационалом.

6. Избранные тогда от Кутаисской и Тифлисской губерний и Батумской области члены 1-й Госуд. Думы—с.-д.: Н. Н. Жордания, И. И. Рамишвили, С. Д. Джапаридзе, И. Гомартели и С. Церетели.

7. Декларация с.-д. фракции 1-й Госуд. Думы (она называлась тогда «фракцией РСДРП в Госуд. Думе») была написана П. Б. Аксельродом и оглашена депутатом С. Д. Джапаридзе в заседании Госуд. Думы 16.VI. 1906 г.

8. И. В. Васильев—см. примечания к письму.

230. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

[Цюрих, начало июля н. ст. 1906 г.]

Дорогой Жорж!

Не решился я сегодня телеграфировать тебе, чтобы ты сейчас ехал сюда [1]) потому, что чувствую себя больным, с одной стороны, а с другой—нашел тут такое обилие роди-

чей и т. д., что нахожу необходимым предварительно позаботиться о подходящей комнате для тебя, а быть может, и для нас обоих где нибудь в окрестностях. Я бы, конечно, охотнее всего отправился бы в Женеву, но мне необходимо пару дней отдохнуть, теперь я не могу без усилий сидеть и разговаривать о чем-нибудь. Затем приедут сюда Биск и Балаб[анова], по поводу которых я бы опять таки хотел переговорить с тобою. Если, стало быть, я поеду к тебе, то это отнимает у меня сверхштатных 3 дня по меньшей мере, а мне до зарезу нужно бы отсюда двинуться обратно не позже 5 дней.

Итак, я жду тебя в понедельник. Если бы оказалось предпочтительней мне ехать к тебе, то я в понедельник до 8 часов утра буду телеграфировать.

В Брюссель, по справкам, наведенным в Берлине, ехать не зачем. По крайней мере, по тому определенному делу, по которому мы вместе должны были бы на этот раз вступить в переговоры с [Международным социалистическим] Бюро.

От фракции никому на интерпарламент[скую] социалист[ическую] конференцию нельзя было ехать, да и некого было послать. Разве Джордани (Н. Жордания), но ведь он голова и душа ее. Предложил я фракции передать тебе мандат, но нашли неудобным такое передоверие мандата. Наконец, по моему предложению, решили отправить письмо, с выражением соответствующих случаю чувств и извинением за отсутствие делегата на конференции, с ссылкой на то, что в России — великая революция, не допускающая отлучки даже на короткое время ни одного из членов фракции.

Привет Розалии Марковне [Плехановой]. До свиданья.

Твой Павел.

Примечания.

1. В конце июня 1906 г. П. Б. Аксельрод был командирован ЦК партии в Берлин и Брюссель для переговоров о получении денег; после Берлина П. Б. Аксельрод проехал на несколько дней в Цюрих, откуда и написано это письмо.

2. Исаак Соломонович Биск (1875—1922)—с.-д. деятель с середины 1890-х г. г.; после 1903 г.—меньшевик.

231. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

Среда, 15. VIII [1906].

Дорогой Жорж!

Мое предыдущее письмо ты, конечно, получил [1]). Теперь даю краткий Situationsbericht [отчет о положении дел]. Накануне моего отъезда из Копенгагена, где я должен был проторчать несколько дней, я из газет узнал о событиях в Свеаборге, Ревеле и Кронштадте [2]). Когда же, по прибытии в Териоки, увиделся кое с кем из наших, то узнал об об'явлении Ц. К. всеобщей забастовки и о том, что она, видимо, идет к концу. Но об истории этой забастовки ты узнаешь подробнее из печатных документов и из доклада, который, по моему предложению, будет составлен специально для тебя и для Интернац[ионального] Бюро. Имея в виду, что у тебя есть помощник, в лице Бал[абановой], мы очень просим тебя перевести доклад на французский язык — для Бюро, и для Vorstand'а — на немецкий язык. И, разумеется, пошлешь в оба учреждения, в сопровождении письма, хоть коротенького. На днях, по получении бланок, будет послано и полномочие, утверждающее Б[алабанову] в звании секретаря. Имей в виду, что осталось в живых [3]) очень немного народу и что в самом Питере, без очень большого риска, видеться и совещаться с ними нельзя. Отсюда — большие замедления и затяжки в осуществлении разных планов или точнее, в обсуждении их и принятии необходимых решений. Так, например, даже по такому неотложному вопросу, как издание хоть какой нибудь партийной литературы, не удалось еще договорить *официально*. „Отклики"*) на время прекращаются [4]). А потому я думаю, что пока тебе следовало бы издавать свой „Дневник" в Женеве [6])— на партийные средства, но, разумеется, под фирмой партии. Надеюсь получить на это санкцию от начальства.

Постепенно публика начинает ко мне наезжать: кроме двух собраний, состоявшихся с субботы, у меня каждый день бывает по два, три, четыре человека. Я выдвинул во главу угла на ближайшее будущее *агитацию* в пользу всерос[сийского] раб[очего] с'езда, разумеется, в непосредственной

---

*) У Малых тоже прекращено издательство [5]).

связи и на почве злободневных вопросов, в центре которых должна стоять и задача подготовки к избирательной борьбе и к централизованному и планомерному давлению на правительство и будущую Думу. Мысль о с'езде встречает сочувствие и готовность приступить к первым подготовительным шагам в кругу влиятельных товарищей, но в сферах партийной бюрократии — только отчасти... А пока положение из рук вон скверное. Кстати и в Финл[янд]ии мы окружены кордоном шпионов и хулиганов.

На этот раз довольно. Если хочешь написать мне, перешли через моих.

Сердечный привет и рукопожатие тебе и Р. М. [Плехановой].

Твой П. А.[7]).

Примечания.

1. В нашем распоряжении его не имеется.

2. Восстания солдат и матросов июля 1906 г.

3. Т.-е. не арестовано.

4. «Отклики» — непериодические сборники, легальный орган ЦК, бывший в это время руководящим теоретически-политическим органом меньшевиков; выходили легально, с перерывами и меняя заглавия («Отклики», «Отголоски», «Отзвуки» и т. д.), с апреля 1906 г. до лета 1907 г.

5. Издательство Марии Малых в 1905—06 г. г. было близко к с.-д. меньшевикам; им был выпущен ряд брошюр Г. В. Плеханова и несколько №№ его «Дневника с.-д.».

6. Очередной номер (8-й) «Дневника с.-д.» вышел в августе 1906 г. в Женеве.

7. В одном конверте с этим письмом было послано также сохранившееся в архиве Г. В. Плеханова письмо П. Б. Аксельрод к А. Балабановой и И. С. Биску, воспроизводим его полностью:

15.VIII.06.

Дорогие товарищи
Балабанова и Биск!

Если я Вам не писал до сих пор, то потому, что прибыл сюда в самый разгар хаоса и ничего определенного не мог бы Вам сообщить по тому вопросу, по которому мы специально с Вами приняли известные решения *). И в данную минуту я могу Вам только сообщить,

---

*) Это было решение о создании при Г. В. Плеханове (который был представителем РСДРП в Интернационале) особого секретариата для информирования европейских социалистов о событиях в России, а также для установления связи с партийными заграничными группами.

Прим. ред.

что сделал доклад о своей поездке, и что на днях состоится официальное заседание, в котором принято будет решение о [illegible] Вам и об утверждении [illegible] в звании секретаря, и будет обсуждаться вопрос о том, что и как можно и должно сделать, чтобы помочь Вам в выполнении Ваших функций. Дела тут, благодаря громадным провалам и расстройству, произведенному торжествующей реакцией, из рук вон плохи. Но все таки уже намечаются признаки некоторого оживления. В очень беглых чертах я сообщил Пл[еханову], на какой именно почве проявляются признаки оживления. Попросите у него мое письмо. На днях вышлет Вам [illegible] Ц. К. — [illegible] на французском и немецком языках — но, [illegible] документ [illegible] прежде всего Пл[еханову], а он уже доставит его Вам — для перевода и пересылки в Инт[ернациональное] Бюро (а, пожалуй, отпечатаете и разошлете также по колониям). На будущей неделе пошлем Вам и адреса для переписки.

Приехал я сюда уже после того, как забастовка—так неудачно—была об'явлена. Больше недели я был в дороге.

Зовут, а потому кончаю. Да я на этот раз только хотел дать знать о своем существовании.

Жму вам обоим руки.

Ваш П. А

232. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

1 IX.06.

Дорогой Жорж!

Сегодня второй день, как сижу спокойно у себя на квартире, не езжу на „совещания“, „заседания“ и т. д., не принимаю посетителей и даже довольно порядочно работаю. По этому случаю, да еще потому, что Б. А. [Гинсбург-Кольцов] едет навстречу к своей семье, и я с ним могу верным путем отправить письмо, принимаюсь писать тебе таковое

Для иллюстрации наших внутренних порядков скажу тебе, что дня через 3 — 4 или около того — после своего приезда я настоял на том, чтобы Ц. К. поручил Мартынову написать тебе, для Инт[ернационального] Бюро, доклад о положении дел в партии, изложил бы и специально деятельность ее цен-тр[альных] учреждений с момента разгона Думы, роль ее в военных восстаниях, мотивы и причины их образа действий и т. п. К моему великому изумлению, Ц. К. забыл Март[ынова]

оповестить об этом *), хотя я неоднократно напоминал, и Мартынов один раз был здесь и у Ц. К. в мое отсутствие, когда я уехал на собеседование с рабочими. Когда же я поймал М[артынова], то у него уже время не было, ибо его делегировали на с'езд Бунда [1]). Взялся написать хоть тебе лично Загорский [В. Н. Крохмаль], но на днях он мне признался, что написал только небольшое письмо Биску и послал воззвание, письма Ц. К. и т. д. ему же с тем, чтобы он переслал их тебе. Вот тебе небольшая, но характерная иллюстрация к деловитости и аккуратности нашей администрации.

Я прибыл сюда в день полнейшего Katzenjammer [по хмелья] по случаю неудавшейся забастовки, начатой по призыву Ц. К.

Все активные члены партии в разброде, и только дней через 6 после моего приезда удалось собраться более значительному числу товарищей, чтобы потолковать сообща. О характере и тенденциях этого и дальнейших совещаний ты можешь получить некоторое представление из письма Ант[она] [2]), которое написал Ант[он] моим детям (за недостатком у меня времени). Я просил их переслать его тебе. Теперь наша „Звездная Палата“ [3]) уже признала, что в настоящий момент об избирательной кампании, заслуживающей этого названия, еще и речи быть не может. Но Дан [1]), Смирнов [Э. Л. Гуревич] цепляются за агитацию и „выступление“ в пользу ускорения созыва новой Думы. Против этого нечего возражать, если бы только она не выдвигалась в противовес мысли о с'езде рабочем. Правда, и по отношению к нему начинается колебания в рядах нашей партийной бюрократии, но в общем пока отношение „верхов“ и вообще „интеллигентов“ к с'езду представляется мне аналогичным отношению царской бюрократии к созыву Думы, либеральному министерству и т. п. новшествам. Я им это откровенно заявил в последнем собрании „Звездной Палаты“ или нашего „Госуд[арственного] Сов[ета]“. И я скажу тебе, что отчасти доволен этим, потому что официальное об'явление мысли о с'езде общепартийным лозунгом сразу придало бы всему делу нежелательный характер и изга-

*) Он жил 15 верст отсюда.

ило бы его, быть может. Прежде нужно, чтобы в „низах“, особенно среди рабочих, мысль стала популярной, а потом...

И в этом отношении дело подвигается быстро, даже слишком быстро. Я на днях примусь за брошюру, чтобы дать какие-нибудь Anhaltspunkte [опорные пункты] для агитации[5]). Частенько я думаю и жалею о том, что тебя здесь нет. Быть может, даже кратковременное пребывание твое здесь имело бы серьезное значение. Но... не решаюсь очень настаивать на этом.

Б. А. [Гинсбург] спешит на вокзал, и я должен оборвать письмо, очень досадно. Ради бога, пришли свой Дневник № 6 (и № 7?). Адрес тебе вышлют из Цюриха. Да, кстати, похлопочи, чтобы мне через Цюрих выслала пару экземпляров последней моей брошюры[6]) и прошлогоднюю брошюрку о с'езде[7]).

... Досадно, еще нужно было бы обо многом потолковать, постараюсь раздобыть сюда Л. И. [Аксельрод-Ортодокс], авось она смилуется и напишет тебе вместо меня.

Сердечный привет всем твоим.

Твой Павел.

Примечания

1. VII с'езд Бунда состоялся в конце августа — начале сентября 1906 г.; с'ездом приняты решения об об'единении с РСДРП о необходимости участия в Государственной Думе и т. д. (см. отчет о с'езде в № 1 «Соц.-Дем.» от 20.X 1906 г.).

2. Алексей — тогдашний партийный псевдоним Марка Соломоновича Макаджюба-Панина, упоминаемое П. Б. Аксельродом письмо его не сохранилось.

3. Так П. Б. Аксельрод называет руководившую тогда политикой партии группу меньшевиков, в которую входили Ю. О. Мартов, Ф. И. Дан, А. С. Мартынов, В. Н. Крохмаль и др.

4. Ф. И. Дан-Гурвич, р. 1871 г., известный с.-д. деятель, с 1903 г. меньшевик.

5. В это время П. Б. Аксельрод развил свои взгляды на рабочий с'езд в статье «По поводу одной заметки» («Социал-Демократ», орган ЦК РСДРП, № 1 от 17.IX 1906 г.).

6. Сборник статей П. Б. Аксельрода «Борьба социалистических и буржуазных тенденций в русском революционном движении»; изд. «Заграничной Лиги», 1906 г. Женева.

7. Брошюра «Народная Дума и рабочий с'езд», вышедшая в октябре 1905 г. в Женеве.

233. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

2. IX.06.

Дорогой Жорж!

Вчера послал тебе кое-как состряпанное письмо. Теперь попытаюсь хоть отчасти дополнить его. В последнем номере „Товарища" сообщается о выходе уже № 8 (!) „Дневника" [1]), в котором помещено открытое письмо к товарищам, где ты категорически высказываешься против нового „парт[ийного] с'езда" и столь же категорически в пользу рабочего с'езда. Это прекрасно, потому что, с одной стороны, послужит моральной поддержкой для Ц.К., высказавшегося против с'езда (см. прилагаемое письмо его, составленное мною) [2]), особенно в провинции, где и меньшевики-ротозеи в своей беспомощности мечтают о с'езде, а с другой,—послужит на пользу пропаганде в пользу рабочего с'езда. Колебания в **официальных** кругах уже начались—сам Дан уже начал отступать, заявив в последнем собрании „Звездной Палаты", что агитации в пользу „парт[ийного] с'езда" придется противопоставить агитацию за созыв рабочего с'езда. Но я всячески стараюсь отстранить официальное наложение офиц[иальных] лап на дело созыва раб[очего] с'езда—особенно, как орудие против агитации большевиков в пользу с'езда для совершения coup d'état [переворота]. Это испортило бы все дело, придало бы всей агитации другой характер и внесло бы в нее изрядную дозу демагогии.

Мой план таков: первая стадия—сильное и все более распространяющееся **брожение** среди рабочих в пользу с'езда, обсуждение всестороннее и на все лады в рабочих кружках, клубах и в мастерских вопроса о пользе с'езда, об его задачах и способах его подготовки. Эта стадия уже началась под влиянием интеллигентов (малой, но очень воодушевленной мыслью о с'езде группы) [3]) и рабочих, участвовавших в собраниях, где я раз в неделю веду многочасовые беседы по вопросу о с'езде [4]).

Вторая стадия: литературная и **организованная** устная пропаганда в **широких** кругах социальдемократических и вообще более или менее сознательных рабочих.

Третья стадия: организованное давление снизу на партийные центры (путем резолюций, писем, требований и т. д.), заставляющее Ц.К. присоединиться и стать во главе движения или принять в нем активное участие. Тогда начнется уже последняя стадия — организационная и агитационная работа непосредственно для возможно скорейшего созыва с'езда.

Я очень хорошо знаю, что на деле не выйдет такая хронологическая последовательность [, как] в набросанной схеме. Но из нее ты видишь, какими условиями и на каком базисе должен, по моему мнению, подготовляться созыв с'езда, чтобы и он не превратился в арену для позорных интриг и позорной демагогии.

Сегодня тут такая хорошая погода, что я не побоялся бы уговаривать тебя приехать сюда, ну, хоть на 2—4 недели. Я думаю, что из этого вышло бы много проку. Эх, если бы В. Ив. [Засулич] была с нами вполне солидарна, многое могли бы вместе сделать для оздоровления партии [2])!

Собирался я как-нибудь разлобыть сюда Л. И. [Аксельрод-Ортодокс], оказывается, что ее нет теперь в Питере. Да, представь себе: и господа представители профес[сиональных] союзов недовольны моей пропагандой: они видят в ней конкурренцию для подготовляемого ими (в канцеляриях!) профессионального с'езда. А я от всей души желаю им успеха.

Сердечный привет Р. М. [Плехановой] и детям.

Крепко жму руку твой Павел.

Дети вышлют тебе адреса.

Примечания.

1. № 8 «Дневника с.-д.» помечен августом 1906 г.; в нем помещено «открытое письмо к товарищам» Г. В. Плеханова «О чрезвычайном партийном с'езде» (перепечатано в № 1 «С.-Д.»), в этом письме Г. В. Плеханов выступил против начатой в это время большевиками агитации за созыв экстренного партийного с'езда, доказывая, что такой с'езд не только ничего не даст партии, но и будет вреден, так как отвлечет от политической работы много партийных сил; вместо этого с'езда Г. В. Плеханов поддерживал идею «созыва «рабочего с'езда», счастливая мысль о котором была выдвинута П. Б. Аксельродом».

2. Воспроизводим полностью этот документ, который после 1906 г. нигде не был перепечатан.

Российская Социаль-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Только для членов партии.

Письмо к членам Партии

по вопросу о созыве экстренного с'езда.

Товарищи!

В партийных кругах возбужден вопрос о созыве нового партийного с'езда, и некоторые товарищи решают его в положительном смысле. В виду этого Ц. К. считает нужным с своей стороны высказать свои соображения по этому вопросу.

Самым существенным доводом в пользу созыва экстренного с'езда является указание на то, что в недалеком будущем, вероятно, будут назначены выборы в новую Думу, а потому партия заблаговременно должна решить вопрос о своем участии в избирательной кампании и в самих выборах. Но принципиально вопрос этот уже решен на нашем последнем с'езде и именно в положительном смысле. Своими резолюциями Об'[единительный] с'езд признал наличность народного представительства в переживаемую теперь Россией эпоху одним из главнейших орудий революции, и соответственно духу этих резолюций партия обязательно должна будет участвовать в избирательной кампании и выборах, если только правительство не изменит избирательную систему таким образом, что рабочие и народные массы вообще лишены будут всяких избирательных прав и фактической возможности принять участие в выборах. Для принципиального решения вопроса о положительном участии партии в избирательной борьбе нет, стало быть, надобности в созыве экстренного с'езда.

Некоторые товарищи указывают, однако, на возможность в близком будущем такого революционного под'ема в народных массах, который сделает для нас обязательным, в интересах революции, отказ от участия в избирательной кампании, чтобы не отклонить движение в мирное русло и не помешать развитию его в вооруженное восстание. Но не входя в разбор этого соображения по существу, заметим, однако, что оно не имеет никакого практического значения, как довод в пользу немедленного созыва партийного с'езда. Не сможет он принять определенное решение на основании гипотетических расчетов на вероятную близость всенародного восстания. Гораздо целесообразнее и плодотворнее будет, если товарищи, обсуждая повсюду вопросы, связанные с избирательной кампанией, примут в расчет и перспективу ожидаемого революционного под'ема и заранее попытаются выяснить себе свое отношение к выборам в том случае, если бы этот под'ем совпал с началом избирательной кампании. Раз вопрос будет достаточно выяснен в широких партийных кругах, уже нетрудно

будет на с'езде подвести итог и фиксировать результаты партийных дебатов. В настоящий же момент ничего, кроме академических словопрений по этому вопросу, из обсуждений на с'езде не вышло бы.

Более существенным является вопрос о тактике, которой должна будет держаться наша партия в избирательной кампании и на выборах по отношению к буржуазно-демократическим партиям. Очень может быть, что для окончательного и вполне конкретного решения его понадобится и чрезвычайный с'езд. Но опять таки раньше, чем созвать такой с'езд, необходимо повсеместное обстоятельное обсуждение этого вопроса в широких партийных кругах. Только в том случае, если и после того, как в результате этих обсуждений обнаружатся серьезные разногласия, можно будет решиться на такой серьезный для нашей партии — в переживаемый момент — шаг, как подготовка экстренного с'езда.

Указанные соображения против немедленного созыва с'езда имеют тем большее значение, что работы по подготовке и даже по предварительной подготовке к избирательной борьбе потребуют от партии затраты большой энергии и большой концентрации сил. Поэтому теперь же приступить к подготовке с'езда, которая поглотит значительные материальные средства и отвлечет силы партии от живой плодотворной политической работы — значит рисковать ближайшим будущим партии, значит толкнуть ее на такой путь, который неизбежно приведет ее к тому, что она фактически лишена будет возможности принять энергичное участие в избирательной кампании в масштабе и формах, соответствующих значению пролетариата в русской революции. Мало того, сосредоточив все свое внимание на подготовке и организации с'езда, партия, вместе с нею и передовые слои пролетариата оказались бы совершенно неподготовленными к использованию того революционного под'ема, который неизбежно наступит в недалеком будущем.

В виду всех указанных соображений, Ц.К. признает созыв экстренного партийного с'езда, требующего огромной затраты сил и средств, в данный момент несвоевременным. Но так как часть партийных товарищей настаивает на созыве экстренного с'езда, мотивируя необходимость его несоответствием общей политики нынешнего Ц.К. взглядам и желаниям большинства партии, то Ц.К. сочтет, конечно, необходимым произвести формальный опрос всех членов партии по вопросу о созыве с'езда, если в пользу с'езда выскажется значительная часть партии *).

---

*) В настоящий момент в Ц.К. поступили соответствующие заявления только от Главного Управления Соц.-Дем. Польши, Литвы и от Петерб. Ком., при чем в Петерб. организации за предлож[ение] Ц. К. [? П.К.] о созыве с'езда пока успел высказаться один Сестрорецкий подрайон.

Со своей стороны, Ц.К. настоятельно рекомендует всем партийным организациям теперь же приступить к обсуждению вопроса о подготовительной работе к избирательной кампании во всех организационных ячейках, на местных и областных конференциях, а также предпринять те подготовительные шаги, которые возможно сделать уже теперь. В скором времени Ц.К. поделится с партийными организациями своими соображениями по этому вопросу и приглашает все партийные организации и отдельных товарищей сообщить ему, со своей стороны, все указания, даваемые практикой.

Когда подготовительная работа даст достаточно материала для практического обсуждения вопроса, Ц.К. установит вместе с парт. организац. ту форму коллективного обсуждения, которая позволит об'единить весь общепартийный опыт и даст возможность выработать определенные указания для участия партии в избирательной борьбе.

Центральный Комитет Р.С.Д.Р.П.

19 августа 1906 г.

Издание Центрального Заграничного Бюро Р.С.-Д.Р.П.

3. В эту группу входили М. С. Панин-Макодзюб, Л. М. Хинчук, И. А. Исув, С. М. Зарецкая, П. А. Гарви-Бронштейн, Урицкий и др.

4. Это был кружок передовых петербургских рабочих, главным образом, металлистов, приезжавших еженедельно по воскресеньям к П. Б. Аксельроду, который тогда жил недалеко от Петербурга, в Териоках. Инициатором и главным организатором этих поездок был покойный Урицкий; в состав кружка входили В. Г. Чиркин, С. Шевченко и др. Иногда участники кружка привозили с собою других товарищей по своему выбору, и тогда заседания кружка превращались в довольно большие совещания, иногда в несколько десятков человек.

5. Нам не удалось выяснить, в каких именно вопросах В. И. Засулич, как известно, и в это время примыкавшая к меньшевистской фракции РСДРП, расходилась с П. Б. Аксельродом и Г. В. Плехановым.

234. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Прошу передать П. Б. Аксельроду[1]).

22 янв. 1907.

Милый Павел,

Давно уже я не имею от тебя прямых известий. Недавно с превеликим удовольствием прочитал твое интервью с репортером „Товарища“ [2]). Прочитал также в газетах о выходе твоей брошюры [3]), но оной не имею. Очень прошу выслать ее мне немедленно, хотя бы для отзыва о ней в нашем жур-

нале [4]), если не для меня. — Сейчас у Вас происходит конференция [5]), на которой, как видно из „Речи“, берут верх большевики. Не понимаю, зачем Ц.К. [6]) конференции, когда у него власть. О меньшевиках можно сказать, что c'est la légalité qui les tue [их убивает законность]. И даже не légalité [законность], а нечто еще более расплывчатое. Большевики себя ведут так, как будто бы разрыв уже существовал; а меньшевики так, как будто его никогда не будет. А между тем, он неизбежен, и тут нечего себя обманывать.

Здоровье мое плохо. Буду несказанно благодарен тебе, если напишешь, а еще больше буду благодарен, если пришлешь мне свои произведения. Это для меня крайне важно. Как подвигается вопрос о рабочем с'езде?

Роза [Р. М. Плеханова] тебе кланяется. Ее здоровье, кажется, улучшается. Крепко жму руку.

Твой Г. П.

Адрес: Grand Hôtel. Nervi. Никому его не давай.

Примечания.

1. Это письмо было прислано в Россию вместе с каким-то другим, в нашем распоряжении не имеющимся, письмом.

2. «Товарищ» — большая ежедневная радикально-демократическая газета, выходившая в 1906—07 г.г. под редакцией группы бывших левых «освобожденцев» — В. Я. Богучарский, Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович, Хижняков и др. В этой газете в начале января 1907 г. было помещено большое интервью с П. Б. Аксельродом о политическом положении (комплекта «Товарища» в распоряжении редакции настоящего издания не имеется).

3. Брошюра П. Б. Аксельрода «Две тактики». Петербург, 1907 г. Эта брошюра составилась из речей П. Б. Аксельрода на Стокгольмском с'езде РСДРП, 1906 г.

4. «Современная Жизнь» — ежемесячный журнал, выходивший в 1906—07 г.г. в Москве при ближайшем редакционном участии Г. В. Плеханова.

5. Речь идет о петербургской, а не об общероссийской, — как можно понять из текста письма, — конференции: это была та самая конференция, которая закончилась уходом с нее ее меньшевистской части (31 делегат) и вызвала в свое время оживленную полемику в с.-д. печати.

6. В ЦК РСДРП за время от Стокгольмского с'езда IV.1906 г. до Лондонского V. 1907 г. большинство находилось в руках меньшевиков.

235. П. Б. Аксельрод Г. В. Плеханову.

31.I.07.

Дорогой Жорж!

Сию минуту получил твое письмо и не могу тебе выразить, как я ему обрадовался. Вот уже дней 5—6 как я собирался писать тебе, но мне трудно было настроить себя, или вернее, приняться за письмо, находясь под гнетом мысли, что ни разу от тебя не получил ни строчки (несколько строк для передачи В. Ив. [Засулич] не относились ведь ко мне), что, стало быть, [ты] не испытываешь потребности в обмене мыслей со мной. „Насильно мил не будешь"—думал я себе,—и писать при таком настроении для меня психологически невозможно было, ибо я испытывал при этом как бы чувство самоунижения, бросания на шею самому близкому товарищу (на дружбу я не претендовал, хотя долгое время жаждал ее), который знать тебя не хочет и очевидно сердится на тебя за что то. А между тем, я то перед своей совестью сознаю себя чистым как голубь, по отношению к тебе и, если бы я верил в бога, призвал бы его в свидетели, что... Но я ударяюсь в область граничащую, если не совпадающую с сентиментальностью. Мой старый семейный друг Е. О. К[онева] ко мне все приставала, чтобы я тебе написал, пока, наконец, не вынудила у меня обещание. И вдруг—получаю твое письмо! Слова „приятный сюрприз" кажутся мне банальными в данном случае.

Но, с чего начать—после такого долгого перерыва? Прежде всего, о мелочах. Брошюру [„Две тактики"] я больше месяца тому назад послал в Цюрих—для тебя. Но эта посылка не дошла, пропала по дороге. На пути сюда я в Выборге отправил в Женеву на имя Р. М. [Плехановой] два или 3 экз. (из них один для Р. М. [Плехановой] и один Осипу [О. В. Аптекману]). Я, впрочем, думал, что „Н[овый] М[ир]"[1]) сам послал тебе. Сегодня я отсюда пошлю тебе и Р. М. [Плехановой] один экз. (а если найдется больше, то два). Ты не думай, пожалуйста, что брошюра эта (речи на с'езде) только месяца два назад сдана была в издат[ельство]. Я ее в августе (кажется в конце) передал В. И. [Крохмалю][2]), у которого она лежала около 3 недель, если не больше, а затем, чуть не 3 месяца

или больше прошло прежде, чем она появилась в свет. Ну, и конечно, с опечатками. В интервью совсем архи-нелепые опечатки. Интервьер [3]), оказывается, спросил еще на железнодорожном с'езде (он был делегатом) у Ю. О. [Мартова], приму ли я его, если он явится ко мне, как корресп[ондент]. Ю. О. [Мартов] ответил ему, в силу каких то соображений, что нет. Но потом, после того, как Ю. О. [Мартов] случайно рассказал мне об этом, и я выразил обратное мнение, корреспондент приехал все таки в Териоки ко мне, и беседа с ним состоялась.

Теперь о конференции. Ты спрашиваешь: Зачем она Ц. К.? И отвечаешь: „c'est la légalité, qui les [меньшевиков] tue". Но одна ли только légalité? Припомни женевскую конференцию [4]), на которой меньшевики сами убили légalité — во вред себе и на пользу большев[иков] — все во славу „об'единения". На этот раз légalité сыграла, конечно, известную роль, но нарушить ее можно было бы лишь „революционным путем", т. е. путем открытого об'явления войны со стороны массы меньшевиков питерских против законного местного партийного начальства, т. е. против П[етербургского] К[омитета] [5]). Сам Ц. К., по собственной инициативе, не мог бы ничего решительного предпринять против П. К., если бы и хотел. Такое выступление я и советовал Мирону [6]) недели, кажется, за 4 до конференции, предлагая влиятельным меньшевикам Питера взять на себя инициативу собрания наиболее сознательных меньшевистских рабочих и сторонников, „партийных работников",—из интеллигенции, с тем, чтобы, обсудив с ними положение дел и приняв определенные практические решения на счет разрыва с П. К. и своей самостоятельной политики, обратиться к партии от имени сорганизовавшегося меньшевистского коллектива частью с письмом или воззванием, частью с обвинительным актом против П. К. более чем достаточно обремененного преступлениями против партии. Но Мирон уехал в провинцию и хотя Ю. О. [Мартов] и Ф. И. [Дан] в свою очередь выражали симпатию или склонялись к подобному шагу, но я так и уехал из Питера [7]), не зная, готовы ли или склонны ли меньшевики рискнуть на него. Конференция состоялась уже без меня. Путем подвохов и фальсификаций П. К. обеспечил себе на ней большинство (большевиков — 42,

а меньшевиков — 31). И тут только, как пишет мне Ю. О. [Мартов], меньшевики решились на разрыв: „решено сделать собрание 31-го делегата постоянным центром меньшевиков, обратиться с воззванием ко всей партии, раз'яснить ей, на кого падает вина за конфликт в Питере“ [8]).

Что теперь — после конференции там происходит, еще не знаю. Напомню через Ю. О. [Мартова], чтобы тебе обстоятельно написали о ней и ее последствиях. Естественнее всего было бы это сделать Л. И. [Аксельрод]. Не знаю только, достаточно ли она осведомлена, или старалась вникнуть в дело.

Большим, почти неопредолимым тормазом для успешного проведения наших тактических тенденций является в настоящий момент большевизм кадетский, олицетворяемый Милюковым [9]). Не знаю, сообщила ли тебе Л. И. [Аксельрод], как я ее просил, о моем свидании и беседе с В. Г. [10]), приехавшим ко мне в Териоки? Часа три мы беседовали, и я тогда же вынес впечатление (то было, если не ошибаюсь в конце, или в середине октября, кажется, недели за две или немного больше до появления твоей первой статьи в „Тов[арище]“ о соглашениях) [11]), что среди кадетов в такой же мере царит анти-революц[ионное] доктринерство, как в нашем лагере—доктринерство — бунтарско-революционное. Представь себе, что не я, а он со мною заговорил об общем избират[ельном] лозунге, как условии для соглашений. И какой лозунг? „Законодательствовать в Думе“, а не превращать ее в агитац[ионную] трибуну; отказ от агитации за созыв учредительного собрания (или „полномочной Думы“, как я ему формулировал). Я, наоборот, находил возможным выступление с самостоят[ельными] избират[ельными] лозунгами, при чем подчеркивал, что для нас (я говорил, главным образом, за себя и за тебя)*) нет непримиримого противоречия между законодательствованием и стремлением к полновластной Думе и что обеим сторонам — к. д. и с. д.—следовало бы бороться с предрассудками, существующими в либер[альном] и революц[ионном] лагерях, на счет полярной противоположности между тем и другим. Т[ак] к[ак]

---

*) Я считал себя в праве и даже обязанным солидаризироваться с тобой в этом.

он ссылался на либер[ального] обывателя, то я, не обижая его, имел возможность прямо сказать ему: „если у Вас и у нас существуют „большевики", хотя и с противоположными крайностями, то, конечно, вопрос о соглашениях встретит неодолимые препятствия". Мы расстались, не доведши до конца нашу беседу, предполагая, что я буду в Питере и повидаюсь там с ним и его коллегами. Но какой практический смысл имело бы новое свидание, когда я в сущности мог в то время говорить только за себя, а за партию — с большими оговорками, т. к. ведь и в среде самих меньшевиков мысль о соглашениях только мало по малу гомеопатическими дозами, проникала в головы. Я потому и написал тебе,—тотчас после первого делового собрания о выборах, чтобы ты немедленно прислал статью в „С.-Д." об избират[ельной] кампании, что рассчитывал на ее ускоряющее действие. Но ты не реагировал на мое письмо, а появление твоей статьи в „Тов[арище]" не произвело желательного эффекта именно на социаль-демократич[ескую] среду. Несравненно большую службу (по силе толчка на тесные руководящие круги) сослужило твое лаконическое письмо ко мне для В. Ив. [Засулич]. Очень я жалел тогда, что ты не написал письма такого размера и в таком тоне, чтобы его можно было немедленно напечатать во всех наших органах (и провинциальных).

Скоро уйдет последняя почта, а потому оборву на этом письмо до другого раза. Мой адрес: (моя фамилия), Via Stokholm Finnland Sanatorium Huvenge.

Поехал я сюда после того, как я около 4 месяцев с лишним промучился бессонницей, головными болями и потерей работоспособности до того, что далеко не всегда в состоянии был бы написать такое письмо, как вот сегодня. Не велика ведь премудрость, а я счастлив, что сегодня по получении твоего письма мог приняться сейчас же за ответ, да с легкой головой на плечах написать его. Тут я около двух недель — и чувствую себя заметно лучше. Я часто думал о твоем и Р. М. [Плехановой] здоровьи. Прошу очень тебя или Р. М. [Плеханову] написать мне несколько [строк] о состоянии вашего здоровья. Из „стариков" ведь Вы мне самые близкие, а с „молодыми" одна уже разница лет мешает очень сбли-

жаться. В душе то у меня, конечно, и к В. Ив. [Засулич] самые хорошие чувства. Но мы—чужие друг другу по взглядам и т. д. А о тебе, Ж[орж], мне всегда приходится вспоминать,—особенно в критические минуты,—как чуть не единственном во всей партии, с которым я легко, с полуслова, могу притти к солидарному решению по важнейшим политическим вопросам (я не говорю о философских и научных, denn da bist du der Meister [потому что там ты учитель], а я только последователь). Словом, много причин, заставляющих меня чрезвычайно близко к сердцу принимать все, что касается твоего и Р. М. [Плехановой] благополучия.

Прочитал еще раз твое письмо—и увидел, что о раб[очем] с'езде ничего не написал. В следующий раз. Только ради бога не думай, что решение общер[оссийской] конференции в каком бы то ни было отношении не повлияло на меня... Третью книжку „Совр[еменной] Ж[изни]" мне случайно удалось заполучить на пару дней (в дорогу). Настоящая Ding an sich [вещь в себе], как назвала журнал Л. И. [Аксельрод].

Примечания.

1. «Новый Мир» — партийное с.-д. издательство, выпустившее упоминаемую брошюру П. Б. Аксельрода.

2. Тогда члена ЦК РСДРП.

3. Это был Б. Эйсурович, тогда видный работник петербургской с.-д. организации, одно время едва ли не член ПК.

4. Так называемая женевская конференция меньшевиков, состоявшаяся весною 1905 г. Г. В. Плеханов и П. Б. Аксельрод на этой конференции настаивали на об'явлении незаконным заседавшего в то же время в Лондоне большевистского с'езда (так называемый «Третий с'езд РСДРП») и на подтверждении легального существования старых партийных учреждений,—Совета Партии, ЦК и редакции ЦО. Конференция, руководствуясь нежеланием углублять раскол в партии, отклонила это предложение, признала себя представительством части партии и, признав распавшимися старые официальные органы партии, создала Организационную Комиссию, в число задач которой входили и переговоры с большевиками о восстановлении единства в партии. Г. В. Плеханов, считая это решение крайне вредным для партии, реагировал на него выходом из состава редакции «Искры» и приступил к изданию своих «Дневников с.-д.».

5. В Петербургском Комитете РСДРП тогда в большинстве были большевики.

6. Псевдонимом «Мирон» в то время пользовался Лев Михайлович Хинчук, тогда меньшевик, член ЦК РСДРП.

7. Речь идет об от'езде П. Б. Аксельрода в санаторию в Хювенне под Выборгом; это состоялось 5—18. I. 1907 г.

8. Это письмо Ю. О. Мартова к П. Б. Аксельроду напечатано в «Письмах П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 153—155.

9. Павел Николаевич Милюков, в 1905—1918 г.г. наиболее влиятельный лидер конституционалистов-демократов.

10. Влад. Матв. Гессен, известный юрист и профессор, тогда видный деятель к.-д. партии, член II Госуд. Думы от г. Петербурга.

11. Это было открытое письмо «к сознательным рабочим», напечатанное в «Товарище» от 31. X. ст. ст. 1906 г.

12. В письме к Г. В. Плеханову, долгие годы совместной работы с которым давали возможность им обоим понимать друг друга с полуслова, П. Б. Аксельрод не должен был оговаривать всю относительность этого заявления, но для современного читателя он считает нужным отметить, что, говоря об отсутствии полярной противоположности между с.-д. и либералами, он имел в виду лишь весьма ограниченную область, область ближайших шагов в деле борьбы с надвигающейся реакцией.

236. П. Б. Аксельрод — Г. В. Плеханову.

[2. II. нов. ст. 1907 г.]

Дорогой Жорж!

Позавчера я получил твое письмецо и в тот же день ответил, хотя и не на все вопросы. Теперь еще прибавлю несколько слов еще о рабочем с'езде. Но прежде пару слов об издании Nachlass'a[1]). Было бы очень желательно, чтобы [ты] дал свое предисловие. Во избежание недоразумения, замечу, что я отнюдь не беру на себя ред[акции] в смысле ответственности за перевод всех 4 томов. Это дело — Мартова. Я дал только в принципе согласие на участие в редактировании одного из следующих томов, и именно одной или нескольких глав — в о'беме 5—10 листов печатных максимум. Я бы очень просил тебя сообщить мне, что ты ответишь на предложение издателя — я свое согласие обусловил твоим решением.

Сегодня я еще не получил газет, но из вчерашнего „Тов[арища]“ и из сегоднешнего письма Ю. О. [Мартова][2]) я знаю, что на самых что ни на есть социальдем[ократических] заводах Питера „С.-Р.“ достигли блестящих результатов при выборах уполномоченных, и что лучшие из наших рабочих на

многих заводах вытеснены с.-р-скими кандидатами [3]). Из провинции вести куда более благоприятные. Вот тема для размышлений. Нужно тебе сказать, что на одной из первых конфиденциальных конференций [4]) в Териоках я высказал предположение, что в нашей избират[ельной] агитации отсутствует определенный центр тяжести или, вернее, что он перенесен в так называемую городскую курию, между тем как агитация в „раб[очей] курии“ как будто отходит совсем на задний план. Я был того мнения, что наше влияние на общегородскую избирательную борьбу будет прямо пропорционально глубине, энергии и размаху нашей агитации в „рабочей курии“. Мне были сделаны разные возражения, на которых я не буду останавливаться. Но, повидимому, мои опасения были не совсем лишены основания. Наверное, тут и фракционные распри сыграли известную роль, хотя Мартов не думает этого [5]). Кроме того, с. р. вели ужасно демагогическую агитацию, а наши— это уже мое предположение—в большинстве случаев на почве аграрных вопросов не умели парировать.

На счет исхода немецких выборов [6]) я еще im Unklaren, [не разобрался] . . . . . [7])

А заняться он [8]) же и заставил, так как мне необходимо было отправить сегодня же корректуру редактируемого мной перевода Sorge: „Briefwechsel“ [„Переписка“], и он подал мне идею, что после я закончу письмо, а теперь, оказывается что он, уезжая, боится, что я не отправлю письма без него завтра.

Адрес твой ему дала Л. И. [Аксельрод-Ортодокс].

Привет Р. М. [Плехановой].

Крепко жму твою руку

Твой П. А.

Примечания.

1. Речь идет о русском издании «Литературного наследства» К. Маркса и Ф. Энгельса; оно вышло в 1908 г. в 2 томах под редакцией Л. И. Аксельрод, В. И. Засулич, Л. Мартова и др.

2. Это было письмо от 17.I. ст. ст. 1907 г.; оно опубликовано в «Письмах П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», Берлин, изд. «Русский Революционный Архив», 1917 г., стр. 155—158.

3. Обстоятельный анализ статистических данных о выборах по рабочей курии во II Госуд. Думу по г. Петербургу и его окрестностям дан Андр. Михайловым (И. А. Исувом) в сборнике «Отклики», август 1907 г. Всего на этих выборах за с.-д. кандидатов было подано 46,8% голосов (в том числе за меньшевиков 26,2%, за большевиков 14,6% и за нефракционных 6%; за с.-р.—36,1%, за беспартийных—16,8%). Значительно менее благоприятны для с.-д. были результаты голосования на наиболее крупных (с числом рабочих свыше 1000 чел.) предприятиях; здесь за с.-д. подано—30,5%, за с.-р.—47,1%, за беспартийных—17,3%. Следует, впрочем, оговориться, что правильность приведенных И. А. Исувом данных оспорена.

4. Речь идет о конфиденциальных совещаниях наиболее ответственных меньшевиков, ряд которых состоялся перед началом избирательной кампании во II Госуд. Думу.

5. См. «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова» стр. 156—157; основную причину поражения с.-д. на этих выборах Ю. О. Мартов видел в недовольстве рядовых рабочих деятельностью фабрично-заводских комитетов, состоявших из с.-д. и оторвавшихся в то время от масс.

6. Это были известные «готтентотские» выборы 1907 г., когда объединенный блок всех буржуазных партий нанес с парламентской точки зрения поражение с.-д.: последние приобрели около ¼ милл. новых голосов, но количество их депутатов уменьшилось с 79 до 43.

7. На этом месте письмо П. Б. Аксельрод был прерван Л. В. Теслером, пришедшим к нему с корректурными листами «Переписки» Зорге,—эта «Переписка» в то время печаталась в издательстве «Общественная Польза» под редакцией П. Б. Аксельрод. Лев Теслер тогда работал в этом издательстве. На письме П. Б. Аксельрода в этом месте имеется следующая приписка Л. Теслера:

«Так как мне очень хочется, чтобы письмо ушло сегодня же, я вынужден прервать П. Б. [Аксельрода]. Делаю это без особого зазрения совести, так как он занялся больше часа другой работой.

Л. Т.»

8. Лев Всеволодович Теслер,—с.-д. с середины 1890-х г. г.; привлекался в 1898 г. по делу I съезда РСДРП. П. Б. Аксельрод и Г. В. Плеханов знали его еще с 1897—1898 г. г., когда Теслер, в то время студент Цюрихского ун-та, входил в примыкавшие к с.-д. кружки учащейся молодежи.

237. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

11 февраля [н. с.] 1907.

Дорогой Павел, я и Роза [Р. М. Плеханова], в свою очередь, страшно обрадовались твоему письму [1]). Нас глубоко тронуло твое дружеское отношение, и мы просим тебя верить,

что ты имеешь в нас людей, которые и любят, и уважают тебя, как нельзя больше. Получил твою брошюру „Две тактики“ и прочел ее с величайшим удовольствием. Все так серьезно и так умно. Весь вопрос в том, когда меньшевики поймут тебя, а на этот вопрос я затрудняюсь ответить. Не умно они себя ведут! Взять хотя бы историю с д-ром Васильевым [2]). Что он сказал глупость, это очевидно, но на всякого мудреца довольно простоты. Значит ли это, что всякого мудреца надо „в морду“ (как выражается В. И. [Засулич])? Конечно, нет. А Мартов именно стал „хлестать“ Васильева „по морде“. С чем это сообразно? Васильев—человек заслуженный; ce n'est pas le premier venu [это не первый встречный]. С какой стати Мартов вздумал выкидывать его из партии? И по какому праву? Впрочем, я еще не получил № 2 „Откликов“ и сужу о статье Мартова по выпискам, сделанным из нее „Товарищем“ и „Русскими Ведомостями“. Ради бога, прими меры, чтобы мне прислали вторую книжку „Откликов“. Ты жалуешься на то, что у Вас там нет „Совр[еменной] Жизни“, но тут я ничего поделать не могу. Издатель высылает мне один экземпляр, с которым я, конечно, не могу расстаться. Я не знаю, исполнил ли он мою просьбу высылать Вам тоже один экземпляр (на адрес Ю. О. [Мартова] или Л. И. [Аксельрод]). Он обещал исполнить, но я понимаю, что он имел право ответить: пусть они подпишутся. Как бы там ни было, он обещал распорядиться о высылке, и мне было бы очень приятно знать, что ты читаешь мои „Заметки публициста“ [3]). Здоровье мое плоховато, Розы [Р. М. Плехановой]—тоже. Она часто больна. Теперь дела.

I) К Штутгартскому международному с'езду необходим доклад. Он должен быть представлен к первому марта. Можно, конечно, и попозже, но надо, чтобы доклад писали. Пишет ли его кто-нибудь? Очень прошу тебя снестись по этому поводу с Ц. К. Жду ответа. Мне отсюда писать доклад невозможно.

II) Партийное издательство „Новый Мир“ (так кажется?) издало мои „Наши разногласия“. Обещало платить и не платит. Я много раз напоминал ему об этом, но оно и ухом не ведет. Окажи мне услугу: передай мою жалобу Ц.К. Салтыков [4]) тоже водит меня за нос и, не платя мне, ссы-

лается на то, что ему надо покрывать долги газеты „Начало“. Это, право, разбой, настоящая „экспроприация“, вследствие которой мне приходится очень туго. Если можешь, помоги мне по части жалобы на „Новый Мир“ Ц[ентральному] Комитету Партии. Да наведи справки, каким это образом меня вынуждают платить за „Начало“ [5]), которое было мне так ненавистно.

Пиши же. И еще раз прошу тебя помнить, что во мне и Розе [Р. М. Плехановой] ты имеешь самых искренних друзей.

Твой Г. П.

Поклонись товарищам. Поклонись от меня Ю. О. [Мартову] и скажи ему, что я только сегодня получил его письмо. Вот так чудеса!

P. S. Предисловие написать (к „Nachlass'у“) не могу.

P. P. S. От писания предисловия отказываюсь вследствие абсолютного недостатка времени.

Г. П.

Примечания.

1. Оно напечатано выше, под номером 235.

2. Н. В. Васильев около этого времени выступил в «Товарище» (№ 142) с письмом «Что делать?»; в этом письме он предлагал всем русским прогрессивным партиям от к.-д. до с.-д. на время отказаться от своих «экономических программ», забыть о «рабочем вопросе, аграрном вопросе, равноправии народностей, автономии» и, «не толкая друг друга, не пугая друг друга» не только «об'единиться одним желанием получить конституционную власть», но даже «слиться в одной конституционной партии».

Это выступление Н. В. Васильева вызвало насмешливый по форме и резкий по существу ответ Ю. О. Мартова: «Знахарство против акушерства» (сборник II. Издательство «Отголоски», Петербург. 1907), именно об этом ответе Мартова и говорит дальше Г. В. Плеханов.

3. В журнале «Современная Жизнь», начиная с № 9—10 за 1906 г. и до № 2 за 1907 г., Г. В. Плеханов регулярно помещал свои политические письма—«Заметки публициста» (в конце 1907 г. они, пополненные некоторыми др. статьями Г. В. Плеханова, вышли отдельной книгой в изд. Глаголева под заглавием: «Заметки публициста»).

4. С. Н. Салтыков, позднее с.-д. депутат II Госуд. Думы, отбывший каторгу по делу этой фракции.

5. «Начало»—большая ежедневная с.-д. газета, выходившая с 13 ноября по 2 декабря 1905 г. (всего 16 №№) под редакцией Ю. О. Мар-

това, А. Н. Потресова, Ф. И. Дана, А. С. Мартынова, И. И. Иорданского, Л. Д. Троцкого и Парвуса; была официальным центральным органом меньшевиков. Г. В. Плеханову не нравился уклон этого органа в сторону «перманентной революции»; «ненависть» же его к газете вызвана ролью в редакции последней Л. Д. Троцкого.

238. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Нерви, 6 марта 1907.

Дорогой Павел,

Ю[лий] Осипович [Мартов] обратился ко мне с одним запросом, но адреса своего мне не прислал. Прошу тебя, перешли ему немедленно прилагаемое мое письмо [1]).

Сегодня Роза [Р. М. Плеханова] писала тебе и сообщила, что мною уже послана в Петербург на имя И. И. Иорданского статья „По поводу новой думы" [2]). Очень прошу тебя, прими меры к ее напечатанию. На указанную тобою тему я напишу на днях [3]). Теперь я волнуюсь по поводу открытия новой Думы. И теперь больше, чем когда нибудь, я жалею о своем нездоровьи.

Ради бога, прими все меры, чтобы мне высылали Вашу газету. Да позаботься о том, чтобы Дан или Мартов написали доклад для штутгартского международного с'езда. Ведь без него невозможно: глаз нельзя будет показать, и денег никто не даст. Хотелось бы мне также быть au courant [в курсе] по части нашего с'езда [4]). Будешь ли ты там? Стоит ли? Не лучше ли заранее разорвать с большевиками? Пиши.

Твой.

К нам приехал Евгений [5]).

Примечания.

1. Нам неизвестно, о чем шла речь в этих письмах.

2. Напечатана в № 46 газеты «Русская Жизнь» от 23 февраля ст.ст. 1907 г.

3. Повидимому, это была статья «А что если разгонят?», напечатанная в сборнике «Издательство «Отголоски». Сборник—апрель. Петербург, 1907 г. (в указателе В. Вагатяна: «Опыт библиографии Г. В. Плеханова», название сборника указано не точно).

4. В это время велась подготовительная работа по созыву очередного с'езда РСДРП, состоявшегося в мае 1907 г.» в Лондоне.

5. Евгений—Л. Г. Дейч, который около этого времени бежал из Сибири, куда был сослан по делу так наз. второго петербургского совета рабочих депутатов.

239. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

1.IV.07.

Дорогой Жорж!

Оффициально решено приступить к работе 24 апреля (по-русски), с'ехаться же раньше, и именно там, где в свое время заседали немцы, за что привлечены были к ответственности [1]. Мы там же переночевали, когда ехали в Стокгольм [2], а ты на обратном пути остановился для того, чтобы осмотреть местный музей. Полагаю, что тебе уже послано извещение, а если нет, то будет послано. Может случиться, что я там буду уже через 12—14 дней, и тогда я, конечно, немедленно сообщу тебе. Если твое здоровье тебе позволяет, то ты, конечно, приедешь. Я лично того мнения, что весьма важно было бы, если бы и ты прибыл за несколько дней до срока. К тому времени там будет публика, с которой необходимо хорошо столковаться заблаговременно, чтобы теснее сплотить ее. Противники собирают своих по методу Крушевана [3], с той лишь разницей, что у него мертвые души играли роль избирателей, а у наших черносотенцев эту роль играют импровизированные массы новых „товарищей“ и другие фальсификации. А наши добродетельные друзья с покорностью и пассивностью либеральных зайцев или пескарей ничего против всего этого не предпринимают. Я предлагал, например, такую меру, как пред'явление собраниями товарищей письменных заявлений и протестов против избирательных подлогов повсюду, где таковые происходят. А на это отвечают: „трудно это“ и т. д., и что, впрочем, всегда потом пред'являются („комитетами“?) протесты... А между тем своевременным изобличением и констатированием избирательных мошенств можно бы уже заранее дискредитировать мнимую победу противников, если им удастся сфабриковать „большинство“.

Получаешь ли ты „Нар[одную] Думу“ [4] и прочитал ли там резолюцию о рабочем с'езде? А „Отклики“ и „Привет“ [5]?

Писать можешь мне на адрес Л. И. [Аксельрод]. Кажется, недели две тому назад я тебе ответил на твою карту.

Сердечный привет Розалии Марковне и детям, если они с тобою.

До скорого свидания.

Твой Павел [6]).

Примечания.

1. П. Б. Аксельрод намекает на Копенгагенский 1883 года с'езд германской с.-д.; присутствовавшие на этом с'езде германские с.-д. были переписаны полицией и привлечены к ответственности за пропаганду под чужими именами; этот с'езд описан в мемуарах Э. Бернштейна «Годы изгнания».

ЦК РСДРП в 1907 г. партийный с'езд вначале предполагал собрать в Копенгагене, но затем, в виду полицейских затруднений, вынужден был его перенести в Лондон.

2. П. Б. Аксельрод говорит про поездку на Стокгольмский так наз. об'единительный с'езд РСДРП апреля 1906 г.

3. Павел Крушеван, известный в то время черносотенец и антисемит, депутат II Госуд. Думы, в которую он прошел благодаря ряду подлогов на выборах от г. Кишинева.

4. «Народная Дума» — ежедневная меньшевистская газета, выходившая в марте-апреле 1907 г. в Петербурге; упоминаемая дальше резолюция о рабочем с'езде напечатана в № 13 этой газеты (от 25.III. ст. ст. 1907 г.) со следующим примечанием редакции: «нам доставлен следующий проект резолюции о массовых организациях и о рабочем с'езде, выработанный к предстоящему с'езду РСДРП группою литераторов и практиков меньшевиков». Фактическим автором этой резолюции был П. Б. Аксельрод.

5. «Привет» — одно из названий выходивших зимою 1906—07 г.г. в Петербурге меньшевистских политических еженедельников («На Очереди», «Наш Мир»); «Привет» выходил в марте-апреле 1907 г., вышло всего 2—3 №№.

6. На письме имеется следующая приписка Л. И. Аксельрод-Ортодокс.

«Шлю всем вам горячий привет. Жду от Вас, дорогой Георгий Валентинович, ответа на счет получения статьи».

240. П. Б. Аксельрод—Р. М. Плехановой.

Zürich. 14.VI.07.

Дорогая Розалия Марковна!

Приехал ли Жорж [1]), в каком состоянии и каково теперь его здоровье? Я, с своей стороны, обещал ему написать о себе

по своем приезде в Цюрих. Но я только сегодня,—в десятый день по прибытии сюда,—начал вставать с постели (вчера только два раза по 10—15 минут проводил не в постели) и принимать пищу не только из „рожка", а частью с аппетитом. Пишу эти строки, испытывая еще нечто в роде шума в голове и изрядную слабость. Доктор констатировал у меня плеврит и утверждает, что в Лондоне у меня было слабое воспаление легких, которое я привез с собою сюда. Все это в связи с сильным катарром желудка, который, по его мнению, явился, как Begleiterscheinung [сопутствующее явление] и мучил меня около 2 недель или даже больше в Лондоне, и только теперь, повидимому, начинает проходить, и доканало меня так, что мне еще, вероятно, дней 8—10 понадобится для того, чтобы почувствовать себя в нормальном состоянии. Доктор думает, что некоторые следы катарра легких и плеврита останутся—ибо слишком запустил болезнь.

Вот причина, по которой я до сих пор не давал знать о себе, как обещал [Жоржу][1]. Теперь жду весточку от Вас или от него—о Вашем и его здоровьи.

Сердечный привет Вам обоим и Аптекману[2], если он в Женеве. Не знаете ли адреса Евгения [Л. Г. Дейча]?

Жму Вам руки

Ваш П. А.

Мой адрес: Gladbachstrasse, 74.

Примечания.

1. Из Лондона, где он был на с'езде РСДРП.

2. О. В. Аптекман в это время жил в Женеве,—его рассказ о встречах того времени с Г. В. Плехановым см. в его брошюре: «Г. В. Плеханов. Из моих воспоминаний». Ленинград. Изд. «Колос», стр. 77—80.

241. П. Б. Аксельрод—Р. М. Плехановой.

2.VII.07.

Дорогая Розалия Марковна!

Сию минуту получил Ваше письмо, из которого заключаю, что Вы моего не получили. Правда, не я сам отправил его, а поручил это сделать, так как сам тогда только начал вста-

вать с постели и понемногу ходить по комнате. Я спрашивал о здоровьи Ж[оржа] и Вашем и докладывал о своем.

Относительно книгоиздательства — „Освоб[ождение] Труда“ [1]) ничего определенного сказать не могу. Знаю только о нем со слов Тесслера [2]), который состоит агентом его в Питере и который считает его „солидным“ и добросовестным. Моих вещей фирма эта еще не издавала, а только ведет переговоры со мною [3]), которые затянулись сначала благодаря моему от'езду заграницу, а потом—болезни, помешавшей мне ответить товарищу—автору прилагаемого письма [4]), в котором Вы найдете отзыв об издателе (на стр. 2 отчеркнуто карандашом *).

Итак, и Ж[орж] форменно болел, хотя—принимая во внимание etc., etc. [и т. д.]—он в Лондоне был прямо молодцом, молодцом в том смысле, что за исключением двух дней, почти всегда был auf seinen Posten [на своем посту] в Бэдламе. Что до меня касается, то я кое-как из Парижа добрался сюда, довезли меня с вокзала в карете, и прямо в постель. Пришлось пригласить врача, который констатировал остатки плеврита и теперь еще находит, что sietz tief [сидит глубоко]. Кроме того, сильный и упорный катарр желудка и, как следствие плеврита и Unternährung [недостаточного питания], чрезвычайный упадок сил.

Я только недавно начал газеты читать, понимая, что в них написано. Пока у меня такая диэта, что нечего и думать куда нибудь уезжать. Только в последние два дня у меня появился аппетит, да вот еще сон оставляет многого желать.

Итак, в то время, когда мы заседали в Лондоне, подготовлялся в России coup d'état [переворот]. В моей [6]) голове мысли все еще как то в разброде и не сведены воедино.

Куда вы с Ж[оржем] намерены двинуться на лето? Как Ваше здоровье?

Привет Вам и Ж[оржу] от меня, детей и Ел. О. Коневой. Если Аптекман в Женеве, то передайте и ему привет.

Ваш П. А.

---

*) Л. И. [Аксельрод] жаловалась Коневой [5]), которая на днях приехала, что гонорар за редактирование Nachlass'а она туго получает от этой фирмы.

Примечания.

1. Одесское издательство «Освобождение Труда» выпустило в 1906—07 г.г. «Литературное наследие К. Маркса и Ф. Энгельса», книгу К. Дмитриева о профессиональных союзах и т. д.

2. Лев Всеволодович Теслер—см. примечания к 236 письму.

3. Переговоры велись об издании «Собрания сочинений» Павла Бор. Аксельрода; наступившая вскоре полоса реакции сделала это издание невозможным и повела к общей ликвидации издательства «Освобождение Труда».

4. Это было письмо М. С. Макадзюба-Панина (от 20.V.1907 г.), который в это время был в Одессе и вел переговоры с издательством «Освобождение Труда» в качестве представителя П. Б. Аксельрода.

5. Елена Фоминична Ковнева—старый друг семьи Аксельродов.

6. Речь идет о роспуске II Госуд. Думы, аресте с.-д. депутатов и издании нового избирательного закона 3 июня 1907 г.

242. П. Б. Аксельрод—Р. М. Плехановой.

[Декабрь 1907 г.].

Дорогая Розалия Марковна!

Спасибо за скорый ответ на мое письмо. Не все я в нем разобрал (не мне, впрочем, с моим почерком жаловаться на неразборчивость), так, относительно Вашего здоровья я остался im Unklaren [в неизвестности]. Как будто лучше, но не уверен, что правильно прочитал [1]).

О возвращении хотя бы частицы 50 фр. и не думайте [2]); это было бы уж прямо не хорошо; я об'яснял Вам положение дел, в оправдание того, что я не мог и не могу выполнить свое почти что обещание еще прислать деньги, а не для того, чтобы получить обратно посланную сумму.

Хорошо, что виновником торжества (будем надеяться только моментального) [П. А.] Столыпина явился кадет, а не с.-д. или даже трудовик [3]). Нужно вооружиться терпением и крепкими нервами.

Привет Ж[оржу] и детям.

Ваш Павел.

Примечания.

1. Опущено несколько строк, посвященных чисто личным делам.

2. Как видно из писем Р. М. Плехановой, это были деньги, данные П. Б. Аксельродом на удовлетворение наиболее острых нужд

женевского «Эмигрантского общества», в котором тогда много работала Р. М. Плеханова.

3) Речь идет об известном выступлении Ф. И. Родичева — его речи, произнесенной 17.XI.1907 г. (ст. ст.) в III Госуд. Думе (в ответ на декларацию премьер-министра Столыпина); брошенное Ф. И. Родичевым в этой речи и ставшее позднее крылатым выражение о «столыпинском галстуке», как известно, в свое время послужило поводом для восторженных оваций по адресу П. А. Столыпина со стороны право-октябристского большинства III Госуд. Думы.

243. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

Цюрих, 10.I.08.

Дорогой Жорж!

Начну хронологически, с конца. [А. С.] Мартынову и [Ф. И.] Дану с Л. О. [Цедербаум-Дан] пришлось бежать и из Гельсингфорса: первый теперь здесь, а Дан с Л. О. в Женеве [1]). Мартынова я просил написать тебе обстоятельно „о делах" и „планах", с которыми они приехали сюда. Я, с своей стороны, несколько,—чтобы не сказать больше,—скептически отношусь к их плану возобновить издание „Искры", особенно же скептически отношусь к н а д е ж д а м Мартынова на н е п о с р е д с т в е н н о-п р а к т и ч е с к и е результаты осуществления этого плана. Мне кажется более целесообразным н а ч а т ь с издания периодического сборника-журнала (листов в 15), с тем, чтобы в нем главное внимание уделено было кардинальным вопросам нашей общественной жизни, разумеется, в самой непосредственной связи и в освещении нашего теоретического credo. Это, с одной стороны, а с другой—новое нелегальное литературное предприятие, должно бы сыграть роль, аналогичную—mutatis mutandis [с необходимыми изменениями] той, которую сыграла в свое время наша группа [2]), а впоследствии—организация „Искры". Но об этом и другом гораздо лучше можно переговорить и столковаться при личном свидании. И вот я думаю, что было бы крайне важно устроить маленькую конференцию в Женеве [3]). Весь вопрос—можно ли, по состоянию твоего здоровья, не рискуя, в ближайшее время приехать в Женеву. Если да, то прошу тебя, с своей стороны, теперь же сообщить кому нибудь из нас, когда именно ты мог бы приехать. Мартов [4]) будет в Женеве

21 января, а 23 вечером у него реферат в Лозанне, так что всего он в Женеве сможет быть 2½ суток. Принимая во внимание гениальность россиян в удлинении и затягивании всяких дебатов, это слишком мало времени. Но если ты можешь и хочешь приехать, то можно будет, пожалуй, настоять на изменении маршрута и хронологического распределения рефератов Ю. О. [Мартова].

Как раз накануне нового года, в 9 часов вечера я получил телеграмму из Питера, которая привела меня в немалое волнение. Не помню уж сколько времени тому назад я отправил три главы своего предисловия к переписке М[аркса] и Э[нгельса][1], в надежде и с намерением через неделю, или немного больше, послать окончание, отдельные части которого,—обрывки,—у меня были вчерне набросаны. Но тут у меня все более и более обострялись мои разные хворобы и в совокупности лишили меня способности не только писать, но и толково читать мало-мальски серьезные вещи. Мучился я мучился и вынужден был, наконец, пойти к врачу и прекратить всякие попытки приниматься за работу, о чем и сообщил через Папина [М. С. Макодзюба] в „Общ[ественную] Пользу". Около 6 недель, если не больше, я не только фактически не работал, но и т[ак] с[казать] формально и официально освободил себя от нее, т. е. и от забот о ней. И вот, за несколько дней до нового года я начал себя чувствовать настолько порядочно, что уже собирался приняться за работу—не насилуя себя и не спеша, так как я сообщение Папина понял в том смысле, что „О[бщественной] П[ользе]" и трудно было бы в ближайшие месяцы выпустить книгу. А с другой стороны, врач настойчиво советовал несколько месяцев не браться за обязательную работу. И вдруг получаю телеграмму, чтобы на той же неделе, т. е. через пару дней выслать окончание. Der langen Rede kurzer Sinn [краткий смысл длинной речи] сводится к тому, что мне пришлось бросить свой намеченный план работы, вместо двух глав ограничиться одной, перескакивать через пень-колоду, насильственно опустить ряд логических звеньев, отказаться от теоретического освещения фактического материала, бегло сгруппированного в первых трех главах, словом, превратить „конец" из „венца"

в недоносок, не то без головы, не то без ног. А может быть, не смотря на свою спешку, я запоздал. Во всяком случае, я просил „О[бщественную] П[ользу]" выслать книгу прямо тебе в Женеву.

Меня чрезвычайно обрадовало твое сообщение о твоем здоровьи. Кажется, давно уже мы не обменивались такими вестями. Желудком и сном не могу еще очень похвастаться, но все же общее мое состояние гораздо лучше, чем оно было месяца два тому назад. По крайней мере, крепче себя чувствую и могу надеяться и на поправку в смысле работоспособности.

Получил твою статью (окончание) о Синдикализме [5], доставившую мне, без преувеличения скажу, огромное умственное наслаждение. Она и появилась чрезвычайно кстати. Не могу en passant [попутно] не заметить, что в начале 52 стр. есть одно место, которое мне кажется очень fraglich [спорным]. Именно то, которое относится к „разврату" в профессиональных] Союзах Сев[ерной] Америки. Ты связываешь это явление с отношением руководящих сфер к [„] руководимой массе". И вот именно это об'яснение—по крайней мере, в связи с общим ходом мыслей, начиная с первой строки последнего абзаца стр. 15—кажется мне не совсем верным. „Связь" то ведь между этими сферами и рабочей массой очень тесная и постоянная. Но самая э т а масса, сравнительно, отсталая и самым непосредственным образом выбирает и создает свои „правящие сферы" по своему образу и подобию.

А теперь, т. е. на днях, я собираюсь прочесть твою статью еще раз,—но уже с чувством, толком и расстановкой.

Если скоро будешь в Женеве, то сделаешь очень доброе дело, если, как старый друг посоветуешь Осипу [О. В. Аптекману] отложить на после печатание моей „биографии" [7]). Я не в состоянии ему помочь, тем более, что сам не понимаю, какой она имеет общественный интерес в настоящее время и в том виде, как она теперь вышла из под пера Ос[ипа]. Я очень боюсь, что работу Ос[ипа] не примут, и что она только повредит его литературной репутации. Ему нужно было бы, ну, по крайней мере год, поработать над перевариванием

твоих работ — из этого у него, быть может, вышло бы что нибудь путное и полезное.

Однако, довольно. С русским новым годом.

Крепко жму твою руку.

Твой Павел.

Примечания.

1. А. С. Мартынов и Ф. И. и Л. О. Даны после Лондонского с'езда поселились в Териоках, в Финляндии, там же жили и многие другие с.-д., с.-р. и анархисты; в виду усиленных гонений русской полиции, переставшей в это время считаться с финляндскими законами, в декабре 1907 г. всем им пришлось бежать из Финляндии. Даны и Мартынов перебрались сначала в Гельсингфорс, но вскоре вынуждены были уехать и оттуда.

2. Т.-е. Группы «Освобождение Труда».

3. Эта конференция состоялась в конце января 1908 г. в Женеве; на ней присутствовали П. Б. Аксельрод, Ф. И. Дан, Л. О. Дан-Цедербаум, Ю. О. Мартов, А. С. Мартынов, О. В. Аптекман, М. Ф. и А. Н. Назарьевы (Петровы), [illegible] ([illegible]), А. К. [illegible] ([illegible]), [illegible] (Михайлов), [illegible] ([illegible]). Г. В. Плеханов, [illegible], по болезни присутствовать на конференции не мог. Конференция продолжалась 5—6 дней, решила создать меньшевистский орган за границей «Голос Социал-Демократа» и выбрала Организационное Бюро для ведения технических дел будущего журнала. Об этой конференции см. «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 179—183 и О. В. Аптекмана «Г. В. Плеханов», стр. 81—83.

4. Ю. О. Мартов после Лондонского с'езда в Россию уже не возвращался, а поселился в Париже.

5. Речь идет о предисловии, написанном П. Б. Аксельродом к русскому изданию «Писем К. Маркса, Ф. Энгельса, И. Беккера и др. к Зорге» (изд. «Общественной Пользы»).

6. Статьи Г. В. Плеханова «Критика теории и практики синдикализма» были напечатаны в «Современном Мире» двумя сериями, в №№ 11 и 12 за 1907 г. и №№ 2 и 4 за 1908 г. П. Б. Аксельрод в письме говорит о той их части, которая напечатана в декабрьской книжке за 1907 г.

7. О. В. Аптекман, автор известных воспоминаний о «Земле и Воле», в это время написал биографию П. Б. Аксельрода; так как эта биография часто сбивалась на панегирик, то П. Б. Аксельрод, ознакомившись с написанным, высказался против ее опубликования. Биография эта не напечатана.

243. Г. П. Плеханов — П. Б. Аксельроду.

Nervi, 29 января 1908 г.

Дорогой Павел,

Ты теперь, конечно, в Женеве, и, конечно, уже начался ваш маленький с'езд. Состояние здоровья не позволило мне приехать на него, но мне хочется обменяться с тобою взглядами на современное положение дел, и я прошу тебя написать мне, на чем вы порешите.

Я думаю, что как ни уныл вообще современный момент,— он чрезвычайно благоприятен для правильного социал-демократического действия. Неудача побуждает к размышлению, а размышление поведет к дискредитированию большевизма, как оно повело когда то,— в начале 80-х г.г.,— к дискредитированию народовольства. Нужно только действовать,—действовать в двух направлениях: 1). теоретическое выяснение задач партии в настоящее время; 2). собирание рассыпавшейся храмины меньшевизма в России. Было бы большой ошибкой ограничивать дело одной литературой. Нужно обратиться к меньшевикам в России, кликнуть клич между ними, и если бы нам удалось собрать хотя небольшую горсть их, мы должны дорожить этой горстью, которая положит начало будущему торжеству социаль-демократических принципов над большевистским бакунизмом. По моему, надо начать теперь,—лучше сказать, повторить при новых, более благоприятных условиях,—то, что мы сделали в 1883 году [1]: создание элементов для будущей партии. Это можно сделать, оставаясь в так называемой] теперь партии, а можно и выйти из нее: это зависит от обстоятельств; но что нам необходимо повторить теперь наше усилие 1883 г., это для меня не подлежит сомнению. Но в 1883 г. нам труднее было завязать связи с Россией, чем это будет теперь. Тогда по необходимости преобладала теоретическая деятельность; теперь надо позаботиться об обеспечении себе практического влияния в России. И есть какой то внутренний „демон",—как выражается Сократ,—который говорит мне, что наше усилие теперь гораздо скорее увенчается успехом.

Не надо смущаться внешностью: *положение для нас теперь* очень благоприятно malgré tout [несмотря ни на что]. Вернее сказать: *общее неблагоприятное положение дел будет способствовать нашей критике и росту нашего влияния*. Но для этого надо сделать энергичное усилие расшевеления меньшевиков. Что между ними много негодных элементов, политических Гамлетов, это ясно, но есть и очень дельные люди, и этих необходимо сплотить. Иначе я не вижу, зачем заводить здесь „Искру": лучше писать в легальных органах: круг читателей, *как таковых*, у легальных органов несравненно больше. Но в том то и дело, что „Искра" должна обратиться к читателям-деятелям, и с этого надо начать. Повторю еще раз: положение обещает нам быстрый успех. Только надо, конечно, говорить до конца и отказаться от того страха перед большевистской Марьей Алексеевной, которым всегда отличались меньшевики, и который никогда не был для них *началом премудрости*. Начало премудрости, это—как раз обратное поведение,—полное бесстрашие.

Мне очень важно знать, что Вы решаете, потому что если мои надежды вы признаете неосновательными, то я предпочитаю сосредоточить свои силы на *легальной* литературе. Но, ей богу, было бы ошибкой не воспользоваться современным положением в интересах *революционного* воздействия на пролетариат.

Жду скорого ответа. Скажи Дану, что я писал ему на имя *Гурвича*[2]. Получил ли он мои письма? Поклон всем.

Твой Г. П.

У меня также убеждение, что если мы не кликнем теперь клича *к практикам*, если помиримся с существованием в виде *простого литературного течения*, то мы не *исполним своей прямой и ясной обязанности*.

Г. П.

Примечания.

1. В 1883 г. была создана Группа «Освобождение Труда».
2. Гурвич—настоящая фамилия Ф. И. Дана.

245. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

Цюрих, 2.II.08.

Дорогой Жорж!

Дан уже сообщил тебе о ходе и результатах конференции. Я, с своей стороны, дополню его письмо (при мне оно еще не было закончено) несколькими сообщениями о центральном пункте или подкладке споров и разногласий, в которых я сначала даже не мог разобраться. Так неясно и запутанно ставились спорные вопросы и велись дебаты. У Ф. И. [Дана] в его более или менее импровизированном докладе на первый план выдвигались агитационно-политические задачи новой пропагандистской и литературной группы: точно мы в Териоках и вместе с меньшевиками из Ц. К. и т. д. измышляем „лозунги" и готовимся призывать к „боевым действиям и выступлениям". Вместе с тем не видно было перемены и во взгляде на положение партии (как организации) и на тактику по отношению к ней. Насколько я понял доклад Дана, он оставался на точке зрения кавказцев во время с'езда [1]). Достаточно сказать, что он подчеркивал приближение большевиков, на практике, к взглядам „меньшевиков". Отсюда—тактика сохранения „единства" во что бы то ни стало, охранение „престижа партии" (т. е. воздержание от „чрезмерной" критики, прилаживание к status quo [существующему положению] с хулиганскими действиями официальных учреждений и их агентов и т. д.), „завоевывание" партийных учреждений—при помощи политики „приспособления к подлости". Гораздо резче и яснее вытекало это практическое отношение к нашему парт[ийному] механизму из того, что затем говорил Мартынов, который, однако, густыми красками охарактеризовал внутреннее печальное состояние нашей партии. С одной стороны, полное внутреннее разложение в лагере меньшевиков, всеобщая дезорганизация партии, распад и маразм, а с другой—чуть не главной задачей, „боевым" кличем нового издания должно быть: звать „меньшевиков обратно в партию" (т. е. в комитеты и т. д.), охранять и поддерживать ее „престиж". На другом полюсе стоял Ю. О. [Мартов], который, как мне доказывал после Мартынов, руководился при этом не столько

теоретической непримиримостью, сколько безусловно отрицательным отношением к попыткам воскресить нелегальные формы деятельности. Очень может быть, что это так. Но во всяком случае, этот элемент так тесно сплетался у него с тем взглядом на положение нашей партии и на наши задачи, который я в письме[1] к нему излагал, что с его рассуждениями в дебатах я оказывался гораздо более солидарным, чем с рассуждениями и практическими тенденциями Дана и Мартынова. Исходя из того положения, что партия наша переживает теперь в своем внутреннем развитии момент или стадию, сходную, отчасти, с одной стороны, с периодом зарождения социальной демократии (образование и выделение гр[уппы] „О[свобождение] Тр[уда]" из „социально-революционной партии"), а с другой—с периодом борьбы с „экономизмом", бернштейнианством и образования группы „Искры", я полагал и полагаю, что наиболее передовые элементы партии должны сгруппироваться, прежде всего и главным образом, с непосредственной целью работать над идейным, организационным и политическим в о з р о ж д е н и е м русской социальдемократии, как непосредственно пролетарской партии—на теоретическом базисе марксизма. Эта задача, диктуемая прогрессирующим процессом дезорганизации и внутреннего разложения или распада нашей партии, не требует, однако, чтобы мы сейчас же выступили с лозунгом: „Долой партию, не вступайте в ее организацию или выходите из нее!" Но ей (задаче возрождения) должны быть всецело подчинены действия и вся тактика инициаторов-реформаторов или революционеров по отношению к партии. Ни „престижем", ни заботами о мнимом организационном „единстве" они не должны руководствоваться в своем отношении к отрицательным явлениям, характеризующим нашу партийную жизнь. Уже при первом свидании с Мартыновым, по его возвращении из Финляндии, у меня произошел с ним горячий спор. Я ему заявил, что положение дел в нашей партийной организации таково, что нам, в интересах социальдемократии и всего рабочего движения, уже никоим образом нельзя всецело, неразрывно связывать судьбу той и другого с партией, как таковой, что, не выходя из нее, пока, и не провозглашая ее обреченной на гибель, мы

должны, однако, считаться с такой перспективой и не солидаризовать нашего дальнейшего движения с ее судьбой. Быть может, она так дискредитирует себя, что действительным социальдемократам придется организоваться под названием партии коммунистов. Но пока наше направление еще очень слабо представлено в движении и пока шансы на оздоровление партии еще не совсем безнадежны, мы должны использовать их и своей последовательной критикой ее отрицательных сторон дискредитировать „большевизм" и шаткие или беспринципные элементы „меньшевиков", чтобы настоящими наследниками и хозяевами „старой фирмы" могли явиться действительно марксисты и наиболее сознательные элементы пролетариата.

Из этого ты видишь, что та линия, которая восторжествовала на конференции, и которую Ф. И. [Дан] называет „средней" (он говорит, что и я сам так назвал ее) является, с моей точки зрения, не „средней", в смысле компромисса, а единственно допустимой, логически неизбежной в настоящий момент. Вот пара примеров, иллюстрирующих противоположные выводы из моей и, с некоторыми оговорками, и Ю. О. [Мартова] точки зрения и точки зрения Д[ана] и М[артынова] в применении к отдельным случаям.

Д[ан] и М[артынов] стояли за то, чтобы наше издание [2]) с самого начала явилось органом кавказских комитетов. Или вернее, чтобы поставить все дело в полную зависимость от организации, совершенно чуждой тем революционным задачам, которые мы должны преследовать. Я же с Ю. О. [Мартовым] настаивал на полной самостоятельности новой издательской и литературной группы, которая, конечно, должна с первых же шагов войти в сношения с разными комитетами, кружками и т. д. и стараться обеспечить себе всяческую поддержку с их стороны. Словом, действовать—mutatis mutandis [с необходимыми изменениями]—подобно „Искре".

Другой пример. Относительно сохранения партийного титула на издании—против чего выступил Ю. О. [Мартов]. Я высказался за, но по совершенно другим соображениям, чем М[артынов] и Дан. Однако, я увлекся частностями. Summa summarum [окончательный итог]: в результате конференция приняла решения, по существу совпадающие с твоими пред-

ложениями в письме ко мне, которое пришло уже по окончании конференции. Если бы ты ответил своевременно на мое письмо, то это, очень вероятно, сильно сократило бы прения. Как бы то ни было, Ende gut—alles gut (конец хорош—все хорошо). Мартынов, мне кажется, теперь гораздо ближе стоит ко мне и Ю. О. (Мартову), чем прежде. А Дан, как это видно из его проекта „Об'явления“ [4] все как-то ставит внутреннюю теоретическую и организационную, революционную работу марксистских элементов на второй план. Мартынов тебе уже сообщал свои замечания. Я, с своей стороны, предложил Дану некоторые изменения и вставки; буду очень рад, если они (не буквально, конечно,) совпадут с твоими замечаниями.

Крепко жму руку. Как твое здоровье?

Твой Павел.

Примечания.

1. Меньшевики с Кавказа, руководимые на Лондонском с'езде Н. Н. Жордания и И. Г. Рамишвили, несколько выделялись среди других меньшевистских делегатов с'езда своим примиренческим отношением к большевикам и стремлением доказать, что изменение политической обстановки гораздо менее значительно, что поэтому партийная тактика и партийный аппарат меньше нуждаются в перестройке, чем это думали остальные меньшевики. Эта разница во взглядах в конечном итоге обусловливалась различием политической обстановки на Кавказе, особенно в Грузии, и в России.

2. По-видимому, П. Б. Аксельрод говорит о письме от 15.I.1908 г. Оно напечатано в «Письмах П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 179—180.

3. Т.-е. будущий «Голос Социал-Демократа»; основанием для подобного предположения было стремление к внутрипартийной легализации органа.

4. Проект об'явления об издании «Голоса С.-Д.» был написан Ф. И. Даном, но в печати появился после большой переработки и с рядом изменений.

246. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

18.II.[1908]

Дорогой Жорж!

По приезде из Женевы написал тебе довольно большое письмо на старый адрес. Сегодня получил от Дана твой новый адрес и спешу обратиться к тебе с просьбой сообщить мне

адрес [Б. А.] Членова, если ты его знаешь. Как мне это ни неприятно, мне приходится обратиться к нему по чисто финансовому делу. Дану и Мартынову вынуждены были занять[1]) у финской партии 1000 франков- срок уплаты кончается, а денег нет. Я предложил, чтобы Ф. И. [Дан] попросил об отсрочке месяца на 1 1/2—2, но все таки необходимо хоть часть теперь уплатить. Быть может, франков 200 удастся достать, но нужно бы еще столько же, а лучше еще фр. 300. Ф. И. [Дан] предполагает, что Чл[енов] может занять такую сумму. Я, конечно, не знаю, так ли это; тем не менее, нужно обратиться к нему. Я, признаться, хотел было тебя или Р. М. [Плеханову] просить об этом; но заранее уверенный, что такая миссия очень будет не по душе Вам, я не решаюсь пытаться навязать ее Вам. А потому ограничиваюсь просьбой немедленно сообщить мне его адрес, да кстати и твое мнение на счет того, стоит ли обращаться к нему в настоящий момент.

Завтра или послезавтра еду в Женеву. А „Об'явл[ение]"[2]) вышло отчасти куцым, бледным. Не следовало раз'езжаться прежде, чем оно было написано и проредактировано.

Как твое здоровье и здоровье Розалии Марковны?

Жму Вам обоим руки и шлю привет.

Твой П. А.

Примечания.

1. Деньги были заняты при бегстве из Финляндии— см. 242-е письмо и примечания к нему.

2. Об'явление об издании «Голоса Социал-Демократа».

247. П. Б. Аксельрод—Р. М. Плехановой.

26.II.08.

Дорогая Розалия Марковна!

Вчера вечером вернулся из Женевы, где получил Ваше письмо [1]) накануне своего от'езда, во время общего заседания редакции [2]) и так называемой „организационной комиссии" [3]). А т[ак] к[ак] вслед за этим заседанием (после часового перерыва на ужин) у нас было еще совещание, продолжавшееся до полуночи, то у меня в Женеве и времени не было для ответа. При большей дисциплине и меньшей словоохотливости можно бы в 2 1/2 дня со всеми делами покончить, а мы потратили 4 дня,

не считая вечера четверга (с 7 часов). Номер должен был выйти в 16 страниц (формата „Освобожд[ения]"), а теперь есть опасность, что и 4 стран[иц] приложения не хватит, и что придется выпустить двойной номер. Как ни важно появление статьи Ж[оржа] в первой книжке, все же здоровье его еще гораздо важнее и рисковать им не следует. На первый раз хорошо было бы хоть небольшую статейку (или даже заметку) получить от него. Но по нашему общему мнению было бы очень нежелательно в первой же книжке появление письма Ж[оржа] об отказе работать в Ц. О.[4]). С таким же предложением обратились ко всем нам и, конечно, никто строчки туда не пишет. Но нам кажется очень неудобным дать сражение большевикам или, вернее, болотным „меньшевикам" именно на этой почве. Открытое официальное заявление восстановит против нас и кавказцев — единственную меньшевистскую организацию. Вот почему меня просили обратиться к Ж[оржу] с слезной мольбой не выступать с проектируемым письмом — пока. Зато мы решили — радикально перестроив ее, — статью Ю. О. [Мартова] об Экспр[оприациях] поместить[5]). Мое письмо к Дану об этой статье в двух существенных пунктах почти совпало с письмом Ж[оржа]. Я писал, что фактическая часть статьи может быть использована в полиц[ейских] и демагогических целях и предлагал разослать письмо для обращения в широких партийных кругах с призывом к открытой борьбе coûte que coûte [чего бы это ни стоило]. Приходила мне мысль об обращении к иностранцам, но своего рода чувство партийной гордости говорило против нее. Теперь мы решили от имени заграничного бюро партии, которому Ц. К. поручал расследовать берлинскую историю, составить обстоятельный доклад об экспр[оприациях] и „коморре" и этот доклад перевести на немецкий (и, пожалуй, франц[узский]) язык и в сопровождении письма послать немецкому Vorstand'у, Каутск[ому], Адлеру, в интернац[иональное] бюро, в Лондон (через Rotst[ein'a]) [6]).

Вы и Ж[орж] без особых комментариев поймете, что в таком виде осведомление (и обращение к их помощи) иностранных геноссов о наших внутренних бедствиях и походы на „внутреннего врага" предпочтительнее непосредственного обращения к ним за помощью.

В статье выброшен инцидент с Литвин[овым] [7]) и вообще все, что прямо в литературном отношении шокирует как то (меня, по крайней мере). Статью эту (и вообще поход, резолюции и т. д.) необходимо теперь же поместить хотя бы уже потому, что, по сообщению В. Ив. [Засулич] [8]), Ц. К. рассылает уже приглашения на с'езд [9]). Нужно постараться помешать его созыву или, по крайней мере, заранее дискредитировать его, как созванный на награбленные деньги. Ю. О. [Мартов] предлагал даже, чтобы меньшевики посылали делегатов только на свои местные средства, отказываясь брать у Ц. К. Но я против этого восстал, как и против предложения Ф. И. [Дана] теперь уже пустить в ход пароль: бойкотировать с'езд и заявить об этом нац[иональным] организациям. Это мы еще успеем сделать, и пока нужно только подготовить почву и условия для принятия окончательного решения.

Кажется, все деловое сообщил. Членову не буду писать [10]).

Под влиянием Вашего сообщения о состоянии здоровья Вашего и Ж[оржа] мною овладел было сентиментальный порыв — с'ездить к Вам. Но это трудно выполнимо. Боюсь, что Нерви Вам и Жоржу вреден. Кларан был бы теперь лучше. Жму Вам обоим руки.

Ваш Павел.

Примечания.

1. Это было письмо от 21.II.1908 г. оно сохранилось в архиве П. Б. Аксельрода: в нем Р. М. Плеханова сообщала сведения о здоровьи Г. В. Плеханова:

> «Теперь несколько слов о Жорже. Застала я его совсем больным: лихорадящим, исхудавшим и утомленным. Одну неделю я его продержала в постели. Теперь ему лучше, но работать ему еще нельзя. Это очень обидно, так как и «Голос Соц.-Дем.» и «Совр. Мир» ждали его статей. Во всяком случае, он сделает все возможное, чтобы приготовить статью для «Голоса Соц.-Дем.», но придет она с запозданием»...

2. Редакция «Голоса С.-Д.», состоявшая тогда из Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода, Ф. И. Дана, Ю. О. Мартова и А. С. Мартынова, в это время собралась в Женеве для обсуждения статей, предназначенных к помещению в № 1 этого журнала. Г. В. Плеханов по болезни на собрании редакции не был.

3. Эта «организационная комиссия» была избрана на январской меньшевистской заграничной конференции 1908 г. в составе: Л. Г. Дейча, Зборовского, Назарьева, Пайкеса и Шавдия.

4. Центральный орган РСДРП «Социал-Демократ»; редакция его после Лондонского съезда была создана на коалиционных началах (история переговоров о формировании ее восстановлена в примечаниях к «Письмам П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 169—170); в окончательном виде редакция была составлена из Н. А. Рожкова, Б. И. Гольдмана-Горева и Карского; эта редакция и выпустила — (нелегально) — № 1 «Социал-Демократа» (II.1908 г.), — единственный №, вышедший в России; типография, печатавшая его (нелегальная, в г. Вильно), провалилась, вскоре затем был арестован самый деятельный из редакторов — Н. А. Рожков, и издание органа с начала 1909 г. было перенесено в Париж.

Упоминаемое в тексте открытое письмо Г. В. Плеханова с отказом от работы в «Социал-Демократе» в свое время опубликовано не было, и, насколько нам известно, в печати о намерении Плеханова выступить с таким письмом до сих пор вообще не упоминалось.

5. Эта статья («Не пора ли помириться?») напечатана без подписи в № 1—2 «Голоса Соц.-Дем.».

6. Ф. Ротштейн — старый эмигрант, живущий в Англии; примыкал к с.-д., но вначале работал с Фондом Вольной Русской Прессы; затем стоял близко к меньшевикам; ныне—коммунист.

7. М. Литвинов (Валлах) — старый с.-д., «искровец»; затем большевик; ныне заместитель народного комиссара по иностр. делам.

8. В. И. Засулич с конца 1905 года жила все время в России, большей частью в Петербурге.

9. Как известно, общепартийных съездов РСДРП в дальнейшем уже не было; в конце 1908 г. состоялась общепартийная конференция.

10. Ср. 255-е письмо; в своем ответе (от 24 II 1908 г.) Р. М. Плеханова, сообщила адрес Б. А. Чернова, высказала свое мнение о невозможности, в виду материальных затруднений последнего, устроить у него или через него заем.

248. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

21 III. [1908]

Дорогой Жорж!

Получил вчера от Бебеля письмо [1]), в котором он просит меня списаться с тобою по следующему поводу.

К нему явилась госпожа Belzammer (ее девичья фамилия: Nina Cornegie) хлопотать о помощи для Genosse, dessen Kriegsname Samsonoff [для товарища, псевдоним которого Самсонов], а настоящее [имя] — Трубецкой. Упомянутая дама говорит, что ты его хорошо знаешь. И вот Беб[ель] просит тебя сейчас же сообщить, так ли это. Он бы к тебе сам обратился, но не

знает твоего адреса. Как бы то ни было, не замедли ответить хоть парой строк. Если хочешь, можешь ответить непосредственно Бебелю в Берлин. Но в таком случае дай сам (или Р. М. Плехановой) мне знать, что ты написал Беб[елю].

А нет у тебя оттиска твоей последней статьи о Синдикализме? Получил ли ты перевод Переп[иски] Зорге с моим предисловием, изобилующим, как и перевод, безобразными опечатками? Как я уже сообщал тебе, последняя глава скомкана и насильственно оборвана, а от заключительной главы пришлось совсем отказаться.

Как здоровье твое, Р. М. [Плехановой] и Лиды? Когда рассчитываете вернуться, если не в Женеву, то в Швейцарию? Огромное неудобство получается от разбросанности коллегии вообще и твоего отсутствия в особенности. Вот у меня теперь лежит рукопись „Разложение нашего хозяйства и революция", мне присланная Ф. И. [Даном] с хорошей рекомендацией. А между тем, она проникнута либеральными тенденциями первого произведения [П. Б.] Струве. Статья должна быть коренным образом переделана, или заново написана. Да и при редактировании статей № 1 — 2 („Голоса С.-Д.") не совсем гладко все обходилось. Ты едва ли догадался, что передовая написана Ю. О. [Мартовым]. А ведь она носила громкое название „Наши задачи..." [3]).

Привет Розалии Марковне [Плехановой] и Лиде [Л. Г. Плехановой].

Жму руку.
П. А.

Примечания.

1. Оригинал этого письма не сохранился.
2. Эта статья напечатана не была; кто был ее автором, установить не удалось.
3. В печати она появилась под заглавием «После бури» («Голос С.-Д.», № 1—2).

249. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

22 марта 1908.

Дорогой Павел,

Мне подали твое письмо, когда я уже надел шляпу, чтобы уйти из дому по делу. Спешу ответить на запрос Бебеля

и прошу тебя сейчас же написать ему: ты его берлинского адреса не приложил. Я не знаю никакого Трубецкого. Самсонов же был какой то в Женеве [1]), но я не помню, что он собою представлял, и потому решительно не могу за него поручиться. Прошу тебя буквально написать это Бебелю и прибавить еще вот что: у нас нет никаких доказательств того, что лицо, называющее себя Самсоновым, есть то лицо, которое когдато, кажется, носило в Женеве это имя. Нины Корнеги я тоже не знаю. Прежде чем помогать ему, необходимы новые справки. Скажи Бебелю, что теперь расплодилась целая масса людей, злоупотребляющих правом революционера на помощь со стороны товарищей.

Книгу [2]) я получил. Большое спасибо. Твое предисловие мне очень понравилось. Жаль, что пришлось оборвать его.

Здоровье мое и Розы [Р. М. Плехановой] теперь так себе, с „устремлением" в дурную сторону. Хорошо, что могу работать.

Привет всем твоим от всех нас.

Твой Г. П.

P. S. Оттиски новой статьи о синдикализме [3]) у меня пока еще нет. Пришлю, когда получу.

Г. П.

Примечания.

1. Самсонов (псевдоним)—большевик-эмигрант 1904—05 г.г. (настоящая фамилия его нам неизвестна); выпустил в 1904 г. в Женеве «Проект резолюции об участии РСДРП в земской кампании», его имя упоминается П. Н. Лепешинским («На повороте»), стр. 203, 231 и др.
2. «Письма К. Маркса, Ф. Энгельса и др. к Зорге».
3. Помещена в февральской книжке «Совр. Мира» за 1908 г.

250. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

17. VI. [1908]

Дорогой Жорж!

Получил твое новое произведение, почти залпом прочел всю брошюру [1])—поистине замечательную. Мне кажется, что я почему то теперь с большим правом или основанием могу так смело квалифицировать труд по философским вопро-

сам. Читал я брошюру с великим наслаждением и что для меня особенно важно—с пониманием.

Теперь шлю к тебе большую просьбу: повлияй на молодых коллег [редакцию], чтобы позволили мне не ехать в Женеву на конференцию] [2]). Это было бы для меня своего рода несчастьем—в настоящую минуту. А настоятельной надобности в моем присутствии теперь, конечно, нет.

Привет Р. М. [Плехановой] и детям.

Твой П. А.

Примечания.

1. «Основные вопросы марксизма», изд. книжного магазина «Наша Жизнь».

2. На очередное собрание редакции «Голоса С.-Д.».

251. Г. В. Плеханов П. Б. Аксельроду.

28 сент. 1908.

Дорогой Павел,

Пересылаю тебе письмо, в котором находится предложение написать для сборника в честь Толстого [1]). Знаю это потому, что сам получил такое же письмо. Я, конечно, просьбу исполню. Как увидишь из моей подписи под письмом, я вошел даже в комитет, категорически заявив о том, что я не желаю ни одним действием давать кому бы то ни было понять, что я сочувствую публицистической деятельности Толстого. Это значило, что я немедленно выйду из комитета, если тот выскажет сочувствие Толстому не как художнику, а как публицисту. Но как художника мы обязаны почтить Толстого, и я благодарен комитету за то, что он к тебе обратился. Напиши хоть 20 строк (вспомни, как Маркс относился к Гете, несмотря на политическое лизоблюдство этого последнего).

Мне очень хотелось бы видеться с тобой перед моим от'ездом в Италию.

На днях ты получишь корректуру моего второго письма против Богданова [2]). Передай ее Мартынову. Заранее заявляю, что я не могу сократить его: оно потеряло бы в убедительности. Привет твоим, Роза [Р. М. Плеханова] тебе кланяется: она все хворает.

Твой Г. П.

Примечания.

1. В 1908 г. исполнилось 80-летие со дня рождения Л. Н. Толстого.
2. Оба эти письма, под заглавием: «Materialismus militans», напечатаны в №№ 6—7 и 8—9 «Голоса С.-Д.» (1908).

252. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

3. X 08

Дорогой Жорж!

Как будто нарочно письмо твое получилось в мое отсутствие: я в понедельник вечером уехал в С. Галлен на один день (по частному делу), но застрял там до пятницы, а Саша [А. П. Аксельрод], зная, что я со дня на день собираюсь домой, не почел нужным даже сообщить мне, что от тебя получено письмо. И вот, вернувшись вчера вечером, я застал твое письмо и предложение комитета написать и доставить статейку о Толстом и „не позже 1-го октября" [1]). Не знаю, удастся ли мне это к требуемому сроку. Во всяком случае попытаюсь. Но... ты знаешь, как я далек от таких тем. А потому, если мне удастся до послезавтра (сегодня я должен прочитать статью-рукопись Залевского [2]), и вообще едва ли смогу приняться за нее сегодня) написать статейку, то пошлю ее тебе—найдешь ее удовлетворительной—пошли,—а в противном случае, бросишь в Papier-Korb [корзину для бумаги]. Blamieren möchte ich mich nicht [срамиться я не хотел бы].

Теперь о свидании. Я мечтал о нем, но несколько позже. У меня явилась надежда получить от „О[бщественной] П[ользы]" хоть часть гонорара [3])—ну хоть франк[ов] 200—50. На эти деньги я рассчитывал съездить к тебе (в Женеву или Кларан) на недельку-другую, а затем, быть может, и в Париж. Я сегодня пишу в „О[бщественную] П[ользу]". Кроме того мне хотелось до свидания с тобой войти в работу, чтобы так сказать не предстать перед тобой интеллектуально и литературно нагим. Как видишь, я лично очень заинтересован, чтобы ты не сейчас уехал в Италию, а... недели через три, четыре. Но, конечно, это пустяки. Ты ведь едешь не для удовольствий и раз погода в Кларане—Женеве испортилась, то медлить нечего. Но как быть мне в таком случае? Добраться до Нерви или до другого места пребывания твоего в Италии

у меня почти надежды нет, а сейчас двинуться в Женеву также отчасти неудобно, а отчасти даже трудновато. А хотелось бы тем не менее. Сообщи мне, пожалуйста, немедленно, когда именно собираешься ехать и куда тебе писать (говорят, что ты теперь в Кларане). А у меня за это время выяснится вопрос о Möglichkeiten [возможностях] поездки теперь же.

Передай мой искреннейший привет Р. М. [Плехановой] и детям.

Твой П. А.

Примечания.

1. В этом случае дата указана по старому стилю.

2. К. Залевский—псевдоним Трусевича, старого польского с.-д.; в 1907—1914 г.г. примыкал к меньшевикам и много писал в их органах «Голос С.-Д.», «Наша Заря» и др.; умер в 1918 г. коммунистом. В письме речь идет, несомненно, об его статье «К 25-тилетию марксизма в Польше»; она напечатана в № 8—9 «Голоса С.-Д.» (июль—сентябрь 1908 г.).

3. Издательством «Общественная Польза» в 1907 г. были выпущены два сборника статей П. Б. Аксельрода, появившихся ранее в зарубежной печати; кроме того, под редакцией П. Б. Аксельрода и с его предисловием вышли в том же издательстве «Письма К. Маркса и др. к Зорге».

253. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

[4. X. 08.]

Дорогой Жорж!

Вчера я тебе отправил письмо в Женеву, а сегодня мне сообщил Мартынов, что ты уехал на несколько дней в Кларан. В том письме я выразил намерение попытаться написать статейку о Т[олстом]. Но вижу, что я поступил легкомысленно, выразив такое намерение. Когда я начал мысленно формулировать то, что хотел бы написать, то увидел, что частью это уже сказано в статье Троцкого [1]) и Мартыновым в статье для „Г[олоса] С[оциал-Демократа]“[2]), а частью не совсем подходит к цели и назначению Сборника. Но что более всего мне мешает взяться за перо для писания требуемой статьи, так это—как бы лучше выразиться—нечто в роде чувства совестливости что ли. Я давно уже не заглядывал в сочинения Т[олстого] и я не настолько изучил его, чтобы теперь на память, не освеживши ее хоть беглым просмотром главных его произведений, писать о нем, как о великом художнике. Ограничиться же только

несколькими общими банальными фразами, я просто психологически не в состоянии. Я мог бы только высказать несколько замечаний—в отрицательном смысле,—об его общих тенденциях и его анти-историческом, сектантском складе ума или мышления. В его отношении к культурному, политическому и научно-философскому развитию человечества есть элемент варварства, первобытного сектантства... Но подчеркнуть это и еще некоторые отрицательные (даже возмутительные для великого человека во вторую половину 19-го века) стороны и тенденции в маленькой статье в предлагаемом сборнике было бы, пожалуй, неуместно. А главное и для этого мне нужно было бы освежить свои старые впечатления хотя бы беглым чтением некоторых частей „В[ойны] и М[ира]", „Анны Кар[енинoй]" и т. д. Без этого минимального условия мне совестно и приниматься за статью, хотя бы в несколько десятков строк. Это было бы какое-то святотатство,—грубая профанация.

Мартынов полный отчаяния показал мне сообщение из типографии, что в твоей статье более 100.000 букв [3]). Что делать? Нужно будет еще пол-листа, 8 страниц сверх предположенных 2 лист[ов]. А на это и средств нет. Что я мог ему на это ответить? Позавчера я заикнулся было, чтобы отложить его статью [4]), но это по его мнению невозможно. Остается разбить твое второе письмо на два. Но возможно ли это? Т.-е. возможно ли так изменить его, чтобы получились 2 более или менее самостоятельные письма? Просмотри сам под этим углом зрения...

Крепко жму твою руку. Привет твоим, если они в Кларане.

Твой П. А.

Примечания.

1. Статья Л. Троцкого: «Leo Tolstoi», напечатана в № 51 «Neue Zeit» от 18.IX.1908 г.

2. «Две годовщины» напечатана в № 8-9 «Голоса С.-Д.».

3. Вторая часть статьи «Materialismus militans» напечатана целиком в виде фельетона в № 8—9 «Голоса С.-Д.»

4. «Две годовщины».

254. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду и А. С. Мартынову.

Le lundi, 5 octobre, 1908

Дорогие товарищи Павел и Александр Самойлович! Я не знаю, сколько именно букв в моей статье, но я знаю, что сокращать ее нельзя. Т. е. собственно можно, но только на несколько букв, что я и сделал: теперь она сокращена на 10 букв. Но больше не могу сокращать. Войдите же в мое положение: меня просили,—прямо настаивали, начать полемику с Богдановым. Я долго отнекивался: Дан свидетель. Наконец, я берусь за перо, уничтожаю эту бестию, и теперь мне говорят: „надо сократить или отложить". Видали ли Вы кота с мышью во рту? Попробуйте посоветовать ему „сократить" или „отложить" его добычу: он только зарычит. Так и я: ни сокращать, ни откладывать не могу, теперь во мне говорит чувство охотника, от которого может уйти дичь. Я могу предложить только совсем не печатать мою статью фельетоном, а выпустить ее отдельным приложением. Она окупится, а если не окупится, то я заплачу расходы. Но Богданов должен умереть сейчас и „sans phrases" [без разговоров]. Посоветуйтесь между собой и немедленно напишите мне в Женеву, куда я завтра же, т. е. во вторник, еду.—Сегодня утром я послал Вам, А. С. [Мартынов], статью Потресова [2]). Просят поскорее прочитать ее и послать по следующему адресу: А. Н. Потресову, Церковная улица, д. № 4, кв. 38, Петербургская сторона, С.-Петербург.

Конца еще нет: всего 109 страниц.—По моему, статейка так себе. Покажите ее Павлу, и пусть он напишет Потресову, который, на странице 67—69 приписал мне и ему 2 разных „концепции". А мы всегда были согласны.

Примечания.

1. Письмо обращено к П. Б. Аксельроду и жившему в то время в Цюрихе А. С. Мартынову, тогда также входившему в состав редакции «Голоса С.-Д.».

2. Эта была статья А. Н. Потресова «Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху», помещенная в I томе известного коллективного труда: «Общественное движение в начале XX века». Именно эта статья вызвала резкие разногласия между Г. В. Плехановым и остальными членами редакции «Голоса Социал-Демократа» (см. ниже).

255. П. Б. Аксельрод Г. В. Плеханову.

[Середина ноября 1908 г.]

Дорогой Жорж!

Сегодня мне принес Мартынов письмо Дана, в котором он сообщает о твоем отказе помещать свои работы рядом со статьями А. Н. [Потресова] [1]. Я от тебя лично слышал соображения, которые побудили тебя к этому. И все таки я боюсь, что этот шаг по крайней мере преждевременен и может вредно отразиться на и без того незавидном положении марксистского или если хочешь, ортодоксально социально-демократического ядра в нашей партии. Оплошность вышла с самого начала, при организации предприятия с партийным сборником: вместо того, чтобы обсудить здесь коллективно характер и план его и распределить темы, все это ты и другие соредакторы сборника предоставили питерцам. Нельзя ли теперь поправить дело, ну хотя бы таким образом, чтобы А. Н. [Потресов] взялся за другую тему, а свою предоставил Ю. О. [Мартову]. Что же касается Московского [Сборника [2]], то ведь он, кажется, находится только в проекте. Ты мог бы поэтому предложить такие условия, которые заранее гарантировали бы принципиальную и теоретическую выдержанность его. Ведь и Маслов [3] „марксист“ в кавычках, а все же ведь не поставишь условием сотрудничества в журнале и т. д. исключение его из коллегии. Нужно только не давать таким коллегам щекотливых тем, требующих особой теоретической и политической вдумчивости и понимания от автора.

Знаю, что мои Bedenken [сомнения] и предложения вызовут твое негодование против меня. Но я считал делом своей совести, своим долгом написать тебе свое мнение, — после того, как я конкретнее представил себе то впечатление и те последствия, которые может иметь твой шаг.

В Vorwärts [в воскресном номере] помещена статья Дана „Ein sozialdemokratisches Jubiläum“ [4], в которой в очень немногих словах дана гораздо более верная и гораздо более глубокая характеристика или оценка твоей деятельности, чем у А. Н. [Потресова]. К сожалению, ее юбилейное назначение побудило Дана говорить о коллективности [5] там, где дело идет

собственно о тебе. Но действительный суб'ект, о котором собственно идет речь, подразумевается сам собою всяким грамотным читателем.

Крепко жму руку.

Твой Г. А.

Примечания.

1. Извлечения из относящихся к этому периоду писем Г. В. Плеханова к Ф. И. Дану опубликованы Г. В. Плехановым в брошюре «О моем секрете». Приложение к № 10 «Дневника С.-Д.», стр. 22—24.

2. Речь идет о сборнике, вышедшем под заглавием: «На рубеже».

3. Петр Павл. Маслов, известный экономист, автор «Аграрного вопроса в России» и др.

4. Напечатана в «Vorwarts» от 8.XI.1908 г.; посвящена 25-летнему юбилею возникновения Группы «Освобождение Труда».

5. Т.-е. о Группе «Освобождение Труда».

256. П. Б. Аксельрод—Р. М. Плехановой.

1. XII. 08.

Дорогая Розалия Марковна!

По прочтении полученных на прошлой неделе глав статьи А. Н. [Потресова] и письма Ф. И. [Дана] о конфликте, я (и М[артынов]) тотчас же написал парижанам [1]), что лучший способ покончить с ним, это—выйти Ж[оржу] и им [2]), из редакции сборника. Я считаю выход из редакции лучшим, потому что переносит вопрос с почвы личного индивидуального спора на почву непосредственно принципиальную, общую. Если бы Ж[орж] и парижане не числились среди редакторов, а являлись бы просто сотрудниками, то они также мало могли бы считаться ответственными за неудачные и даже оппортунистические статьи других сотрудников, как в „Совр[еменном] Мире“ [3]) и т. д. Кроме того, и с точки зрения борьбы с оппортунистическими тенденциями среди меньшевиков редакционное участие в частном предприятии с случайным подбором сотрудников и заранее сделанным среди них распределением тем в высшей степени странно. Согласие Ж[оржа] и М[артова] принять участие в редакции при таких условиях было ошибкой, но ее еще можно исправить и тем самым устранить конфликт из за статьи А. Н. [Потресова], который сам по себе, как индивидуальный изолированный факт, ничего кроме нового

элемента раздора и путаницы в наши ряды внести не может. Очень жаль, что Вы статьи А. Н. [Потресова] не прочли. Я выражал Ж[оржу] устно и еще раньше письменно свое неудовольствие ею. Вероятно, Вы моего письма не читали или не получили, ибо я в нем говорю как раз то, что Вы пишете [4]), а именно, что такую тему следовало поручить Мартову и что организация всего предприятия с фракционной точки зрения была verfehlt [ошибочна]. Но я считаю своим долгом сказать, что дух и направление статьи Потр[есова] те же, что появлялись и прежде в его работах, особенно в „Заре“, что поворота к струвизму с его стороны я не вижу. Как раз те главы, которые мне особенно не понравились, пропущены, хотя и скрепя сердце, Ж[оржем]. Он, между прочим, особенно недоволен был фразой, которая могла бы быть истолкована, как указание на разногласие между мной и им; но [5])...

Примечания.

1. В Париже тогда помещалась редакция «Голоса С.-Д.» и жили Ф. И. Дан и Ю. О. Мартов.

2. В состав редакции «Общественного Движения» из «партийцев» входил один Ю. О. Мартов; о выходе его из этой редакции и идет речь.

3. Ежемесячный журнал, выходивший в это время под редакцией Н. И. Иорданского; Г. В. Плеханов состоял постоянным сотрудником этого журнала.

4. Это письмо Р. М. Плехановой не сохранилось.

5. Имеющийся в распоряжении редакции оригинал письма на этом обрывается, отрывки из несохранившейся части были в свое время опубликованы Г. В. Плехановым в брошюре «О моем секрете», 1910 г., стр. 27—28 — воспроизводим их оттуда:

> «...но после моего письма к Потресову он выбросил ее. Быть может, те главы или страницы, которых я не читал, содержат вообще нечто такое, что прямо грешит оппортунизмом. Вы, например, приводите такую фразу: «Плеханов и Аксельрод опровергали» (Очевидно, речь идет о Л. И. [Аксельрод-Ортодокс], ибо я литературно не выступал против ревизионистов). В моих и Мар[тынов] руках не было той части статьи, в которой эта фраза находится. В тех же главах, которые я прочел, я нахожу старые, давно знакомые мне недостатки, столь определенно проявившиеся в статье «Что случилось?»*). И, наверное, не сознательно тенденциозно, а в силу склада своего ума и литературного воспитания

*) «Заря», т. I, 1901 г.

и т. д., он дал неудовлетворительную картину внутренней идейной эволюции нашего движения. Но если он не справился со своей задачей, то ведь это его беда, и помещение его статьи в сборнике также не равносильно согласию Ж[оржа] на свое политическое и литературное самоубийство, как появление плохих или даже антимарксистских статей в «Volksstaat'е» [?] означало такое самоубийство для Маркса. Разумеется, лучше было бы, если бы статья А. Н. [Потресова] — без значительной переделки, — не появилась в сборнике. Но я утверждаю, что недостатки его статьи не трудно было предвидеть по основании его предыдущей литературной деятельности».

Далее, прибавляет от себя Г. В. Плеханов в «Секрете», Аксельрод, сознав, что несправедливо было бы подозревать его в пристрастии к Потресову, продолжает:

«Я считаю только своим долгом высказать, что, если статья Потресова заслуживает строгой критики, то — поскольку я и М[артынов] ее читали — сама по себе она не должна стать casus belli, ибо, без сомнения, в сборнике окажется еще не одна статья гораздо более сомнительного, в принципиальном смысле, свойства, чем статья А. Н. [Потресова]».

257. П. Б. Аксельрод—Р. М. Плехановой.

Париж, 14.I.09.

Дорогая Розалия Марковна!

Прилагаемые письма Ж[оржу] из Тавриза [1]) получены мною здесь после довольно многих мытарств, так как у меня нет при себе бумаг. Они пересланы были сюда женевской почтой и, повидимому, пролежали здесь в почтовом бюро около двух недель. Мне говорили, что Ж[орж] уже в Нерви, но что Вы, судя по письму Петрова [2]), еще в Женеве, а потому вернее будет посылать письма на Ваше имя.

Мартынов переслал сюда заявление Жоржа о выходе из редакции „Г[олоса] С[оциал-Демократа]“ и письмо его, в котором он предлагает нам „сделать что нибудь“ для предотвращения такого шага с его стороны. Но сколько мы ни ломали свои головы над решением вопроса „что делать“, мы ничего не могли придумать. Но вот вчера пришло сообщение Петр[ова], что Жорж требует выхода Мартова из редакции пятитомника. Эта мысль нам не приходила в голову, потому что мы с тем и приехали в Женеву [3]), чтобы в согласии с Ж[оржем] перерешить вопрос об участии наших в редакции этого издания, об ее составе и т. д. Но Ж[орж] ни о чем и слышать не хотел,

кроме телеграфического требования с нашей стороны, чтобы уже напечатанная статья в напечатанном уже сборнике не появилась в свет. Как бы то не было предложение или требование Ж[оржа] discutable [может быть обсуждено], по крайней мере, как исходный пункт или как один из возможных выходов из создавшегося положения.

Заявление Ж[оржа] с нашим и М[артова] ответами вероятно уже набирается [1]). Что оно внесет сначала некоторую смуту в умы — это весьма вероятно. И это конечно во сто раз больше противоречит традициям и интересам революционного маркс[изм]а, чем все изъяны и недочеты в статье Потресова, вместе взятые. А между тем, стоит Ж[оржу] ограничиться указанием на мотивы своего выхода из редакции пятитомника — и смута была бы предупреждена. Что Ж[орж] мог из теоретического ригоризма отказаться от соредакторства с автором статьи, в которой он видит серьезные отклонения от революционного марксизма, — это было [бы] einleuchtend [понятно] и тем читателям, которые сами таковых не видят в ней. Но решительно не поймут люди с открытыми глазами такого шага, как выход Ж[оржа] из коллегии „Г[олоса] С[оциал-Демократа]" за то, что она не решилась предъявить телеграммой требование об изъятии статьи Потр[есова] в издании, к которому она, как целое, ровно никакого отношения не имеет. При этом Ж[орж] не может даже сослаться на то, что Ю. О. [Мартов] остается редактором „Г[олоса] С[оциал-Демократа]", так как, ведь, Мартов заявил Ж[оржу] о своей готовности выйти из редакции нашего органа, чтобы только предупредить выход из нее [Жоржа]. Ж[орж] грозит (по словам Петр[ова]) изобличением нас перед иностран[ными] товарищами в оппортунизме. Это уже совсем странно. Ведь иностранцы — противники прежде всего практического оппортунизма. А кто же из них (ортодоксов) не знает, что в „кадетизме" меньшевиков больше всего обвиняют Ж[оржа]! Кстати, и на этой конференции [2]) [9] [10] иллюстраций меньшевистского „оппортунизма", „кадетизма" и т. д. относилось к выступлениям Ж[оржа] в буржуаз[ной] печати. Меньшевиков обвиняли большевики и поляки говоря: ваш лидер Плехан[ов] совершил такой то „оппортунический" акт. Имея все это в виду, не трудно представить себе, какую вакханалию

хулиганства вызовет среди большевиков, поляков и ревизионистов заявление Ж[оржа].

Простите, что заговорил на эту тему и примите все-таки мои искреннейшие пожелания всего лучшего Вам, Ж[оржу] и детям.

Жму руку.

П. А.

Примечания.

1. Повидимому, это были письма известного грузинского с.-д., видного деятеля персидской революции 1907—08 г.г. Трия-Мгеладзе (автора брошюры о персидской революции, изданной в 1910—11 гг. редакцией парижского «Социал-Демократа»).

2. Петров—псевдоним известного в то время за границей меньшевика М. Н. Назарьева.

3. Некоторые сведения об этом приезде П. Б. Аксельрода, Ф. И. Дана, Ю. О. Мартова и А. С. Мартынова в Женеву имеются в брошюре Г. В. Плеханова «О моем секрете» и в особом приложении к «Голосу С.-Д.»: «Необходимое дополнение к Дневникам с.-д.».

4. Заявление Г. В. Плеханова о выходе его из редакции «Голоса С.-Д.» предназначалось к помещению в №№ 10—11 «Голоса С.-Д.» и было уже набрано, но затем после переговоров, по просьбе Г. В. Плеханова, исключено из верстки (в заклеенном оглавлении номера оно упомянуто). В печати ни заявление Г. В. Плеханова, ни ответ на него редакции «Голоса С.-Д.» не были опубликованы.

Позднее, уже в мае 1909 г., в № 14 «Голоса С.-Д.» Г. В. Плеханов опубликовал письмо о своем выходе из редакции этого органа.

6. П. Б. Аксельрод говорит о состоявшейся незадолго перед тем общепартийной конференции РСДРП, на которой П. Б. Аксельрод присутствовал, имея вместе с Ф. И. Даном и Н. В. Рамишвили мандат от кавказского областного комитета (см. «Отчет кавказской делегации об общепартийной конференции», Париж, 1910 г.).

258. Г. В. Плеханов—П. Б. Аксельроду.

Сан-Ремо, 21 января 1909.

Уважаемый Александр Самойлович [1])! Так как я не знаю, где в настоящее время находится П. Б. Аксельрод, то я прошу Вас немедленно переслать ему это письмо: Вы то, наверное, знаете его адрес. И так как это письмо касается нашего общего дела, то я не только уполномочиваю, но приглашаю Вас прочитать его. Пишу это письмо на том же листе бумаги.

Дорогой Павел, Роза [Р. М. Плеханова] переслала мне твое письмо ко мне [2]), и я считаю не бесполезным ответить,

на него, хотя и сомневаюсь в том, что мой ответ приведет к каким нибудь практическим последствиям.

Откровенно скажу тебе: тон твоего письма мне совершенно непонятен. Но на нем я останавливаться не буду, хотя французы и говорят, что c'est le ton, qui fait la musique [тон делает музыку]. Буду говорить о фактах.

Петров [М. И. Назарьев] писал вам о каких то угрозах с моей стороны, а ты отвечаешь тоже чем то в роде угроз. Но странно, что тебе не пришло в голову спросить себя,— при каких же собственно обстоятельствах „грозил“ я Петрову? А обстоятельства были таковы. Я собирался уезжать в Италию, и Петров передал мне, что он хочет повидаться со мной перед моим отъездом. Я согласился, и вот Петров пришел и заговорил о моем столкновении с Вами. Я,— которому, как видишь, совсем не принадлежит почин этого свидания,— не мог не отвечать на то, что он говорил: ведь этого требовала простая вежливость. В разговоре я высказал то свое убеждение, что нельзя защищать Потресова, не покидая точки зрения революционного марксизма. „Если они,—т.-е. Вы,—возьмут Потресова под свою защиту, то покажут себя оппортунистами в глазах всего мира“, сказал я. „Угроза“ ли это?

Далее. Петров говорил о вредных последствиях нашего разрыва и находил, что, в виду этих последствий, следует быть уступчивым. На это я ответил не без иронии (каюсь!): „Так вот Вы и напишите все это своим парижским товарищам“. Петров, как видно, иронии не понял, и решил, что я прошу его сообщить Вам мои „угрозы“. Это мне напоминает время моих столкновений с „экономистами“. Но там был Акимов [В. М. Махновец], а тут—ты. Мне непонятно, как мог ты понять меня, хотя бы и в передаче Петрова,—извини,— по Акимовски...

Passons [дальше]. Я и сам понимаю, что наш разрыв страшно повредит делу. Потому то я и просил Мартынова придумать что нибудь для поправления положения, созданного появлением в печати статьи Потресова в „капитальном труде меньшевиков“. Вы отказались придумать что бы то ни было: Мартынов писал мне, что Вы

ничего придумать не можете. Что же мне делать? Ведь я совершенно искренне считаю opus [творение] Потресова изменой марксизму. Я готов иначе мотивировать свой выход, но не знаю как, а оставаться в редакции не могу, потому что вижу серьезные разногласия между нами по вопросам практической политики (и, разумеется, по тем вопросам, которые затронуты в статье Потресова). Ты пишешь, что Вы затем и приезжали в Женеву, чтобы найти выход, но ты забыл, что Вы застали меня больным и что мое болезненное состояние сильно ухудшилось вследствие грубого оскорбления, нанесенного мне одним из Вас [3]) в первом же заседании редакции. Выход Мартова из редакции „Голоса Соц[иал]-Демократа“ ничему не помог бы, хотя и гарантировал лично меня от грубостей. Но я не счел себя в праве руководиться личными мотивами. Единственной серьезной мерой был бы выход Мартова из редакции пятитомника, дополненный тем или другим заявлением (или иным выражением мнения редакции, хотя бы в виде примечания к моей статье) насчет несолидарности редакции „Г[олоса] С.-Д.“ с тем, что ты par euphimisme [мягко выражаясь], называешь дефектами статьи Потресова. Этим можно было бы избежать громкого разрыва, а затем мы придумали бы что нибудь для того, чтобы или окончательно уладить наши отношения, или же мирно разойтись, без досады и шума, как разошлись Лот и Авраам, по словам Библии. Может быть, номер уже вышел, хотя я должен сказать, что только сегодня получена мною корректура моего заявления. Это уже недосмотр секретаря редакции. И я протестую против этого недосмотра.

Еще раз: главное это то, чтобы довести до минимума вредные последствия нашего столкновения. Как это сделать? Я излагаю Вам свой план улажения этого столкновения, которое, несомненно, внесет страшную путаницу в умы. Напишите Ваш план: может быть, что нибудь и придумаем, но молчать по поводу появления статьи Потресова, „с благословения“ т. [4]) Мартова и оставлять все, как оно есть теперь, я не могу, ибо это дело касается самого сокровенного моего убеждения, да и практические последствия молчания были бы страшно вредны: Потресов сеет оппортунистическую

путаницу понятий. Мой Адрес: San Remo, Villa Flora.

Напиши, если найдешь нужным, иначе сказать, если Вы в самом деле хотите сделать что-нибудь для улажения столкновения.

Итак, еще раз: т. Мартов выходит из 5-томника; в следующем № „Голоса С.-Д." я пишу разбор статьи Потресова и редакция „Голоса" выражает свое принципиальное согласие со мною. Жду скорого ответа на эти предложения.

Теперь одно личное замечание. Ты, Павел, в своем письме к Розе [Р. М. Плехановой] выражаешься так, как будто, по твоему мнению, совершенно невыполнима была моя просьба о задержании статьи Потресова. Но это требование-просьбу[5]) ты признал приемлемым у меня на квартире: ты ушел, дав мне и Розе обещание настаивать на его исполнении перед остальными членами редакции. Это обещание не было выполнено тобою*; но все-таки был же момент, когда мое требование-просьба представлялось тебе вполне приемлемым. А теперь ты как будто забыл об этом эпизоде...

Г. Плеханов.

Примечание.

1. А. С. Мартынов.

2. По всей вероятности, Г. В. Плеханов ошибся,—из текста ясно, что речь идет о каком-то неизвестном нам письме П. Б. Аксельрода к Р. М. Плехановой.

3. Ю. О. Мартов.

4. Эта буква «т.», т.-е. «товарища», написана Г. В. Плехановым сбоку, очевидно, при повторном чтении письма.

5. Слово «просьба» вписано поверх строк, очевидно, при повторном чтении письма.

259. П. Б. Аксельрод—Г. В. Плеханову.

Париж, 25.I.09.

Дорогой Жорж!

Мартынов переслал мне твое письмо, и мы сегодня обсудили твое предложение. Но буду отвечать по порядку.

---

* Почему, — я не знаю, ибо ты не счел нужным зайти к нам, изменив свое мнение. Мне остается лишь строить догадки.

Тебя удивляет тон моего письма к Р. М. [Плехановой]. Мне и самому было очень тяжело, что письмо мое оказалось написанным в тоне, противоположном тому, в каком я хотел его писать. Но—„как аукнется, так и откликнется"—даже не желая того. Ведь письмо все же предназначалось для тебя, как ответ на твою карту Мартынову и на то, что сообщал Петров [М. И. Назарьев]. Из сообщений Мартынова о своих беседах с тобой, я (и другие) заключили, что ты решил конфликт с Мартовым не превращать в конфликт с „Г[олосом] Социал-Демократа]". И вдруг, — как снег на голову — твое заявление о выходе из редакции (не только пятитомника) „Г[олоса] С[оциал-Демократа]", с мотивировкой, в высшей степени странной, и затем, карта, с требованием покончить с „комедией ошибок"—в ответ на более, чем безупречные, по тону, письма Мартынова. И в довершение всего письмо Петрова, которое,—допускаю—[я] не совсем точно истолковал, но которое все таки усиливало, а не ослабляло впечатление от твоих писем к Мартынову. Правда, ты сделал определенное предложение, — чтобы Ю. О. [Мартов] вышел из редакции пятитомника. Но ведь это самое предложение ты мог сделать, когда мы были в Женеве—и, быть может, мы бы до чего нибудь договорились. Тогда время и деньги, затраченные на поездку в Шв[ейцарию] не пропали бы даром. Вот те факты и впечатления, под влиянием которых я писал письмо и которые, помимо моей воли, отразились в тоне его.

Теперь об „угрозах". Видишь ты, если бы Петров написал, что ты с д е л а л что нибудь подобное, я, действительно, должен был бы, по меньшей мере, усумниться в этом или даже прямо не поверить этому—впредь до пред'явления очевидных и осязательных доказательств, в виде неопровержимых фактов. Но, Жорж, ведь речь шла о словах, сказанных,— как естественно было предположить,—в минуту сильного раздражения. А что ты, под влиянием раздражения, способен сказать и нечто такое, что ты, по зрелом размышлении, найдешь недопустимым сделать и не сделаешь,— это я знаю из опыта, и ты сам должен это признать. В этом смысле я и употребил фразу об „угрозах", но теперь жалею, потому, во-первых, что, повидимому, слишком вольно истолковал слова Петрова, благодаря слишком беглому

чтению его письма, а, во-вторых, что таким образом поступил несправедливо по отношению к тебе и огорчил вдобавок Розалию Марковну [Плеханову].

Но ты со своей стороны глубоко ошибаешься, увидев в моих словах нечто „в роде угроз“. Прочти еще раз относящиеся сюда строки, и ты сам увидишь, что в них речь идет лишь об обращении твоего внимания на два факта: во-первых, на то, что иностранцы подозрительны не по части теоретического [оппортунизма], а практического — отношение к кадетам и т. д., во-вторых, что, поскольку большевикам удалось вызвать такое отношение к нам среди иностранцев, оно и против тебя направлено, как против „лидера меньшевиков“. И в то время, как ты, — на словах, по крайней мере, — готов объявить нас, своих de facto [фактически] ближайших товарищей, единомышленников (я говорю о важных вопросах, а не о частных, эпизодических) и последователей, полу-оппортунистами или на пути к оппортунизму, — большевики привлекают нас к ответу за такие выступления „нашего лидера Плеханова“, которые они, большевики, считают оппортунистическими. Не ирония ли это судьбы? Вот на эту самую иронию я указал, сопоставляя твои заявления о наших мнимых оппортунистических грехах с теми упреками, которые сыпались на меньшевиков, с тобою во главе, на конференции, происходившей здесь недавно.

Теперь еще о моем „*обещании настаивать на неисполнении*“ твоего „требования-просьбы“ задержать появление статьи Потресова. Об этом или, вернее, о телеграмме коллективной в этом смысле разговор шел у меня с Р. М. [Плехановой] — без тебя, а ты вошел в комнату, когда я уже уходил, прощался с Р. М. [Плехановой], и мог слышать только обрывки какой-нибудь фразы. *Обещания задержать выход статьи я не мог* дать по той простой причине, что мне известно было, что книга уже вся готова, отпечатана и не сегодня-завтра выйдет в свет. Но я обещал предложить или попросить товарищей trotzdem [несмотря на это] послать телеграмму — ну, на авось что ли; товарищи резонно указывали на то, что посылка телеграммы при данных условиях будет чистейшей комедией и только поставит всю коллегию в смешное и нелепое положение, что обращение со стороны коллек-

тива, совершенно чуждого пятитомнику, с нашим требованием приостановить его выход не только будет безрезультатным, но и просто странно бестактным. Как же я мог „настаивать“ перед товарищами на таком шаге, который ни к чему, кроме компрометирования всей коллегии, привести не мог? Такое предложение могло бы иметь хоть некоторый шанс на успех еще во время моего первого приезда в Женеву. Это я говорил Р. М. [Плехановой] (и вероятно, тебе), доказывая ей, что теперь оно абсолютно невыполнимо. Естественно, что товарищи отказались послать телеграмму,— просто на авось, ради того только, чтобы показать свои добрые намерения. Свое же „обещание“ поговорить о телеграмме я исполнил, хотя я и почувствовал противоречивость этого предложения. А не зашел я к тебе и Р. М. [Плехановой] перед от'ездом по причине, которую я высказал Р. М. [Плехановой]. Я ей сказал даже, что если бы я предвидел характер и содержание твоего разговора со мною, я бы и к обеду не зашел к Вам, так как договориться до чего нибудь,— в том состоянии раздражения, в котором ты находился,—невозможно, а бесплодно пререкаться, выслушивать неосновательные обвинения и упреки по адресу товарищей, не заслуживших их,— мне невыносимо тяжело, тем более, что и на твоем здоровьи это вредно отражается. Кстати, ведь я не упрекал тебя в письме к Р. М. [Плехановой] за то, что ты, по нездоровью, перестал ходить на наши совещания. Ведь со мною или Евген[ием] [Л. Г. Дейчем] ты у себя в комнате мог продолжать и деловые переговоры и предлагать, например, хоть выход Март[ова] из редакции пятитомника.

В настоящий момент положение таково. Мартов, под влиянием твоего письма, прислал заявление о своем выходе из редакции „Г[олоса] С[оциал-Демократа]“, чтобы этим облегчить тебе возможность остаться в рядах коллегии, с одной стороны, а с другой,—чтобы освободить нашу коллегию от какого бы то ни было соприкасательства,— в лице его,—с внутренними делами и конфликтами редакционной коллегии пятитомника: Выйти из него он теперь не считает для себя возможным, т. к. он не видит в статье Потр[есова] „измены марксизму“, а, следовательно, и оправдания для нарушения своего дого-

вора с издателем, [Потресовым] и т. д. А т ак[к[ак] и мы не находим (пока, по крайней мере) в ней „измены", то морально не можем настаивать на выходе Ю. О. [Мартова] из редакции шатитомника. Мы того мнения, что наиболее целесообразно было бы со стороны Мартова—пред'явить требование ввести в состав редакции шатитомника столько человек из чисто марксистского лагеря, чтоб обеспечить себе в ней большинство (можно бы, например, предложить Ортодокса [Л. И. Аксельрод]). Но, судя по твоему письму, трудно рассчитывать на то, что ты согласишься на это, а потому, решение Ю. О. [Мартова] оказывается чуть не единственным выходом.

Что касается до твоего предложения относительно заявления нашей принципиальной солидарности с твоей статьей о Потресове, то как же мы можем заранее дать такое обязательство? Быть может, что нам придется открыть дискуссию по поводу статьи Потр[есова], оставляя за собою, как коллективностью, последнее слово. Разумеется, мы исходим из предположения, что ты своим полемическим тоном не поставишь нас в неловкое положение или необходимость сделать оговорку или примечание о своей несолидарности с тобою в этом отношении.

Кажется, я на все ответил. В заключение скажу, что существо твоего конфликта с Мартовым никоим образом не требует твоего разрыва с „Г[олосом] С[оциал-Демократа]", по крайней мере—в такой форме и с такой мотивировкой, которые доставили бы только безмерную радость твоим и нашим врагам, не соответствовали бы существу дела и именно поэтому внесли бы путаницу в умы. „Молчать" тебе незачем, но ведь можно и обязательно говорить так, чтобы действительно выяснить теоретические грехи и скрывающиеся за ними оппортунистические тенденции, не внося при этом разгрома, дезорганизации и хаоса в свои собственные ряды.

Свою отставку Ю. О. [Мартов] послал Мартынову. Прилагаю приглашение редакции Ц. О.[1]) к сотрудничеству. По настоянию меньшевиков и особенно кавказца Петра[2]) мы делегировали Ю. О. [Мартова] в редакцию—конечно, на известных условиях, гарантирующих меньшевистских сотрудников от произвола. Если хочешь, тебе вышлют эти условия[3]).

П. Аксельрод.

Вспомнил об „оскорблении“, нанесенном, по твоему мнению, тебе Ю. О. [Мартовым]. Я считаю своим долгом еще раз повторить то, что я говорил тебе об этом на следующий же день. Ю. О. [Мартов] хотел только показать тебе, как бесконечно далек был Потресов от предположенных тобою в его статье намерений и тенденций. Потр[есов] нашел твое предположение настолько чудовищным, так противоречащим его действительным намерениям и взглядам, что охарактеризовал его резким словом, которое Ю. О. [Мартов], под непосредственным впечатлением твоих заявлений, повторил, чтобы этим самым подчеркнуть, как ты неправ в данном случае, приписывая А. Н. [Потресову] совершенно чуждые ему мысли, тенденции и намерения. Признаюсь, зная твою чувствительность и подозрительность, я бы, на месте Ю. О. [Мартова], был осторожнее, а он, добродетельный, и не представил себе, чтобы ты понял его слова, как оскорбление тебе. Он и теперь этого в толк не может взять.

Увы, предчувствую, что напрасно я все это говорю, но что ж другое мог и могу я сделать для предотвращения того зла, которое связано с осуществлением твоего плана действий.

Примечания.

1. Т.-е. «Социал-Демократа», который с февраля 1909 г. был перенесен за границу.

2. Псевдоним Ноя Виссарионовича Рамишвили, после 1918 г. член ЦК Грузинской с.-д. партии, член правительства Грузинской республики.

3. Нам эти условия не известны.

260. П. Б. Аксельрод — Р. М. Плехановой.

Paris, rue d'Assas, 68, II chez Pomeranz.

25.I.09.

Дорогая Розалия Марковна!

Я очень колебался писать Вам по поводу злосчастного конфликта, потому что трудно было или, вернее, невозможно было мне это сделать, так или иначе не огорчая Вас. А, с другой стороны, мои прежние впечатления не могут во мне питать надежду на то, чтобы мои слова могли оказать какое-либо действие, раз они идут в разрез с настроением и жела-

ниями Ж[оржа] в данную минуту. И вот не удержался — и достиг только того, что на Вас произвел крайне тяжелое впечатление и вызвал сверх того крупное сверхштатное недоразумение.

28.I.

Как видите, продолжаю после 2—3-дневного перерыва. Получил в это время письмо от Ж[оржа], на которое нужно было ответить, а предварительно повидаться и поговорить с Д[аном] и М[артовым] на счет предложений или требований Ж[оржа]. Кроме того, тяжело переписываться по поводу конфликта и невольно откладываешь писание ответа, — раз он не имеет чисто делового характера, — с часу на час, а то и со дня на день.

Прежде всего об „угрозах". Я могу повторить Вам только то, что пространнее писал по этому пункту Ж[оржу]. Очень может быть, что Петров (М. И. Назарьев) не то думал, что мы вычитали в его письме (у меня его нет под руками). Но ведь я писал не о том, что Ж[орж] уже предпринял какие-нибудь шаги в смысле осуществления „угрозы". Но ведь у меня шла речь именно только о словах, а не о практических шагах. А что Ж[орж] на словах, — в минуты раздражения, — может идти дальше того, что он способен сделать на практике, — в этом мне приходилось не раз убеждаться. Да припомните, — ведь я перед уходом сказал Вам, что я и к обеду не пришел бы, если бы знал, что мне такие речи придется выслушивать; я Вам сказал, что мне тяжело заходить и едва ли зайду перед от'ездом. Почему? Именно из-за слов, которые не соответствуют его духовной природе, но которые невыносимо выслушивать. Как бы то ни было, искренне жалею, что так неверно понял Петрова и обобщил свои впечатления в словах, не соответствующих действительному смыслу заявлений Ж[оржа].

Но еще более странным я нахожу, что Вы вычитали в моих указаниях на то, что с точки зрения большевиков и инспирируемых ими иностранцев, Ж[орж] является лидером меньшевиков-„оппортунистов", что в этом указании Вы увидели „угрозу" Ж[оржу]. После того, как Дану пришлось неоднократно отпарировать на конференции здесь и прежде в России обвинения большевиками Ж[оржа] в „оппортунизме" — нам вдруг от имени Ж[оржа] (да и сам Ж[орж] в своем последнем

письмо) говорят, что мы находимся во власти оппортунических тенденций. Что может быть более законно и естественно, как указание,—в ответ на это,—на то, что общее мнение противников считает именно Ж[оржа] представителем и выразителем таких тенденций меньшевизма? А Вы увидели в этом указании „угрозу". Я прекрасно знаю, что Ж[оржа] угрозами не запугаешь. Да кроме того моей то природе „угрозы" во всяком случае претят.

Вы негодуете на то, что Ж[оржу] напоминают те или другие шаги его, которые осуждаются большевиками, как „оппортунистические". Да ведь опять таки эти напоминания делаются в ответ на упреки со стороны Ж[оржа] в оппортунистических грехах. Со стороны Ж[оржа] упреки эти в высшей степени несправедливы и до крайности странны. И все это из-за статьи Потресова в пятитомнике, к изданию которого коллегия „Г[олоса] С[оциал-Демократа]", как таковая, никакого касательства не имеет! Ведь Ж[орж] не привлекал ее тогда, когда дело со сборником только налаживалось или хотя бы когда Потресов привез свою статью. Даже когда я в первый раз приехал к Вам, еще речи не было о впутывании „Г[олоса] С[оциал-Демократа]" в историю со статьей Потр[есова] в чуждом нам издании. А когда оно уже отпечатано было, уже накануне выхода в свет,—Ж[орж] выступил с невыполнимым требованием задержки **н а м и** статьи в чужом издании. На посылку телеграммы,—для одной лишь видимости,—большинство не согласилось, не желая или считая это невозможным для себя, ибо поставило бы себя в нелепое положение. И **н а с т а и в а т ь** на таком шаге я не мог,—когда мне выяснили фиктивность его и последствия.

Вы удивляетесь, как это я, несмотря на 30-летнюю близость к Жоржу и на проявленные Вами обоими уважение и симпатию ко мне, все-таки становлюсь на сторону Март[ова] и Дана. Мне кажется, что именно этот факт должен был бы Вас и Ж[оржа] заставить призадуматься и навести на мысль о том, что Вы чересчур суб'ективны в оценке этого и прежних конфликтов. Одно из двух: или я действую под влиянием мелких личных расчетов. Но какие же выгоды для меня,—против своей совести,—стать на их сторону вместо того, чтобы идти

во всем за Ж[оржем] и таким образом — немножко греться в лучах его славы? Или же я руководствуюсь не низкими мотивами, но в таком случае Вы и Ж[орж] должны были бы спросить себя: если и сам Павел, в течение чуть не ½ века шедший нога в ногу с Ж[оржем] становится в ряде конфликтов на сторону молодежи, — то нет ли все таки какого-нибудь крупного дефекта, ошибки или даже греха в его позиции?

Вы говорите об уважении ко мне. Признаюсь, не знаю, как совместить это с Вашим и Ж[оржа] представлением обо мне, как о человеке, обязанном быть непременно на какой-либо стороне, а не просто держаться мнения, которое может противоречить мнению одной из сторон и совпадать с мнением другой. Фактически Ж[орж] и не пытается никогда своевременно предупредить такое положение, при котором мне другого выхода не остается, кроме: или — наперекор моей совести — солидаризироваться с ним в таких случаях, когда я нахожу его действия или планы ошибочными, вредными; или же действуя по совести, оказаться на противоположной стороне. Если бы он хоть немного ценил во мне старого товарища, который до самого Лондонского с'езда, т. е. до его слепого увлечения Лениным, шел с ним durch dick und dünn [при всех обстоятельствах], то он бы еще до принятия каких нибудь шагов, способных вызвать конфликт, советовался бы со мною. Тогда, где только возможно, я бы мог воздействовать в большей или меньшей степени и на другую сторону в смысле уступок. Но обыкновенно, — как в данном случае, — я привлекаюсь, когда уже воз погряз в болоте, когда требование Ж[оржа] или невыполнимо совсем, или связано с целыми coup d'état [переворотом]. Например, еще когда мы с'ехались в Женеве, выход Март[ова] из редакции пятит[омника] был бы с грехом пополам, возможен, но Ж[орж] ничего не хотел слышать: „пусть задержут статью Потр[есова]", другого он знать не хотел...

Ужасно, когда подумаешь, на что тратятся время, силы (и средства: напрасная поездка в Женеву), здоровье!

Да, Ж[орж] меня прямо заставляет становиться не на его сторону, — если я не хочу в своих глазах морально пасть.

Жму Вашу руку.

Ваш П. А.

Дорогая Розалия Марковна[1])!

Уже заклеил было письмо и собирался опустить в ящик почтовый, как мне передали от Евгения [Л. Г. Дейча], что он получил от Вас письмо, в котором Вы выражаете удивление по поводу неполучения от меня ответа. Причину запоздания с ответом я указываю в своем письме, которое отправляю Вам с самым тяжелым чувством, т. к. живо представляю себе, как оно должно Вас огорчить. Но что же я могу сделать? Не ответить нельзя, а ответить иначе, как я это делаю, не в моей власти и противоречило бы элементарным требованиям моей совести. Именно моя долголетняя близость к Вам и Ж[оржу], именно мое преклонение перед его первоклассным талантом и его великими заслугами перед российским пролетариатом и социалдемократией, именно близкое товарищество побуждают меня так откровенно и искренно высказывать свое резко отрицательное отношение к позиции Ж[оржа] в истории с пятитомником. Я придерживаюсь изречения римлян в противоположном смысле: „Что позволительно быку (т.-е. среднему человеку), то не позволительно Юпитеру—крупному человеку“.

Примечание.

1. Это письмо было ответом на письмо Р. М. Плехановой [без даты]; в виду того, что это письмо существенно важно для понимания данного конфликта, то мы приведем его здесь полностью:

Дорогой Павел,

«Ваше письмо произвело на меня крайне тяжелое впечатление, — тяжелое потому, что ни тридцатилетняя близость к Жоржу, ни проявляемая им всегда и повсюду глубокая к Вам привязанность и уважение, не встречают в Вас того чувства дружбы и симпатии, которое позволило бы Вам различать, где говорят про Жоржа правду и где возводят на него напраслину. Вам передали такие слова, будто бы исходящие от Жоржа, которые привели меня в ужас, когда Вы мне написали об них. Я сейчас же сказала себе, что это ложь, что Ж[орж] не мог сказать и не мог грозить тем, что он вас всех, т.-е. всю редакцию «Голоса С.-Д.», об'явит оппортунистами перед заграничными товарищами. Это идет в разрез с его душой, с его нравственным обликом. Он сказал, и это его глубокое убеждение, что выступая в защиту Потресова редакция «Г[олоса] С.-Д.» скомпрометирует себя перед всем миром. Эти слова можно считать преувеличенными, можно с ними не согласиться, но это не значит, что он

«стоит об'явлением все оппортунистами» и т. д. Тяжело то, что слова Петрова дошли до Вас в искаженном виде (Петров уверял меня вчера и сегодня, что его слова исказили, что он писал именно так, как я передаю Вам), а еще тяжелее то, что Вы поверили этому и Вам не пришла в голову мысль, как она сейчас же пришла мне, что Жорж т а к сказать не мог.

Теперь поговорим о том, как можно было бы выпутаться из того impasse [тупика], в который стремится и «Голос [С.-Д.]», а отчасти и меньшевизм, вообще. По моему глубокому убеждению, маневры Дана и Мартова...

Статья Потресова не только бестактна, но и вредна... вредна тем, что сводит, если не на нуль, то на очень ничтожную величину значение революционного марксизма в деле деятельности «Группы Осв[обождения] Труда» и того подпольного, нелегального течения, которое было и создано и действовало с успехом до появления Струве и К°, т.-е. легального марксизма. Эти десять лет труда, борьбы, самопожертвования сводят если не на нет, то к чему то незначительному. Оставить это так те, которые видят это и которым дороги революционный марксизм и первые годы борьбы за него, не могут. Жоржу необходимо выступить с разбором статьи Потресова, указать ее недостатки, и как бы мягко он ни сделал это, урок будет чувствителен. Для спасения «Голоса» нужно спасти е д и н с т в о его духа—его редакции. Прилично ли, чтобы одновременно с Потресовым получил головомойку и Мартов, который, как редактор пятитомника, пропустил статью Потресова? Ясно, что нет. Выход один: спасти «Голос С.-Д.» и оставить пятитомник Потресову и К°, т. е. надо, чтоб Мартов под приличным предлогом оставил редакцию пятитомника и отныне так же, как и Жорж, выступал только в литерат[урных] предприятиях строго орто[доксально] маркси[стских], когда идет речь о «партийных выступлениях»...

Я говорю о «партийных выступлениях», так как по нашему, моему и Жоржа, глубокому убеждению, только большая строгость и выдержанность марксистского миросозерцания может, мало по малу, покончить с той сумятицей, которая царствует в головах нашей соц[иал]-дем[ократической] интеллигенции. А уничтожение этой сумятицы — необходимое условие создания действительно марк[систской] партии. Вы на это скажете: Жорж стоит за строгость, а «Товарищ», а «Современный Мир»? На это отвечу вот что *). Большая, решительная строгость и выдержанность в литер[атурно]-партийных органах (будь это газеты, журналы или сборники), не исключает того, что каждый сотрудник или редактор этих партий-

*) Последние две фразы вписаны между строк, на место зачеркнутого слова: «дальше». П р и м. р е д.

ных соц[иал]-дем[ократических] литературных органов может и даже должен в известных случаях воспользоваться той относительно широкой ареной, которую представляют собою при теперешних цензурных условиях только органы буржуазных*), прогрессивных партий (до правых кадетов). Отмежевавшись от направления этих газет, за своей собственной ответственностью, может выступить и ортодоксальный революционер марксист, если он считает необходимым выступить. Никакого вреда в смысле развития ложных понятий в читающей публике, интелл[игенции] и пролетариата, быть не может, так как в этих случаях менее важно то, где пишет, чем, что пишет автор статей... Жоржа с Прокоповичем никто не мог смешать, когда он писал в «Товарище», а между тем его выступления в «Товарище» по признанию большинства наших серьезных и искренних товарищей того времени, принесли неоценимую пользу родине вообще и соц[иал]-демо[кратической] партии в частности. Его «прокламации» к рабочим, требовавшие, в силу вещей, немедленного появления, были бы гласом вопиющего в пустыне, если бы они печатались в партийных листках или газетах, не имевших почти никакого распространения. Если большевики, или скорее хулиганские элементы из них, воспользовались этим, чтобы кричать «об измене», то на то они большевики и хулиганы, а товарищам нашим вторить им, по крайней мере, непристойно. То же самое и Сов[ременный] Мир. Жорж своим участием в «С[овременном] М[ире]» не опустился до него, а поднял С[овременный] М[ир] на такую высоту, что туда попросились и «невинные» по части участия в буржуазной литературе Мартов и Дан. Жорж им расчистил почву и не им упрекать Жоржа в участии в С[овременном] М[ире]. Жорж знает, что делает. Своими выступлениями в так называемых буржуазных органах он вносит соц[иал]-дем[ократический] свет и огонь. Жорж, несмотря на необходимость обращения к широкому читателю, был очень строг на счет выбора органа. Он выступал в «Товарище», потому что его поведение по отношению к соц[иал]-дем[ократии] было корректным и пока оно было корректным. Но как только он отказался напечатать статью, критиковавшую поведение кадетов в Думе в момент ареста наших депутатов, Жорж резко прервал и несмотря на просьбы Кусковой взять на себя отдел, в котором он был бы абсолютным хозяином, он вопреки просьбам и соблазнительным условиям отказался...

Вы, дорогой Павел, скажете, что все приведенное Вам известно, что упрекаете не Вы, не Мартов, не Дан, а большевики. Но раз этот упрек нелепый, то зачем им пугать Жоржа. Ведь его не запугаешь! Он знает, что делает, и каждый шаг его обдуман. К этому

---

*) Первоначально было «других партий». Прим. ред.

[illegible]ному] «Тов[арищу]» и «С[овременному] М[иру]» неоднократно прибегает Дан в своих письмах к Жоржу и Вы в личном разговоре и письме. Это раз навсегда надо оставить, потому что подобная аргументация не только не склонит Жоржа к миролюбивому настроению, а совершенно наоборот вызывает в нем тяжелое чувство сознания, что его даже самые близкие друзья не понимают, и что ему надо идти **одному**.

Все это, дорогой Павел, я решилась написать Вам, как близкому человеку, для устранения недоразумений и для уменьшения той тяжести, которая накопилась на душе последнее время... Мы все очень любим Вас, Жорж и я мы глубоко Вас уважаем, и нам очень тягостно, что во всех недоразумениях с товарищами Вы целиком становитесь на их сторону, проявляя большую несправедливость к Жоржу. А казалось бы, что долголетняя духовная связь должна была повести за собой полное взаимное понимание. Отчего его нет? Это глубокая трагедия.

Письмо это между нами. Ж[орж] об нем ничего не знает.
Ваша Роза.

P. S. Ваше письмо я переслала Ж[оржу], но раньше я передала ему его содержание и на основании этой передачи он просил задержать выход «Голоса С.-Д.» *). Я думаю, что можно было бы согласиться на выход Мартова из 5-титомника... На выход же Мартова из редакции «Голоса» Жорж **не может согласиться** по многим соображениям, о которых он, наверное, сам пишет. Предлог для выхода Мартова из 5-титомника можно найти такой, чтобы его не ставили в очень неловкое положение... Ведь можно не видеть молодому того, что видит старый, закаленный в борьбе товарищ.

---

* № 10—11, где должно было быть напечатано из'ятое позднее письмо Г. В. Плеханова о выходе из редакции «Голоса С.-Д.»
Прим. ред.

ОТ РЕДАКЦИИ

По причинам редакционно-технического характера в настоящем издании не могло быть помещено обещанное в т. I (стр. 205) особое приложение о переписке 1897—98 г.г. между П. Б. Аксельродом и С. Н. Прокоповичем.

В т. I „Переписки Плеханова и Аксельрода", на стр. 33, в комментариях сделано совершенно неверное указание на то, что Коберман стал впоследствии агентом полиции. Это указание не имеет под собой никакого основания, основано на ошибочной информации и совершенно неверно по существу. Редакция „Переписки" искренно сожалеет о допущенной ею ошибке и приносит свои извинения перед родными и близкими покойного Кобермана.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

К I и II тт.

А.

Б.

В.

Д

Е

Ж.

З.

И

К

Л.

О.

П

Р.

С.

Т.

Ч.

Ш

Щ.

Э.

Ю.

Я.

СОДЕРЖАНИЕ: